

S $\frac{44}{50}$

f. $\frac{44}{50}$

1-53

77
50
С. А. Ан—скій.

НАРОДЪ И КНИГА.

Опытъ характеристики народнаго читателя.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОЧЕРКА

НАРОДЪ И ВОЙНА.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-09563
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

УНИВЕРСАЛЬНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Л. А. СТОЛЯРЪ.

МОСКВА.—МСМХІІІ.

2010515779

МОСКВА — 1913.

Типографія и цинкографія Т/Д. „МЫСЛЬ“ Петровка, 17.

Дорогому

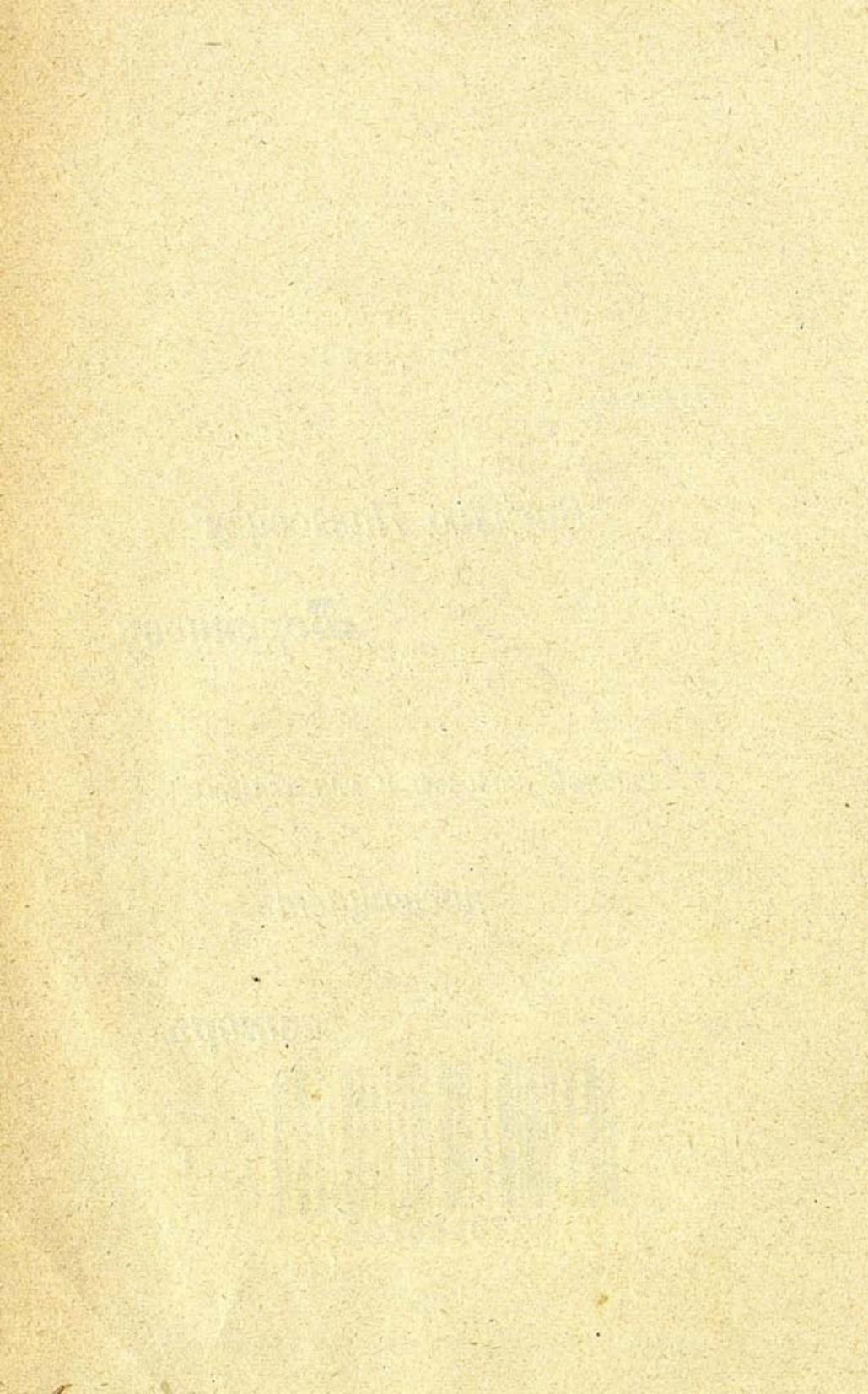
Василию Павловичу

Воронцову

съ глубокой любовью и уваженіемъ

посвящаетъ

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая читателямъ книга, составленная изъ очерковъ, значительно дополненныхъ и переработанныхъ, появившихся въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ въ различныхъ періодическихъ органахъ печати („Русское Богатство“, „Русская Школа“, Вѣстникъ Европы“, „Образованіе“, „Новая Жизнь“), является дальнѣйшимъ развитіемъ воззрѣній, изложенныхъ авторомъ въ его болѣе раннемъ трудѣ „Очерки народной литературы“, (1894 г.), изъ котораго въ настоящую книгу вошла одна глава („Что читать народу?“). Авторъ полагаетъ, что основной вопросъ, выдвинутый имъ 20 лѣтъ тому назадъ: „какая литература нужна народному читателю?“ не только еще не рѣшенъ, но именно въ настоящее время выступаетъ въ наиболѣе острой и настойчивой формѣ. Было бы глубоко ошибочно думать, что съ ростомъ политическаго самосознанія народа и развитіемъ дѣла народнаго школьнаго образованія, вопросъ народной литературы самъ собою рѣшается. Запросы народа на книгу, и его отношеніе къ ней относятся къ комплексу тѣхъ устойчивыхъ воззрѣній народной массы, которыя мѣняются не годами, а столѣтіями, да и то при коренномъ измѣненіи всего уклада жизни. Это можно видѣть на примѣрѣ Западной Европы, гдѣ, послѣ ряда революцій и долголѣтняго существованія всеобщаго школьнаго образованія, продолжаетъ существовать и процвѣтаетъ самая низменная лубочная литература, а произведенія классическихъ писателей остаются неизвѣстными и недоступными народному читателю.

Вопросъ о народной книгѣ—одинъ изъ основныхъ вопросовъ народной жизни, и правильное рѣшеніе его сдѣлается возможнымъ лишь тогда, когда будутъ изучены запросы народнаго читателя и его воззрѣнія на книгу.

Авторъ.

Петербургъ.

Январь 1913 г.

Народный читатель, какъ особый социальнопсихологическій типъ.

I.

Вопросъ о народномъ читателѣ, объ особенностяхъ его психологии, его запросовъ отъ книги и воззрѣній на нее, вопросъ, въ высшей степени интересный въ научномъ отношеніи и крайне важный въ смыслѣ практическомъ, былъ поднятъ въ нашей литературѣ уже довольно давно, но до сихъ поръ онъ еще не получилъ не только опредѣленнаго рѣшенія, но даже сколько-нибудь серьезной научной разработки.

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ Л. Н. Толстой, выступивъ въ своихъ «Педагогическихъ статьяхъ» съ рѣзкой критикой всей системы нашего школьнаго образованія, вмѣстѣ съ этимъ выдвинулъ и совершенно новый вопросъ о народномъ читателѣ и народной литературѣ.

Исходя изъ того взгляда, что «чувство правды, красоты и добра независимы отъ степени развитія», а потому вполне доступны простому народу, на какой бы ступени развитія онъ ни стоялъ,—Л. Н. Толстой останавливается надъ вопросомъ: почему же, въ такомъ случаѣ, народъ упорно не желаетъ знать ни нашей литературы, ни нашего искусства?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ нашелъ въ томъ, что наша литература, какъ и наше искусство, представляютъ собою не отраженіе абсолютной, общечеловѣческой правды, красоты и добра, а лишь отраженіе чувствъ и понятій («извращенныхъ», по мнѣнію Толстого) образованнаго меньшинства, «общества». У народа свое особое представленіе о правдѣ и добрѣ, свое особое пониманіе и чувство красоты—и, вслѣдствіе этого, онъ никогда не приметъ ни нашей литературы, ни нашего искусства.

Продолжительный опытъ чтеній народу произведеній великихъ писателей привелъ Л. Н. Толстого къ выводу, что «наша литература не прививается и не привѣтся народу», что всѣ наши «журналы и сочиненія

(Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Державинъ), несмотря на давность существованія, неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды»¹⁾, что «картина Иваница возбуждаетъ въ народѣ только удивленіе передъ техническимъ мастерствомъ, но не возбуждаетъ никакого, ни поэтического, ни религіознаго чувства, тогда какъ это самое поэтическое чувство возбуждено лубочною картинкой Юанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ. Венера Милосская возбуждаетъ только законное отвращеніе передъ наготой, передъ безстыдствомъ женщины. Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится непріятнымъ шумомъ... Лучшее произведеніе нашей поэзіи, лирическое стихотвореніе Пушкина, представится наборомъ словъ, а смыслъ его презрѣнными пустяками»²⁾.

Но если народу недоступна и не нужна литература «общества», то еще менѣе пригодна и желательна для него та quasi - народная литература, которая специально для него стряпается елейными моралистами или лубочными писаками. «Единственные же книги, понятныя для народа и по его вкусу, — заключаетъ Толстой, — суть книги, писанныя не для народа, а изъ народа, а именно. сказки, пословицы, сборники пѣсенъ, легенды, стиховъ, загадокъ и т. п.»³⁾.

Но, какъ ни богата сама по себѣ эта литература «изъ народа», ея, конечно, недостаточно для удовлетворенія всѣхъ духовныхъ, умственныхъ и эстетическихъ запросовъ народа, для расширенія его кругозора, для полного освѣщенія его жизни во всей ея сложности. И если литература общества не въ состояніи отвѣчать на эти запросы и нужды народа, то гдѣ же взять «книгу для народа?» Какъ создать истинно-народную литературу?

И Толстой снова принимается за изученіе этого сложнаго вопроса. Онъ ищетъ, не найдется ли въ литературѣ «общества» хоть что-нибудь годнаго для народа, онъ устраиваетъ провѣрочныя народныя чтенія, самъ начинаетъ писать для народа и издаетъ одну за другой нѣсколько книжекъ. Онъ обращается къ обществу съ призывомъ помочь ему въ этомъ. «Мы дѣлали, — пишетъ онъ, — и постоянно дѣлаемъ новыя попытки и новыя предложенія, опыты и рѣшенія вопроса... и просимъ всѣхъ тѣхъ, кому это дѣло близко къ сердцу, сообщить намъ свои предположенія, опыты и рѣшенія вопроса»... «Можетъ быть, есть переходная литература, кото-

¹⁾ «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Сочиненія, Т. IV, стр. 180.

²⁾ «Ясно-Полянская школа» за ноябрь и декабрь мѣсяцы. Пб., стр. 354.

³⁾ Пб., стр. 281.

рой мы не признаемъ только по недостатку знанія; можетъ быть, изученіе книгъ, ходящихъ въ народѣ, и взглядъ народа на эти книги откроетъ намъ тѣ пути, которыми люди изъ народа достигаютъ пониманія литературнаго языка. Такому изученію мы посвящаемъ особый отдѣлъ въ журналѣ («Ясная Поляна») и просимъ всѣхъ, понимающихъ важность этого дѣла, прислать намъ свои статьи по этому предмету»¹⁾. Еще опредѣленнѣе высказался Толстой относительно необходимости «изученія взгляда народа на книгу» въ предисловіи къ одной изъ изданныхъ имъ для народа книжекъ:

«Въ выборѣ повѣстей мы руководимся, на сколько можемъ, только опытомъ и не позволяемъ себѣ вѣрить нашему личному воззрѣнію». Въ виду этого, «мы намѣрены,—говорится далѣе,—предложить народу только то чтеніе, которое ему нравится... и на такомъ языкѣ, который бы весь безъ исключенія былъ понятенъ чтецу изъ народа».

Такимъ образомъ, еще въ 60-хъ годахъ Л. Н. Толстой не только опредѣленно поставилъ вопросъ о народномъ читателѣ, какъ объ особомъ психологическомъ типѣ, но и указалъ наиболѣе раціональный способъ изученія и рѣшенія этого вопроса.

Н. К. Михайловскій, посвятившій въ свое время «Педагогическимъ статьямъ» Толстого рядъ замѣчательныхъ по своей глубинѣ и яркости статей подъ названіемъ «Десница и шуйца гр. Толстого», свелъ также воззрѣнія Толстого на народъ вообще и народное образованіе въ частности къ вопросу о т и п а х ъ развитія.

По опредѣленію Н. К. Михайловскаго, Толстой, въ своихъ воззрѣніяхъ на задачи народнаго образованія вообще и народной литературы въ частности, исходитъ изъ того положенія, что народъ отличается отъ «общества» не только по степени, но и по типу своего развитія; и если въ первомъ отношеніи народъ стоитъ гораздо ниже общества, то опъ гораздо выше его во второмъ отношеніи, какъ типъ.

«Противъ насъ,—говоритъ авторъ «Записокъ профана», толкуя воззрѣнія Толстого,—стоитъ міръ грубости и невѣжества, въ которомъ однако есть задатки такой красоты, такой правды, такого добра, которыя при благоприятныхъ условіяхъ должны затмить насъ совсѣмъ, да и теперь уже отчасти затмеваютъ»²⁾. «Лукашка и Плюшка,—говоритъ онъ нѣ-

¹⁾ Пб., стр. 282.

²⁾ «Десница и шуйца гр. Толстого». «Записки профана». Сочиненія Т. III. стр. 503.

сколько раньше,—составляют для Толстого идеаль не въ смыслѣ предѣла, его же перейдеша, не въ смыслѣ высокой степени развитія, а въ смыслѣ высокаго типа развитія, не имѣвшаго до сихъ поръ возможности подняться на высшую ступень»¹⁾).

При подобномъ взглядѣ на народъ и общество передъ Л. Н. Толстымъ выступаетъ очень сложный вопросъ, который формулируется Михайловскимъ слѣдующимъ образомъ: «Въ народѣ лежатъ задатки громадной духовной силы, которые нуждаются только въ толчкѣ. Толчекъ этотъ можетъ быть данъ только нами, представителями «общества»: больше ему неоткуда взяться, а мы даже обязаны его дать. Но онъ долженъ быть данъ съ крайней осторожностью, чтобы какъ-нибудь не затоптать или не испортить лежащихъ въ народѣ зачатковъ силъ, а это тѣмъ возможнѣе, что сами мы—люди помятые, болѣе или менѣе искалѣченные, дорожащіе разнымъ вздоромъ²⁾, что мы съ нашей культурой и литературой принадлежимъ къ низшему типу развитія, чѣмъ народъ. И Толстой больше всего боится, какъ бы мы своимъ вмѣшательствомъ въ народную жизнь, вмѣсто того, чтобы «просто поднять развитіе народа на высшую ступень, не нарушая его гармоніи», не принялись прививать народу «свои перлы и алмазаны, объявивъ все, чѣмъ онъ живетъ теперь, дрянью и глупостью»³⁾).

Этими опасеніями проникнуты всѣ разсужденія Толстого о народномъ образованіи и народной литературѣ; они, эти опасенія очень опредѣленно высказаны въ слѣдующихъ словахъ Толстого: «Введите дитя народа въ этотъ міръ (міръ культурнаго общества),—вы это можете сдѣлать и постоянно дѣлаете посредствомъ іерархіи учебныхъ заведеній, академій и художественныхъ классовъ,—онъ прочувствуетъ, и прочувствуетъ искренно и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартетъ Бетховена, и лирическое стихотвореніе Пушкина. Но, войдя въ этотъ міръ, онъ будетъ дышать уже не всѣми легкими, уже его болѣзненно и враждебно будетъ хватывать свѣжій воздухъ, когда ему случится вновь выйти на него»⁴⁾. Приводя утвержденіе Толстого, «что пѣсня «о Ванькѣ-Ключникѣ» и напѣвъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» выше любого стихотворенія Пушкина и симфоніи Бетховена, Н. К. Михайловскій продолжаетъ: «Безъ сомнѣнія

1) Пб., стр. 500.

2) Пб., стр. 515

3) Пб., стр. 527.

4) «Ясно-Полянская школа», стр. 354—5.

въ «Ванькѣ-Ключникѣ» и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» нѣтъ той гонкости и разнообразія отдѣлки, нѣтъ даже той односторонней глубины мысли и чувства, какими блестятъ Пушкинъ и Бетховенъ, они ниже послѣднихъ въ смыслѣ ступеней развитія, но они принадлежатъ къ высшему типу развитія, находящемуся пока на низкой ступени, но могущему имѣть свой прогрессъ. Эту возможность развитія, болѣе широкаго и глубокаго, чѣмъ какимъ вы обладаете сами, вы отнимите, если вамъ удастся подсунуть народу Пушкина, вмѣсто «Ваньки-Ключника» и Бетховена, вмѣсто «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», вы оберете мужика въ духовномъ отношеніи, прямо сказать, ограбите его. Ограбите даже въ томъ случаѣ, если вамъ удастся всучить мужику именно такіе свои перлы и алмазны, какъ Пушкинъ и Бетховенъ. Но вѣрнѣе предположить, что народъ получитъ не ихъ, а что-нибудь вродѣ «послѣдняго слова куплетистики»¹⁾.

II.

Взгляды Толстого на народъ и народное образованіе, высказанные въ такой рѣзкой и опредѣленной формѣ, вызвали въ свое время цѣлый переполохъ въ средѣ педагоговъ, цѣлую бурю въ либеральной печати. По своей смѣлости, новизнѣ и неожиданности взгляды эти показали большинству либеральныхъ критиковъ, по выраженію самого Толстого, «дикими» и «противными всему свѣту».

Однако, при внимательномъ взглядѣ, оказывается, что воззрѣнія Толстого на народъ, какъ на особый психологическій типъ, и утвержденіе, что литература общества не пригодна и не нужна для народа, даже въ то время далеко не были такими «противными всему свѣту»; оказывается, что они, напротивъ, раздѣлялись лучшими представителями русской общественной мысли тогдашняго времени, Добролюбовымъ и Писаревымъ, которые оба очень опредѣленно подчеркивали коренное различіе въ психологій народнаго и культурнаго читателей и, вслѣдствіе этого, признавали, что произведенія нашихъ великихъ писателей не только недоступны, но и непригодны для народа.

«Народу,—писалъ въ началѣ 60-хъ гг. Добролюбовъ,—къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковского, паремій Державина... даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа». Но если наша литература

¹⁾ Десница и шуйца гр. Толстого, стр. 516.

когда-нибудь даже и дойдетъ до народа, она тоже его не заинтересуетъ и не принесетъ ему большой пользы. «Массѣ народа чужды наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ, за немногими исключеніями, въ интересахъ кружка болѣе или менѣе незначительнаго; оттого, обыкновенно, взгляды нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ парціальности»¹⁾).

То же самое, еще въ болѣе категорической формѣ высказываетъ и Писаревъ:

«Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ,—говоритъ онъ,—не могли проникнуть творческой мыслью исключительно въ народное міросозерцаніе, потому что все ихъ вниманіе было поглощено анализомъ окружающей ихъ полурусской среды... Нашей поэтической пропаганды народъ не пойметъ, потому что мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ, живемъ въ двухъ разныхъ сферахъ, и въ умственныхъ нашихъ интересахъ не имѣемъ ни одной... точки соприкосновенія». «Эстетическія понятія наши расходятся также сильно съ понятіями нашего народа... Словомъ, разстояніе между нашими воззрѣніями и наклонностями до сихъ поръ еще такъ велико, что оно исключаетъ всякую возможность взаимнаго пониманія»²⁾).

Н. К. Михайловскій останавливался такъ подробно и съ такимъ глубокимъ вниманіемъ на воззрѣніяхъ Толстого не только потому, что эти

1) «О степени участія народности въ развитіи русск. литер.» Соч. Т. I, стр. 528.

2) «Народныя книжки». Сочиненія Т. IX, ст. 41—42. Съ нѣсколькой стороны подходитъ къ этому вопросу Скабичевскій; но и онъ приходитъ къ выводу относительно непригодности произведеній нашей литературы для народа. «Ручаетесь ли вы,—обращается онъ къ проповѣдникамъ передачи литературы общества народу,—что для народа будутъ годны тѣ изящныя произведенія, которыя выходятъ въ настоящее время? Оглянемся назадъ и посмотримъ, сколько различныхъ литературныхъ школъ пало безвозвратно, смѣнившись новыми школами? Станетъ ли народъ читать, а если станетъ, найдетъ ли что-нибудь поучительное въ разныхъ произведеніяхъ нашей литературы ложно-классическихъ, романтическихъ, идеалистическихъ и проч.?.. Что же такое всѣ эти произведенія, какъ не капиталы, безслѣдно похороненные въ архивной пылинкѣ библіотеки... «Всѣ наши стремленія къ народности въ литературѣ,—заканчиваетъ онъ свою статью,—служатъ только препюдіями къ движенію въ этомъ духѣ, которое должно послѣдовать, когда... изъ самой массы народа явятся пѣвцы ея нужды, стремленій, радостей и страданій». («Народники беллетристы». «Живая струя». Спб. 1888, стр. 7 и 44).

воззрѣнія были высказаны великимъ писателемъ, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ, въ общемъ, вполне согласенъ съ ними, потому что онъ видитъ въ «точкѣ зрѣнія гр. Толстого» его «десницу», «свѣжую и здоровую часть его воззрѣній»¹⁾).

Помимо того, что Н. К. Михайловскій во всѣхъ своихъ статьяхъ о педагогическихъ теоріяхъ Толстого выступаетъ горячимъ защитникомъ воззрѣній Толстого по вопросу о народномъ читателѣ и литературѣ для народа, онъ и прямо отъ себя неоднократно очень опредѣленно высказываетъ тѣ же мысли о возможности передачи литературы общества народу. Говоря о томъ, что «статья чисто народнымъ писателемъ... дѣло крайне трудное въ техническомъ отношеніи», онъ заявляетъ, „что теперешняя наша литература, вообще говоря, не прививается и не при- вьется народу». Онъ, правда, допускаетъ, что въ этомъ отно- шеніи существуютъ исключенія, примѣромъ которыхъ онъ беретъ раз- сказы Толстого «Кавказскій плѣнникъ» и «Богъ правду видитъ», на- писанные первоначально не для народа. «Однако,—продолжаетъ онъ,— народнымъ писателемъ гр. Толстой не сдѣлался не только потому, что нашелъ въ педагогич. иной способъ оплаты за эксплуатацію, въ которой онъ участвуетъ наравнѣ съ другими писателями. Тутъ есть и другая причина. Кругъ его умственныхъ интересовъ и слишкомъ широкъ и слишкомъ узокъ для роли народнаго писателя. Съ одной стороны, онъ владѣетъ запасомъ образовъ и идей, недоступныхъ народу по своей вы- сотѣ и широтѣ. Съ другой стороны, онъ, какъ человѣкъ извѣстнаго слоя общества, слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу мелкія узкія радости и тревоги этого слоя, слишкомъ ими занятъ, чтобы отказаться отъ поэтическаго ихъ воспроизведенія... Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко кому дано счастье писать для народа»²⁾).

Но если Михайловскій не признаетъ даже за Толстымъ способности стать народнымъ писателемъ, то онъ, конечно, не можетъ признать год- нымъ для народа литературу общества, даже произведенія первоклас- сныхъ художниковъ. «У насъ, на примѣръ,—говоритъ онъ,—часто на- зываютъ Пушкина общечеловѣческимъ поэтомъ. Это замѣчательно не- вѣрно. Пушкинъ есть поэтъ по преимуществу дворянскій, и потому его способенъ принять близко къ сердцу и образованный нѣмецъ, и обра- зованный французъ, и средней руки русскій дворянинъ. Но ни русскій

1) «Записки профана», стр. 459.

2) Пб., стр. 492—3.

купецъ, ни русскій мужикъ ему большой цѣны не дадутъ¹⁾. Тотъ кругъ идей и чувствъ, который волновалъ современнаго ему средняго дворянина, Пушкинъ исчерпалъ вполне и блистательно. Можно удивляться тонкости его анализа, законченности образовъ, можно, пожалуй, любоваться, какъ глубоко залѣзаетъ онъ иногда въ дворянскую душу, можно, наконецъ, восхищаться красотой его выраженій и смѣха, но все это возможно только намъ, образованнымъ людямъ, «обществу». Допустимъ, что онъ блистательно разработалъ всѣ мотивы нашей жизни, чего однако допустить нельзя, но онъ разработалъ мотивы только нашей жизни, жизни извѣстнаго, спеціальнаго слоя общества, на которомъ свѣтъ не клиномъ сошелся»²⁾.

Останавливался на вопросѣ о народномъ читателѣ, и останавливался съ свойственной ему глубиной и оригинальностью и Гл. Ив. Успенскій. Считаая народъ особымъ социальнo-психологическимъ типомъ, Успенскій указываетъ на существованіе кореннаго различія въ психологiи и эстетическихъ потребностяхъ «мужика» и «барина». Для крестьянина

1) Очень характерно, что эту же мысль почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказалъ 35-ю годами раньше гениальный предшественникъ Добролюбова и Михайловскаго. Въ 1841 г. Бѣлинскій писалъ: «Русская (т. е. народная) пѣсня сильно дѣйствуетъ на русскую душу, но нѣма для иностранца и непереводима ни на какой другой языкъ». А съ другой стороны, «русскій мужикъ не пойметъ Пушкина, но за то Пушкинская поэзія доступна всякому образованному иностранцу и удобопереводима на всѣ языки». (Сочиненія Т. V., стр. 31). Любопытно и мнѣніе Ө. Бу-слаева по этому вопросу: «Стремленіе нашихъ образованныхъ писателей сойтись съ народностью,—писалъ онъ въ 1861 г.,—не приводило къ удовлетворительнымъ результатамъ... Сколько внутренней борьбы, сколько усилій нужно было сдѣлать гениальнѣйшему изъ русскихъ поэтовъ, чтобы отъ аристократическаго письмаца, испещреннаго для выраженія большей искренности и точности французскими фразами, возвыситься до драмы «Русалка» или до «купца Остолопа?» Но принесли ли эти усилія желанный плодъ? Свыклась ли съ народностью та индифферентная публика, улыбкою которой такъ дорожилъ Пушкинъ? Или онъ хотѣлъ только развлекать ея равнодушіе своею способностью принимать на себя какой угодно видъ, хотя бы дунайскаго славянина или русскаго мужичка, распѣвающаго свои духовные стихи и историческія былины? Отозвался ли, наконецъ, простой грамотный людъ сочувствіемъ на эти національныя стремленія, или же ему стихи Пушкина остались такъ же чужды, какъ трагедія Сумарокова и оды Петрова?» («О русскихъ народныхъ книгахъ и лубочныхъ изданіяхъ». „Отеч. Зап.“. Т. СXXXVIII).

2) Пб., стр. 526.

главнымъ источникомъ эстетическихъ эмоцій является земледѣльческій трудъ, поэзія котораго совершенно недоступна человѣку изъ общества. И исходя изъ этого взгляда, Гл. Успенскій находитъ, что во всей нашей литературѣ нѣтъ, за исключеніемъ Кольцова, ни одного художника, произведенія котораго отвѣчали бы эстетическимъ запросамъ народа. «Никто, не исключая и самого Пушкина,—пишетъ Г. И. Успенскій,—не трогаль т а к и х ъ (курсивы автора) поэтическихъ струнъ народной души, народнаго міросозерцаія, воспитаннаго исключительно на условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы находимъ у поэта-прасола. Спрашиваемъ, что могло бы вдохновить хотя бы и Пушкина, при видѣ пахущаго пашню мужика, его клячи и сохи? Пушкинъ, какъ человѣкъ инаго круга, могъ бы только скорбѣть, какъ это и было, объ этомъ труженикѣ, «влачащемся по браздамъ», объ ярмѣ, которое онъ несетъ и т. д. Придетъ ли ему въ голову, что этотъ кое-какъ въ отрпенья одѣтый рабъ, влачащійся по браздамъ, босикомъ бредущій за своей кляченкой, чтобы онъ могъ чувствовать въ минуты этого тяжкаго труда что либо, кромѣ сознанія его тяжести?» А между тѣмъ, этотъ пахарь находитъ въ своемъ трудѣ очень много поэзіи, массу эстетическаго удовлетворенія, которыя дѣлаютъ для него трудъ интереснымъ, захватывающимъ, веселымъ. И Успенскій спрашиваетъ: «Человѣкъ, такъ своеобразно, полно понимающій, живущій непонятными для меня и васъ, образованный читатель, вещами, пойметъ ли онъ меня, если я къ нему подскочу съ разговорами на темы, интересныя только для насъ?»

«Для меня стало совершенно яснымъ,—заканчиваетъ онъ,—что творчество въ земледѣльческомъ трудѣ, поэзія его, его многосторонность,—составляютъ для громаднаго большинства нашего крестьянства жизненный интересъ, источникъ работы мысли, источникъ, едва ли даже не всѣхъ его отношеній, частныхъ и общественныхъ»¹⁾.

Что касается непосредственнаго вопроса о пригодности литературы общества для народа, то о немъ мы находимъ у Г. И. Успенскаго слѣдующее сужденіе: «Существующая литература, ни лубочная, ни такъ называемая изящная, одинаково не могутъ служить пособіемъ для дальнѣйшаго, послѣ новой школы, развитія, главное, не могутъ попадать

¹⁾ „Поэзія земледѣльческаго труда“. Соч. Т. II, стр. 542—3. Приблизительно такое же различіе между эстетическими воззрѣніями и запросами народа и общества дѣлаетъ и Н. Г. Чернышевскій въ статьѣ „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. (См. стр. 6—8).

новому грамотному въ руки, лубочная литература по своей глупости, изящная по дороговизнѣ и, пожалуй, нѣкоторой ненужности: все въ этой литературѣ посвящено чуждымъ интересамъ, иному міру, чѣмъ міръ грамотнаго пахаря»¹⁾).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что лучшіе представители русской общественной мысли, почти всѣ, безъ исключенія, выдѣляли народъ—вѣрнѣе, крестьянство — въ особый, социальнo-психологическій типъ и считали, что литература общества, даже такіе ея перлы и алмазны, какъ произведенія Пушкина, недоступны и непригодны для народа.

III.

Первую изъ своихъ педагогическихъ статей, появившихся въ 1861 г., Л. Н. Толстой закончилъ словами: «Мы бы не дерзнули высказать столь противныя всему свѣту убѣжденія, если бы должны были ограничиться разсужденіями этой статьи, но мы чувствуемъ возможность шагъ за шагомъ и фактъ за фактомъ доказать приложимость и законность нашихъ, столь дикихъ убѣжденій»²⁾). Эта оговорка очень характерна въ устахъ Толстого, который, по выраженію Михайловскаго, поражаетъ своею «истинно замѣчательною смѣлостью». Толстой прекрасно сознавалъ, что своей новой теоріей въ педагогикѣ онъ выступаетъ не только противъ устарѣлыхъ педагогическихъ воззрѣній, но и противъ основного базиса всей «либеральной» программы тогдашняго времени.

Какъ извѣстно, юридическимъ освобожденіемъ крестьянъ еще далеко не была закончена борьба противъ крѣпостничества. И послѣ 61 г. крѣпостническая партія представляла собою огромную сплоченную силу, которая вскорѣ стала у власти и постепенно принялась поворачивать назадъ «колесо исторіи», сводить на шѣтъ «великія реформы». Либеральная партія въ своей борьбѣ противъ крѣпостническихъ тенденцій опиралась, главнымъ образомъ, на тезисъ, выдвинутомъ еще въ 40-хъ годахъ и получившемъ въ 61 г. нѣкоторую юридическую санкцію: «Крестьянинъ такой же точно человекъ, какъ и всѣ люди». Тезисъ этотъ сдѣлался какъ бы боевымъ лозунгомъ «либеральнаго народничества», и всякое посягательство на него, всякая, хотя бы малѣйшая попытка указать на коренное отличие крестьянина отъ человека

¹⁾ „Голодная смерть“. Соч. Т. I, стр. 658.

²⁾ «Педагогич. статьи». Соч. Т. IV, стр. 32.

культурнаго общества встрѣчалась, какъ посягательства на человѣческія права крестьянина, какъ крѣпостническая теорія. И Толстому, въ самомъ дѣлѣ, понадобилось очень много мужества и «истинно замѣчательной смѣлости», чтобы въ это самое время «дерзнуть» выступить открыто съ заявленіемъ: «Нѣтъ! Крестьянинъ совершенно не «точно такой же» человѣкъ, какъ мы, люди культурнаго общества. Онъ кореннымъ образомъ отличается отъ насъ не только по степени, но и по типу своего развитія».

И эти взгляды Толстого въ самомъ дѣлѣ не были поняты, показались и «дикими», и «дерзкими», и крѣпостническими. Изъ либеральнаго лагеря на Толстого посыпался цѣлый градъ самыхъ тяжкихъ обвиненій. Его смѣшали, по выраженію Михайловскаго, «если не прямо съ прязью, то хоть съ г. Цвѣтковымъ», крѣпостникомъ съ окраской «русскаго безногаго клерикализма».

Насколько въ русскомъ обществѣ укоренился страхъ передъ какимъ бы то ни было посягательствомъ на священную формулу: «крестьянинъ точно такой же человѣкъ, какъ всѣ люди», можно судить по слѣдующему. Когда, уже въ 90-хъ годахъ, снова было поднятъ вопросъ о народѣ, какъ объ особомъ социальномъ-психологическомъ типѣ, и пишущимъ эти строки было подробно развито мнѣніе (въ кн. «Очерки народной литературы») о недоступности и непригодности литературы общества для народа, противъ этого снова было выдвинуто обвиненіе въ крѣпостничествѣ. И характерно, что это обвиненіе было высказано писателемъ, по своимъ воззрѣніямъ очень далекимъ отъ «яснолובהго либерализма», писателемъ, котораго, какъ мы увидимъ ниже, обширное знакомство съ народнымъ читателемъ заставило выдѣлить этого читателя въ особый психологическій типъ. Мы говоримъ о Н. А. Рубакинѣ.

«По отношенію къ книжкамъ беллетристическаго содержанія,—писалъ онъ,—до сихъ поръ упорно держится и отражается на дѣлѣ спеціально-русскій взглядъ, что для народа должна существовать особая литература, упрощенная, потому что эстетическія и всякія другія тонкости народу недоступны... Грустно становится, когда приходится опровергать это коренное заблужденіе, столь распространенное даже среди несомнѣнно доброжелательныхъ для народа людей. (См. Ап—скій «Очерки народной литературы»). Присматриваясь къ этимъ взглядамъ, продолжаетъ онъ дальше, «вы не безъ удивленія замѣчаете въ этомъ «ученіи объ особой литературѣ для народа», нѣчто старое, нѣчто знакомое; вамъ вспоминается, еще не истершееся изъ памяти народной, раз-

дѣленіе людей «на бѣлую кость» и «черную кость». Переживаніе старыхъ воззрѣній еще удерживается въ области литературы. Бѣлой кости доступны и наука, и искусство, всѣ тонкости эстетики; черная кость всего этого лишена,—это нѣчто невѣжественное, грубое, безъ образованія, неспособное подняться до отвлеченныхъ сужденій. Черной кости нужно все «разжевать да въ ротъ положить, да смотрѣть, какъ бы не подавилась, глотая». Слушая разсужденія объ «особой литературѣ», спрашиваешь себя: что это, трактованіе ли деревенскихъ читателей свысока или незнаніе ихъ?» и т. д.¹⁾

Какимъ красивымъ и гуманнымъ ни казался бы съ перваго взгляда либеральный тезисъ о томъ, что народъ кореннымъ образомъ ничѣмъ не отличается отъ общества, онъ, этотъ тезисъ, въ концѣ концовъ сводится къ полному игнорированію запросовъ и стремленій самого народа, къ признанію всѣхъ особенностей его жизни презрѣнными пустяками, результатомъ одного только невѣжества и грубости. Вѣдь, признавая равенство народа съ обществомъ, въ отношеніи т и п а развитія, либералы не могутъ не признавать, что по степени своего развитія народъ стоитъ ниже общества. И изъ этого можетъ быть сдѣланъ одинъ только выводъ: народъ долженъ быть «поднятъ» до уровня культурнаго общества, и все, что въ народной жизни противорѣчитъ этому «подъему», должно быть исключено и уничтожено, какъ нѣчто безусловно реакціонное.

Этого именно «либеральнаго» взгляда на народъ придерживались и отчасти продолжаютъ придерживаться чуть ли не всѣ наши педагоги и практическіе дѣятели по народной литературѣ. Эти педагоги, писатели и дѣятели, конечно, видѣли и знали, что народъ иначе относится къ книгѣ, предъявляетъ ей особые запросы и по своему ее понимаетъ, но все это было поставлено исключительнo только за счетъ народнаго невѣжества. Со всѣми этими особенностями народнаго читателя считали нужнымъ бороться, но не считали нужнымъ даже изучать ихъ. Напротивъ, дѣятели и писатели по народной литературѣ, передъ которыми постоянно носился призракъ (довольно таки реальный!) крѣпостника, завывающаго о томъ, что «народу не школа и не книга нужна, а розга»,—старались скрыть, затуманить эти особенности народнаго читателя, старались такъ сказать «реабилитировать» этого читателя. Въ одномъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ по педагогической литературѣ 70-хъ годовъ, въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературѣ», составленномъ цѣлою плеядой спе-

¹⁾ «Этюды о русской читающей публикѣ». Спб. 1895 г., стр. 142—144.

циалистовъ, говорится о воспитательномъ значеніи произведеній великихъ писателей для народа, о томъ, что эти произведенія «могутъ о ч е л о в ѣ ч и т ь народъ», въ этомъ «Обзорѣ», какъ и въ другихъ статьяхъ по народной литературѣ того времени, ни однимъ словомъ не упоминается ни объ особенностяхъ народного читателя, ни о его запросахъ, ни о его вкусахъ.

Въ теченіе четверти вѣка, со времени освобожденія крестьянъ до середины 80-хъ годовъ, появились десятки народно-издательскихъ предприятий. За изданіе народныхъ книгъ брались и педагоги, и общественные дѣятели. правительственныя и общественныя учрежденія, комитеты и комиссіи. Издавались для народа книги и газеты, сказки и нравоучительные рассказы, отрывки изъ произведеній великихъ писателей и специально для народа сочиненные рассказы и т. д., и т. д. Каждая изъ этихъ издательскихъ фирмъ конечно имѣла свою программу, преслѣдовала свою цѣль, но, за единичными исключеніями, руководители ихъ не только не обладали знаніемъ народного читателя, но и не считали обязательнымъ и нужнымъ такое знакомство. Да и зачѣмъ подобное знакомство съ читателемъ? Вѣдь дѣло не въ этомъ читателѣ, не въ его запросахъ, а въ томъ, чтобы найти средство заставить его читать Пушкина и Гоголя вмѣсто «Бовы Королевича» и «Еруслана Лазаревича». А заставить его это сдѣлать совсѣмъ не трудно: надо только дать ему въ дешевомъ, очень дешевомъ изданіи произведенія нашихъ великихъ писателей. Можетъ ли быть сомнѣнія въ томъ, что онъ тогда самъ откажется отъ безсмысленной и дрянной лубочной книжки?

Въ началѣ 60-хъ годовъ одинъ изъ первыхъ писателей для народа, А. Ѳ. Погосскій, обращаясь къ лубочнымъ издателямъ «съ покорной просьбой отъ имени всего честнаго и малограмотнаго народа» начать издавать вмѣсто «ветхой и гнилой дряни», произведенія Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, прибавляетъ при этомъ съ большей увѣренностью: «Еще года-два, и каждый грамотный мальчишка посмѣется надъ купцомъ, который предложитъ ему какую-нибудь «Страшную вѣдьму», «Бову Королевича», «Еруслана Лазаревича» и т. п. деревенскихъ дураковъ»¹⁾.

Такимъ образомъ, повторяемъ, вопроса о пригодности литературы общества для народа ни педагоги, ни писатели, ни дѣятели по на-

¹⁾ Приводится въ статьѣ Е. Некрасовой «Народныя книги для чтенія въ 25-лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями». «Сѣверный Вѣстникъ» 1889 г. № 5.

родной литературѣ совершенно не ставили, и ихъ взглядъ на этотъ вопросъ можетъ быть резюмированъ нѣсколькими словами одного изъ критиковъ книги «Что читать народу?»

«Что читать народу?—вопрошаетъ этотъ критикъ.—Да развѣ объ этомъ есть что спрашивать? Не разрѣшается ли этотъ вопросъ очень просто самъ собою? Во всемъ что считаетъ для себя полезнымъ и разумнымъ интеллигенція, — она, вѣроятно, не скажетъ народу, т.-е. необразованной массѣ. Цѣль народнаго чтенія, во всякомъ случаѣ, поднять образованіе этой массы, воспитать ее въ духѣ началъ, какія вездѣ признаны образованнымъ обществомъ» ¹⁾).

Народный читатель оказался однако болѣе упорнымъ, чѣмъ того ожидали педагоги, издатели и большинство писателей о народной литературѣ, и объ это упорство въ теченіе цѣлой четверти вѣка разбивались всѣ народно-издательскія начинанія, всѣ попытки передать народу литературу общества. Народъ систематически отворачивался отъ новой книги, не хотѣлъ ее ни понять, ни принять, ни признать—и продолжалъ по прежнему удовлетворять свой запросъ на чтеніе литературой Никольскаго рынка.

Такое систематическое и долготѣнее упорство народнаго читателя должно было въ концѣ концовъ заставить дѣятелей по народной литературѣ задуматься надъ вопросомъ, который они долгіе годы игнорировали и затушевывали. И разъ задумавшись надъ нимъ, они должны были притти къ единственному и самому очевидному способу его рѣшенія: обратиться къ самому народному читателю съ вопросомъ: какая книга ему нужна?

IV.

Первая попытка, послѣ яенополянскаго опыта Л. Н. Толстого, перенести вопросъ о народной литературѣ на судъ самого народа была сдѣлана кружкомъ учительницъ харьковской воскресной школы по иниціативѣ и подъ руководствомъ Х. Д. Алчевской.

Къ идеѣ подобнаго опыта харьковскія учительницы пришли не сразу, а постепенно. Ихъ, какъ и Л. Н. Толстого, привела къ этой идеѣ непосредственная дѣятельность на почвѣ ознакомленія взрослого народнаго читателя съ книгой.

¹⁾ В. Водовозовъ. «Замѣтка». «Вѣстн. Евр.» 1886 г. № 7.

Какъ извѣстно, харьковская воскресная школа, старѣйшая изъ существующихъ школъ этого типа, возникла еще въ 1870 г. Обращая особенное вниманіе на самостоятельное внѣклассное чтеніе ученицъ, учительницы, чтобы провѣрить, насколько усвоены прочитанныя книги, ввели систему «пересказа» прочитаннаго. Для облегченія такого пересказа былъ выработанъ для каждой книги рядъ вопросовъ. Затѣмъ учительницы завели «дневникъ», гдѣ отмѣчали результаты опросовъ. Затѣмъ онѣ стали записывать подробно отвѣты ученицъ, ихъ разсужденія о книгахъ, а также дѣлать свои отмѣтки и замѣчанія о доступности и пригодности книги, о впечатлѣніи, какое она произвела и т. п. Наконецъ, были введены и систематическія чтенія, о каждомъ изъ которыхъ составлялся подробный отчетъ. Убѣдившись, что подобнымъ путемъ можно опредѣлить пригодность и доступность книги и для другихъ категорій читателей изъ народа, кружокъ учительницъ, подъ руководствомъ Х. Д. Алчевской, сталъ устраивать въ 1880 г. въ своихъ и нѣкоторыхъ деревенскихъ школахъ, систематическія чтенія для взрослыхъ малограмотныхъ и неграмотныхъ крестьянъ и записывать дословно отзывы и разсужденія слушателей, а также наблюденія и выводы самой чтящицы относительно доступности и пригодности книги для народа. Накопившійся такимъ образомъ богатый матеріалъ харьковскія учительницы издали, въ слегка обработанномъ видѣ, въ двухъ объемистыхъ томахъ, изъ которыхъ первый появился въ 1882 г., а второй въ 1889 г. Эти оба тома заключаютъ въ себѣ разборъ 2.510 народныхъ книгъ, большая часть которыхъ была прочитана въ школьной или деревенской аудиторіи г-жи Алчевской. Въ 1906 г. вышелъ III-й томъ, въ которомъ помѣщенъ разборъ 1674 кн.

Въ предисловіи ко второму тому «Что читать народу?» Х. Д. Алчевская пытается опредѣлить цѣль и значеніе выполненнаго ею и подъ ея руководствомъ изслѣдованія: «Провѣряя книги съ читателями изъ народа,—пишетъ она,—мы обращали вниманіе не только на то, какъ была понята книга и насколько она усвоена, но и на тѣ мысли, которыя она навѣвала на нихъ, на тѣ сближенія, которыя они сдѣлали съ жизнью; даже самыя отклоненія въ сторону и замѣчанія, брошенныя вскользь, мы часто не считали удобнымъ опускать, находя, что все это, вмѣстѣ взятое, уясняетъ до нѣкоторой степени міровоззрѣніе слушателей и ихъ отношеніе къ книгѣ». (Курсивъ нашъ). «Мы... не считаемъ,—говорится далѣе,—чтобы наша книга давала категорическій и точно формулированный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: что читать народу? Вопросъ этотъ слишкомъ обширенъ

и требуетъ для всего разрѣшенія болѣе продолжительныхъ и главное болѣе широкихъ наблюденій, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣли въ своемъ распоряженіи» ¹⁾).

Если составительницы «Что читать народу?» далеко не такъ научно обставили свой опытъ и не такъ объективно отнеслись къ своей задачѣ, какъ того можно было ожидать по только что приведенному мѣсту изъ предисловія ²⁾, то это, однако, нисколько не умаляетъ значенія книгъ, какъ перваго опыта примѣненія къ изученію вопроса о народной литературѣ совершенно новаго метода. И въ этомъ отношеніи значеніе книгъ положительно огромное. Можно безъ преувеличенія сказать, что два тома «Что читать народу?» сдѣлали эпоху въ исторіи народной литературы.

Книги харьковскихъ учительницъ были встрѣчены въ печати очень сочувственно. Имъ были посвящены во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ статьи, статейки и замѣтки очень хвалебнаго свойства. Однако, не смотря на многочисленность этихъ статей и статеекъ, между ними не оказалось ни одной, которая дала бы сколько-нибудь обстоятельный критическій разборъ этихъ книгъ, которая указала бы на значеніе новаго метода изученія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ народной жизни, и сдѣлала бы попытку сгруппировать и пояснить заключающійся въ книгахъ матеріалъ. Въмѣсто всего этого въ десяткахъ газетныхъ и журнальных статеекъ повторялись какимъ-то приподнято-ликующимъ тономъ нѣкоторые выводы г-жи Алчевской о доступности и пригодности произведеній великихъ писателей для народа, чѣмъ и исчерпывалась вся «критика». Отъ всѣхъ этихъ статеекъ получалось, въ концѣ концовъ, слѣдующее впечатлѣніе: тайные и явные, сознательные и бессознательные крѣпостники, считающіе народъ «черной костью», «низшими существами», старались доказать, что наша литература недоступна и непригодна для народа. Чтобы опровергнуть эту клевету на народъ, г-жа Алчевская и предприняла свой опытъ и «неоспоримыми фактами блестяще доказала», что народъ «не такъ глупъ, какъ о немъ думаютъ», что все высокое и прекрасное ему не менѣе доступно, чѣмъ любому члену культурнаго общества. «Опытъ г-жи Алчевской доказаль», народъ «реабилитированъ», «клеветники» посрамлены.

¹⁾ Т. II. Предисловіе.

²⁾ На эти недочеты въ книгахъ «Что читать народу?» будетъ подробно указано въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

Послѣ такой блестящей побѣды надъ «сознательными и бессознательными крѣпостниками», вопросъ, казалось, долженъ былъ быть снятъ съ очереди. На практикѣ, однако, произошло обратное. Опытъ г-жи Алчевской не только не снялъ вопроса съ очереди, но именно поставилъ его на очередь. Послѣ появленія перваго тома «Что читать народу?» въ обществѣ и печати быстро возрастаетъ интересъ къ народной литературѣ и начинаются многочисленныя разнообразныя попытки изученія этого вопроса путемъ народныхъ чтеній, опросовъ и систематическихъ изслѣдованій¹⁾. Въ 1883 г. московское статистическое бюро по иниціативѣ В. И. Орлова занялось собираніемъ свѣдѣній по вопросу о народномъ чтеніи при помощи учителей, священниковъ, другихъ мѣстныхъ жителей. Въ слѣдующемъ году «проф. А. И. Чупровъ, отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ къ попыткѣ В. И. Орлова выяснитъ путемъ статистическаго изслѣдованія вопросъ о томъ, что читаетъ народъ, какія книги больше всего распространены въ его средѣ и какъ онъ относится къ нимъ.— выразилъ желаніе, чтобы и другія статистическія бюро включили въ программу своихъ изслѣдованій вопросы о книгахъ, распространенныхъ въ народной средѣ²⁾. Въ 1885 г. кн. Шаховской составилъ и напечаталъ «Программу для собиранія свѣдѣній о лубочной литературѣ». Черезъ два года, въ 1887 г., А. Пругавинъ также выступилъ съ «Программой для собиранія свѣдѣній о томъ, что читаетъ народъ». Въ 1889 г. подобную же, но болѣе разностороннюю программу составилъ и Н. А. Рубакинъ. Рядомъ съ земствами и частными лицами за это же дѣло взялись и народно-образовательныя учрежденія и редакціи нѣкоторыхъ педагогическихъ журналовъ. «Московскій Комитетъ Грамотности» и «Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности» организовали собираніе свѣдѣній о народной литературѣ по программамъ, ими составленнымъ; нѣкоторые педагогическіе журналы обратились къ бывшимъ ученикамъ народныхъ школъ съ вопросами: много ли они читали по окончаніи школы, что

¹⁾ Въ оживленіи всеобщаго интереса къ вопросу народной литературы немаловажную роль сыграло и то, что Л. Н. Толстой въ началѣ 80-хъ гг. началъ писать для народа, при чемъ, подъ его руководствомъ, была основана народно-издательская фирма «Посредникъ», начавшая издавать книжки «въ формѣ доступной массѣ и удовлетворяющей ея потребностямъ». Огромный, еще небывалый успѣхъ изданій «Посредника», среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли, конечно, рассказы Толстого, сильно содѣйствовалъ пробужденію интереса къ народной литературѣ.

²⁾ А. Пругавинъ. „Запросы народа“. Стр. 204—5.

именно читали, гдѣ доставали книги и т. д. Помимо этого во многихъ мѣстахъ стали устраиваться народныя чтенія по примѣру чтеній харьковскихъ учительницъ.

Вскорѣ стали появляться и результаты этихъ программъ и опросовъ: «Запросы народа» г. Пругавина, статьи г-жи Некрасовой, Рубакина, Яковлева, Щепотьевой и др., данныя о распространеніи книгъ въ той или иной мѣстности, отчеты о чтеніяхъ въ деревняхъ, на фабрикахъ, въ городскихъ аудиторіяхъ народныхъ чтеній и пр. Короче, въ какія-нибудь 10—12 лѣтъ вопросъ о народномъ читателѣ вызвалъ цѣлую литературу и занялъ опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ народной жизни.

Нельзя сказать, чтобы литература эта, въ цѣломъ, особенно выясняла вопросъ о народномъ читателѣ. Въ большинствѣ перечисленныхъ книгъ и статей приводятся данныя о характерѣ и распространеніи лубочной литературы, о различныхъ попыткахъ издательства для народа, о современномъ состояніи этого дѣла и т. п. И если въ этихъ статьяхъ затрагивался вопросъ о народномъ читателѣ, то только съ точки зрѣнія пригодности литературы общества для этого читателя, причемъ вопросъ этотъ большей частью рѣшался по традиціи, на основаніи «опыта г-жи Алчевской», конечно, въ благопріятномъ смыслѣ.

Однако, въ нѣкоторыхъ статьяхъ постепенно намѣчается другое отношеніе къ запросамъ народнаго читателя. Такъ, наприм., г. Пругавинъ, ставя вопросъ «Почему «хорошія книжки» не доходили до народа?» отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: «По нашему мнѣнію, главная причина этого заключается въ томъ, что лица, бравшіяся за изданія книгъ «для народа» въ сущности не знали этого народа, не знали условій деревенской среды, не знали потребности мужика, его привычекъ и вкусовъ, которые во всякомъ случаѣ необходимо было принять во вниманіе»¹⁾.

Гораздо дальше въ этомъ отношеніи пошелъ Н. А. Рубакинъ. Въ своихъ статьяхъ, вышедшихъ затѣмъ отдѣльной книгой, онъ ужъ прямо и опредѣленно ставитъ вопросъ о народномъ читателѣ, какъ объ особомъ соціально-психологическомъ типѣ. На этой сторонѣ его книги мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

v.

Выше мы указали, какъ отрицательно Н. А. Рубакинъ относится къ мнѣнію о необходимости для народа «какой-то особой литературы». Всѣ

¹⁾ Пб., стр. 119.

эти разсужденія о непригодности народу литературы общества и необходимости для него «особой литературы», на взгляд Рубакина, не болѣе какъ отклики стараго крѣпостническаго взгляда на народъ, какъ на «черную кость».

Однако, при всей рѣзкости отношенія Рубакина къ «ученію объ особой литературѣ» вопросъ о народномъ читателѣ для него не такъ уже простъ и ясенъ, какъ, напр., для В. Водовозова. Рубакинъ хорошо знаетъ, что вопросъ, что читать народу, не рѣшается «самъ собой», что вопросъ о «поднятїи народа до себя» не такая уже «слишкомъ элементарная истина». Возставая противъ всякихъ попытокъ отдѣлить народнаго читателя отъ читателя культурнаго, Рубакинъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ очень опредѣленно выдвигаетъ вопросъ объ особенностяхъ народнаго читателя, о его психологїи, запросахъ и особомъ отношенїи къ книгѣ.

Рубакинъ прежде всего останавливается на теорїи французскаго критика Геннекена, который старался доказать возможность научнаго изученія цѣлой соціальной группы лицъ по наблюденїямъ надъ тѣмъ, что и какъ они читаютъ и какъ на нихъ дѣйствуетъ та или иная книга, тотъ или иной авторъ; Геннекенъ старался доказать, что на основанїи такого изученія вполне возможно распредѣлить цѣлый народъ читателей на «длинный рядъ интеллектуальныхъ типовъ и, соотвѣтственно этому, на рядъ общественныхъ группъ, свойства которыхъ выражены въ терминахъ научной психологїи». Соглашаясь въ общемъ съ этой теорїей, Рубакинъ пишетъ: «Изученіе читающей публики имѣетъ не только историческій и соціологическій, но и психологическій интересъ. Читатели, какъ и всякія иныя явленія, поддаются классификаціи по ихъ духовной фізіономїи, на которую кладутъ свой отпечатокъ и племенные особенности, и соціальная среда, и данный историческій моментъ и т. д. Въ виду этого,—продолжаетъ онъ,—необходимо изслѣдованіе читателей, именно сравнительное изученіе читателей изъ разныхъ общественныхъ группъ или слоевъ, напр., читателей изъ привилегированныхъ классовъ и изъ народа»¹⁾.

И Рубакинъ въ самомъ дѣлѣ даетъ въ своей книгѣ, на основанїи богатаго матеріала, имѣвшагося въ его распоряженїи, общую характеристику различныхъ типовъ читателей, указываетъ ихъ отличительныя черты. Передъ нами проходятъ читатель европейскій и русскій, столичный и провинціальныи, читатель фабричный и буржуазный и т. д.

Переходя къ читателю изъ народа, въ особенности къ крестьянскому читателю, Рубакинъ не даетъ и даже не пытается дать характеристики

¹⁾ «Этюды о русской читающей публикѣ». Спб. 1895 г., стр. 4.

этого типа, считая, что для такой характеристики еще нѣтъ достаточно материала, и онъ настаиваетъ на необходимости самаго серьезнаго изученія этого типа читателя. «Если бы писатели для народа,—говорить онъ,—и вообще люди, причастные къ составленію «народныхъ» книгъ, болѣе глубоко взглянули на свою задачу, то они не оставили бы безъ вниманія отзывы своихъ читателей, присмотрѣлись бы къ нимъ, узнали бы мнѣніе о той или иной книгѣ этихъ самыхъ читателей. Познакомиться съ читателями изъ народа, прислушаться къ ихъ сужденіямъ, поучиться у нихъ—необходимо»¹⁾. То же самое повторяетъ онъ и дальше: «Изученіе читателей изъ народа имѣетъ не только огромный теоретическій интересъ въ смыслѣ изученія народнаго міровоззрѣнія,—оно имѣетъ, кромѣ, того, интересъ практической. Авторы должны прислушиваться и дорожить указаніями своихъ читателей». «Если тотъ, кто беретъ за трудъ составленія книжекъ для народа, не знаетъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ желаетъ бесѣдовать,—пусть онъ хоть дорожить указаніями, замѣчаніями, мнѣніями этихъ послѣднихъ и учится по нимъ. Эти мнѣнія безусловно необходимы составителямъ научныхъ книжекъ; эти мнѣнія полезны (курсивъ автора) и авторамъ беллетристическихъ произведеній, для созданія которыхъ первое условіе—талантъ». «Сведя все предыдущее къ одному,—резюмируетъ авторъ,—мы видимъ, какое огромное (если не рѣшающее) значеніе имѣетъ для составителей народныхъ книжекъ, прежде всего популярно-научныхъ, затѣмъ книгъ беллетристическихъ изученіе народа, какъ читателя. Для автора и издателей книгъ беллетристическихъ это изученіе разрѣшить такого рода пререканія, какъ пререканіе объ особой литературѣ для народа, о дѣтскомъ элементѣ въ народной литературѣ и о поучительной миссіи ея; оно-же можетъ удержатъ подчасъ отъ ошибокъ»²⁾.

Въ общемъ, «Этюды» Рубакина, несмотря на всѣ противорѣчія, которыя въ нихъ встрѣчаются, опредѣленно и широко ставятъ вопросъ о народномъ читателѣ, какъ объ особомъ социально-психологическомъ типѣ и выдвигаютъ необходимость всесторонняго изученія этого читателя. По-налобилось. такимъ образомъ, болѣе 30 лѣтъ практической дѣятельности на почвѣ народной литературы, многочисленныя неудачи и разочарованія, чтобы въ средѣ дѣятелей по народной литературѣ получилъ хоть нѣкоторое право гражданства взглядъ на народнаго читателя, ясно сформулированный въ началѣ 60-хъ годовъ Л. Н. Толстымъ.

1) Тамъ же, стр. 145.

2) Тамъ же, стр. 153.

VI.

До настоящаго времени у нас намѣчены и практикуются три научныхъ метода изученія народнаго читателя: статистическій, программный и народныхъ чтеній. Каждый изъ этихъ методовъ имѣетъ свое особое значеніе, свои достоинства и недостатки и поэтому, практикуясь одновременно, они могутъ пополнять другъ друга.

Первый методъ, статистическій,—механическое занесеніе въ таблицы числа издаваемыхъ разными фирмами книгъ для народа, числа требованій изъ народныхъ библиотекъ по отдѣламъ, названіямъ и авторамъ; количества и названія книгъ, встрѣчающихся у крестьянъ известной мѣстности, и т. п.—методъ самый простой и бесспорно-научный, но въ то же время и слишкомъ общій и недостаточный. Данные, получаемыя этимъ путемъ, ничего не говорятъ о томъ, какъ народный читатель понялъ ту или другую книгу, какъ онъ ее оцѣнилъ.

Второй методъ, программный, состоящій въ собираніи свѣдѣній путемъ письменной программы или устнаго опроса,—даетъ гораздо болѣе обширный матеріалъ, способный указать (въ особенности, если отвѣты даются непосредственно, письменно или устно самимъ народнымъ читателемъ), каково отношеніе народнаго читателя къ книгѣ, каковы его запросы, уровень литературнаго и эстетическаго развитія и т. д. Но и этотъ методъ не можетъ дать картины непосредственнаго впечатлѣнія книги на читателя, не можетъ отмѣтить тонкихъ и наиболѣе цѣнныхъ особенностей психологій народнаго читателя, уловимыхъ только при самомъ чтеніи книгъ народнымъ читателемъ¹⁾.

Самымъ разностороннимъ и «тонкимъ» методомъ изслѣдованія даннаго вопроса, является бесспорно методъ народныхъ чтеній съ записями отзывовъ слушателей и впечатлѣнія, произведеннаго книгою на аудиторію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это и самый сложный, самый трудный методъ.

¹⁾ Остановливаясь на этихъ двухъ методахъ изслѣдованія вопроса о народномъ читателѣ, Рубакинъ пишетъ: «Программы обращаютъ главное вниманіе на то, что читаетъ народъ, мало касаясь внутренней, задушевной, такъ сказать, стороны дѣла,—впечатлѣній, которыя производитъ такая-то книжка на такихъ-то читателей. Между тѣмъ, эта-то сторона особенно и важна. Много ли могутъ дать для изученія читателя списки книгъ, найденныхъ у крестьянъ? Разумѣется, кое-что они уясняютъ, но все-таки несомнѣнно, что по спискамъ нужно очень осторожно судить объ отношеніи деревенскихъ читателей къ книгѣ» (Ив., стр. 151).

Данныя, добытыя этимъ путемъ, только тогда имѣютъ неоспоримую научную цѣнность, когда чтеніе представляетъ собою прототипъ самостоятельныхъ чтеній народныхъ грамотѣевъ, когда вліяніе интеллигентнаго чтеца въ нихъ доведено до минимума. А такая постановка чтеній и самая трудная. Помимо того, что чтецу въ высшей степени трудно, почти невозможно воздержаться отъ объясненій, отъ выраженія своего мнѣнія, отъ исправленія ошибокъ въ пониманіи того или другого мѣста, положенія, типа и т. д., онъ, этотъ интеллигентный чтець, вліяетъ на уровень пониманія аудиторіи самымъ процессомъ хорошаго чтенія, давить на нее своей личностью, своимъ присутствіемъ, которое не позволяетъ народному читателю высказаться такъ свободно, какъ онъ привыкъ высказываться въ средѣ своихъ. Съ другой стороны, большое вліяніе на характеръ добытаго чтеніемъ матеріала имѣетъ и предвзятое мнѣніе чтеца. Нельзя запомнить и заносить на бумагу каждое слово, каждый жестъ слушателя. Запоминается только то, что чтецу кажется типичнымъ, интереснымъ. И если, какъ это случилось съ чтеніями въ аудиторіяхъ харьковскихъ учительницъ, чтець или чтица убѣждены, что, напр., произведенія великихъ писателей вполне пригодны для народа, если они страстно желаютъ, чтобы эти произведенія оказались и доступными и интересными для народа, то очень естественно, что, при всей добросовѣстности отношенія къ дѣлу, они скорѣе будутъ замѣчать и отмѣчать черты сходства между народнымъ читателемъ и культурнымъ, чѣмъ черты различія. Понадобится, вѣроятно, долготѣнній опытъ, пока рядомъ съ чтеніями дидактическаго характера выработается особый типъ народныхъ чтеній, совершенно объективныхъ, съ цѣлью изученія народного читателя.

Вопросъ о народномъ читателѣ требуетъ не только объективнаго, серьезнаго, но и всесторонняго изученія. Для какихъ-нибудь общихъ выводовъ необходимы данныя о читателяхъ различныхъ этнографическихъ, социальныхъ и культурныхъ категорій. И только, когда будетъ собранъ обширный, разнообразный и вполне научный матеріалъ по данному вопросу, только тогда сдѣлается возможнымъ установить главныя и характерныя черты народного читателя, какъ особаго социально-психологическаго типа. Пока же можно только констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что народный читатель представляетъ собою особый социально-психологическій типъ, съ отличительными чертами, только ему одному свойственными.

Литература интеллигенціи для народа.

I.

На первую, рано проявившуюся потребность народной массы в духовной пище, в книгѣ, откликнулось не интеллигентное общество, а темный и невѣжественный торгашь-лубочникъ, который пошелъ навстрѣчу духовнымъ запросамъ народа съ жалкими отбросами интеллигентной литературы, пошлой и бездарной сказкой.

И въ теченіе долгихъ годовъ, чуть ли не столѣтій, лубочная книжка одна полновластно царила въ деревнѣ, постепенно получила тамъ право гражданства, сдѣлалась популярной, привычной, необходимой, въ своемъ родѣ—«классической». Только въ началѣ 40-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія была сдѣлана со стороны интеллигентнаго общества первая попытка издательства для народа. Въ 1833 году были изданы для народа двѣ книжки: В. О. Одоевскаго, (подъ псевдонимомъ Безгласнаго) «Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеємъ Мадестовичемъ Гамазейкою» и Максимовича «Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ». Черезъ 10 лѣтъ въ 1843 г. стали выходить два народныхъ журнала «Сельское чтеніе» и «Чтеніе для солдатъ», а еще черезъ 15 лѣтъ третій—«Солдатская бесѣда» подъ ред. народнаго писателя А. О. Потоскаго. Этими нѣсколькими изданіями почти исчерпывается все, что было издано интеллигенціей для народа до 61 г. —

Освобожденіе крестьянъ дало толчокъ и дѣлу народной литературы. Въ 1861—62 г.г. появилось нѣсколько народныхъ издательствъ: изданія Л. Н. Толстого при журналѣ «Ясная Поляна», «Общество распространенія полезныхъ книгъ», «Товарищество общественной пользы», появились еще нѣкоторые журналы, а въ 1863 г. стали выходить сразу три газеты для народа («Воскресный досугъ», «Народная газета» и «Мірское слово»).

Слѣдующій подъемъ народно-издательскаго дѣла произошелъ въ 70-хъ г.г., когда выступили одна за другой три комиссиі народныхъ чтеній: двѣ въ 1871 и 72 г.г. въ Петербургѣ и одна въ 1874 г. въ Москвѣ, издавшія въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія нѣсколько сотъ книжекъ¹⁾.

Одновременно съ ними возникла народно-издательская фирма «Народныя изданія» подъ редакціей Фанъ-деръ-Флита и А. Кочетова, начавшая, почти первая издавать для народа небольшія произведенія классическихъ писателей (Жуковскаго, Гоголя, Григоровича и др.).

Въ болѣе широкихъ размѣрахъ развили эту дѣятельность по изданію произведеній классическихъ писателей, сперва Московскій (въ 1874 г.), а затѣмъ (въ 1881 г.) Петербургскій «Комитеты прамотности», издавшія въ теченіе перваго десятилѣтія ихъ существованія болѣе 50 отдѣльныхъ небольшихъ произведеній первоклассныхъ русскихъ писателей. Какъ бы въ дополненіе къ этому, въ 1882 г. «Народная библіотека» Маракужева стала издавать для народа сказки, небольшіе рассказы и отрывки изъ крупныхъ произведеній европейскихъ классиковъ (Шекспира, Сервантеса, Гете, Диккенса и др.). Одновременно съ книгоиздательскою дѣятельностью возникло за время, до середины 80-хъ г. г., болѣе 10-ти народныхъ газетъ и журналовъ, большей частью, невысокаго литературнаго достоинства, и кратковременнаго существованія²⁾.

Въ серединѣ 80-хъ г.г. произошелъ значительный переломъ въ народно-издательскомъ дѣлѣ. Народной книгой заинтересовались высшіе представители литературы, во главѣ съ Л. Н. Толстымъ, который самъ началъ писать для народа и основалъ народное издательство «Посредника», изданія котораго сразу получили широкое распространеніе въ народѣ. Одновременно съ «Посредникомъ» занялись издательствомъ народныхъ книгъ и редакціи «Русскаго Богатства» и «Русской Мысли», а подъ вліяніемъ Л. Н. Толстого самый крупный лубочный издатель, Сытинъ, предпринялъ изданіе хорошихъ книгъ для народа. Въсѣтъ съ этимъ и вопросъ о народной литературѣ, сталъ всесторонне обсуждаться въ общей печати и сдѣлался предметомъ особыхъ заботъ земствъ, просвѣтительныхъ обществъ и частныхъ дѣятелей.

¹⁾ Только одна изъ нихъ „Постоянная комиссія по устройству народ. чтеній въ Петербургѣ“ издала до 1885 г. 135 кн. въ количествѣ 1,112,000 экз.

²⁾ Подробная характеристика всѣхъ этихъ изданій какъ книжекъ, такъ и журналовъ, дана мною въ книгѣ „Очерки народной литературы“.

Однако, этот подъемъ въ дѣлѣ народной литературы, продолжался не долго и къ началу 90-хъ годовъ снова замеръ на цѣлое десятилѣтіе.

Новый и самый сильный расцвѣтъ народно-издательской дѣятельности произошелъ въ такъ-называемую освободительную эпоху 1904—6 г.г. когда сразу появились десятки народныхъ издательствъ¹⁾, выпустившихъ нѣсколько тысячъ книжекъ въ огромномъ количествѣ (по нѣкоторымъ подсчетамъ—въ количествѣ 36,000,000 экз.). Но и эта волна схлынула, и въ настоящее время снова наступило полное затишье въ народно-издательскомъ дѣлѣ.

II.

Въ теченіе 80-ти, а въ особенности, 50-ти послѣднихъ лѣтъ было сравнительно много сдѣлано въ области народной литературы. Были организованы десятки народныхъ издательствъ и періодическихъ изданій; выпускались книжки, специально для народа составленныя и изъ произведеній классической литературы, русской и европейской. Дѣломъ народной литературы занимались просвѣтительныя общества, коммисіи, земства, редакціонныя коллегии, выдающіеся писатели и единичные дѣятели. Хорошую книгу старались провести въ народъ посредствомъ школы, земскихъ складовъ, народныхъ библіотекъ даже специальныхъ офеней. На это дѣло было положено много средствъ, частныхъ и общественныхъ, много силъ и безкорыстнаго труда. И нельзя сказать, чтобы вся эта дѣятельность осталась безрезультатной. Какъ бы то ни было, но въ теченіе протекшаго столѣтія въ русскую деревню были внесены десятки милліоновъ хорошихъ книгъ, вліяніе которыхъ, конечно, не осталось безслѣднымъ. Однако, вмѣстѣ съ этимъ, приходится признать, что эта дѣятельность не дала тѣхъ результатовъ, какіе отъ нея ожидались: она не проложила новой книги пути въ деревню, не создала для нея самостоятельный почвы, не сдѣлала ее необходимой для народнаго читателя. Въ моменты подъема народно-издательской дѣятельности деревня получала много хорошихъ книгъ, но какъ только подъемъ ослабѣвалъ, замиралъ и притокъ этихъ книгъ въ деревню, такъ какъ самъ крестьянскій читатель не предъявлялъ требованія на новую книжку, въ особенности на произведенія классической литературы, продолжая, какъ и пол-

¹⁾ „Донская рѣчь“, „Книжка за книжкой“, „Знаніе“, „Колоколь“, „Крестьянская библіотека“, „Новое Товарищество“, „Изданія Рапсцова“, „Народная Воля“, „Польза“, „Молоть“, „Лучъ“, „Буревѣстникъ“, „Популярная библіотека“ и друг.

ѣбка тому назадъ удовлетворять свою потребность въ чтеніи лубочной книжкой. Приходится признать, что послѣ полувѣковой борьбы съ лубочной литературой, она не только побѣждена, но еще продолжаетъ развиваться въ количественномъ отношеніи. Въ срединѣ 80-хъ г. г. во время самаго разгара дѣятельности народныхъ издательствъ, ежегодно расходилось болѣе 25 милліоновъ лубочныхъ книжекъ (одинъ только Сытинъ продавалъ 8—10 милліоновъ экз.). И черезъ 20 лѣтъ эта распространенность лубочной литературы нисколько не уменьшилась. Достаточно сказать, что въ 1904 г., при новомъ подъемѣ, народно-издательской дѣятельности, книжка «Бова Королевичъ» была издана въ пяти изданіяхъ въ количествѣ 90,000 экз., а «Ерусланъ Лазаревичъ» въ трехъ изданіяхъ въ количествѣ 60,000 экз. Полторасти тысячъ экз. только двухъ книжекъ! А между тѣмъ лубочные издатели выпускаютъ до тысячи названій.

Главная и основная причина, почему литература общества, произведенія великихъ писателей, не привились народу, не овладѣли душою народнаго читателя и не вытѣснили изъ деревни лубочной литературы заключается въ недоступности народу литературы общества. И недоступность эта болѣе глубокая и непреодолимая, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Сильно ошибаются тѣ, которые считаютъ, что весь вопросъ здѣсь въ недостаточномъ уровнѣ грамотности народа и что стоитъ только нѣсколько поднять народную школу и шире распространить грамотность въ народѣ, какъ литература интеллигентнаго общества сдѣлается для него доступной. Недоступность литературы интеллигенціи народу, какъ и вообще взаимное непониманіе между интеллигенціей и народомъ, обуславливается не одной только недостаточной грамотностью послѣдняго, но, и еще въ большей степени, мотивами психологическими, культурными и социальными.

Остановимся прежде всего на уровнѣ грамотности народнаго, главнымъ образомъ, крестьянскаго читателя.

Въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, когда интеллигенція, а затѣмъ земства съ такимъ жаромъ взялись за дѣло народнаго образованія, на школу возлагались очень большія надежды, ей предъявлялись широкія задачи. Отъ нея ждали не сухой грамоты, которой одной почти не придавали значенія, а развитія въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Были даже попытки поставить школу на такую высоту, чтобы она могла, по выраженію Гл. Успенскаго, «прямо, смѣло и широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ вопросовъ, до которыхъ додумалась и

дошла человѣческая всекорбящая мысль въ ту минуту, которую мы переживаемыхъ».

Но всё эти ожиданія, какъ и единичныя попытки, не дали никакихъ результатовъ: земская школа въ отношеніи развитія народа почти ничего не сдѣлала. Какъ раньше, такъ и теперь она давала и даетъ своимъ питомцамъ одну лишь прамоту. Даже тѣ крошки и лоскутки знанія, заключающіеся къ краткихъ учебникахъ,—встрѣченныхъ, кстати сказать, градомъ обвиненій и доносовъ,—тоже не акклиматизировались въ крестьянской средѣ, гдѣ и теперь царитъ глухая, полная нелѣпыхъ предрассудковъ. темнота.

Коренная причина всего этого кроется, главнымъ образомъ, въ основныхъ условіяхъ крестьянской жизни, ограничивающихъ пребываніе ученика въ школѣ тремя годами (точнѣе 15—21 мѣсяцевъ), а школьный возрастъ—отъ 7 до 12 лѣтъ. Отпускать въ школу дѣтей болѣе, чѣмъ на 3 года и въ возрастѣ старше 12 лѣтъ крестьянинъ не можетъ по своему матеріальному положенію. Но какое развитіе можетъ дать ребенку, съ которымъ нужно начать съ азбуки, подобный краткій, съ большими перерывами, курсъ? Какія положительныя знанія, какое ясное пониманіе жизненныхъ вопросовъ можно передать и внушить ребенку этого возраста? Можно ли надѣяться, что въ его умѣ уцѣлѣетъ до тѣхъ поръ, пока онъ выступитъ въ жизнь, хоть тѣнь тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ почерпнетъ въ школѣ? Слишкомъ достаточно 5—8 лѣтъ, лежащихъ у крестьянскаго ученика между школой и жизнью самостоятельнаго хозяина, чтобы изъ памяти его совершенно улетучились отрывочныя и безсистемныя знанія.

Очевидно, что даже образцово устроенная земская школа органически не можетъ давать своимъ питомцамъ какого-нибудь умственнаго развитія, чего нибудь больше простой прамотности. Тѣмъ болѣе нельзя предъявлять какихъ-нибудь особыхъ требованій народной школѣ при ея теперешнемъ состояніи. Число учениковъ, посѣщающихъ школу съ однимъ учителемъ—громадно. Среднимъ числомъ на одну школу приходится 60 учениковъ (въ единичныхъ случаяхъ число это доходитъ до 160), большая часть школъ даже и теперь лишена зачатковъ школьныхъ библиотекъ, многія школы, кромѣ своей официальной зависимости отъ нѣсколькихъ вѣдомствъ, находятся еще подъ неофициальной, но гораздо болѣе тяжелой зависимостью деревенскихъ заправилъ и т. д., и т. д.

Но если земская школа, поставившая главной своей задачей—развитіе народа, не могла, справиться съ этой задачей, то о школахъ другихъ типовъ и говорить нечего. Что церковно-приходская школа (большой

частью, съ двухлѣтнимъ курсомъ), а, тѣмъ паче, школа грамотности гораздо менѣе земской школы способны дать своимъ ученикамъ развитіе, — конечно, всякій признаетъ. Сами защитники церковно-приходской школы указываютъ на это даже съ нѣкоторой гордостью. Правда, программа министерскихъ двухклассныхъ училищъ съ 5—6 лѣтнимъ курсомъ гораздо шире программы земскихъ школъ. Но такихъ училищъ у насъ крайне мало, да и въ тѣхъ, которыя существуютъ, высшіе классы поспѣваютъ совершенно ничтожнымъ количествомъ учениковъ; такъ что придавать этимъ училищамъ особенное значеніе, при опредѣленіи общаго уровня народно-школьнаго развитія нѣтъ основанія.

Изъ всей программы народныхъ школъ мы остановимся на одномъ лишь чтеніи, единственно интересномъ для насъ при выясненіи вопроса: какого народнаго читателя подготовляетъ школа?

Одною изъ главныхъ заслугъ земской школы должно считаться обученіе сознательному чтенію, введенное впервые въ земской школѣ вмѣсто механическаго, практиковавшагося въ дореформенной. Земская школа поставила себѣ цѣлью подготовленіе народныхъ читателей вмѣсто прежнихъ начетчиковъ.

По свидѣтельству А. Н. Корфа и Шаховскаго, за трехлѣтнее обученіе въ средней земской школѣ ученикъ приобретаетъ умѣніе плавно и вполне правильно читать съ яснымъ пониманіемъ прочитаннаго. Само собою разумѣется, что вторая половина этого опредѣленія—ясное пониманіе прочитаннаго—ограничивается лишь учебникомъ чтенія, проходимымъ въ школѣ и легкимъ народнымъ разговоромъ. Но это опредѣленіе сильно понижится, если вмѣсто ученика земской школы мы возьмемъ вообще крестьянскаго грамотья, гдѣ бы онъ ни обучался, а вмѣсто только-что кончившаго школу ребенка, возьмемъ взрослого народнаго читателя.

Вопросъ о томъ, насколько ученики народныхъ школъ, по выходѣ изъ нихъ, забываютъ приобретенное знаніе, въ свое время горячо обсуждался не только въ печати, но и на земскихъ собраніяхъ, учительскихъ съѣздахъ и въ административныхъ сферахъ. Вопросу этому придавали особо важное значеніе, и многіе рѣшали его въ крайне неблагоприятномъ смыслѣ, т. е., что бывшіе ученики народной школы черезъ нѣкоторое время совершенно все перзабываютъ и становятся безграмотными, а поэтому народная школа, въ теперешнемъ видѣ, не достигаетъ цѣли. Еще въ 70 году въ отчетѣ М-ва Народн. Просвѣщенія говорилось, что «дѣти, окончившія ученіе, не находя по выходѣ изъ школы книгъ для чтенія и не имѣя даже возможности приобрести ихъ на свои средства, забываютъ нарѣдко то, чему научились въ школѣ, и черезъ то полу-

чаютъ нѣкотораго рода право въ своей дальнѣйшей жизни смотрѣть на содержаніе школы, какъ на лишнюю издержку, а на ученіе, какъ на бесполезную трату времени». («Журн. М-ва Нар. Пр.» CLX, 62). Эти же взгляды высказывались неоднократно и позже ¹⁾.

Чтобы опровергнуть эти взгляды, нѣкоторые видные дѣятели по народному образованію стали устраивать пробѣрные экзамены бывшимъ ученикамъ земской школы. Въ 1881 г. Н. А. Корфъ произвелъ повторительные экзамены въ 6 селахъ Екатеринославской губ., а, по его инициативѣ и программѣ, таковыя же испытанія были устроены въ Московской, Владимірской и Смоленской губерніяхъ г-жей Урусовой, а въ Таврической губ.—г. К. В. Ковалевскимъ. Всего явилось къ экзамену бывшихъ учениковъ 555 человекъ. Средній возрастъ ихъ распредѣлился въ 15½ лѣтъ, а со времени выпуска изъ школы, которую они посѣщали среднимъ счетомъ 3,2 года, прошло среднимъ числомъ 4 года. Экзамены были произведены по чтенію, письму и ариметикѣ. Лучшіе результаты дало испытаніе по чтенію. Оказалось:

Материально читающихъ	43	челов. или	7,8%
Посредственно	62	»	» 11,2%
Удовлетворительно	114	»	» 20,6%
Весьма удовлетворительно	334	»	» 60,4% ²⁾ .
		<hr/>	
		553 ч.	100%

Что касается первой изъ этихъ четырехъ категорій, то Корфъ прямо говоритъ, что для ея 43 человекъ «чтеніе утратило силу средства къ дальнѣйшему образованію»; относительно же остальныхъ категорій вотъ что говорится: «Для того, чтобы читатель могъ соединить какое-нибудь определенное представленіе съ выраженіемъ вѣдомости «удовлетворительно», «посредственно» и «весьма удовлетворительно» читающіе,—я долженъ повторить, что въ виду неблагоприятности условий мы избрали снисходительный масштабъ и поэтому сочли «удовлетворительно» читающимъ всякаго изъ взрослыхъ грамотныхъ, который читаетъ, какъ средній ученикъ второго класса на-

¹⁾ Въ «Основаніи къ образованію общества улучшенія нар. труда» между прочимъ, сказано: «Наша начальная школа... въ большинствѣ случаевъ приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ: выходящіе изъ нея скоро во все забываютъ пройденное въ школѣ или стремятся выйти изъ своей среды» (Н. А. Корфъ. «Наши педагогическіе вопросы» стр. 139—140).

²⁾ Тамъ же. «Образовательный уровень».

родной школы, т. е. двѣ зимы учившійся. Лица, чтеніе которыхъ названо нами «посредственнымъ», читали хуже, т. е. менѣе плавно и быстро указанной выше нормы, а въ числѣ «весьма удовлетворительно» читавшихъ встрѣчались такіе, которые читали не только не хуже выпускныхъ учениковъ народной школы, но и нерѣдко лучше ихъ, хотя и въ этой категоріи только меньшинство читали такъ, чтобы было пріятно ихъ слушать. Всѣ три категоріи, какъ ни слабо чтеніе «посредственныхъ», читаютъ вполне сознательно»¹⁾.

Оставимъ въ сторонѣ тѣ почти 8% «грамотныхъ», которые, читая совершенно машинально, должны быть вычеркнуты изъ числа народныхъ читателей, и, соединивъ вмѣстѣ категоріи «посредственныхъ» и «удовлетворительно читающихъ», возьмемъ для нихъ опредѣленіе послѣдней категоріи—и мы найдемъ, что 32% читателей изъ учениковъ, кончившихъ земскую школу, читаютъ, какъ средній ученикъ втораго класса нар. школы, т. е. ихъ знаніе понижается на цѣлую треть²⁾. При школахъ другихъ типовъ, кромѣ земской, эти результаты должны быть еще печальнѣе.

Послѣ опыта г. Корфа, было произведено въ разное время еще нѣсколько провѣрочныхъ испытаній въ болѣе широкихъ размѣрахъ — и результаты получились совершенно тѣ же. Въ 1885 г. въ Корсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., были произведены провѣрочные экзамены 2842 учен., кончившимъ школу въ теченіе десятилѣтія, отъ 1875 г. Лучшіе результаты и здѣсь дали испытанія по чтенію и выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Отлично	707	челов.	или	24,9%
Удовлетворительно	1090	»	»	38,3%
Посредственно	915	»	»	32,2%
Неудовлетворительно ..	128	»	»	4,6%
Слабо	2	»	»	4,6%
				100% ¹⁾
2842 ч.				

Въ 1886 г. въ Симбирскомъ уѣздѣ были произведены провѣрочныя испытанія надъ 1676 учениками, кончившими школу въ періодъ вре-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ С. Красовъ. „Что даетъ крестьянамъ начальная народн. школа?“ „Русск. М.“ 87 г. № 1 и 2).

пониманія значенія знако́въ препи́занія. Пони́маніе прочита́ннаго даже въ легкой книжкѣ дается съ нѣкоторымъ трудомъ. Съ литературными формами онъ знако́мъ, лишь насколько онъ встрѣчается въ лубочной литературѣ.

Такова грамотность преобладающаго типа крестьянскаго читателя и въ настоящее время, такъ какъ условія школьнаго обученія за послѣдніе 20 лѣтъ у насъ почти не измѣнились.

IV.

Если невысокій уровень грамотности является механическимъ препятствіемъ къ воспріятію народнымъ читателемъ литературы интеллигенціи, то особенности и свойства самой этой литературы являются препятствіями болѣе глубокими и трудно-преодолимыми.

Какъ уже было отмѣчено давно, еще Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ, наша интеллигентная литература, за очень малымъ исключеніемъ, является не только не общечеловѣческой, но и не національной, а чисто классовой. Если она, къ ея чести, почти никогда не стояла на почвѣ узкихъ классовыхъ интересовъ, то она всегда была проникнута думами и переживаниями лучшихъ представителей опредѣленнаго класса. По этой литературѣ можно прослѣдить всю жизнь этого класса за послѣднія столѣтія, его надежды, чаянія и разочарованія, его крѣпостническія насилія и вождѣленія и его же покаянныя настроенія, его порывы къ свободѣ, хожденіе въ народъ и уходъ отъ народа въ личные переживания. Если въ этой литературѣ изображается народная жизнь, то, опять-таки, сквозь призму воззрѣній другаго класса. Короче, то, что принято называть общей литературой, представляетъ собою литературу дворянско-интеллигентскаго сословія.

Спрашивается, можетъ ли народъ, имѣвшій свой путь развитія и свои переживания, воспріять эту литературу, проникнуться ею и всѣми сложными переживаниями, которыя изображены въ ней, признать ее своею, еслибъ даже онъ ее хорошо понималъ? Что могутъ сказать сердцу и уму народнаго читателя всѣ герои интеллигентной литературы: Онѣгинъ, Чацкій, Печоринъ, Базаровъ, Рахметовъ и другіе, вплоть до... Саввина? Могутъ ли они вызывать у него тѣ настроенія, создать тѣ идейныя движенія, какія они вызвали въ свое время у интеллигентнаго читателя?

Обычно, когда заходитъ рѣчь о народномъ читателѣ, повторяется тра-

фаретная фраза о «поднятіи народа до уровня интеллигентнаго общества.» — Но при этомъ очень мало вдумываются въ значеніе этихъ словъ. Чтобы поднять народную массу до уровня интеллигентнаго общества надо въѣд и всю жизнь этой массы, измѣнить въ корнѣ и все міровоззрѣнія ея пересоздать. Если-бы такая ломка всей народной жизни и была возможна, то это дѣло очень и очень долгихъ годовъ. Но, въѣд за это время и общество не будетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Оно, непрерывно эволюціонируетъ, ея настроенія становятся болѣе тонкими, болѣе сложными, болѣе отвлеченными. Гдѣ же народу угнаться за нимъ? Если даже такая «погоня» и будетъ происходить, то народъ не только не будетъ приближаться къ интеллигенціи, но все болѣе отставать отъ нея. И въ лучшемъ случаѣ онъ будетъ воспринимать литературу интеллигенціи только, черезъ 50 или 100 лѣтъ послѣ того, какъ интеллигенція забудетъ, окончательно сдать въ архивъ эту литературу. Въѣд и «Бова Королевичъ», и «Битва русскихъ съ кабардинцами» принадлежали когда-то къ литературѣ верхнихъ слоевъ. Но скорѣе всего, что и этого не будетъ и, что народъ получить изъ рукъ все тѣхъ же торгашей новую лубочную литературу, покрытую лоскомъ кабацкой цивилизаціи, болѣе пошлую и отвратительную, чѣмъ теперешняя лубочная литература. И это уже начинаетъ осуществляться. На смѣну «Еруслану» и «Милорду» приходятъ Пинкертоны, на смѣну Балакиревыхъ и сонниковъ, разные «Синіе журналы» и т. п. Самымъ яркимъ примѣромъ можетъ для насъ служить въ этомъ отношеніи Западная Европа. Тамъ существуетъ обязательное образованіе, школы поставлены болѣе или менѣе образцово, произведенія классической литературы удешевлены до крайнихъ предѣловъ. А, что читаетъ тамъ народная масса?

Въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ, читатель найдетъ подробное описаніе того, что читаетъ народная масса во Франціи: она или ничего не читаетъ или отвратительные бульварные романы. А вотъ что, общается относительно духовной пици народнаго читателя въ Германіи:

«Въ 1906 и 1907 гг. на германскомъ книжномъ рынкѣ отмѣчено особенно усиленное распространеніе такъ-называемой «Schund-und Schmutzliteratur»,—той порнографической, сыщичкой, разбойничьей, нать-пинкертоновской и прочей «литературы», для которой у насъ пока сохранилось общее, сравнительно невинное названіе «лубочной».

Издательствомъ лубочной литературы заняты въ Германіи въ настоящее время 52 книготорговли: 800 книжныхъ магазиновъ занимаются ея продажей и 30,000 книгоношъ разносятъ губительную пищу по

всѣмъ угламъ Германіи. Полмилліона марокъ тратится издательствами на одни объявленія. Годовой оборотъ лубочныхъ предпріятій въ 1907—1908 гг. достигалъ 50-ти милл. марокъ.

«Что же это за «литература»? Кто ея читатель?

«Для изученія этого даютъ обильный матеріалъ выставки, устроенныя въ рядѣ германскихъ городовъ въ цѣляхъ борьбы съ лубочной литературой. Ближайшее знакомство съ собраннымъ тамъ матеріаломъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Уже одно количество изданій нѣкоторыхъ особенно ходкихъ вещей приковываетъ вниманіе обозрѣвателя. Одни похождения Никъ-Картера, напр., вышли до настоящаго времени уже въ 250-ти тетрадяхъ (по 10 пфенниговъ каждая). За ними идутъ: «Начъ Пинкертонъ—величайшій сыщикъ Америки»; «Ванда Брандбургская. знатная нѣмецкая сыщица»; «знаменитѣйшіе» разбойники,—«Черная рука», «Кровосійца», передъ разнузданными подвигами которыхъ меркнутъ бывше Ринальдо-Ринальдони. Сотни самыхъ различныхъ соблазнительныхъ тетрадокъ на эротическія темы: «Любовныя похождения». «То, чего вслухъ не произносятъ», «Тайны первой ночи». Изданія оккультистскаго характера: «Бѣседы съ загробнымъ міромъ», «Месть духовъ». Значительной темой брошюръ служатъ сенсаціонныя міровыя событія, гдѣ вы найдете и Дрейфусіаду, и «Графиню Стейнгель»; и «Войну англичанъ съ бурами», и серію тетрадей подъ заглавіемъ: «Великій освободитель Россіи Гапонъ, страшный врагъ правительства и Татьяна—роза Россіи».

«Едва ли можетъ быть переоцѣненъ все разлагающее вліяніе этой, съ позволенія сказать, литературы. Спекулирующая на самыхъ низменныхъ инстинктахъ человѣка, на предразсудкахъ и суевѣріяхъ, тысячелѣтія владѣющихъ народомъ; гоняющаяся за уголовной и политической сенсаціей,—она цѣлыми потоками наводняетъ германскіе города, вливая въ духовную культуру человѣка страшный вредъ».

«Полное смѣшеніе всѣхъ понятій о природѣ и ея явленіяхъ; путаница историческихъ представленій; жажда приключеній, крови, преступленія; половая извращенность; самоубійства,—вотъ результаты чтенія этой «навсозной литературы», какъ ее называютъ здѣсь въ цѣломъ. «Милліоны изъ бѣднѣйшихъ классовъ покупаютъ и проглатываютъ эту литературу,—гласятъ плакаты на выставкахъ.—Ее можно найти на каждой фабрикѣ, въ семьяхъ ремесленниковъ, въ корзинахъ прислуги. Она передается тайно отъ кровати къ кровати въ больницахъ, и бѣдняки, содер-

жимые на общественныя средства, берегаютъ каждую недѣлю по проху, чтобы купить себѣ тетрадку».

«На той же выставкѣ лежатъ подборы газетныхъ вырѣзокъ о различныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ преимущественно дѣтьми и подростками. Это—воровство, вымогательство, насилие; грабежи; покаяванія, иногда убійства, совершенныя на почвѣ разыгравшейся фантазій и извращенія нравовъ. Судебная хроника знаетъ цѣлый циклъ преступленій, совершенныхъ по всѣмъ правиламъ разбойничьей литературы; участники даютъ себѣ тѣ же имена; вооружаются тѣмъ же оружіемъ, что описано въ этихъ книжкахъ».

Есть надъ чѣмъ тревожно призадуматься, если въ 40 нѣмецкихъ крупныхъ городахъ въ теченіе 1905 года на всѣ народныя бібліотеки и читальни истрачено немногимъ болѣе 1¹/₂ милліона марокъ, а суммы, потраченныя на лубочную литературу, исчисляются за 1907 (также и за 1908 г.), въ 50 милл.: марокъ! А въ 1910 году оборотъ одного лишь берлинскаго издательства, распространившаго 2¹/₂ милліона экземпляровъ пернографической и сыщицкой литературы, достигъ 25 милліоновъ марокъ¹).

Въ отношеніи этой ново-лубочной литературы Россія находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ чѣмъ западная Европа. «Позорная книжка» у насъ еще не привилась народу, еще есть время и возможность создать истинно-народную литературу, которая отвѣчала бы высшимъ духовнымъ запросамъ народа, соотвѣтствовала бы его уровню развитія и пониманію прекраснаго. Неужели не найдется творцовъ для этого великаго и святаго народнаго дѣла?

---

¹) И. Коварскій. „Лубочная литература въ Германіи и борьба съ нею“. „Русск. Вѣд.“ отъ 26 мая 1912 г. № 120.

„Что читать народу?“

I.

Три тома «Что читать народу?», составляющие крупный и ценный вкладъ въ область изслѣдованія вопроса народной литературы, даютъ намъ возможность провѣрить крупнымъ опытомъ наши взгляды на народную литературу, и народного читателя. Поэтому мы и рѣшились посвятить имъ особый очеркъ.

Въ предисловіи ко II тому составительницы говорятъ: «Изъ сужденій народа объ интеллигентной литературѣ можно видѣть, какъ понимаютъ и какое глубокое впечатлѣніе производятъ на народъ произведенія первоклассныхъ авторовъ не только отечественной, но даже и иностранной литературы».

Подобный же выводъ изъ опыта чтеній повторяется въ этомъ томѣ нѣсколько разъ. На стр. 9 мы читаемъ: «Грамотный простолюдинъ охотнѣе читаетъ и хорошо понимаетъ книги, написанныя общелитературнымъ языкомъ». Нѣсколько дальше говорится: «Лучшія произведенія нашей свѣтской литературы, изображающія культурнаго человѣка, понимаются нашимъ народомъ, благодаря выраженію общечеловѣческихъ свойствъ и явленій жизни» (стр. 24). Въ другихъ мѣстахъ составительницы рѣзко высказываются противъ попытокъ писать специально для народа, признавая это и бесполезнымъ, и оскорбительнымъ для народа (напр., въ отчетахъ о «Царствѣ сказакъ» Карменъ Сильва, о разсказѣ «Касьянъ съ Красивой Мечи» Тургенева). Слѣдовательно, составительницы «Что читать народу?» нашли возможнымъ изъ своего опыта сдѣлать выводъ о пригодности, и доступности народу литературы общества и полной ненужности специально для народа написанной книги.

Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе сдѣлала свои выводы изъ «Что читать народу?» критика. Въ первомъ очеркѣ мы уже говорили, что

почти всѣ эти критики рѣшительно высказались за полную пригодность интеллигентной литературы для народа. Гг. Водовозовъ, Пругавинъ, Абрамовъ, Мичуринъ, и др., не смотря на свое разногласіе въ оцѣнѣ общихъ достоинствъ разбираемыхъ книгъ,—единодушно, однако, высказались, что опытъ кружка харьковскихъ учительницъ блистательно доказалъ полную пригодность литературы общества для народа.

Посмотримъ прежде всего насколько объективны были выводы составительницамъ «Что читать народу?»

Вопросъ: Что читать народу?, поставленный заглавіемъ книгъ харьковскихъ учительницъ, можетъ имѣть два совершенно различныхъ и несомвѣстимыхъ значенія. На него можно отвѣтить или изслѣдованіемъ (а не то матеріаломъ для изслѣдованія): какого рода литература нужна народу? или же критической оцѣнкой народныхъ книгъ, на подобіе того, какъ это сдѣлано въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы». Несомвѣстимы обѣ задачи потому, что въ первомъ случаѣ авторъ долженъ еще только выяснитъ и подтвердить опредѣленный взглядъ на народную литературу; во второмъ же случаѣ, этотъ взглядъ предполагается уже вполне установленнымъ и долженъ служить руководствомъ для оцѣнки пригодности той или иной книги для народа.

Какую же изъ этихъ двухъ задачъ поставили себѣ харьковскія учительницы?

Книги «Что читать народу?», заинтересовавшія всѣхъ, главныхъ образомъ, отчетами о народныхъ и дѣтскихъ чтеніяхъ, съ перваго разу производятъ впечатлѣніе сборника матеріаловъ для рѣшенія вопроса: какая литература нужна народу? Нѣкоторыя бѣглыя замѣчанія составительницъ объ ихъ объективномъ отношеніи къ чтеніямъ, попытки дѣлать общіе выводы изъ отчетовъ и, наконецъ, статья Х. Д. Алчевской,—какъ будто подтверждаютъ этотъ взглядъ на книги. Но, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, становится вполне очевиднымъ, что составительницы съ начала до конца совершенно не выходили изъ роли критиковъ, хотя и дѣлали нѣсколько слабыхъ попытки выступить въ роли объективных изслѣдователей.

Подзаглавіемъ: «Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія» составительницы вполне опредѣленно поставили себѣ задачи критиковъ. Въ этой же роли выступаютъ онѣ въ обзорѣ книгъ всѣхъ шести отдѣловъ (кромѣ беллетристическаго), содержащихъ въ II томѣ рецензіи 905 книгъ изъ общаго числа 1477. За крайне малымъ исключеніемъ, книги этихъ

стдѣловъ не были читаны ни въ деревнѣ, ни въ городѣ, и при обзорѣ ихъ ничего не говорится о мнѣніи народа. Нѣкоторые изъ нихъ разбирались специалистами, совершенно непричастными народнымъ чтеніямъ (медиками, инженерами). Что же касается народныхъ чтеній, отчетъ о которыхъ занимаетъ большую часть книгъ, то они производились исключительно для провѣрки на каждой книгѣ степени ея пригодности для народа. Вопросы же о пригодности интеллигентной литературы народу вообще—составительницы и не думали ставить чтеніями, такъ какъ этотъ вопросъ былъ для нихъ уже заранѣе окончательно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, о чемъ онѣ нѣсколько разъ высказываются прямо и косвенно въ своихъ отчетахъ.

Отчетъ о чтеніи небольшого сборника стихотвореній первоклассныхъ поэтовъ начинается слѣдующими словами: «Разсматривая сборникъ самымъ тщательнымъ образомъ и встрѣчая въ немъ произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ, мы только можемъ радоваться его появленію и горячо рекомендовать его для народнаго чтенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніемъ нашихъ деревенскихъ слушателей и сказать, что многія изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Сборникѣ, далеко не произвели на нашу аудиторію того впечатлѣнія, какого мы въправѣ были бы требовать отъ нихъ» стр. 147). Изъ одной выдержки можно видѣть, какъ отнеслись составительницы къ своему опыту, можно понять всю справедливость замѣчанія Шелгунова по поводу этихъ книгъ, что составительницы ихъ «производили, какъ на пробирномъ камнѣ, опредѣленіе доброкачественности народной души».

Составительницы книгъ были настолько убѣждены въ пригодности литературы интеллигенціи для народа, что не всегда рѣшались вычеркнуть изъ народнаго каталога то или другое, очевидно, непригодное для народа, произведеніе извѣстнаго писателя, стараясь, такъ или иначе, «оправдать» это произведеніе для народа. Такъ, напр., признавъ, что поэма «Русланъ и Людмила» способна внушить народу суевѣрныя возрѣнія и поставивъ вопросъ: «Слѣдуетъ ли разжигать воображеніе народа подобными произведеніями, не смотря на всю ихъ поэзію и прелесть?»—онѣ тотчасъ же находятъ очень оригинальное оправданіе: «Вѣдь прочтеть же этотъ самый народъ и «Еруслана Лазаревича», и «Бову Королевича» и многое другое, настолько же фантастически

невѣроятное; за что же мы будемъ лишать его произведеній великаго поэта?» (стр. 451).

Одного этого было бы вполне достаточно, чтобы общіе «выводы», сдѣланные чтицами, такимъ образомъ, лишь мимоходомъ, съ предвзятымъ мнѣніемъ и часто довольно поверхностно¹⁾, потеряли для насъ весь авторитетъ вывода изъ долготѣшняго опыта. Но «выводы» эти имѣютъ еще одну особенность, которая еще болѣе умаляетъ ихъ значеніе.

Г-жа Алчевская и ея сотрудницы нашли нужнымъ прочитывать большую часть народныхъ книгъ отдѣльно въ деревнѣ и въ городѣ; при разборѣ каждой книжки отдѣльно, онѣ различаютъ читателей развитыхъ и полуграмотныхъ. А между тѣмъ, въ своихъ общихъ выводахъ о народной литературѣ, онѣ совершенно не дѣлаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ и подъ словомъ «народъ» понимаютъ, какъ полуграмотнаго крестьянина, такъ и развитаго, начитаннаго и зажиточнаго мѣщанина. Такъ, напр., по поводу чтенія «Моцартъ и Сальери» сказано: «Встрѣтивши драматическій очеркъ въ отдѣльномъ дешовомъ изданіи, мы прежде всего думали сказать въ нашихъ замѣткахъ, что считаемъ его совершенно недоступнымъ для народнаго чтенія и обойтись безъ провѣрки, но намъ невольно припоминалась аудиторія, въ которой мы читали «Отелло» и «Короля Лира», и мы рѣшились подвергнуть провѣркѣ и настоящій драматическій очеркъ» (стр. 473). Прочитавъ эти слова, читатель, конечно, имѣетъ полное основаніе полагать, что «Отелло» и «Король Лиръ» оказались на практикѣ совершенно подходящими для народнаго чтенія. А между тѣмъ трагедіи Шекспира въ деревнѣ вовсе не были читаны, а въ городѣ читались «передъ аудиторіей въ 12—14 человекъ, состоящей изъ дѣвушекъ отъ 15—18 лѣтъ, учившихся въ школѣ, довольно развитыхъ, много читавшихъ, достаточно знакомыхъ съ рус-

1) Чтобы судить насколько поверхностно составительницы иногда относились къ вопросу о пригодности интеллигентной литературы для народа приведемъ слѣдующій фактъ. Въ деревнѣ былъ прочитанъ и понятъ передѣланный для народа маленькій рассказъ Щедрина, „Пропала совѣсть“. Во время чтенія въ сосѣдней комнатѣ присутствовала пріѣзжая учительница которая, по словамъ г-жи Алчевской, интересовалась вопросомъ: «Дѣйствительно-ли этотъ безграмотный людъ понимаетъ такихъ писателей, какъ Щедринъ?» Рассказъ былъ понятъ, и пріѣзжая учительница, уѣхала съ убѣжденіемъ, что «безграмотный людъ вполне понимаетъ такихъ писателей, какъ Щедринъ», оставивъ, какъ видно, въ этомъ же убѣжденіи и г-жу Алчевскую!

ской литературой, принадлежащих къ низшей, но сравнительно зажиточной части городского населенія» (стр. 253).

Въ виду всего этого, мы совершенно оставимъ выводы и обобщенія составительницы «Что читать народу?» и обратимся непосредственно къ отчету о чтеніяхъ въ деревнѣ.

II.

Въ деревенской аудиторіи Х. Д. Алчевской и ея сотрудницъ были читаны многія произведенія извѣстныхъ русскихъ писателей отъ Ломоносова до новѣйшихъ беллетристовъ. Но для нашего изслѣдованія мы воспользуемся лишь отчетами о чтеніяхъ Пушкина, Тургенева, Достоевскаго и Островскаго. Этихъ отчетовъ вполне достаточно для выясненія, какъ отнеслась аудиторія г-жи Алчевской къ классическимъ произведеніямъ изъ литературы интеллигенціи.

Изъ 22 произведеній Пушкина, отчетъ о которыхъ мы находимъ во II томѣ: «Что читать народу?», только 4 были вполне поняты деревенскими слушателями¹⁾. О томъ же, какъ въ деревнѣ были поняты остальные 18, между которыми находятся наиболѣе крупныя произведенія Пушкина, расскажемъ словами самыхъ отчетовъ:

1) «Евгеній Онѣгинъ». По поводу него говорится: «Ни Алеко, ни Кавказскихъ плѣнниковъ, ни Онѣгиныхъ онъ (народъ) не встрѣчаетъ въ своей средѣ, и ему трудно возвыситься до анализа подобнаго типа, выращеннаго условіями культурной жизни. Вотъ почему мы сочли себя даже не въ правѣ перечитывать «Евгенія Онѣгина» и провѣрять съ деревенскими людьми, да и самый языкъ произведенія могъ бы служить помѣхой къ пониманію его»²⁾ (стр. 470).

¹⁾ «Дубровскій», «Барышня крестьянка», «Гробовщикъ» и «Домикъ въ Коломнѣ». О послѣднемъ, впрочемъ, замѣчено, что въ дешевомъ изданіи кое-что пропущено и, по мнѣнію составительницы отчета, слѣдовало бы пропустить еще нѣсколько неудобныхъ для народа мѣстъ (стр. 475).

²⁾ Въ городской школѣ «Евгеній Онѣгинъ» былъ очень смутно понятъ. А вотъ начало изложенія романа, написанное довольно развитою дѣвушкой: «Когда я училась въ школѣ, я нечаянно прочла нѣсколько страницъ «Евгенія Онѣгина», и мнѣ онъ показался французской книгой, до того она была для меня непонятна. И когда мнѣ сказали,

2) «Кавказскій плѣнникъ», хотя былъ читанъ въ деревнѣ, но совершенно не былъ понятъ, и въ отчетѣ о немъ повторяется почти слово въ слово то же самое, что было сказано объ «Евгениі Олѣгинѣ»: «Непониманіе это — добавляетъ отчетъ—было настолько велико, что даже не чувствовалось самими слушателями, какъ это бываетъ иногда, и на другой день при вопросѣ учительницы: все ли было понятно при вчерашнемъ чтеніи, они дружно отвѣчали: «все, все!» (стр. 468).

Если эти два произведенія признаны составительницами недоступными, то слѣдующія два признаны уже прямо негодными для народа.

3) «Графъ Нулинъ». «На нашъ взглядъ романическій эпизодъ съ графомъ Нулинымъ,—говорится о немъ въ отчетѣ,—не представляетъ для народа рѣшительно ничего ни интереснаго, ни полезнаго, а потому мы считаемъ совершенно излишнимъ рекомендовать ему подобное произведеніе, хотя оно принадлежитъ перу нашего великаго художника» (стр. 462—3).

4) «Арапъ Петра Великаго»: «Къ той же категоріи мы можемъ отнести и «Арапа Петра Великаго» (стр. 463).

Послѣ этого идетъ серія произведеній, рекомендуемыхъ народу, но съ такими ограниченіями, которыя совершенно исключаютъ средняго деревенскаго читателя:

5) «Каменный гость»: «Слѣдуетъ упомянуть, однако, что при выборѣ чтенія «Каменный гость» долженъ попадать въ руки исключительно взрослыхъ и болѣе развитыхъ читателей» (456).

6) «Сраженный рыцарь». Сборникъ состоитъ изъ 5 стих.: «Сраженный рыцарь», «Наѣздникъ», «Анчаръ», «Родригъ» и «Странникъ»—«Очевидно,—говорится въ отчетѣ объ этомъ сборникѣ,—что подобный подборъ стихотвореній можетъ быть рекомендованъ только наиболѣе развитымъ и подготовленнымъ читателямъ изъ народа» (459).

7) «Мюцартъ и Сальери» рекомендуется народу «съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы выдавать его исключительно наиболѣе развитымъ и подготовленнымъ взрослымъ» (474).

8) «О сценахъ изъ рыцарскихъ временъ»—говорить составительница—мы можемъ сказать то же, что сказали выше

что эта книга написана на рускомъ языкѣ и что ее написалъ русскій поэтъ Пушкинъ, я не хотѣла вѣрить и твердила, что нѣтъ въ мірѣ русскаго человѣка, который бы понималъ все, что тамъ написано» (стр. 471).

о «Моцартъ и Сальери», а именно: наши взрослые и развитыя ученицы читають это произведеніе съ полнымъ пониманіемъ и интересомъ, между тѣмъ, полуграмотными и подростками оно понимается наполовину» (478).

9—11) «Русалка», «Выстрѣлъ», «Анжелю»—вовсе не были читаны въ деревнѣ и въ отчетахъ о нихъ не объяснено по какимъ причинамъ.

Такимъ образомъ, ровно половина всѣхъ рассмотрѣнныхъ во II томѣ произведеній Пушкина, прямо или косвенно, признана самими составительницами частью негодною, частью недоступною среднему народному читателю. Посмотримъ, какъ поняли слушатели тѣ 7 произведеній, которыя рекомендуются народу безо всякихъ ограниченій.

12) «Братья разбойники»: «Городскія ученицы отнеслись къ героямъ тепло и сочувственно, между тѣмъ какъ въ деревенскомъ людѣ они положительно не вызвали ни симпатій, ни сожалѣній» (444).

13) «Цыгане». «При повѣркѣ этой поэмы въ деревнѣ, съ нами случилось нѣчто совершенно неожиданное. При чтеніи заглавія, одинъ изъ слушателей замѣтилъ съ предубѣжденіемъ: «Цыгане—не буде добра!»—и за нимъ вся аудиторія, точно сговорившись, дружно стала на эту точку зрѣнія. Начались рассказы о конокрадствѣ, о томъ, что цыгане живутъ невѣнчанными, что нѣтъ у нихъ ни стыда, ни совѣсти. Одна изъ женщинъ рассказала, какъ бросили они однажды умирающую старуху въ ихъ селѣ, и міръ вынужденъ былъ похоронить ее и т. д. и т. д. Легко представить, какъ, при такого рода настроеніи, могли быть встрѣчены слова Земфиры: «Отецъ мой,—дѣва говорить,—веду я гостя, за курганомъ въ пустынѣ я его нашла и въ таборъ на ночь зазвала». Всѣ расхохотались. —«Ось якъ, бачите!» сказалъ кто-то.—«Полюбивсь, тай годи! Живи не журись!» (Вотъ какъ видите! полюбился да и все тутъ! Живи не тужи!). Надъ Алеко тоже смѣялись:—«Изъ русскихъ та на цыгана задумавъ перевертаться! И винъ якъ птиця! ох, шобъ тобі!..» и за этимъ опять слышались взрывы хохота» ¹⁾ (447).

¹⁾ Въ городской школѣ «Цыгане» тоже понятны были не вполнѣ. Кромѣ многихъ непонятныхъ для слушательницъ страницъ, въ отчетѣ приводится слѣдующій курьезъ: «Изъ характеристики, которую Алеко дѣлаеть породскимъ правамъ и обычаямъ: «Любви стыдятся, мысли гонять, торгуютъ волею своей, главы предъ идолами клонять и просятъ денегъ да цѣпей»—последнія три строки были отнесены слушатель-

14) «Амуръ и Гименей». Сборникъ, состоящій изъ 6 стихотвореній. «Два изъ нихъ «Амуръ и Гименей» и «Усы» мы сочли совершенно излишнимъ перечитывать съ народомъ. Остальныя были поняты, хотя «Гусарь» и вызвалъ довольно сомнительнаго свойства сужденія о вѣдмахъ.

— Отъ—тобі й кажутъ, шо нема вѣдмъ! (Вотъ и говорите, что вѣдмъ нѣтъ).

— А чого-жъ у книжкахъ про вѣдмъ печатають,—нащо?—спросила одна женщина.

— На смѣхъ,—отвѣчалъ ей спокойно мужикъ (449).

15) «Бахчисарайскій фонтанъ». Разказавъ о томъ, что городскія слушательницы поняли «Б. Ф.» даже лучше, чѣмъ можно было ожидать, составительница отчета продолжаетъ: «Не то было въ деревнѣ: прежде всего слова, на которыя указывали мы выше (Гирей, гаремъ, евнухъ), оказались совершенно неизвѣстными наличному составу слушателей. Что такое «гаремъ» поняли изъ описанія, но воображали почему-то, что рѣчь идетъ о крѣпостномъ правѣ и о помѣщикахъ, устроивавшихъ у себя нѣчто вродѣ гарема, и, переглядываясь, повторяли многозначительно: — Булѣ, булѣ, булѣ! нечего казати, булѣ!» Евнуха сочли за лакея и удивлялись, что ему дана была такая воля.— «Старый ма-буть», замѣтилъ кто-то, и всѣ на этомъ успокоились. Была понята, и то лишь отчасти, личность польской княжны Маріи и ея молитвы передъ ликомъ Пресвятыя Богородицы. «Нечего и говорить, продолжаетъ отчетъ, что послѣднія страницы «Поклонникъ музъ, поклонникъ мира» и т. д. пропали для нихъ совершенно безслѣдно» (452—3).

16) «Мѣдный всадникъ»—«Пришлось объяснять много непонятныхъ мѣстъ и словъ» (461).

17) «Русланъ и Людмила». Кромѣ того, что эта поэма была признана читцами годной для народа только послѣ нѣкотораго колебанія, въ ней оказались непонятными слушателямъ слѣдующія мѣста: 1) «И мнится нивы» до «мстительный ударъ»; 2) «Такъ иногда средь нашей сцены» до «насмѣшливой толпой» и 3) страницы, (по изд. Сытина) 63, 68, 73, 75, 90, 95 и 96 (451).

нищами по адресу цыганъ и объяснены слѣдующимъ образомъ: «торгуютъ волею своею»—обманываютъ людей ворожкой; «главы предъ идолами клонятъ»—поклоняются не истинному Богу, а идоламъ; «просятъ денегъ да дѣпей»—воруютъ и попадаютъ въ цѣпи» (446).

18) «Скупой рыцарь»—при чтеніи пришлось много объяснять и единственно, что заинтересовало слушателей,—это что баронъ умеръ безъ покаянія (454).

Всѣ эти выдержки изъ отчетовъ, безпристрастіе которыхъ въ данномъ случаѣ ужъ не можетъ быть заподозрѣно, слишкомъ ясно говорятъ сами за себя, чтобы нужно было подчеркивать ихъ. По прочтеніи ихъ, невольно припоминаются слова Толстого: Для того, «чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе «Бориса Годунова» Пушкина,... надо этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть». Пока же онъ останется самимъ собою, лучшее произведеніе Пушкина должно казаться ему «наборомъ словъ, а смыслъ его презрѣнными пустяками»¹⁾.

Изъ соч. Гоголя было прочитано 9 рассказовъ и сказокъ (между прочимъ «Женитьба» и «Шинель»). Ни «Мертвыхъ душъ», ни «Ревизора» чтители, какъ видно, не нашли подходящими для народнаго чтенія. Хотя прочитанныя произведенія были поняты, но они не вызвали ни горячаго интереса къ себѣ, ни особенныхъ разсужденій. Слушатели видѣли въ нихъ сказки не болѣе занимательныя, чѣмъ лубочныя.

Какъ ни убѣждены были г-жа Алчевская и ея сотрудницы въ пригодности интеллигентной литературы для народа, онѣ всетаки не нашли возможнымъ читать не только въ деревнѣ, но даже и въ городѣ, ни одного изъ тѣхъ крупныхъ произведеній Тургенева, которыя поставили его въ ряду первоклассныхъ писателей. Единственно, что онѣ нашли возможнымъ читать изъ его произведеній—это около половины «Записокъ охотника» да еще 5 — 6 мелкихъ рассказовъ. Еслибъ, предположимъ, народъ прекрасно понималъ эти немногіе рассказы, мы, еще не были бы вправѣ говорить, что «дали народу Тургенева», а тѣмъ болѣе дѣлать на основаніи этого, какіе либо выводы о доступности народу литературы интеллигенціи. Но отчеты говорятъ намъ, что и эти немногіе рассказы Тургенева далеко не исполнѣ были поняты въ деревнѣ. Въ предисловіи къ этимъ отчетамъ говорится: «Иные изъ этихъ рассказовъ мы сочли возможнымъ прочесть въ народѣ и подѣлиться съ читателемъ добытыми

¹⁾ «Прекрасный отрывокъ изъ поэмы Пушкина,—говорится въ отчетѣ объ одномъ сборникѣ стихотвореній, въ которомъ находятся нѣкоторыя и Пушкина—сила и прелесть котораго ставится такъ высоко интеллигентнымъ человѣкомъ, вызвалъ нѣкотораго рода недоумѣнія на тему: „Що воно?“—и «Противъ чего?»—«Приказка, тай годі!» (Приказка, да и все!)—отвѣчалъ кто-то не безъ презрѣнія. И дальше этого никто не пошелъ» (147).

результатами; несоотвѣтствіе же другихъ для народнаго чтенія являлось для насъ настолько очевиднымъ, что мы считали совершенно излишнимъ производить надъ ними какіе бы то ни было опыты» (495). Такимъ образомъ, изъ рассказовъ Тургенева было прочитано лишь 12, изъ которыхъ только 5 («Малиновая вода», «Бѣжинъ лугъ», «Касьянъ съ Красивой Мечи», а также «Бригадиръ» и «Пожаръ на морѣ») оказались вполне доступными деревенскимъ слушателямъ. Объ остальныхъ семи вотъ что говорится въ отчетахъ:

1) «Пегасъ»: «Рассказъ оказался совершенно недоступнымъ для народнаго чтенія» (503).

2) «Собака»: «Имѣемъ ли мы право предлагать народу произведенія, способныя еще болѣе закрѣпить въ его душѣ существующіе предрассудки и суевѣрія? Конечно, нѣтъ; а поэтому мы не считаемъ себя вправѣ рекомендовать для народнаго чтенія этотъ высокохудожественный рассказъ, полный и причудливой фантазіи и веселаго юмора» (503).

3) «Стукъ... стукъ... стукъ!..» «Хотя многое въ этомъ рассказѣ объясняется реально, но читателю-простолыдину трудно будетъ разобраться въ этомъ сочетаніи обстоятельствъ, въ этихъ намекахъ на фантастическое направленіе умовъ того времени, а поэтому мы и предпочитаемъ не включать «Стукъ... стукъ... стукъ!..» въ число рассказовъ, желательныхъ для народнаго чтенія» (505).

4) «Хоръ и Калинычъ»: «Характеристики Полутыкина, Хоря и Калиныча слишкомъ тонки для пониманія неразвитыхъ людей». (496).

5) «Лѣсъ и степь» можетъ прійтись по плечу только развитому читателю изъ народа» (502).

6) «Поѣздка въ полѣсье»: «Перечитывая этотъ полный поэзи и прелести рассказъ, намъ невольно думалось: нѣтъ, не понять его нашему читателю изъ народа, не доросъ до него, длинны и скучны покажутся ему эти дивныя страницы описаній природы, непонятны типы крестьянъ, попадающихся по пути въ Полѣсье и очерченныхъ какъ бы однимъ взмахомъ кисти художника, недоступно раздумье Тургенева о значеніи жизни» (503).

7) «Лебедянь»: «Описаніе ярмарки, барышниковъ и продажи лошадей, пожалуй, и могли бы занять читателя изъ народа, но характеристика Хлопакова, потѣшающаго своихъ благодѣтелей разными придуманными имъ словцами, навѣрно окажется непонятною для простолыдина. Для него будутъ лишены всякаго юмора и соли такія, напр., остро-ты «не ву горячѣ па», «кес-кесе», «рракаліонъ» и т. п. А урѣзывать

разказъ, занимающій всего какихъ-нибудь 15—16 страницъ, совсѣмъ неудобно и нежелательно» (499).

Подобные же неутѣшительные результаты дали и чтенія «произведеній Достоевскаго», если только можно этимъ громкимъ именемъ назвать нѣсколько отрывковъ въ 10—30 крошечныхъ страничекъ., произвольно вырѣзанныхъ изъ «Записокъ изъ мертваго дома», «Подростка», «Братьевъ Карамазовыхъ» и «Записокъ неизвѣстнаго». Изъ семи отрывковъ только 4 («Вѣрующія бабы», «Мужикъ Марей», «Столѣтняя» и «Въ барскомъ пансіонѣ») оказались доступными народу, да и то съ нѣкоторыми оговорками; одинъ—«Воръ»—вовсе не былъ читанъ въ деревнѣ, а изъ остальныхъ двухъ,—«Лѣтняя пора» признана невозможной и недоступной народу въ настоящемъ изданіи (508), а о «Представленіи» сказано въ отчетѣ: «Какъ ни грустно намъ отстранять на этотъ разъ имя Достоевскаго, мы не можемъ не признать отрывокъ «Представленіе» непригоднымъ для народа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является передъ нами въ эту минуту» (509).

III.

Отчетъ о чтеніи Островскаго въ деревнѣ, послужилъ основаніемъ для многихъ широкихъ обобщеній, какъ со стороны Х. Д. Алчевской, такъ и критиковъ «Что читать народу?», о пригодности интеллигентской литературы народу. За небольшимъ исключеніемъ, драматическія произведенія Островскаго, въ самомъ дѣлѣ, были поняты деревенскими слушателями и понравились имъ. Но можно ли на основаніи этого дѣлать какія-нибудь широкія сообщенія?

Главные дѣйствующія лица въ драмахъ Островскаго—представители темнаго царства, тѣ же крестьяне, но у которыхъ перерѣзанъ питательный нервъ, соединявшій ихъ съ землей. Не успѣвъ ассимилироваться съ культурной средой, они поспѣшили перенять ея внѣшній лоскъ, который приблизилъ ихъ къ культурной жизни настолько же, насколько яркій мундиръ въ состояніи приблизить покойника къ обществу живыхъ людей. Герои Островскаго, не имѣя никакой духовной связи съ культурнымъ обществомъ, близки и понятны народу и по своему прошлому, и по тѣмъ омертвѣлымъ остаткамъ крестьянскихъ устоевъ, которые у нихъ уцѣлѣли и составляютъ ихъ убогое міросозерцаніе. Вслѣдствіе этого произведенія Островскаго понятны народу. Съ другой стороны, благодаря драматической формѣ, ставящей лицомъ къ лицу читателя съ героями пьесы, произведенія Островскаго, въ которыхъ вчерашніе крестьяне говорятъ язы-

комъ исполнѣ народнымъ, должны быть доступны даже малоразвитому читателю.

Удивительно ли, что эти произведенія были поняты въ деревнѣ? Но можно ли въ этомъ фактѣ найти подтвержденіе пригодности литературы общества для народа? Намъ кажется, напротивъ, что онъ свидѣтельствуемъ скорѣе о ея недоступности народу. Изъ отчетовъ г-жи Алчевской мы видимъ, что деревенскій слушатель понималъ прекрасно только тѣ сцены, въ которыхъ выступаютъ знакомые ему типы, но едва только является человѣкъ культурной среды,—сцена тотчасъ заволакивается туманомъ и слушатель перестаетъ ясно различать, что на ней происходитъ.

Вотъ, напр., что говорится въ отчетѣ о чтеніи «Бѣдной невѣсты». «Пока мы съ нашими слушателями стояли на почвѣ общечеловѣческихъ чувствъ и ощущеній, каковы: любовь, ревность, мщеніе, злоба, отчаяніе, пока передъ ними ярко обрисовывались свѣтлые образы Катерины, Краснова и другихъ, все шло хорошо, но какъ только началось описаніе будничной, сѣренькой жизни съ ея противорѣчіями идеаламъ, созданнымъ интеллигентнымъ человѣкомъ, такъ неожиданно-негаданно образовалась подъ ногами бездна и снова раздѣлила насъ на два лагеря, плохо понимающіе другъ друга. То, что казалось намъ смѣшнымъ и рутиннымъ, принималось народомъ за чистую монету и вызывало одобреніе. То, въ чемъ мы видѣли несчастіе и горе, признавалось имъ благопріятнымъ исходомъ, то, отъ чего страдало наше сердце, проходило для него незамѣченнымъ и вслѣдствіе этихъ диссонансовъ намъ казалось, что передъ нами другіе люди, что вчера еще они были гораздо умнѣе, гораздо воспримчивѣе къ пониманію жизни и ея сложныхъ явленій и т. д.» (стр. 521). О драмѣ: «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» говорится: «Монологъ Бабаева (Явл. II, стр. 25) оказывается непонятнымъ, да и куда же понять деревенскому человѣку такіа рѣчи: «Вотъ что значить быть среди хорошаго ландшафта, такъ сказать, наединѣ съ природой. Какія прекрасныя мысли приходятъ въ голову! Если эту мысль развить, конечно, на досугѣ, въ деревнѣ, можетъ выйти миленькая повѣсть или даже комедія, вродѣ Альфреда Мюссе. Только вѣдь у насъ не сыплютъ. Такія вещи нужно играть тонко, очень тонко; тутъ главное—букетъ» (519). Въ «Доходномъ мѣстѣ» являются люди культурной среды, интеллигенты,—и они опять оказываются непонятными народу. О Жадовѣ говорится нерѣзко: «Надо замѣтить, однако, что не все въ рѣчахъ Жадова было доступно пониманію публики, и мы очень хорошо чувство-

вали и сознавали, что при такихъ фразахъ, какъ: «я не уступлю миллионной доли тѣхъ убѣжденій, которыми я обязанъ воспитанію» и т. п., на лицахъ слушателей скользило выраженіе недоумѣнія и вопроса, но въ общемъ рѣчи были поняты, какъ нельзя лучше» (542). Но о Досужевѣ сказано болѣе опредѣленно: «Мрачная фигура Досужева, его желчное раздраженіе, сарказмъ въ рѣчахъ,—все это оказалось совершенно непонятымъ настоящимъ составомъ слушателей». Они, напр., вступались за плачущихъ кушцовъ» (стр. 543). Дальше, рѣчь Жадова къ Полинѣ опять не была понята и вызвала у одной болѣе смѣлой слушательницы признаніе: «Не розибрала». Также не было понято въ этой же драмѣ письмо свѣтскаго человѣка» (545) и т. д.

Короче, всюду, гдѣ на сцену являлся культурный человѣкъ,—интеллигентный или свѣтскій,—сцена дѣлалась совершенно чуждой народу.

Мнѣ лично не приводилось читать народу драматическихъ произведеній классическихъ писателей. Но, рядомъ съ выводами «Что читать народу?» мы находимъ на этотъ счетъ и другія, діаметрально противоположныя сужденія. Въ небольшой замѣткѣ г. В. Ер—лова по поводу доклада г. Н. Н. Хмѣлева о томъ, что читается народомъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ (мы, къ сожалѣнію, не имѣли возможности познакомиться съ этимъ, повидимому, очень интереснымъ докладомъ), говорится слѣдующее: «Любопытно категорическое заявленіе г. Хмѣлева, что «драматическія сочиненія вовсе не читаются и не понимаются народомъ». Этотъ выводъ—продолжаетъ г. Ер—ловъ,—вполнѣ совпадаетъ съ нашими личными по этому поводу наблюденіями, и потому намъ кажется, что не разъ высказывавшееся мнѣніе о томъ, что народъ любитъ читать и вполнѣ понимаетъ драматическую литературу,—требуетъ фактическихъ подтвержденій. По крайней мѣрѣ намъ приходилось не разъ слышать такой отзывъ о какой-нибудь комедіи или драмѣ: «непонятная кака-то, никакъ не разберешь, кто кому говорить: народу много, ну и путляешь имена». Очевидно простыхъ читателей смущаетъ діалогическая форма, занимающая такое исключительное мѣсто въ драмѣ, а также обиліе дѣйствующихъ лицъ. И если въ статьяхъ г-жи Алчевской и г. Абрамова дѣлаются совершенно иные выводы по этому вопросу,—выводы, такъ сказать, болѣе оптимистическаго характера, то не объясняются ли они нѣкоторымъ невольнымъ недоразумѣніемъ, въ которое впади почтенные изслѣдователи? А именно: на основаніи того успѣха, какимъ пользовались драматическія произведе-

денія, прочтенныя народу съ большимъ искусствомъ хорошою чтицею—они сдѣлали обобщеніе»¹⁾.

IV.

Черезъ 5—6 лѣтъ послѣ своихъ первыхъ чтеній, г-жа Алчевская прочла передъ той же своей аудиторіей произведенія Лермонтова. Однако, раньше, чѣмъ подѣлиться съ читателями разелуьтатами этихъ чтеній, она сочла необходимымъ сдѣлать слѣдующую оговорку:

«Мнѣ не разъ приходилось слышать, будто крестьянъ и школьниковъ, съ которыми читаю я, нельзя признать нормальными типами, такъ какъ первые слушаютъ мои чтенія 6-й годъ, а вторые вышли изъ школы, находящейся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Неужели съ этимъ можно согласиться и неужели чтенія интеллигентнаго чловека въ деревнѣ и раціонально поставленная школа не должны быть признаны (нормальными и естественными явленіями»²⁾).

Давши такой своеобразный отвѣтъ на ея же поставленный вопросъ, насколько чтенія въ ея аудиторіи могутъ считаться прототипомъ самостоятельныхъ чтеній обычнаго крестьянскаго грамотѣя,—г-жа Алчевская передаетъ свои впечатлѣнія отъ чтенія Лермонтова въ деревнѣ.

Крестьяне, какъ нельзя лучше, поняли и прочувствовали «Демона» и «Мцыри», высказывали по поводу нихъ очень тонкія и глубокомысленныя разсужденія, а одинъ изъ слушателей «дополнилъ поэмѣ «Демонъ» прекраснымъ и пластичнымъ разсказомъ» о кавказской природѣ.

Послѣ этого можно было ожидать, что всѣ другія, гораздо менѣе сложныя произведенія Лермонтова уже навѣрное окажутся достижимыми пониманію слушателей. Однако, по словамъ отчета, почти ни одно не оказался вполне понятнымъ. Въ «Герой нашего времени» «яркій образъ Бѣлы совершенно заслонилъ загадочный для нихъ образъ Печорина». (Томъ III, стр. 208). Чтенія «Боярина Орши» «было прослушано молча, безъ обычныхъ замѣчаній и оживленія, и, когда наступилъ конецъ, слушатели заговорили о чемъ-то другомъ... Бабы многого, очевидно, не поняли: не могли различить во время чтенія, говоритъ ли это игумень, бояринъ Орша или Арсеній; съ кѣмъ и за что дрался бояринъ Орша и т. д.» (196).

«Стихотворенія «Три пальмы», «Слышу ли голосъ твой», «Морская царевна», «У вратъ обители святой», «Парусъ», «Сонъ», «Что въ

1) „Русск. Вѣд.“ 1891 г. № 257.

2) „Что чит. нар“. Т. III. Спб. 1906. г. стр. 196.

полѣ за пыль пылить», «Тростникъ», «Свиданіе», «Вѣтка Палестины», «Выхожу одинъ я на дорогу», «Дубовый листокъ» не произвели, по-видимому, никакого впечатлѣнія. По поводу «Незабудки» замѣтили: «Судите какъ хотите, чи вона правда чи брехня!» «Три пальмы» прошли въ полномъ молчаніи. Неизвѣстно даже одолѣли ли слушатели самый сюжетъ... Казалось, что всѣ эти стихотворенія не дали имъ того поэтического наслажденія, какое даютъ они интеллигентному человѣку. Въ стихотвореніи «Молитва» ихъ сбilo съ толку слово «странникъ» и они отнесли и самую молитву на его счетъ»(201). Въ стихотвореніи «На смерть Пушкина» «для слушателей, которые знаютъ, что Пушкинъ великій поэтъ и убитъ на дуэли, понятно, очевидно, только заглавіе, только такъ сказать, самый фактъ происшествія; стихотворенія же они слушаютъ молча съ выраженіемъ того бесплодно-напряженного вниманія, которое такъ больно видѣть на старческомъ лицѣ пожилого слушателя. И, дѣйствительно, что могутъ понять они безъ комментарій отъ первыхъ строкъ его и до послѣднихъ? То же напряженное недоумѣніе видимъ мы на лицахъ слушателей при чтеніи стихотвореній «Звукъ», «Посвященіе къ поэмѣ «Демонъ», «Есть рѣчи, значенье» (205).

«Приступая къ чтенію «Валерика»—говорить составительница,—я вдругъ почувствовала необходимость объяснить крестьянамъ первыя вступительныя строки стихотворенія.

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю, какъ и для чего.

Увѣренность, что они не поймутъ кто и къ кому пишетъ это, заставило меня отступить отъ моего обычнаго правила—не вступать въ объясненія, ограничиваясь интереснымъ наблюденіемъ, какъ перевариваются крестьянами самостоятельно подобныя литературныя приемы. Вотъ почему я не берусь судить, что было бы съ этимъ вступленіемъ безъ моего разъясненія и предполагало, что оно могло бы вызвать недоумѣніе со стороны крестьянъ» (203).

Въ отчетѣ мы не находимъ указанія, чувствовала ли составительница необходимость въ объясненіяхъ также, приступая къ чтенію «Демона»? (Хотя бы въ объясненіи самаго слова «демонъ»?) А между тѣмъ, это было бы очень интересно знать и могло бы объяснить какимъ образомъ аудиторія, ни слова не понявшая въ стихотвореніи «На смерть Пушкина» и многихъ другихъ стихотвореній, такъ хорошо и глубоко поняла такое сложное произведеніе, какъ «Демонъ»?

V.

Г-жа Алчевская сдѣлала еще интересный опытъ чтенія шведскихъ и норвежскихъ писателей. Въ отглавленіи отчета объ этихъ чтеніяхъ, указаны 9 произведеній Бьернстерне-Бьернсона, Ибсена, Густава афъ Гейерстама, Эрнеста Альгрена, А. Стриндберга и Г. Гауптмана.

Изъ трехъ рассказовъ Бьернсона только одинъ «Чистый флагъ» былъ хорошо понятъ деревенской аудиторіей. Рассказъ «Загадка жизни» былъ выслушанъ молча и составительница «казалось, что для нѣкоторыхъ слушателей онъ все-таки остался загадкой, не даромъ они такъ упорно молчали» (Т. III, 219). Чтеніе третьяго рассказа, «Вѣрность», заставило составительницу «оставить открытымъ вопросъ «рекомендовать ли этотъ рассказъ для чтенія народу?» (217). Такъ же открытымъ остался вопросъ «слѣдуетъ ли рекомендовать для народа рассказъ «Снѣжная зима» Гейерстама (222). По поводу рассказа «Къ чему жить?» Альгрена, составительница пишетъ: «Душевные страданія, разочарованія, доходящія до самоубійства, можно считать скорѣе принадлежностью интеллигентнаго человѣка, а потому врядъ ли читатель изъ народа разберется въ этихъ тонкихъ ощущеніяхъ» (222). Отноительно рассказа «Укоры совѣсти» Стриндберга говорится: «Когда я думала потомъ о примѣненіи этого рассказа къ малограмотному читателю изъ народа, для меня было очевидно, что онъ потребуетъ не однихъ только пропусковъ, непонятныхъ словъ, не однихъ купюръ, а полной талантливой переработки матеріала въ простой, безхитростный рассказъ» (224). «Потонувшій колоколь» не былъ читанъ въ деревнѣ. Г-жа Алчевская бесѣдовала по поводу него съ очень развитыми и начитанными учениками городской школы, съ которыми она вмѣстѣ смотрѣла въ городскомъ театрѣ эту пьесу.

Особенно подробный отчетъ дается по поводу чтенія «Норы» Ибсена въ деревнѣ.

«Когда мы притесурили къ чтенію,—пишетъ г-жа Алчевская,—аудиторія моя была чрезвычайно оживлена; ее занимало рѣшительно все... Но по мѣрѣ развитія драмы, я все больше и больше чувствовала, какъ энергія моихъ слушателей слабѣетъ и съ ужасомъ замѣчала скучныя длиноты, которыя ускользали отъ меня при одиночномъ чтеніи. Чувствовался первый приступъ скуки и слышались только отдѣльныя незначащія замѣчанія... Наконецъ, настали и полнѣйшія недоразумѣнія: старостиха неожиданно заподозрила, что Нора находится въ связи съ докторомъ Ранкомъ, другомъ дома, и ставши на эту фальшивую точку

зрѣнія, ни за что не хотѣла сдвинуться съ нея. Другіе, быть можетъ, не думали этого, но тѣмъ не менѣе обвиняли Нору и во лжи и въ лицемеріи и въ непокорности мужу. «Це вона такъ плеще що його нема»,— говорила презрительно старостиха при чтеніи, какъ Нора весело болтала съ Кристиной...

— «Довгенька казочка!»—замѣчаетъ кто-то, зѣвая.

— «Довгенька, та понятлива»,—говоритъ лицемѣрно «свекровь», которой хочется всѣхъ увѣрить всегда, что она все понимаетъ.

Даже грусть и раздумье Норы не трогаютъ безсердечныхъ на этотъ разъ женщинъ... Даже мысли Норы о смерти вызываютъ шуточное замѣчаніе... Рѣшимость Норы уйти изъ семьи и заняться самообразованіемъ вызываетъ новыя шуточки:

— «Розвинчалась! Вид рідних дѣтей одказалась!»

Дѣло доходитъ до того, что баба Параська говоритъ беззапѣнчиво:

— «Як би я їйн чоловіком була, я-б їйн била! (Если-бъ я ея мужемъ была, я бы ее била!)»—и старостиха доказываетъ, что дѣтей своихъ Нора прижила не съ мужемъ, а съ докторомъ Ранкомъ...

«Мнѣ досадно, что я выбрала для чтенія эту сложную, длинную драму съ тонкой психологической подкладкой, въ которой не могли разобраться они... Возвращаясь изъ хаты, я съ горечью сознаю фіаско, которое потерпѣла съ драмой Ибсена. Я вспомнила при этомъ то неотразимое впечатлѣніе, которое производили на моихъ слушателей комедія и драмы Островскаго, какъ все въ нихъ было просто, понятно и близко, но мнѣ не хотѣлось все-таки такъ скоро сдаться и въ слѣдующее воскресенье я рѣшила позволить себѣ произвести еще одинъ, быть можетъ, послѣдній опытъ. Съ этой цѣлью я принялась за перечитку и подготовку одной изъ любимыхъ мною драмъ Ибсена «Врагъ народа» («Докторъ Штокманъ»)...

Я горячо принялась за перечитку этой драмы съ карандашомъ въ рукахъ и съ цѣлью сдѣлать нѣсколько незначительныхъ купюръ, если понадобится. Вначалѣ купюры эти, дѣйствительно, были незначительны, и я вычеркивала отдѣльные фразы... Затѣмъ, пришлось зачеркивать цѣлые разговоры, и, наконецъ, цѣлыя страницы... Съ каждой новой страницей меня одолевали все большія и большія сомнѣнія, читать ли въ хатѣ драму «Докторъ Штокманъ», и я сильно поколебалась. Какъ вдругъ до меня дошелъ слухъ, что хатная аудиторія недовольна моимъ чтеніемъ... Мысль, что я разпоию своихъ деревенскихъ слушателей перечиткой намѣченныхъ мною произведеній шведскихъ и норвежскихъ писателей, испугала меня до рѣшимости оставить эту

затѣю, несмотря на то, что я убила на нее много времени и такъ искренно мечтала, что произведенія эти придутся по душѣ читателю изъ народа». (Т. III, стр. 219—21).

Такъ печально и закончился опытъ съ чтеніемъ шведскихъ и норвежскихъ писателей въ деревнѣ.

Приведенные выдержки изъ отчетовъ «Что читать народу?» лучше всякихъ разсужденій свидѣтельствуютъ, что литература общества, за исключеніемъ нѣсколькихъ, большей частью, незначительныхъ произведеній совершенно недоступна, ни по языку, ни по содержанию среднему крестьянскому читателю.

VI.

Мы видѣли, что по вопросу о литературѣ общества для народа общіе выводы составительницъ «Что читать народу?» не только расходятся, но прямо противорѣчатъ тутъ же приведеннымъ отчетамъ о каждомъ чтеніи въ отдѣльности. Это же самое противорѣчіе, но ужъ въ обратномъ смыслѣ, мы находимъ въ отношеніи составительницъ къ произведеніямъ, написаннымъ специально для народа. Высказывая нѣсколько разъ рѣшительное осужденіе всякимъ подобнымъ попыткамъ, составительницы въ своихъ отчетахъ о чтеніи спеціально-народныхъ изданій «Посредника», «Русскаго Богатства» и др. не только признаютъ ихъ годными и доступными народу, но горячо рекомендуютъ для народнаго чтенія. Это же противорѣчіе мы встрѣчаемъ и у критиковъ «Что читать народу?», которые въ одно и то же время и презрительно отзываются о какой-то «специфической спеціально-народной литературѣ», и горячо хвалятъ большинство народныхъ разсказовъ Толстого и другихъ извѣстныхъ писателей. Обратимся поэтому опять непосредственно къ отчетамъ.

Въ предисловіи къ отчету о чтеніяхъ изданій «Посредника» составительницы говорятъ: «Разсматривая изданія «Посредника», мы имѣли предъ собою огромный матеріалъ, состоящій изъ сотенъ писемъ, полученныхъ складомъ изъ различныхъ концовъ Россіи и заключающій въ себѣ отзывы читателей. Эти разнообразныя отзывы давали намъ, пожалуй, право подвести благопріятныя итоги, даже безъ всякихъ съ нашей стороны провѣрокъ, но мы предпочли еще разъ подвергнуть изд. «Посредника» личному опыту и подѣлиться съ читателемъ результатомъ нашихъ наблюденій» (Т. II, 59). И личный опытъ оказался не менѣе благопріятнымъ для изд. «Посредника». Оказалось, что почти безъ исключе-

нія всѣ изданія этой фирмы были поняты, какъ нельзя лучше съ начала до конца даже совершенно неграмотными слушателями. Соответственно этому было и впечатлѣніе, произведенное названными изданіями на слушателей. Вотъ отчетъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ чтеній:

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого произвела потрясающее впечатлѣніе. «Взволнованныя и возбужденныя ходомъ событія въ драмѣ онѣ (слушательницы) горячо передавали другъ другу случаи, выхваченныя прямо изъ жизни и происшедшіе чуть не вчера у нихъ на глазахъ. Случаи эти были поистинѣ ужасны и каждый изъ нихъ могъ бы послужить мотивомъ къ новой драмѣ (122).

«Много ли человѣку земли надо?» («Три сказки») его же. «Сила интереса и оживленія, съ которою прослушана была сказка, превзошла всѣ наши ожиданія. Казалось, что всѣ эти событія совершаются у насъ на глазахъ, при общемъ шумѣ толпы, при спорахъ, восклицаніяхъ, предположеніяхъ и надеждахъ. — «Охъ, поѣде!» говорили они, какъ будто выпроваживая знакомаго человѣка въ рискованный путь; и тутъ же начинались рассказы о томъ, какъ поѣхалъ на новыя мѣста сынъ мужика Кобца, и какъ нѣтъ отъ него ни слуху ни духу; какъ церковный регентъ тоже послалъ сына своего «до Самары» и много людей ждетъ, пока воротится онъ и что скажетъ. Рассказы эти и исторія Пахома сливались въ нѣчто пѣльное, нераздѣльное, пополняющее одно другое. Посторонній слушатель, не слѣдившій по книгѣ, навѣрное не могъ бы рѣшить, гдѣ кончаются рассказы о мужикѣ Кобцѣ и начинаются рассказы мужика Пахома» (98—9).

«Воръ» Я. Гололобова. «Рассказъ «Воръ» настолько захватилъ вниманіе слушателей, что совершенно парализовалъ усталость. Всѣ были бодры и оживлены».

— «Ой, Боже жъ мій!—слушая рассказъ, воскликнулъ съ чувствомъ одинъ изъ слушателей.—Неначе (будто) воно на души сиділо! Ну, скажемо къ приміру, патреть (картина). Зійшовъ вінъ на високу гору, вдививсь (всмотрѣлся) и описавъ, а це жъ якъ?» (109).

«Бабыя доля». «Рассказъ «Бабыя доля» такъ близокъ къ жизни народа, такъ вѣрно рисуетъ картины и деревенскаго горя, и деревенской радости, что всецѣло захватываетъ вниманіе слушателей и вызываетъ въ нихъ и сожалѣнія, и смѣхъ, и слезы» (114).

«Черныя вороны» и «Весь вѣкъ для другихъ». П. В. Засодимскаго: «Мы не можемъ назвать настоящій рассказъ

талантливымъ, но тема его такъ близка народу, раздумье надъ тѣмъ, откуда идетъ это зло и какъ бороться съ нимъ,—такъ необходимо, что мы считаемъ его нелишнимъ въ народной библіотекѣ. Деревенскимъ людомъ онъ слушается съ большимъ интересомъ и вызываетъ толки и разсужденія о мѣстномъ кулачествѣ» (137).

«Хвора я». А. Потѣхина. «Разсказъ «Хвора я», написанный тепло и талантливо, прочтется съ интересомъ и удовольствіемъ во всѣхъ слояхъ общества, но никому, пожалуй, онъ не будетъ такъ близокъ и понятенъ, какъ деревнѣ. Семейныя отношенія свекрови, невѣстки и сына, требованія непосильной работы отъ хворой, но молодой женщины, шестеро дѣтскихъ ртовъ, вопіющихъ о пищѣ, исканіе суда и правды въ волостномъ правленіи и у мѣстныхъ властей,—все это свое, родное, все это испыталъ почти каждый или на себѣ, или на братѣ, или на сватѣ. Вотъ почему, вѣроятно, разсказъ слушался съ огромнымъ интересомъ и сочувствіемъ». (135).

Точно такіе же благоприятные и восторженные отзывы о книжкахъ этой категоріи встрѣчаются въ изобиліи и въ I и въ III томахъ «Что читать народу?» Но и приведенные нами, кажется, достаточно свидѣтельствуютъ, что книжка, специально для народа написанная изъ его жизни, глубоко и сильно заинтересовала деревенскаго слушателя. И, что особенно интересно, заинтересовала не столько художественными красотами, сколько тѣмъ, что онъ въ ней нашелъ свою жизнь, свои нужды и запросы. Если разсказъ касается какой-нибудь важной стороны народной жизни, чтеніе буквально поглощало слушателей, почти безразлично—написана ли книжка великимъ художникомъ или начинающимъ писателемъ, художественное ли это произведеніе или простое описаніе быта какой-нибудь части народа или рабочихъ¹⁾. Въ приведенныхъ выдержкахъ о разска-

¹⁾ Вотъ что говорится, напр., въ отчетѣ о чтеніи книги «Черные богатыри». Жизнь рудокоповъ подъ землей, очень знакомая деревенскимъ слушателямъ г-жи Алчевской, живущимъ въ районѣ, изобилующемъ каменноугольными рудниками. Интересъ слушателей къ книгѣ, по словамъ отчета, превзошелъ всякія ожиданія чтницы. «Разсказы о происшествіяхъ въ жизни смѣшались съ описаніемъ тождественныхъ случаевъ въ книгѣ; шумъ, говоръ, оживленіе наполняли хату; дошло до того, что при чтеніи подробностей несчастнаго случая съ рабочимъ, который остался потомъ на вѣки калѣкой, одинъ изъ мужиковъ-шахтеровъ воскликнулъ оживленно: «а якъ же, це ж при мені було!»—и онъ назвалъ фамилію пострадавшаго и разсказалъ устно всѣ детали происшествія, дѣйствительно, весьма сходнаго съ описаннымъ событіемъ». (859).

захъ: «Черные вороны» и «Хворая» мы видѣли, что составительницы сами обратили вниманіе на глубокий интересъ, возбуждаемый въ слушателяхъ описаніемъ ихъ собственной жизни,—въ отчетахъ о другихъ разсказахъ мы опять встрѣчаемъ прямое указаніе на эту черту. По поводу разсказа «Коробейники» въ отчетѣ говорится: «Насколько мы могли наблюдать, народъ съ большимъ интересомъ относится къ воспроизведенію въ литературѣ этого типа (кулака-кабатчика), который въ извѣстной степени составляетъ злобу дня его жизни. По поводу книги съ подобнымъ содержаніемъ обыкновенно возникаетъ много толковъ, бесѣдъ, сопоставленій написаннаго съ жизнью» (192). А по поводу разсказа «Гонулъ да выплылъ» говорится: «Есть книги, которыя не отличаются особенно художественною талантливостью, но въ нихъ затрогиваются вопросы, близкіе народу, возбуждающіе въ немъ горячій интересъ, и, въ виду этого, стоящіе того, чтобы обратить на нихъ серьезное вниманіе и дѣлать ихъ достояніемъ народной библиотеки» (230—1).

Въ отчетахъ о книгахъ, написанныхъ специально для народа и изъ его жизни, бросается въ глаза то обстоятельство, что аудиторія ихъ не только слушаетъ, но и живетъ съ книгой, непосредственно сейчасъ примѣряя ея мораль къ своей жизни, къ себѣ. Даже рѣдкое, вполне доступное народу по языку и содержанію произведеніе литературы общества слушалось въ деревнѣ «такъ себѣ», развлеченія ради, большей частью, какъ «пріказка», и въ то же время «спеціальная» книжка приводила слушателей въ такое волненіе, какое можетъ вызвать только дѣйствительное событіе. Мы видѣли, что иногда разсказъ смѣшивался съ реальной жизнью. Въ отчетахъ приводятся и болѣе любопытныя факты, какъ книга примѣнялась и примѣрялась тутъ же активно къ жизни, вызывая даже инциденты во время чтенія. Въ повѣсти «Хворая» «типъ сельскаго старшины очерченъ такъ ярко и жизненно, что мѣстный старшина, чловѣкъ въ высшей степени самолюбивый и надменный, былъ, очевидно, шокированъ этимъ, и когда старостиха, съ свойственной ей рѣзкостью и безцеремонностью, расхохоталась и сказала: «Вони скрїзь таки» (вездѣ они таковы), онъ вдругъ распѣтушился, покраснѣлъ весь, какъ ракъ, вскочилъ со скамейки и произнесъ рѣзко и запальчиво: «Дура! какъ ты сміешь выраженіе такое дѣлать? мовчати!» Всѣ настолько поражены были неожиданностью этой выходки, что въ хатѣ воцарилась глубокая тишина, да и самъ онъ, видимо, нѣсколько смутился, сѣлъ опять на ска-

мейку, просидѣлъ нѣсколько минутъ и затѣмъ молча удалился изъ хаты, полный величія и собственного достоинства.

— «Анъ (ишь) якій начальникъ, хіба винъ тутъ старшина! Чули (слыхали) мы его правду!»—заговорило вдругъ нѣсколько голосовъ. Очевидно всѣ недовольны были выходкой господина старшины.

— «Ці книжки тильки-бъ старшинамъ читати, повтикали-бъ усі (убѣжали-бы всѣ),—замѣтилъ иронически дѣдъ Бруско». (137).

Въ другой разъ, слушая рассказъ: «Не гонись за большимъ—малое потеряешь», въ которомъ описано, какъ крестьянское семейство разорилось и погибло оттого, что отецъ и дѣти пошли въ городъ на заработки,—«старостиха пришла въ такой азартъ, что стукнула по столу кулакомъ и проговорила желчно: «Не пущу дочку у заводъ, якъ собі хоче (не пущу дочку въ заводъ¹⁾, какъ себѣ хочеть») (153).

VI.

Придавая книгамъ харьковскихъ учительницъ важное значеніе, мы, однако, не думаемъ этимъ сказать, что данный опытъ вполне достаточенъ для всесторонняго выясненія крайне сложнаго вопроса народной литературы во всѣхъ его частяхъ. Но, съ другой стороны, мы также не можемъ признать результата этого опыта случайнымъ на томъ основаніи, что онъ былъ произведенъ въ сравнительно ограниченномъ размѣрѣ и въ одномъ лишь только уголѣ, да и то не центральной Россіи. То, что рассказано въ книгахъ «Что читать народу», подтверждается многими другими фактами и цифрами. Мой личный долготѣнній опытъ чтенія рабочимъ и крестьянамъ нѣкоторыхъ селеній того же уѣзда, гдѣ происходили чтенія г-жи Алчевской, далъ положительно такіе же результаты. Этому опыту чтеній и посвящены послѣдующіе очерки.

¹⁾ Въ гор. Луганскъ, именуемый крестьянами по старой памяти Луганскимъ заводомъ или просто „заводомъ“.

Народъ о книгѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Капитальный трудъ харьковскихъ учительницъ, явившійся первой серьезной попыткой непосредственнаго изученія духовныхъ запросовъ народнаго читателя, его отношенія къ печатному слову,—перенесъ вопросъ о народной литературѣ изъ кабинета педагоговъ и издателей на судъ самаго народа, поставилъ его на почву правильнаго научнаго изслѣдованія. Помимо этого, оба тома «Что читать народу?», содержатъ такую массу интереснаго и цѣннаго матеріала, столько характерныхъ чертъ психологіи народнаго читателя, что положительно должны быть настольной книгой всякаго работающаго или собирающаго работать въ средѣ народа. Но, рядомъ съ этими большими достоинствами, трудъ харьковскихъ учительницъ, какъ уже было подробно указано въ предыдущихъ очеркахъ, страдаетъ и нѣкоторыми крупными недостатками, происшедшими, главнымъ образомъ, вслѣдствіе не совсѣмъ правильной и объективной постановки самаго опыта. И въ городской, и въ деревенской аудиторіяхъ Х. Д. Алчевской книжки читались всегда людьми интеллигентными и читались, конечно, такъ, какъ не прочтеть никакой народный читатель; помимо этого, при чтеніи сколько-нибудь сложныхъ по формѣ или содержанію художественныхъ произведеній, читцы дѣлали вступленія, давали подробныя объясненія не только словъ и выраженій, но и литературныхъ формъ и типовъ, что значительно способствовало пониманію такихъ произведеній, которыя въ самостоятельномъ народномъ чтеніи оказались бы непонятными. На это обратили нѣсколько разъ вниманіе сами слушатели: «А я отъ-це вамъ скажу, люде добре—замѣтилъ Демьянъ:—може де-хто изъ насъ и не понявъ-би чого-нибудь, якъ-би не таке читання. Ще-жъ треба судити, якимъ гласомъ прочитано. Вони такъ читають, якъ казку кажуть, ніби (будто) й не зъ книги!» (Т. II, 127). Все это отнимало у опыта характеръ прототипа самостоятельнаго чтенія народныхъ грамотѣевъ. Съ другой стороны, то обстоятельство что книжки читались

человѣкомъ иной среды, иного уровня развитія, да еще женщиной, да еще учительницей—должно было сильно отразиться на отношеніи слушателей къ читаемому, должно было заставить ихъ быть сдержанными, а иногда и неискренними въ своихъ отзывахъ и разсужденіяхъ.

Живя въ теченіе довольно долгаго времени въ средѣ крестьянъ и рабочихъ-шахтеровъ (Екатеринослав. губ.), а затѣмъ городскихъ черно-рабочихъ (преимущественно «босяковъ») то въ качествѣ учителя, то простого рабочаго, я имѣлъ возможность путемъ довольно обширнаго и систематическаго опыта чтеній нѣсколькихъ сотъ народныхъ книжекъ передъ крестьянской и рабочей аудиторіей провѣрить выводы харьковскихъ учительницъ.

Обстоятельства благопріятствовали мнѣ въ томъ смыслѣ, что я имѣлъ полную возможность приблизить мои чтенія къ типу самостоятельныхъ народныхъ чтеній. Пребывая въ тѣхъ же условіяхъ жизни и труда, что мои слушатели, я нисколько не стѣснялъ ихъ своимъ присутствіемъ, не мѣшалъ имъ высказываться откровенно и свободно, въ свойственныхъ имъ выраженіяхъ какъ о читаемыхъ книжкахъ, такъ объ ихъ герояхъ, людяхъ другихъ сословій. Мое личное участіе въ чтеніи я старался ограничить до *minimum*'а. Не задавалъ вопросовъ, не давалъ—по крайней мѣрѣ, во время самаго чтенія—никакихъ объясненій, не вмѣшивался въ разсужденія, не останавливалъ постороннихъ разговоровъ, когда ими прерывалось чтеніе. Выборъ книжекъ я, обыкновенно, предоставлялъ слушателямъ, а если между ними оказывался достаточно грамотный, то представлялъ ему читать ¹⁾).

1) Такого рода публичныя чтенія сдѣлались въ послѣднее время самымъ обычнымъ явленіемъ въ деревнѣ. Вотъ что пишутъ изъ Полтавской губерніи: „Преобладаетъ больше чтеніе „куткомъ“, вслухъ для домашнихъ и постороннихъ слушателей“. „Въ нѣкоторыхъ селахъ“,—пишетъ священникъ изъ Гадячскаго уѣзда,—сильно развито чтеніе на улицахъ. Хорошая погода; выйдутъ на улицу, усядутся на корточки иные улягутся—и идетъ у нихъ чтеніе. Одинъ читаетъ, а тѣ его слушаютъ, слушаютъ! Будто таинственное что происходитъ. Сколько вниманія у слушающихъ, сколько воодушевленія у читающаго!“ Собираются для такого чтенія больше своими семьями, но иногда набирается народу 20, 30 и даже 50 человѣкъ.

Во многихъ мѣстахъ за послѣдніе годы появились даже платныя чтенія, которые со своей книжкой или газетой ходятъ по базарамъ или по чайнымъ и читаютъ неграмотному люду—и получаютъ за свой трудъ добротное даваніе. Свѣдѣнія о такихъ чтеніяхъ собиралъ Н. А. Рубакинъ. Въ гор. Екатеринославѣ въ одной изъ чайныхъ попечительства трез-

Происходили чтенія обыкновенно такъ: въ деревнѣ—по воскресеньямъ и праздникамъ—днемъ и, накануне ихъ, ночью; лѣтомъ, днемъ и въ хорошую погоду, на улицѣ, возлѣ сборни, зимою или, когда нельзя было на улицѣ, въ домѣ у какого-нибудь крестьянина. На рудникѣ чтенія происходили, главнымъ образомъ, по буднямъ, ночью, по окончаніи работы, въ казармѣ. По праздникамъ же, въ особенности, большимъ праздникамъ очень рѣдко удавалось читать на рудникѣ. Въ такіе дни не до-книги было. Пьянствовали. И чѣмъ продолжительнѣе былъ праздникъ, тѣмъ сильнѣе было пьянство. Правда, подгулявшая казарма иногда требовала, и очень настойчиво, чтенія книжки («Т-о-о-лько не божественной!»). Но такія чтенія обыкновенно на первой же страницѣ прерывались не менѣе настойчивымъ требованіемъ «выпить за компанію», на чемъ чтеніе и заканчивалось. За то въ будни, послѣ работы, шахтеры охотно просиживали по 4—5 часовъ, слушая чтеніе, и готовы были всю ночь просидѣть.

Не смотря на то, что чтенія мои велись въ теченіе шести-семи лѣтъ (съ нѣкоторыми перерывами), мѣстная администрація даже не подозрѣвала о нихъ. Ни въ деревняхъ, ни на рудникахъ не нашлось ни одного человѣка, даже среди тѣхъ, которые косо поглядывали на мои чтенія, который донесъ бы о нихъ уряднику или становому. Впрочемъ, никому и не приходило на мысль смотрѣть на мои чтенія, какъ на организованныя чтенія, для которыхъ требуется разрѣшеніе. Они имѣли больше характеръ случайныхъ, самостоятельныхъ чтеній, при моемъ участіи. Тѣмъ не менѣе, когда при чтеніи въ деревнѣ, на улицѣ, возлѣ сборни, вдругъ раздавался колокольчикъ станового и я неожиданно уходилъ въ какую-нибудь хату, крестьяне не удивлялись этому. Раза два даже случилось, что меня предупреждали, что ожидается пріѣздъ начальства—и чтеніе изъ-за этого откладывалось.

Что касается уровня грамотности и развитія слушателей, то въ деревнѣ онъ былъ ниже средняго. Большинство было совершенно негра-

---

востн, которая находится на базарѣ и всегда полна народомъ, каждый день являлся какой-то босякъ, который превосходно читалъ вслухъ „книжки“ и такимъ путемъ зарабатывалъ себѣ деньги. Босякъ-чтець не только читаетъ книги вслухъ, но и самъ выбираетъ ихъ для своихъ слушателей, рѣшая самолично, какая книга имъ подходитъ и какая нѣтъ. Такіе же чтецы ходятъ по фабрикамъ и деревнямъ. Такимъ же „просвѣтительнымъ дѣломъ“ занимаются иной разъ и рабочіе, которые, въ ожиданіи заработка, читаютъ книги вслухъ“. (А. Николаевъ „Книга въ деревнѣ“, 1907 г., стр. 23—4).

мотно. Среди шахтеровъ же и босяковъ былъ очень небольшой процентъ неграмотныхъ. Встрѣчались даже такіе, которые читали Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова.

І. Литература въ классификаціи народнаго читателя.

І.

Народъ, какъ извѣстно, относится съ глубокимъ почтеніемъ къ печатному слову: «Напечатано—значить, правда; напечатано,—значить, справедливо». Такое отношеніе къ печатному слову сложилось у народа подъ влияніемъ религіозной книги, которая первая проникла въ народную среду и цѣлые вѣка оставалась тамъ единственной, къ которой народъ относился и продолжаетъ относиться съ благоговѣніемъ и безусловнымъ довѣріемъ, какъ къ святынь.

Съ конца XVIII-го столѣтія въ народную среду начали проникать и свѣтскія книги. Одновременно съ житіями святыхъ и другими религіозными книгами, офеня понесъ въ деревню и «Бову Королевича», и «Еруслана Лазаревича», и «Францыля», и «Милорда» и разныя другія сказки. Затѣмъ пошли рыцарскіе романы, завалавшіяся сентиментальныя повѣсти и самостоятельная страшня лубочныхъ писателей. За неимѣніемъ лучшаго, народъ принялъ эту литературу, но онъ и оцѣнилъ ее по достоинству. Лубочную свѣтскую книжку онъ не призналъ даже книгой, оставивъ ей, независимо отъ содержанія, презрительное въ устахъ народа, названіе—с к а з к и.

Этими двумя рѣзко противоположными опредѣленіями произведеній литературы народный читатель могъ довольствоваться лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не зналъ иныхъ книгъ, кромѣ религіозныхъ, съ одной стороны, и свѣтскихъ, лубочныхъ, съ другой. Но едва только въ народную среду начала проникать новая книга, изданная или составленная для народа людьми интеллигентнаго общества; книга, въ которой изображается реальная жизнь, большей частью, даже народная, съ ея горемъ и радостью, и поднимаются вопросы моральнаго и соціальнаго характера, едва только народный читатель получилъ возможность хоть нѣсколько познакомиться съ этою книжкой,—какъ онъ сразу выдѣлилъ ее въ особую категорію. Новая книжка, конечно, не религіозная: въ ней нѣтъ ни святыхъ, ни описанія чудесъ, ни славянскихъ изреченій, но и не сказка—«брехня», не «басня», не пустое балагурство;

она—житейская книжка и имѣть свой интересъ, свое серьезное значеніе.

Такимъ образомъ, у народа, которому совершенно неизвѣстны и непонятны наши многочисленныя дѣленія произведеній художественнаго творчества, самостоятельно выработалось дѣленіе извѣстной ему литературы на три отдѣла: 1) божественныя книжки, 2) «сказки», и 3) житейскія книжки. Посмотримъ, какіе запросы предъявляетъ народъ каждому изъ этихъ отдѣловъ.

II.

Мнѣ лично рѣдко приходилось читать такія религіозныя книжки, которыя заранѣе были бы знакомы слушателямъ, какъ «божественныя». Это, однако, не помѣшало мнѣ замѣтить, что къ книжкамъ этой категоріи слушатели относились съ глубокимъ благоговѣніемъ, положительно, какъ къ святынь¹⁾. Это высказывалось и при чтеніи свѣтскихъ книжекъ. Такъ, напр., для понравившейся книжки не существовало болѣе высокой похвалы, какъ возведеніе ее въ разрядъ божественной; для добродѣтельныхъ героевъ не было высшей награды, какъ приобщеніе ихъ къ лику святыхъ. Герои нѣкоторыхъ рассказовъ даже возводились въ санъ ангеловъ. Почти все положительныя персонажи понравившихся рассказовъ, отъ саложника Семена (въ сказкѣ Толстого «Чѣмъ люди живы») до Дездемоны, были канонизированы слушателями. Если мнѣ рѣдко случалось самому предлагать слушателямъ чтеніе божественныхъ книжекъ, то случалось, что чтеніе какого-нибудь свѣтскаго сказа, даже интереснаго, вдругъ прерывалось просьбой:

— А ты бѣ лучше почиталь намъ какую ни на есть божественную.. «нашу» бы намъ почиталь!..

И при этомъ мнѣ протягивалась засаленная, истрепанная книжка, «Житіе святого», изданіе какой-нибудь «обители». И когда я начиналъ

¹⁾ Это отмѣчаютъ чуть-ли не все, писавшіе объ отношеніи народа къ книгѣ. «Божественная книжка въ глазахъ деревенскаго читателя,— пишетъ, напр., Н. А. Рубакинъ,—окружена какъ бы ореоломъ. «Разъ ты приобрѣлъ духовную книжку на собственные средства, пишетъ одинъ грамотѣй (Петерб. губ., Петергоф. уѣзда), ты совершилъ цѣль добродѣтели навсегда, не только для себя, но и для ближняго своего». Духовныя книжки хранятся у образовъ, свѣтскія же книжки, особенно такія, какихъ больше всего, т. е. лубочныя, такимъ почетомъ не пользуются». (Этюды, стр. 152).

читать эту, въ большинствѣ случаевъ, безграмотную, варварскимъ языкомъ написанную книжку, слушатели слѣдили за моимъ чтеніемъ съ благоговѣніемъ, съ восторженной любовью, съ широко раскрытыми глазами и такую же широко раскрытою душой.

Такъ относились къ «божественному чтенію» крестьяне¹⁾. Шахтеры и «босяки», напротивъ, никогда сами не требовали религіозной книжки и сильно тяготились такимъ чтеніемъ, находили его неинтереснымъ. Но различіе между рабочими и крестьянами было только по отношенію къ чтенію, а не къ самой религіозной книжкѣ, къ которой и шахтеры, и босяки относились съ глубокимъ уваженіемъ. Самое ихъ нежеланіе слушать «божественное чтеніе», особенно когда они находились въ нетрезвомъ состояніи, большей частью мотивировалось именно несоотвѣтствіемъ между грѣховностью своей жизни и святостью религіозной книжки. Въ рабочей казармѣ при чтеніи свѣтскихъ книжекъ слушатели выржали свои мысли и впечатлѣнія, нисколько не стѣняясь въ выраженіяхъ. При чтеніи же религіозной книжки никогда не раздавалось ни пиничнаго слова, ни насмѣшки. Даже безобидное, но легкомысленное замѣчаніе встрѣчало осужденія. При чтеніи разсказа «Фабіола», изъ жизни первыхъ христіанъ, причисленнаго слушателями къ разряду «божественныхъ», какой-то шахтерикъ, разсматривая на обложкѣ изображеніе св. Цициліи, воскликнулъ:

— А красивая какая—страсть!

— Васыкѣ только бы красота, больше ему ничего не надо,—отозвался съ насмѣшливымъ упрекомъ другой.

— Тоже!—воскликнулъ съ возмущеніемъ еще одинъ.—Читаютъ божественное, а онъ все свое—«кра-со-та!»

Въ общемъ, отношеніе народа къ религіозной книжкѣ приблизительно такое же, какъ къ церковной проповѣди. Въ божественной книжкѣ народный читатель ищетъ моральнаго поученія, примѣра, нравственной поддержки; онъ, помимо того, ищетъ въ ней рѣшенія мучающихъ его вопросовъ моральнаго, а иногда и соціальнаго характера. Вмѣстѣ съ

---

¹⁾ Особенно сильна привязанность къ религіозной книжкѣ, конечно, у стариковъ. Это привелось мнѣ лично неоднократно констатировать, это отмѣчаетъ и Н. Рубакинъ: «Въ 168 отвѣтахъ (на «Опытъ программы»), словомъ, почти во всѣхъ, которые содержатъ отвѣтъ на 78-й вопросъ, говорится, что старики больше любятъ читать книжки духовно-нравственнаго содержанія». И не только сами любятъ читать, но и заставляютъ дѣтей и молодежь читать эти книжки. («Этюдъ», стр. 151).

этимъ, онъ часто считаетъ самое чтеніе религіозной книжки богоугоднымъ и душеспасительнымъ дѣломъ, а въ книжкѣ видитъ нѣчто вроде талисмана, предохраняющаго отъ несчастій.

Но, помимо всего этого, средній народный читатель находитъ въ «божественномъ чтеніи» особенное эстетическое удовольствіе. Слушая чужое или свое собственное заунывно-монотонное чтеніе, смутно улавливая значеніе полупонятныхъ, но несомнѣнно прекрасныхъ словъ, измученный трудомъ и заботами, темный и бѣдный человѣкъ проникается какимъ-то ообенно-возвышеннымъ настроеніемъ. Божественное чтеніе превращается въ музыку, ласкающую слухъ, успокаивающую душу.

Одинъ маленькій эпизодъ довольно ярко освѣтилъ мнѣ эту психологию истомленаго деревенскаго человѣка, ищущаго въ религіозной книгѣ отвѣта своему настроенію.

Во время чтенія въ деревнѣ какой-то книжки, мимо нашей группы, расположившейся на улицѣ у «сборни», прошелъ низенькій, сгорбленный старичекъ.

— Дѣдъ Семень, куда идешь?—остановилъ его кто-то.

— Въ «дворъ», землю брать, — отвѣтилъ старикъ дребезжащимъ голосомъ, какъ-то пытливо глядя на насъ своими слезящимися, моргающими глазами.

— Въ конторѣ никого нѣтъ,—садись къ намъ, сказку послушаешь...

Старикъ пожевалъ губами, нѣсколько секундъ смотрѣлъ на меня грустнымъ покорнымъ взглядомъ и тихо протоврилъ:

— Плакать хочется...

Нижняя губа его задрожала, глаза покраснѣли,—а онъ все не спускалъ съ меня своего добраго покорнаго взгляда.

— Дѣтки мрутъ... скотина падаетъ... хлѣба нѣтъ... А ты читаешь должно про смѣшное, чтобъ раземѣшить. Какъ бы ты про Бога читалъ...

И махнувъ рукой, добавилъ:

— Пусть молодые слушаютъ...

И съ понурой головой тихо побрелъ въ «дворъ»...

III.

Подъ словомъ «сказка» въ примѣненіи къ печатнымъ произведеніямъ, народъ понимаетъ совершенно не то, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ: рассказъ о фантастическихъ, невозможныхъ въ дѣйствительности событіяхъ. «Сказкой» народъ называетъ тѣ произведенія, сказочныя или реалистическія, которыя кажутся ему недостаточно серьез-

ными, которыя не удовлетворяютъ его строгому требованію отъ книги, которыя не производятъ на него достаточно сильнаго впечатлѣнія. Такъ какъ большая часть свѣтской лубочной литературы не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ требованій, то народъ и оставилъ за нею знакомое ему издавна названіе «сказка».

«Сказка»—прежде всею выдумка, цѣликомъ или частью, и это уже лишаетъ ее всякаго серьезнаго значенія. Выдумывать небылицы, «исторіи», конечно, не станетъ человѣкъ серьезный. Можетъ заниматься этимъ только легкомысленный сказочникъ, балагуръ («брехунъ»), заниматься для потѣхи, для смѣха, для развлечения. «Сказка» не преслѣдуетъ никакой серьезной цѣли, не заключаетъ въ себѣ никакой моральной тенденціи. И если чтеніе ея подобаешь дѣтямъ, простительно молодымъ людямъ, то солидному человѣку, а въ особенности старику, и неприлично, и грѣшно заниматься подобными пустяками.

«Многія свѣтскія книжки, которыя «пустое пишутъ», — говоритъ Н. Рубакинъ, — крестьяне называютъ «побасенками». Намъ сообщаютъ даже о дѣленіи литераторовъ на «писателей» (кто «хорошо пишетъ») и «сочинителей» (кто «зря болтаетъ») и дѣленіе литературы на «божественное» и на «сказки» или «басни». Басни—это такъ, пустяки, забава; онѣ не нравятся, ихъ не любятъ, о нихъ говорятъ, что изъ нихъ ничего вынести нельзя. Но едва они поймутъ, что и въ баснѣ содержится правда, правоученіе и т. п., тогда и басни начинаютъ нравиться, ихъ любятъ и читаютъ... Тотъ же процессъ совершается и по отношенію къ другимъ беллетристическимъ произведеніямъ и инымъ книгамъ. Если книга ничего не дастъ—«пустяки», «побасулька». Деревенская читающая публика не гонится за щекотаніемъ нервовъ, какъ дѣлаетъ это публика столичная. Она требуетъ отъ книги «пользы»¹⁾.

Точно такую же характеристику отношенія народа къ свѣтской лубочной книгѣ находимъ мы и въ статьѣ г. П. Орелкина, резюмирующей отвѣты бывшихъ учениковъ народныхъ школъ на опросъ: какія книги они читали и что они вынесли изъ этого чтенія?

«Что книги беллетристическія цѣнятся крестьянами ниже, чѣмъ религіозныя, историческія и «поучительныя»,—говорится въ этой статьѣ,—показываютъ, между прочимъ, перѣдкія оговорки при перечисленіи этихъ книгъ, что читаются онѣ или «отъ скуки», или отъ «нечего дѣлать», или за немѣнимъ серьезныхъ книгъ, или же читались и «занимали

только въ молодости»... Беллетристика представляется обыкновенно читателю изъ народа въ образѣ «потѣшныхъ книгъ», «дряни» и «чепухи», распространяемой по деревнямъ лубочниками.

Далѣе въ этой же статьѣ приводятся отзывы молодыхъ и пожилыхъ крестьянъ о книгѣ.

«Изъ хорошихъ книгъ и вѣдомостей,—пишетъ одинъ крестьянинъ,—научился, что дѣлается въ пространствѣ всей Европы, а остальные книги, сказки ¹⁾ считаю просто одни плевелы.

«Такъ думаютъ пожилые люди... Не менѣе рѣшительно осуждаютъ лубочную литературу, «сказки», «потѣшныя книжки»,—и деревенская молодежь, представители которой изъ разныхъ мѣстъ Россіи пишутъ: «Въ книгахъ нашелъ мало чего хорошаго, потому что читалъ только сказки, а хорошихъ книгъ на базарѣ не продается». У «рашевцевъ» мало хорошихъ книгъ попадается,—все больше «сказки», у офеней такія книги, что разъ прочитаешь—и бросай: ничего въ ней дѣльнаго нѣтъ»... «Къ намъ торговцы привозятъ больше «сказочки», «много приходится прочитать и хорошаго и дурного—«сказокъ», у торгашей (продаются) только маленькія книжки—пустяки всякіе»... «Не понимаю, какъ цензура позволяетъ печатать такую дрянь», «за наименіемъ другого прочтешь и Бову Королевича или другую какую-нибудь чепуху» ²⁾.

Приведенныя выдержки, подтвержденныя моими личными наблюденіями, позволяютъ, опредѣлять не только, какъ народный читатель относится къ лубочной книжкѣ, но и почему онъ такъ къ ней относится.

Художественно - эстетическія потребности народа до сихъ поръ почти не связаны съ книгой, какъ художественнымъ произведеніемъ. Народъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ, даже и не представляетъ себѣ книгу, беллетристическое произведеніе, какъ предметъ художественнаго творчества. Не лубочной же «сказкѣ», почти всегда рѣзко анти-художественной, грубой и циничной, было развитъ въ немъ это представленіе, и не въ ней, конечно, а въ своемъ собственномъ устномъ творествѣ, ищетъ и находитъ онъ удовлетвореніе своихъ художественно-эстетическихъ запросовъ.

✓ Лубочная книжка, не заключающая въ себѣ ничего серьезнаго и

¹⁾ Въ отвѣтахъ другихъ корреспондентовъ эти „остальные книги“, называются, въ отличіе отъ религиозныхъ и серьезныхъ, „прочими“ „простыми“, „разными“ и т. д.

²⁾ „Отвѣты“ и т. д. Рус. Нар. Уч. 1893 г., № 11.

полезнаго, въ состояніи дать читателю только одно—развлеченіе. Описаніе невѣроятныхъ, страшныхъ и кричащихъ событій способно на часъ, два унести читателя изъ окружающей среды, какъ уносить его изъ нея лишняя рюмка водки. Крестьянскій читатель если не всегда отказывается, то и не гонится за этимъ «щекотаніемъ нервовъ», считаетъ это удовольствіе, въ лучшемъ случаѣ, бесполезнымъ. Поэтому онъ лубочную книжку читаетъ только отъ «нечего дѣлать» и постоянно награждаетъ ее такими эпитетами, какъ «побасулька», «чепуха», «дрянь» и т. п.

Иначе относится къ лубочной книжкѣ рабочій. Онъ тоже не ищетъ въ ней ни художественныхъ красотъ, ни серьезныхъ мыслей, ни полезныхъ указаній, но ему, какъ человѣку съ менѣе здоровыми нервами, чѣмъ крестьянинъ, нужно, подобное развлеченіе; онъ болѣе, чѣмъ крестьянинъ, чувствуетъ потребность уйти хоть на часъ въ совершенно иной міръ, далекій, невѣроятный, фантастическій. Этотъ читатель хорошо понимаетъ ничтожество «сказокъ» и «побасулекъ», но ему необходимы разные «Рокамболи», «Разбойники Чуркины», «Кровавыя призраки безъ головы», «Мертвецы безъ гроба», «Чортовы гнѣзда» и т. п., составляющія главную часть лубочной литературы.

Напомнимъ замѣчательное по своей яркости и глубинѣ опредѣленія этой потребности рабочаго человѣка—уйти забыться, данное Гл. Ив. Успенскимъ.

Описывая, какъ, застрявъ въ захолустномъ городишкѣ, онъ съ увлеченіемъ читалъ безконечный лубочный романъ «Рокамболь», Гл. Успенскій продолжаетъ:

«Я понялъ въ эти минуты, почему нелѣпый, ничего живого не заключающій въ себѣ французскій романъ маленькихъ газетокъ съ такою жадностью читается бѣднымъ рабочимъ классомъ; болѣе ужасное одиночество, въ которое поставленъ европейскій рабочій, трудно себѣ представить; революція, увѣривъ его, что онъ—не скотъ, а человѣкъ, все-таки до сей минуты не дала ему уюта, а оставила одного среди пустой площади и сказала: «ну, братъ, теперь живи, какъ знаешь». Кругомъ него все чужіе,—и вотъ почему Рокамболь, сто разъ умирающій, сто разъ воскресаящій можетъ заставлятъ прустить и радоваться одинокое сердце... Пожалуйста, господа романисты, берите краски для романовъ, которые пишете вы рабочему одинокому человѣку, еще туже, еще грубѣе тѣхъ, какія вы до сихъ поръ брали... Одиночество человѣка становится все ужаснѣе, судьба загоняетъ его все въ болѣе и болѣе темный уголь.

откуда не видно свѣта, не слышно звуковъ жизни... Бейте же въ барабаны, колотите, что есть мочи въ мѣдныя тарелки, старайтесь представить любовь необычайно жгучею, чтобы она въ самомъ дѣлѣ прожгла нервы, также въ самомъ дѣлѣ сожженные настоящимъ, заправскимъ огнемъ. Не церемоньтесь поэтому, господа, дешевые романисты, рисовать все, что есть хорошаго въ жизни, самыми аляповатыми красками, доводить черты красиваго, великаго до громадныхъ размѣровъ, чтобы намъ было видно ихъ изъ такой страшной дали... Слѣдую этому плану, господа нелѣпые романисты могутъ быть увѣрены, что ихъ Рокамболь можетъ воскресать сто тысячъ разъ и всякій разъ его примутъ съ распростертыми объятіями... Онъ, въ этой тьмѣ одиночества—другъ и пріятель, вокругъ котораго жизнь кипитъ ключемъ, какъ вода вокругъ пароводнаго колеса; возможно ли съ нимъ разстаться когда-нибудь?»¹⁾

IV.

Какъ, вѣроятно, и всякій, устраивавшій народныя чтенія, я началъ съ произведеній нашихъ великихъ писателей. Зная невысокій уровень развитія моихъ слушателей, я не ожидалъ отъ чтеній особеннаго успѣха. Но неуспѣхъ ихъ былъ гораздо больше даже того, чего я ожидалъ. Пробовалъ читать Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Тургенева и Достоевскаго,—и каждое изъ этихъ чтеній оставляло въ душѣ осадокъ жгучей обиды и тоски, болѣзненное чувство, которое можетъ быть понятно только тому, кто самъ пережилъ эти впечатлѣнія. Слушатели не только не понимали того, что я читалъ, но и не старались, не хотѣли понять. Послѣ первыхъ двухъ-трехъ страницъ, они становились равнодушными къ тому, что я читалъ и никакія мои усилія возбудить ихъ интересъ не дѣйствовали. Большую часть отрывковъ и рассказовъ приходилось оставить недочитанными и при этомъ выслушивать упреки, зачѣмъ я и началъ читать «такое непонятное», «такое неинтересное», «такую чепуху». Единственно, что слушатели хорошо поняли изъ всего читаннаго изъ произведеній великихъ писателей,—это «Сказки» Пушкина, «Вечера на хуторѣ», «Пѣсню про купца Калашникова», «Генераль Топтыгинъ» и нѣсколько другихъ мелкихъ стихотвореній Некрасова. Во время этого опыта я вполне раздѣлялъ общее мнѣніе, что передача народу произведеній нашихъ великихъ писателей необходима и составляетъ нрав-

¹⁾ „На старомъ пепелищѣ“ Соч. (изд. Павленкова) Т. I, стр. 558—9.

ственный долгъ всякаго интеллигентнаго человѣка. И тѣмъ не менѣе я не находилъ въ себѣ мужества продолжать долго эти мучительныя чтенія, которыя казались мнѣ профанаціей великихъ твореній и кровной обидой не понимавшему ихъ темному слушателю. Меня не подкупала мысль, что «какъ никакъ», а народъ всетаки узнаетъ имя Пушкина и Гоголя. Гораздо лучше, совершенно не знать этихъ именъ, чѣмъ знать Пушкина только какъ автора «Сказки о рыбацкѣ и рыбкѣ», Некрасова только какъ автора «Генерала Топтыгина». Какая иронія, какая горькая обида и для великихъ писателей, и для народа въ этомъ «знакомствѣ»; какой самообманъ со стороны тѣхъ, кто является въ роли знакомящихъ!..

Послѣ сравнительно небольшого опыта чтеній произведеній великихъ писателей, я перешелъ къ чтенію народныхъ изданій, которыя могли бы быть всецѣло поняты моими слушателями. Началъ я съ изданій «Посредника» и затѣмъ перешелъ къ другимъ, нѣсколько болѣе сложнымъ по формѣ и содержанію книжкамъ, изданнымъ для народа другими фирмами. Прочелъ я въ общемъ нѣсколько сотъ книжекъ, — большую часть изъ нихъ по нѣсколько разъ каждую — различнымъ слушателямъ. Опытъ этотъ довольно опредѣленно выяснилъ мнѣ отношенія слушателей къ новой книжкѣ и его запросы къ ней.

Что прежде всего и сильнѣе всего поразило слушателей въ новой книжкѣ — это ея реализмъ, ея живыя картины изъ быта крестьянъ и рабочихъ. Привыкшіе находить въ книжкѣ шаблонныхъ манекеновъ, съ которыхъ тщательно стиралось все живое и оригинальное, они съ первыхъ же чтеній остановилась съ восторгомъ и удивленіемъ передъ яркими картинами ихъ собственной жизни и чуть ли не съ первыхъ же чтеній начали называть новую книжку «ж и т е й с к о й» въ отличіе отъ «сказки».

Не сразу опредѣлили слушатели истинное отличіе новой книжки отъ лубочной — ея серьезную тенденцію и художественную обработку. Остановившись на ея реализмѣ, понятомъ ими слишкомъ примитивно, какъ описаніе случившихся событій, они сперва выдвигали эту «фактическую правду» отличительной чертой новой книжки. Но едва только они уловили въ книжкѣ ея другія особенности, ея идейную правду, ея художественность, какъ сосредоточили все свое вниманіе на этихъ особенностяхъ и начали предъявлять новой житейской книжкѣ такіе серьезные запросы, какіе предъявляли иногда только религіозной книжкѣ.

Не одинаковы были эти запросы у крестьянъ и у рабочихъ. Первые останавливались, главнымъ образомъ, на тенденціи, искали въ книжкѣ поученія какъ жить, отвѣта на различные сложные вопросы моральнаго и социальнаго характера. Вторые, рабочіе, останавливаясь, главнымъ образомъ, на фабулѣ разказа, требуя отъ него художественной правды, требуя, чтобы книга была, по выраженію одного шахтера, «зеркаломъ», чтобы она безъ поученій, яркими картинами, возвышала и облотораживала слушателя. Но въ чемъ болѣе или менѣе сходились и деревенскіе, и рудничные слушатели—это въ предпочтеніи, оказываемомъ книжкѣ, въ которой описывалась ихъ собственная жизнь, близкая и знакомая, съ ея горемъ и радостью, съ ея запросами и нуждами. Ж и т е й с к у ю книжку они понимали именно какъ книжку ихъ собственной жизни.

II. Первые чтенія. Реализмъ, какъ «фактическая правда».

I.

Первыя «житейскія» книжки, которыя я читалъ и въ деревнѣ, и на рудникѣ, преимущественно изданія «Посредника»—были бытовые разказы, въ которыхъ изображалась повседневная крестьянская и рабочая жизнь, хорошо знакомая слушателямъ. Несмотря, однако, на это, слушатели вначалѣ не допускали и мысли, что разказы написаны недавно, и рисуютъ современную жизнь. Такое предположеніе шло бы въ разрѣзъ съ установившимся издавна у народа убѣжденіемъ, что книга—и религіозная, и сказка—произведеніе давно минувшаго времени. Восхищаясь реализмомъ знакомыхъ картинъ и привычныхъ рѣчей, слушатели, въ то же время, относили не только описываемыя событія, но и составленіе книжки къ глубокой старинѣ.

При чтеніи въ деревнѣ разказа Толстого, «Чѣмъ люди живы?» гдѣ рядомъ съ ангеломъ выступаютъ такія реальныя и мастерски обрисованныя личности, какъ сапожникъ Семень и его жена Матрена,—одинъ изъ слушателей воскликнулъ:

— Вотъ какъ встарину было! Вотъ какіе тогда были сапожники!

— Теперь такихъ не найдешь,—подтвердилъ другой.

— Давно было, а какъ складно написано,—проговорилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ молодой парень.—Все обхожденіе, какъ теперь.

— Это сколько теперь послѣ Рождества Христова будетъ? Скоро 2.000 лѣтъ? Сторія, значить, въ эти 2.000 лѣтъ случилась, не раньше?—спросилъ еще одинъ.

— Ну-да, не раньше! Какъ же можно! — воскликнулъ увѣренно первый.—Про то не пишутъ, какъ люди жили раньше, когда еще въ Бога не вѣрили.

Въ другой разъ, послѣ чтенія жизнеописанія «Франциска Ассизскаго», на рудникѣ, одинъ изъ наиболѣе усердныхъ слушателей, кузнецъ Николай Сѣриковъ, замѣтилъ:

— А вѣдь все это про стародавнія времена! Про теперешнихъ людей не пишутъ.

Когда я напомнилъ ему нѣкоторые прочитанные на рудникѣ рассказы Толстого, Эргеля, Савихина,—онъ всетаки продолжалъ стоять на своемъ.

— Ну-да... А все же и въ нихъ описано, что случилось прежде насъ, примѣрно на сто лѣтъ. А какъ эти сто лѣтъ пройдутъ,—и про насъ будутъ писать... Да напишутъ ли про насъ!—прибавилъ онъ меланхолически.—Въ прежнее время люди были лучше теперешнихъ.

— И теперь, какъ поищешь, найдешь хорошихъ людей,—раздался чей-то отвѣтъ съ нарѣ.

— Ну-да, найдешь! Свѣтъ не устоялъ бы безъ добрыхъ людей,—согласился кузнецъ.—Только гдѣ они, эти добрые люди? Больше въ Сибири да на каторгѣ.

По прочтеніи этимъ же слушателямъ рассказа изъ крестьянской жизни «Дѣдъ Софронъ» Савихина,—одинъ шахтеръ, вздохнувъ, замѣтилъ:

— Да-а, встарину такъ и бывало...

— Что, встарину!—воскликнулъ другой.—А теперь что? То же самое, какъ есть! Бѣднаго всегда обижаютъ... У насъ на сходкахъ всегда такъ бываетъ...

— Раньше даже лучше жили, чѣмъ теперь...

— Что прежде, что теперь,—все одно...

Но никому не пришло въ голову установить, что въ этомъ бьющемъ въ глаза своей современностью рассказѣ, говорится не о старинѣ.

Когда я прочелъ въ рассказѣ «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» Толстого, что Мартынъ Авдѣевъ, во время чтенія, «бывало сниметъ лампочку съ крючка», молодой шахтеръ воскликнулъ съ глубокимъ недоумѣніемъ:

— Да развѣ жъ тогда были лампочки?

— Когда жъ это «тогда?»—спросилъ я его.

— А вотъ, когда Мартынъ этотъ самый жилъ?

— А это давно было?

Мой собесѣдникъ съ минуту глядѣлъ на меня съ недоумѣніемъ и вдругъ расмѣялся.

— А кто его знаетъ!.. Какъ читаешь,—кажется, все это—страсть, какъ давно было!

— То и вправду—кажется,—поддержалъ его другой.—Какъ читаешь,—кажется, да-вно, давно было. А посмотришь,—все какъ теперь, все обхожденіе: и лампочки, и керосинъ...

Истинную сенсацію произвело у деревенскихъ слушателей чтеніе протокола урядника (въ разсказѣ «Воръ» Гололобова), начинающагося словами: «1883 года»...

— Вотъ!.. Такъ недавно это было!..—воскликнулъ съ удивленіемъ одинъ.

— Ай-ай-ай! Только семь лѣтъ, какъ все это было!..

— Вотъ чудеса!—удивлялся и другой.

П.

Разсужденія о «стародавности» книгъ особенно часто повторялись только при первыхъ чтеніяхъ. Но ужъ само то, что вопросъ этотъ возбуждался, что у слушателей вырывались фразы вродѣ: «Давно было, а какъ складно написано», свидѣтельствовало, что разница между новой книжкой и старой, лубочной уже бросилась читателю въ глаза, обратила на себя его вниманіе. Вскорѣ слушатели пріучились видѣть въ новой книжкѣ описаніе современной, а не стародавней жизни. Но при этомъ произошло слѣдующее: реализмъ новой книжки былъ боятъ, какъ описаніе случившихся событій. Да и какъ могло быть иначе? Помимо того, что религіозная книжка пріучила народнаго читателя вѣрить, что все напечатанное въ серьезной книжкѣ— правда; помимо того, что гораздо пріятнѣе предполагать, что всѣ эти живо представленные персонажи, которыхъ любишь или ненавидишь, интересы и волненія которыхъ переживаешь,—не плодъ фантазіи, а дѣйствительно существующіе гдѣ-нибудь люди,—помимо этого, народному

читателю, совершенно незнакомому съ задачами и цѣлями художественной литературы, не имѣющему никакого представленія о художественномъ творествѣ, — трудно и представить себѣ, что всѣ эти столь знакомыя ему лица и событія не болѣе, какъ плодъ фантазіи. Выдумывать еще можно сказки, небылицы, но выдумывать картину реальной жизни во всѣхъ ея подробностяхъ—кто это сумѣетъ? Да и зачѣмъ сталъ бы кто выдумывать такія описанія?

И слушатели принимали всѣ бытовые житейскіе рассказы за правду, несомнѣнную и истинную во всѣхъ своихъ деталяхъ,—и довольно долгое время, пока не уловили истинное значеніе новой книжки, выдвигали эту фактическую правду, какъ достоинство новой книжки, какъ самое характерное отличіе ея отъ лубочной сказки.

При чтеніи въ деревнѣ «Двухъ стариковъ» Толстого, кто-то воскликнулъ съ умиленіемъ:

— Вотъ сказка! Самая что ни есть хорошая!

И на это тотчасъ же послѣдовалъ вопросъ:

— Да развѣ жъ это сказка? Это, можетъ, и на самомъ дѣлѣ было.

Въ другой разъ, при чтеніи «Кавказскаго плѣнника» Толстого, на рудникѣ, на чей-то вопросъ: случилось ли все это на самомъ дѣлѣ? получился поспѣшный отвѣтъ:

— Ну-да, брехать не стануть!

А при чтеніи «Постоялаго двора» Тургенева аналогичный же отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ высказанъ даже тономъ упрека:

— Ну, да какъ же не правда! Кому охота брехать!

Нѣкоторые слушатели не допускали даже, чтобы къ новой книжкѣ примѣнялось названіе «рассказъ». При чтеніи «Бабьей доли» на восклицаніе одного крестьянина: «Да, рассказъ гарній!»—молодая женщина, восторженувшись, спросила съ удивленіемъ:

Да развѣ же это рассказъ? А я думала, что это правда, что такъ случилось.

III.

При такомъ отношеніи къ новой книжкѣ, не удивительно, что слушатели иногда обращались съ героями рассказовъ, какъ съ реальными существами и даже узнавали въ нихъ своихъ знакомыхъ.

Послѣ чтенія рассказа «Чѣмъ люди живы», рассказа, самостоя-

тельно получившаго большую популярность въ народѣ, одна изъ слушательницъ, пожилая крестьянка, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— А скажите: Семень этотъ (сапожникъ, пріютившій у себя ангела) послѣ того «присвятился?»

— Нѣтъ...—отвѣтилъ я, не задумавшись.

— Какъ нѣтъ?!—воскликнула она съ большимъ удивленіемъ.—

У насъ ночеваль проходій человѣкъ, читаль эту самую книжку. Вотъ онъ и сказалъ: «И Семень, и Матрена оба послѣ того присвятились, бѣ святыя, значить, записаны. Матрена хоть и лаялась (ругалась), да потомъ смиловалась. Вотъ они оба и присвятились». Такъ и сказалъ проходій человѣкъ.

Иногда слушатели узнавали описываемыхъ лицъ, припоминали, гдѣ ихъ видѣли и т. д.

Когда я прочелъ, на рудникѣ, въ рассказѣ Савихина «Дѣдъ Софронъ», что сынъ этого Софрона пропалъ безъ вѣсти, одинъ шахтеръ высказалъ предположеніе, что онъ «подался на шахты».

— Постой!—встрепенулся ему въ отвѣтъ другой.—Какъ его? Евстигнѣй? Такой у насъ былъ, ей-Богу, былъ!

При чтеніи рассказа «Воръ» слушатели тоже узнавали нѣкоторыхъ лицъ. Когда появляется мѣстный кулакъ Дементій Хайло, молодой шахтеръ воскликнулъ съ радостнымъ возбужденіемъ, даже вскочилъ:

— А—а! Его с... с... знаю! Видѣлъ!

— Да я жъ его, стерву, самъ за гумнами билъ,—отозвался съ спокойной увѣренностью другой.

И дальше, когда герой рассказа, невинно пострадавшій Амешка, по выходѣ изъ острога, не знаетъ, куда дѣться и что дѣлать, шахтеры начали совѣтовать ему пойти на шахты.

— Да онъ теперь, можетъ, и тутъ,—сдѣлалъ кто-то предположеніе.—Васька, ты не видалъ его?—обратился онъ къ товарищу, шахтеру-старожилу.

— Видалъ,—отвѣтилъ невозмутимо-спокойно Васька.—Мы съ нимъ вмѣстѣ работали на Шишиловскихъ (рудникахъ). Онъ въ забой, а я вагоны гонялъ. Потомъ онъ убежъ, отъ жинки убежъ. Донимала она его—страсть!

На этой почвѣ случались курьезныя недоразумѣнія и съ иллюстраціями, которыя нѣкоторые слушатели принимали за фотографіи дѣйствующихъ лицъ и оцѣнивали не иллюстрацію на основаніи рассказа,

а наоборотъ. Такъ, напримѣръ, при чтеніи иллюстрированнаго изданія «Героя нашего времени», одинъ изъ крестьянъ, перелистывая книжку, раткнулся вдругъ на безобразное изображеніе Бѣлы.

— Уйба жъ це вона? — произнесъ онъ съ недоумѣніемъ, прочитавши подпись подъ картинкой.

— Охъ, тай страшна жъ! — замѣтилъ его сосѣдъ, потянувшись къ книгѣ.

— Тим вин йи и разлюбивъ! — добавила одна изъ женщинъ, отрѣшившись отъ свѣтлаго образа, созданнаго ея воображеніемъ, и сосредоточившись на конкретномъ рисункѣ (Т. Ш., стр. 209).

То же самое произошло и при чтеніи «Таманъ». «Слушатели мои, рассказываетъ Х. Д. Алчевская, однеслись къ героинѣ разсказа, какъ къ лицу вполне реальному, живому, называя ее умною, смѣлою, безстрашною, дѣвушкою. Но, на бѣду, по окончаніи чтенія, я вздумала показать картинку изъ сборника, изданнаго петерб. комитетомъ грамотности. Вглядываясь въ разтрепанную и безобразную фигуру, изображенную на этой картинкѣ, одинъ изъ нихъ воскликнулъ: Та вона видьма!» Очевидно, подъ впечатлѣніемъ художественнаго разсказа Лермонтова, ему нарисовался со-всѣмъ иной образъ — и эта картинка только сбила его съ позиціи.

— Чего жъ тамъ видьма?.. Вона черкеська, тимъ вона така й страшна, — заступился другой, пристально глядящаясь въ безобразное изображеніе.

Но бабамъ пришлось по вкусу первое толкованіе и, передавая книгу изъ рукъ въ руки, онѣ повторяли таинственно: — Може й видьма — Богъ святой знае!». (Ш, 210).

IV.

Принимая читаемое за описаніе истинныхъ событій, слушатели часто ставили книжкѣ требованія совершенно не литературно-художественнаго характера. Заинтересовавшись героемъ какого-нибудь разсказа, они допытывались, что стало съ нимъ «потомъ» и «чѣмъ все это кончилось». И крестьяне, и шахтеры были очень огорчены, что въ сказкѣ Толстого «Сколько человѣку земли надо?», сильно ихъ заинтересовавшей, «нѣтъ конца», и первымъ ихъ восклицаніемъ было:

— А деньги кто получилъ?

— А кому земля досталась?

Послѣ чтенія разсказа г. Немировича-Данченка «Махмуткины дѣти»,

въ которомъ разсказано, какъ русскій офицеръ отпускаетъ плѣннаго турка, одинъ крестьянинъ замѣтилъ:

— Не очень мнѣ понравилось. Такъ себѣ...

— Почему?—спросилъ я.

— Потому что конца нѣтъ, не сказано, что потомъ стало съ туркомъ.

Не удовлетворило нѣкоторыхъ слушателей и жизнеописаніе Гусса. Одинъ изъ нихъ, по окончаніи чтенія, замѣтилъ съ огорченіемъ:

— А про то не сказано: будетъ ли онъ (Гуссъ) имѣть царствіе небесное!..

Подобные же вопросы и замѣчанія высказывались и слушателями въ аудиторіяхъ Х. Д. Алчевской. Послѣ чтенія разсказа «Иванъ Ивановичъ и К^о» Круглова, одна изъ слушательницъ обратилась къ чтицѣ съ дрожаніемъ въ голосѣ:

— Я слыхала, вы въ Петербургъ ѣдете.

— Ёду, а что?

— Говорять, что тамъ всѣ сочинители живутъ.

— Что же изъ этого?

— Нельзя ли вамъ съ ними повидаться и спросить: живъ ли Иванъ Ивановичъ?» («Что читать народу?» Т. I, стр. 139).

Въ другой разъ, при чтеніи «Горе отъ ума» одна изъ слушательницъ, сильно заинтересовавшись Чацкимъ, задала учительницѣ слѣдующій вопросъ:

— «А позвольте узнать, есть у Чацкого капиталъ?» (Т. II, стр. 243).

Случалось мнѣ выслушивать замѣчанія и вопросы совершенно курьезные и несообразные:

По прочтеніи разсказа изъ жизни рабочихъ («Панфилъ Панфиловъ»), я спросилъ слушателей, поняли ли они прочитанное.

— Понять-то понялъ,—отвѣтилъ парень-шахтеръ.—Да только вотъ неизвѣстно, написано ли тутъ все, что Панфилъ говорилъ? Можетъ и не все, можетъ онъ еще что сказалъ...

Въ другой разъ, при чтеніи въ разсказѣ «Воръ» сцены, какъ напрасно заподозрѣнный въ воровствѣ Алешка ругаетъ своихъ обидчиковъ, я замѣтилъ, что молодой шахтеръ глядитъ на меня широко раскрытыми глазами и съ выраженіемъ все возрастающаго недоумѣнія. Я, наконецъ, спросилъ его: чему онъ удивляется?

— Да неужто-жъ Алешка ихъ ни разу не матюкнулъ?!—выпалилъ онъ.

— Можетъ и матюкнулъ, а тутъ-то не написано,—сдѣлалъ предположеніе другой.

— А можетъ онъ матернымъ словомъ не ругался?

V.

Если деревенскіе слушатели, подчеркивая «фактическую правду» разсказа, не находили точнаго термина для опредѣленія такого рода литературы, то шахтеры, между которыми были и читавшіе газеты, примѣняли иногда къ новой книжкѣ не особенно лестный для художественнаго произведенія терминъ «публикація».

Послѣ чтенія разсказа «Воръ» пожилой шахтеръ заговорилъ задумчиво:

— И что это значить! Какъ только гдѣ что случится—сейчасъ и опишутъ и опубликуютъ. Въ газетахъ публикуютъ все, что ни случится! Вотъ эта исторія съ Алешкой тоже должно въ какой-то тамъ слободѣ случилась—ее и опубликовали въ книжкѣ.

Черезъ нѣсколько дней, при чтеніи этимъ же слушателямъ разсказа Савихина «Кривая доля», артельщикъ, человѣкъ добродушный и ограниченный, воскликнулъ:

— Ишь ты! ишь ты! Пишутъ-то, пишутъ! Поддѣлываются какъ подъ нашего брата—страсть! А все Москва фабрикуетъ, все она производитъ.

Въ отвѣтъ на это съ нарѣ, съ дальняго угла раздался болѣзненно-надтреснутый голосъ пожилого шахтера, страдавшаго одышкой:

— Кабы деньги... я бы себя опубликовалъ въ газетахъ. Всю жисть свою, какъ есть, опубликовалъ бы... Охъ!..

Приподнявшись на локтѣ и устремивъ на меня страдальческій взглядъ, онъ спросилъ:

— Какъ думаешь, Семень, за трешницу опубликовали бы меня... всего?

«Фактическая правда» новой книжки настойчиво отмѣчалась и выдвигалась слушателями въ деревнѣ, и на рудникѣ, только до тѣхъ поръ, пока они не уловили другихъ, болѣе существенныхъ отличій новой книжки отъ лубочной. Но едва только для нихъ выяснился общій характеръ этихъ книжекъ, моральная или социальная тенденція, или художественныя достоинства, какъ они обратили все вниманіе на эти осо-

бенности и начали ихъ выдвигать, какъ отличіе житейской книжки отъ дубочной сказки.

Но при этомъ опредѣленно выступило различіе между крестьянами и рабочими, какъ въ ихъ отношеніи къ новой книжкѣ, такъ и въ ихъ запросахъ отъ нея.

III. Крестьянинъ и рабочій въ ихъ запросахъ отъ книги.

I.

Различіе между культурнымъ читателемъ и читателемъ изъ народа прежде всего и особенно ярко выступаетъ на почвѣ интеллектуальной, гдѣ существуетъ положительно цѣлая пропасть между уровнемъ развитія и міровоззрѣніями обоихъ классовъ. Между крестьяниномъ и рабочимъ это различіе пока еще не проявляется въ рѣзко-опредѣленной формѣ. Но, присматриваясь поближе къ отношенію этихъ двухъ категорій народа къ книгѣ, мы замѣчаемъ большое различіе, главнымъ образомъ, въ области психологической.

«У читателей изъ той и другой области, т. е. фабрики и деревни, — пишетъ Н. Рубакинъ, — есть немало своеобразныхъ особенностей: читатели эти не совсѣмъ одинаковы и по вкусамъ, и по подготовкѣ, и по потребностямъ»¹⁾. «Фабричные читатели, — прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — далеко не одно и то же, что деревенскіе, потому что и условія жизни и амплитуда ея на фабрикѣ совершенно иныя. Условія жизни такъ значительно отражаются на томъ, что и какъ читаетъ народъ, что послѣдній вопросъ нельзя изучать, не касаясь и не изучая первыхъ»²⁾.

Въ моемъ опытѣ чтеній мнѣ неоднократно приводилось констатировать это различіе: крестьяне иначе слушали книгу, иначе къ ней относились, и искали въ ней не того, что рабочіе.

Крестьянскаго слушателя лишь рѣдкая-рѣдкая книга поглотила настолько, чтобы онъ изъ-за нея забывалъ все окружающее. Только зимой, и то подъ праздникъ, крестьяне спокойно просиживали по 3—4

1) „Этюды“, стр. 158.

2) Тоже, стр. 193.

часа и больше, слушая книжку. Въ другое время, какъ бы интересна ни была книжка по фабулѣ, она не всецѣло захватывала деревенскаго слушателя. Сидитъ себѣ человѣкъ, кажется, спокойно, слушаетъ внимательно—и вдругъ вскочить, какъ ужаленный и воскликнуть «Бачь: сказився! (съ ума сошелъ) скотина не напована—а я сижу!»—и поспѣшно уйдетъ. А вслѣдъ за нимъ подыметъ, сладко потягиваясь, и другой и скажетъ лѣнливо: «Э-эхъ, а мени ще треба за дегтемъ сходить»... и тоже уйдетъ. И только рѣдкая книга приковывала къ себѣ слушателя настолько, что, даже поднявшись, онъ не уходилъ, и, сказавъ въ свое оправданіе: «Э! треба-бъ пійтить, та книжечка, бачъ, дюже ловка, жажко»,—оставался дослушивать, стоя.

Совершенно иначе относились къ чтенію шахтеры и босяки. Для книжки они забывали и дѣла, и ѣду, и чай, и карты, и гармонику (увы! только не водку!). Они слушали чтеніе съ жадностью, съ упоеніемъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ восторгомъ, совершенно забывая все окружающее, и бурно, съ увлеченіемъ выражали свои чувства. Шахтеры нерѣдко заставляли меня читать до часу, до двухъ ночи, не смотря на то, что на слѣдующій день имъ предстояло въ 5½ часовъ утра итти на работу. Было что-то глубоко-трагическое въ той мучительной жаждѣ, съ которой они набрасывались на книгу.

Подобная разница въ отношеніи къ чтенію крестьянъ и рабочихъ отчасти объясняется экономическимъ положеніемъ этихъ обѣихъ категорій слушателей. Въ то время, когда крестьянинъ-домохозяинъ постоянно находится подъ гнетомъ мелкихъ и крупныхъ повседневныхъ хозяйственныхъ и общественныхъ заботъ,—шахтеръ, въ свободное отъ работы время, не имѣетъ никакихъ «заботъ», ни личныхъ, ни (большей частью) семейныхъ, ни хозяйственныхъ, ни общественныхъ. Но этимъ, если можно такъ выразиться, экономическимъ факторомъ только отчасти объясняется различіе въ отношеніи крестьянскаго читателя и читателя рабочаго къ книгѣ. Существуетъ между ними еще различіе психологическое, различіе въ характерѣ и настроеніи.

Крестьянинъ менѣ впечатлительнъ и менѣ падокъ на сильные ощущенія, чѣмъ рабочій. Онъ не прочь выслушать «занимательный» разсказъ, но, какъ бы сложна и занимательна ни была сама фабула разсказа, она не захватываетъ деревенскаго солиднаго слушателя такъ сильно, какъ рабочаго, и остается для него развлеченіемъ, забавой отъ нечего дѣлать. Серьезно онъ начинаетъ относиться къ книжкѣ только

тѣгда, когда находить въ ней что-нибудь полезное: поученіе, указаніе, какъ жить. Въ подобномъ отношеніи крестьянина къ книгѣ соединилась его обычная практичность съ издавна сложившимся у него взглядомъ на книгу, какъ на проповѣдь.

«Насколько намъ приходилось наблюдать—пишутъ составительницы «Что читать народу?»—правда жизни такъ же дорога крестьянину, какъ и фантазія, и если онъ смотритъ на послѣднюю, какъ на развлеченіе и удовольствіе, то къ первой относится съ полнымъ интересомъ и глубокимъ уваженіемъ» (II, 129).

«Съ каждымъ новымъ чтеніемъ,—говорится тамъ же, въ другомъ мѣстѣ,—мы видимъ и удостоверяемся, что деревенскій людъ относится глубже и серьезнѣе (чѣмъ городской) къ тому, что говоритъ книга. Онъ лучше понимаетъ ученіе Евангелія, чаще задумывается надъ нимъ и серьезнѣе относится къ жизни и къ ея сложнымъ явленіямъ» (II, 81—2).

Короче: относясь глубоко и серьезно къ книгѣ, онъ и 'отъ нея требуетъ глубины и серьезности. И когда она удовлетворяетъ этому запросу, когда она въ самомъ дѣлѣ затрагиваетъ коренные жизненные вопросы народной жизни, тогда и только тогда крестьянскій читатель не только съ интересомъ прочитываетъ ее, но продумываетъ каждое слово, «зачитывается» ею и иногда начинаетъ на нее смотрѣть, какъ на руководство къ жизни.

Примѣромъ такого отношенія къ книжкѣ можетъ послужить рассказъ крестьянскаго писателя г. Семенова о его возвращеніи къ земледѣльческому труду. «Книжки имѣли на меня большое вліяніе... Лѣтъ до 16 я глядѣлъ на литературу, какъ на предметъ удовольствія. Но вотъ выходитъ въ изданіи «Посредника» рассказъ «Чѣмъ люди живы?» Я прочиталъ его. Не могу высказать, что я пережилъ при чтеніи его. Мнѣніе мое перемѣнилось. Я сталъ глядѣть на книжку, какъ на предметъ поучительный; особенно на изданіи «Посредника» я обращалъ вниманіе. Каждую его книжку, выходящую изъ печати, я сейчасъ же прибрѣталъ и читалъ. Книжки эти, съ помощью Евангелія, которое я прибрѣлъ послѣ прочтенія «Чѣмъ люди живы?», помогли мнѣ понять смыслъ жизни и я сталъ стремиться къ истинной жизни. Наконецъ, выходитъ «Иванъ дуракъ» (Л. Толстого). Меня ужаснуло то, по прочтеніи ея, что я, природный крестьянинъ, и чуждаюсь земледѣльческаго труда (я жилъ тогда въ городѣ). Первымъ моимъ желаніемъ стало

тогда съѣсть на землю и стараться жить своими трудами. Черезъ полгода съ небольшимъ я привелъ свое намѣреніе въ исполненіе»¹⁾).

Въ дневникѣ (не напечатанномъ) учительницы тамбовской воскресной школы А. Н. Слетовой (Черновой) я нашелъ слѣдующій характерный рассказъ. Послѣ прочтенія въ группѣ болѣе развитыхъ учениковъ рассказа Рубакина «Искорки», недѣли черезъ двѣ, къ учительницѣ приходитъ одинъ изъ учениковъ и заявляетъ ей, что уѣзжаетъ въ деревню.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ его А. Н.

— Хочу Ефремомъ (герой «Искорокъ») задѣлаться... отвѣчаетъ онъ ей серьезно и категорически.

Совершенно иной характеръ имѣло отношеніе рабочихъ къ книжкѣ. Они прежде всего искали фавулы, искали «впечатлѣнія», которому и отдавались экспансивно и горячо. Тенденцію, особенно въ формѣ поученія, они часто пропускали мимо ушей. Отмѣчали они ее только тогда, когда она естественно и художественно, не нарушая впечатлѣнія и не навязываясь скучнымъ резонерствомъ, вытекала изъ самого событія.

Особенно опредѣленно это различіе въ запросахъ крестьянъ и рабочихъ отъ книги выказалось въ отвѣтахъ, полученныхъ Н. Рубакинымъ на его «Опытъ программы», между которыми имѣются отвѣты и крестьянъ, и рабочихъ.

Только что упомянутый крестьянинъ, писатель Семеновъ, «указывая книжки, которыя онъ давалъ читать своимъ односельчанамъ, говорить, что выбиралъ тѣ, въ коихъ проводится какое-нибудь «полезное нравоученіе», «чего очень нуждается наше крестьянское общество», добавляетъ онъ. По его мнѣнію, задача человѣка, сочувствующаго народному просвѣщенію, это—«будить людей». Первый способъ пробужденія есть книжка хорошо составленная, ясно изложенная... «Въ книжкѣ должна быть проведена какая-нибудь мысль, имѣющая связь съ тѣми нравственными недостатками народа, которые всего болѣе требуютъ искорененія» («Этюды», 171).

Другой корреспондентъ Рубакина, интеллигентный крестьянинъ Журавлевъ, рассказывая про свои чтенія книжекъ народу, пишетъ:

«При чтеніи я старался указывать на наши мѣстные недостатки, какъ-то: въ выборѣ людей на общественныя должності, о дурномъ

¹⁾ Рубакинъ. „Этюды“ стр. 170.

вліяніи кабаковъ на нравственность подростяющаго поколѣнія, а также с плохомъ воспитаніи дѣтей и о правѣ крестьянъ, желающихъ закрыть кабаки» (177).

Третій корреспондентъ, очевидно ужъ менѣе интеллигентный крестьянинъ, хотя отчасти и оторванный отъ земли, пишетъ:

«Большинство (крестьянъ) хочетъ читать ту книгу, которая съ временемъ можетъ дать пользу въ жизни, гдѣ есть много доказательствъ, которыя встрѣчаются и при нашихъ глазахъ: разъ если ты ее прочитаешь, то будешь имѣть въ опасномъ дѣлѣ предосторожность. Но есть и такіе желатели чтенія, чтобъ только посмѣяться. Для того едва ли подѣйствуетъ и полезная цѣль» (164).

А вотъ что пишутъ фабричныя рабочіе:

«Стремленіе къ чтенію,—пишетъ одинъ фабричный,—сильное, но любятъ читать больше романы и повѣсти, какъ лубочныя, такъ и не лубочныя». Изъ Онѣги пишутъ: «Въ рабочей казармѣ читаются рабочими совмѣстно сочиненія Майнъ-Рида, Эмара, Жюль Верна, Купера, Вальтеръ-Скотта, разныя изданія Е. Амаатовой и т. п.». «Не такъ живи какъ хочется» Островскаго—пишутъ съ Губахинскихъ (Губонинскихъ) каменноугольныхъ копей,—понравилось на любительскомъ спектаклѣ только нѣкоторымъ, между тѣмъ, какъ смѣшныя водевили понравились всѣмъ, безъ исключенія. Вообще, большинство здѣсь предпочитаетъ такія книги, въ которыхъ описываются необыкновенныя приключенія и т. д.» (194).

Фабричный рабочій А. Я—въ пишетъ:

«Фабричный нашъ народъ любитъ слушать и читать не одно лубочное и божественное, но и то, что близко къ ихъ жизни, и касается ихъ самихъ, гдѣ описывается и горе, и неудачи, однимъ словомъ все то, что близко къ ихъ сердцу»... «Вообще—резюмируетъ онъ свой взглядъ на книгу для рабочихъ, нужно брать (для сюжетовъ) самыя реальныя стороны жизни народа и описывать безъ всякихъ заднихъ мыслей (т.-е. безъ тенденцій)» (201).

II.

Насколько крестьянинъ любитъ всякія «поученія», «указанія» и относится къ нимъ чуть ли не съ благоговѣніемъ, настолько рабочій ихъ не выноситъ.

«Когда случайно толстыхъ книгъ подъ руками не нашлось, —

кишетъ Рубакинъ, — и Павлу (начитанному фабричному рабочему) предложили партію новыхъ листовокъ, онъ обидѣлся: «Нѣтъ ужъ, тамъ все учать, дайте что-нибудь другое» (198).

«Какъ-то пришли къ одному моему знакомому нѣсколько фабричныхъ,—разсказываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—выбирать книжки для чтенія. Тотъ разложилъ передъ ними десятка два брошюръ, которыя онъ считалъ недурными. Рабочіе отобрали изъ нихъ кое-какія, отложили въ сторону лишь поучительныя.—А эти что же?—спросилъ мой знакомый—Это-то? Ужо вотъ мы ихъ въ посту почитаемъ, а то больно ужъ поучительны» (144).

Буквально то же самое приходилось выслушивать и мнѣ при чтеніяхъ въ рабочей казармѣ. Прежде всего, шахтеры очень не любили «божественнаго чтенія» и слушали его обыкновенно молча, съ выраженіемъ тоскливой скуки на лицѣ. Если кто изъ слушателей иногда, изъ приличія, восклицалъ слащаво-неискреннимъ тономъ: «А—ахъ! Божественное чтеніе—первый сортъ!» то другіе, не стѣсняясь, зѣвали и заявляли, что надоѣло, «обрыдло», неинтересно и просили взять другую книжку.

Во время чтенія разсказа Эртеля «Жадный мужикъ», одинъ шахтеръ воскликнулъ:

— Вотъ такъ книжка! Куда лучше божественной!

— И божественныя хорошія бываютъ,—замѣтилъ ему другой.

Такую же участь имѣли и вообще поучительныя книжки, не религіозныя. Иногда, когда я бралъ книжку для чтенія, шахтеры ставили мнѣ прямо вопросъ:

— Что тутъ описывается? Поученіе какое или что интересное?

При чтеніи въ казармѣ поучительнаго разсказа Лѣскова «Христосъ въ гостяхъ у мужика», разсказа, сильно понравившагося въ деревнѣ, одинъ изъ слушателей остановилъ меня на 8—10 страницѣ:

— Смотри, а народъ какъ слушаетъ! Кто спитъ, а кто ушелъ...

Съ другой стороны, разсказъ «Четыре дня» Гаршина, слушавшійся и на рудникѣ, и на пристани съ громаднымъ, захватывающимъ интересомъ и волненіемъ, въ деревнѣ хотя и былъ выслушанъ внимательно, не вызвалъ, однако, особеннаго восторга. Послѣ чтенія его въ деревнѣ, я поставилъ слушателямъ вопросъ: какой разсказъ имъ больше понравился: этотъ или «Упустишь огонь не потушишь» Толстого,—и получилъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

— Ну—да, та книжка, «гдѣ бабы ссорятся» (т.-е. «Упустишь

огонь не потушишь») — лучше. Какъ можно сравнить! Та про жизнь, настоящая какъ есть для нашего брата книжка, жить учить. Не «сердцемъ», говорить, живи, а лаской... А эта что? Только бѣднаго солдата пожалѣешь — и больше ничего.

Въ другой разъ, при чтеніи «Кавказскаго плѣнника» Толстого, на вопросъ: понравилось ли, я получилъ отъ крестьянина слѣдующій отвѣтъ.

— Понравилось... А все же не про наше жительство. Ты-бъ лучше почиталъ, какъ мужики землю дѣлили и старика обидѣли («Дѣдъ Софронъ»).

— Да я вѣдь уже читалъ ее вамъ!

— Что же, мы бы ее еще разъ послушали...

III.

Схвативъ общій характеръ новой книжки и ея преимущества передъ лубочной, крестьяне, какъ я уже упомянулъ, начали отмѣчать ея тенденцію, ея «идейную правду», оставляя въ сторонѣ вопросъ о «фактической правдѣ».

Жизнеописаніе Сократа слушалось въ деревнѣ съ огромнымъ захватывающимъ интересомъ, не смотря на отсутствіе фабулы. Во время чтенія то и дѣло восклицали:

— Вотъ любопытная книжка! Она прямо тебѣ въ носъ бьетъ!

— Прямо на жизнь твою указываетъ!

— Она для такихъ написана, что неправильно живутъ, чтобъ видѣли!

Или при чтеніи сказки Толстого: «Два брата и золото».

— То все ученіе. Все нашему брату указаніе. Этихъ самыхъ двухъ братьевъ, можетъ, никогда и не было. Да тутъ не въ братьяхъ суть, а для всѣхъ, чтобъ поучались.

При чтеніи разсказа «Юаннъ воинъ», изъ жизни первыхъ христіанъ, одинъ крестьянинъ воскликнулъ:

— Вотъ такую намъ книжку и надо! Послушаемъ — и сами надумаемъ такъ дѣлать, какъ этотъ Иванъ.

— Надумаемъ!.. — усомнился другой. — Все встарину было. Теперь примѣра не берутъ...

— А все же: можетъ, кому и западетъ въ голову: «Дай, попробую жить какъ сказано въ «житіи» — и начнетъ.

Когда, при чтеніи сказки Толстого «Первый винокуръ», кто-то воскликнулъ «Сказка хорошая!», другой горячо остановилъ его:

— Да какая это сказка! Это не сказка, а критика, чтобъ примѣръ брали и водки не пили... Примѣрно, какъ пророки, что въ Библии.

Тоже и при чтеніи другой сказки Толстого, «Крестникъ», раздавались замѣчанія:

— Примѣръ! Все примѣръ къ жизни!

— Указывается! Все указывается!

— Доказательства доказываются!

Такія же замѣчанія дѣлались и по поводу бытовыхъ книжекъ изъ народной жизни, какъ «Упустишь огонь не потушишь» и другія.

— Ахъ и книжка-жъ! и расписано! Вотъ будто въ ротъ кладеть, какъ жить надо,—восхищались слушатели.

— Да это не книжка, а проповѣдь нашему брату, и т. д.

Деревенскіе слушатели, однако, требовали отъ книжки не только проповѣди и нравственныхъ поученій. Они иногда ставили ей требованія совершенно иного характера.

Когда я началъ читать книгу «Юліанъ милостивый» Флобера, одинъ изъ слушателей, молодой уже крестьянинъ, глубоко вздохнувъ, проговорилъ:

— Все сказки... Ты бѣ намъ вотъ прочиталъ такую книжку, чтобъ отъ нея земли побольше, а податей поменьше... Вотъ такую бы послушали...

При чтеніи въ аудиторіи Алчевской стих. Лермонтова «Тучка», слушатель-крестьянинъ замѣтилъ объ авторѣ:

«—А не думаетъ о томъ, какъ бы тучка нашла, да Господь дождь даровалъ!» (III, 203).

Одинъ изъ крестьянъ, отвѣчавшихъ на упомянутый выше опросъ «Русскаго народнаго учителя», такъ опредѣлилъ свои запросы на книгу:

— Хочется знать, что и откуда произошло и съ чего взялось. Къ примѣру сказать: живемъ мы, а такъ ли и раньше жили всѣ и къ чему мы сейчасъ должны устремляться¹⁾...

Высказывались эти запросы и при чтеніяхъ въ деревенской аудиторіи Х. Д. Алчевской.

1) П. Орелкинъ, „Отвѣты и т. д.“. Р. Н. Уч. 1893, № 11.

Послѣ чтенія «Касьяна съ красивой Мечи»—крестьянинъ одинъ поставилъ вопросъ:

— Что выше: природа или наука?

— «Природа выше,—отвѣтилъ другой,—въ природѣ Богъ, а въ наукѣ только разумъ человѣческій» (II, 501).

При чтеніи «Мцыри» было высказано мнѣніе:

— Воля человѣкови краше одъ усега!» (Свобода человѣка дороже всего на свѣтѣ). (III, 203).

Въ другой разъ, крестьянинъ обратился къ чтицѣ съ вопросомъ:

— Скажите, есть ли такое государство, гдѣ каждый могъ бы дѣлать, что захотѣлъ?» (II, 827).

При чтеніи г-жею Волковой крестьянамъ разсказовъ Гл. Ив. Успенскаго съ особеннымъ интересомъ слушался разсказъ «Чуткое сердце», гдѣ говорится «о землицѣ».

«Интересъ слушателей къ разсказу возросъ до высшей степени, когда услышали, что Анна Петровна отпраяилась къ барину и въ крестьянскій банкъ, разоблачить ложь и защитить мужиковъ». «Разсказъ конченъ, но слушателямъ словно жаль разстаться съ нимъ, продолжаетъ г-жа Волкова,—и они наперерывъ одинъ передъ другимъ разсказываютъ случаи, подобные прочитанному, когда кулаки «депутаты» ходатайствовали за міръ въ свою пользу, и въ голосѣ многихъ звучали раздраженіе и злоба.

— А Анны Петровны-то не нашлось, чтобы заступиться за общество,—грустно замѣтилъ кто-то.

— Вотъ въ деревнѣ К.,—началь мельникъ,—у крестьянъ много земли, да еще хотягъ купить, поэтому и живутъ хорошо, зажиточно, полнымъ хозяйствомъ, вполне какъ люди, а все потому, что земли много.

— Да, нечего говорить, плохо крестьянину безъ земли,—закончилъ онъ свой разсказъ этой горькой истиной, такъ хорошо знакомой нашему крестьянину.

— А вѣдь крестьяне-то только теперь начали соображать кое-что,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья,—а прежде все толковали, что само начальство отдастъ имъ землю, а дожидайся, когда оно отдастъ,—усмѣхнулся онъ надъ легковѣріемъ своего брата мужика.

Этими немногими разсказами,—заканчиваетъ г-жа Волкова,—которые мнѣ удалось прочесть моимъ слушателямъ, Успенскій навсегда

завоевалъ симпатіи деревенской публики и часто потомъ мужики являлись ко мнѣ съ просьбой:

— Дайте что-нибудь Успенскаго, ужъ больно хорошо онъ крестьянскую жизнь описываетъ»¹⁾).

IV.

Совершенно инныя стороны отмѣчались въ тѣхъ же книжкахъ рабочими. Они выдвигали художественную правду новой книжки».

При чтеніи на рудникѣ разсказа Савихина «Кривая доля», въ которомъ описана тяжелая жизнь и печальный конецъ спившагося рабочаго Мокея, одинъ шахтеръ воскликнулъ съ удовольствіемъ:

— Вотъ побасенка такъ побасенка! Любо слушать!

— Какая тебѣ эта побасенка,—остановилъ его строго другой.— Это какъ есть книжка! Чтеніе первый сортъ! Мало развѣ найдешь такихъ, какъ Мокей!

— И не оберешься!—подхватилъ другой.

— Да книжка—самая правда, сторія хорошая,—попытался поправиться первый.

— Да это не то что правда. Это, коли хочешь, промежду насъ такихъ найдешь. Хоть бы въ нашей казармѣ. Сколько угодно.

При чтеніи этой же книжки на другомъ рудникѣ—тѣ же разсужденія:

— Вотъ это и есть самая живая картина, какъ въ жизни.

— Вотъ онъ, братцы, шахтерскій конецъ,—резюмировалъ съ глубокимъ вздохомъ другой.—Всѣ мы, братцы, пьяницы горькіе, всѣ мы Мокеи пропаціе.

Особенно опредѣленно формулировалъ это художественное значеніе новой книжки одинъ изъ наиболѣе развитыхъ и бывалыхъ шахтеровъ Поповъ. Послѣ чтенія все той же «Кривой доли» молодой, экспансивный и кое-что читавшій шахтеръ Лопатинскій воскликнулъ:

— И-интересное чтеніе!.. А вотъ я когда-то читалъ книжку «Панъ Твардовскій»—та вотъ ужъ совсѣмъ интересная.

— Можетъ быть и интересная, да полезнаго въ ней мало. Эта лучше!—послышался изъ дальняго угла строгій голосъ обыкновенно молчаливаго и упрямаго Попова.

¹⁾ „Чтенія въ деревнѣ“. Образование. 1887, № 4.

— Ну да, лучше!—поспѣшилъ согласиться Лопатинскій.—Въ ней примѣръ къ нашей жизни, указаніе...

— Что тамъ: у-ка-за-ніе!—перебилъ его съ горькой усмѣшкой Поповъ.—Кому эти указанія нужны! Все это я и безъ книжки знаю. А ты не знаешь? А всѣ здѣсь не знаютъ? Всѣ знаемъ, что водка погубель наша—а все же пьемъ ее. Нѣтъ, братъ, тутъ не важно поученье, тутъ суть вся, вся пріятность, что тебѣ, свиньѣ грязной, зеркало подставили: на любуйся, какъ хорошъ! Вотъ что любо!..

Особенно ярко и сильно передано впечатлѣніе художественнаго разсказа изъ жизни трудящихся и обездоленныхъ на чуткаго рабочаго человѣка въ одномъ изъ очерковъ М. Горькаго. Булочникъ Кошоваловъ, на котораго чтеніе «Подлиповцевъ» произвело ошеломляющее впечатлѣніе, требуетъ у товарища (разсказчика), чтобы онъ купилъ ему книги:

— Купи книжекъ!.. Сѣбѣ купи, которые по вкусу тамъ, и мнѣ купи, хоть двѣ, которые про мужиковъ. Вотъ, въ родѣ Пилы и Сысойки. И чтобы, знаешь, съ жалостью было написано, а не смѣха ради. Вотъ инья чепуа совѣмъ! Панфилка и Филатка—тоже съ картинкой на первомъ мѣстѣ—дурость. Пошехонцы... сказки разныя... Не люблю я это все.

Однако, «Вѣдныя люди» Достоевскаго ему не понравились, «его смѣнилигъ языкъ пишемъ Мажара къ Варѣ» и онъ требовалъ, чтобы чтець бросилъ «эту канитель»:

— Чего тутъ! Онъ къ ней, она къ нему... Поршили бумагу. Ну ихъ къ свиньямъ на хуторъ! Не жалостно и не смѣшно: для чего писано?

И въ минуту особаго настроенія онъ предъявляетъ книгѣ уже «крестьянскія требованія»:

— Нѣтъ ли въ книгахъ какой-нибудь отвѣтъ насчетъ порядковъ жизни? Т.-е. поученія, какъ жить? Поступки бы нужно мнѣ разъяснить, которыя вредныя и которыя ничего себѣ... Я, видишь ли, поступками смущаюсь своими... Который вначалѣ мнѣ кажется хорошимъ, въ концѣ выходитъ плохимъ. Такъ вотъ, поищи, нѣтъ ли книги, насчетъ поступковъ и почитай мнѣ». («Кошоваловъ»).

V.

Если большинство слушателей, какъ крестьянъ, такъ и рабочихъ, отмѣчая то фактическую, то идейную или художественную правду новой книжки, чуть-ли не съ первыхъ же чтеній отличили ее отъ старей,

дубочной сказки, то старики упорно не хотѣли знать этого отличія. Если рассказъ не носилъ—и не только по содержанию, но и по внѣшности,—опредѣленныхъ, установленныхъ признаковъ божественной книжки, онъ—о чемъ бы въ немъ ни говорилось,—безапелляціонно причислялся къ «сказкамъ».

Рассказъ «Пропала совѣсть» (передѣлка рассказа Щедрина) очень понравился въ деревнѣ и вызвалъ восклицаніе:

— Вотъ хорошая книжка, правильная. Не то, что чепуха какая!

— Э! Такая же чепуха, какъ и другія,—отозвался апатично старикъ.

— Нѣтъ!—возразилъ горячо первый.—Это не чепуха. Въ ней ученіе. А вотъ «Ерусланъ Лазаревичъ»—вотъ тамъ чепуха разная понаписана. Чепуха и неправда.

— Э-э! все единственно—чепуха,—стоялъ упорно на своемъ старикъ.

Подобный же отзывъ («чепуха») пришлось мнѣ выслушать отъ старика и по поводу прекраснаго рассказа «Груня». Когда я, собираясь читать «Власть тьмы», прочелъ только названіе драмы, бывшій при этомъ старикъ, по одному этому названію да по внѣшности книжки, призналъ ее негодной:

— Все это глупости! Думалъ, священную какую будешь читать!

И демонстративно ушелъ.

Послѣ чтенія рассказа «Слово не воробей—выпустишь не поймашь», въ которомъ довольно живо рассказано, какъ нелѣпая сплетня погубила молодую жизнь,—старикъ, слушавшій книжку, энергично махнувъ рукой, заявилъ:

— Че-чепуха все это! Все выдумки, все неправда!

— Какъ неправда!—накинулся на него другой крестьянинъ.—Тутъ написана самая правда. Это—не сказка. Говорили люди «даромъ» (напрасно), разсуждали, не разбираючи, и загубили зря-напрасно чело-вѣка...

— По твоему—хороша, а по моему—чепуха!—отвѣтилъ ему сердито старикъ и поднялся уходить.

— Теперь молодымъ все не нравится, что старики говорятъ,—отозвалась съ укоромъ женщина.

Когда на слѣдующій день я началъ читать какое-то житіе святого, тотъ же старикъ съ двухъ первыхъ словъ встрепенулся радостно:

— Ну, вотъ эту читай! Эта сразу видно, что священная книжка. А то другія тамъ, что читаешь—все чепуха, сказки...

IV. Крестьянинъ и рабочій въ ихъ отношеніи къ книгѣ.

I.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о томъ, какъ слушатели понимали новую книгу и какія задачи они ей ставили. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ впечатлѣнія, какое новая книжка произвела на крестьянъ и на рабочихъ.

Отмѣтимъ прежде всего, что вообще, первая книжка, какая бы она ни была, свѣтская или религіозная, и независимо отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, часто производитъ огромное, иногда неизгладимое впечатлѣніе на дѣвственную душу взрослого малограмотнаго читателя, впечатлѣніе, какое на обыкновеннаго интеллигентнаго читателя можетъ оставить только изъ ряда вонъ выходящее произведеніе великаго художника. И, въ самомъ дѣлѣ, кто имѣлъ случай сталкиваться съ начинающимъ читателемъ изъ народа, тотъ знаетъ, что первая книжка прочитывается имъ, по характерному народному выраженію, «насквозь». Читаетъ онъ ее нѣсколько, иногда даже много разъ, запоминаетъ наизусть отдѣльныя выраженія, иногда цѣлыя страницы, запоминаетъ мельчайшія подробности. Герои разсказа превращаются для него въ типы, каждое выраженіе, каждое слово обдумываются; описываемое въ книжкѣ переживается чуть ли не до галлюцинаціи. Иногда эта первая книжка имѣетъ роковое вліяніе и на характеръ человѣка, и на его судьбу. Первой книгой народнаго грамотѣя—мы говоримъ, главнымъ образомъ, съ тѣхъ, которые выучиваются грамотѣ уже взрослыми—бываетъ обыкновенно книжка религіозная и кто не знаетъ фактовъ, какъ люди «зачитываются», и подъ вліяніемъ этой «первой книги» бросаютъ все, уходятъ странствовать, дѣлаются сектантами или даже сами создаютъ секты. Съ другой стороны, кто не знаетъ фактовъ, когда прочитавши какого-нибудь «Разбойника Чуркина», человѣкъ становился убійцей... Надо быть осторожнымъ съ книгой вообще но съ первой книгой слѣдуетъ быть во много кратъ осторожнѣе...

II.

Слушатели, и крестьяне, и рабочіе, были очень довольны встрѣтить въ новой книгѣ картины собственной жизни. Они поэтому и назвали новую книгу «житейской», и каждый разъ съ удовольствіемъ, иногда даже съ восторгомъ останавливались на этой особенности новой книжки.

При чтеніи въ деревнѣ первыхъ бытовыхъ книжекъ изъ народной жизни, крестьяне и не знали, какъ выразить свое удовольствіе. Иногда они даже переглядывались съ недоумѣніемъ, точно волшебникъ разсрыль передъ ними самыя сокровенныя тайны ихъ жизни. Они всплескивали руками, переглядывались, подмигивали другъ другу, нервно смѣялись и восклицали: «Бачъ?.. Бачъ-бачъ?!»

При чтеніи, напримѣръ, разсказа «Дѣдъ Софронъ» на чье-то восклицаніе: «Все это правильно!» послѣдовалъ горячій отвѣтъ:

— Ужъ и какъ правильно! Какъ читаютъ—кажется: ну, вотъ мы живемъ!

— Все наше жительство, какъ есть!—подхватилъ еще одинъ.

— Все дѣйствіе! Всѣ хохлацкіе пожитки!

— «Это наше, наше!—восклицали по поводу той же книжки слушатели въ аудиторіи г-жи Алчевской.—Совершенно вѣрно, всѣ признаки! Ну—да, ну—да! Боже мой! На-дняхъ же это было такъ точно» (II, 78).

Такія же восклицанія были и по поводу другихъ книжекъ изъ народной жизни.

То же самое и въ рабочей казармѣ. И тамъ разсказы изъ народной жизни, и, особенно, изъ жизни рабочихъ (какъ, напр., «Кривая доля»), встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ, вызывали массу разсужденій, оживленныя восклицанія и тѣ же замѣчанія: «наше! наше!»

Однако, тутъ пришлось отмѣтить довольно характерную разницу между крестьяниномъ и рабочимъ. Крестьянину не только нравилось, что героями разсказа являлись такіе же, какъ онъ крестьяне, но онъ съ большимъ удовольствіемъ останавливался на художественныхъ описаніяхъ мелочей хорошо знакомой ему обстановки и повседневнаго обихода. Съ какой радостью выслушивались и повторялись своими словами описанія полевыхъ работъ, описаніе какъ бабы хлопчутъ, готовясь къ празднику и т. п. Съ какимъ огромнымъ удовольствіемъ выслушивалъ подробное описаніе конюшни только что пришедшій изъ деревни на рудникъ конюхъ:

— А-ахъ, ѣдятъ тебя мухи!—восклицалъ онъ съ радостнымъ смѣхомъ.—Все! Все какъ есть! И хомутъ, и шлея! Вотъ книжка! Вотъ чтеніе!

Шахтеры, напротивъ, не любили подробнаго детальнаго описанія ихъ повседневной жизни, находили это скучнымъ, неинтереснымъ. Когда я прочелъ въ разсказѣ «Жервеза» описаніе кузницы, никто изъ слуша-

телей-шахтеровъ не нашелъ это интереснымъ, но больше всѣхъ остался недоволенъ этимъ описаніемъ кузнеца.

— Простой рассказъ,—замѣтилъ кто-то съ неудовольствіемъ.

— Что же, ну, рассказъ,—попытался заступиться другой.—Вѣдь это правда.

— Про всякую чешуху шишуть!—воскликнулъ кузнецъ съ раздраженіемъ и ушелъ изъ казармы.

Характерно, что по поводу этого же описанія кузницы одна изъ слушательницъ г-жи Алчевской высказалась:

— «А я, бывала на кузницѣ, такъ мнѣ это очень интересно», (I, 84).

Различіе это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что интереснымъ и художественнымъ могутъ казаться описанія только такихъ бытовыхъ деталей, которыя и въ дѣйствительности кажутся намъ интересными, доставляютъ намъ удовольствіе. Крестьянинъ любитъ свой трудъ, находитъ въ немъ много поэзіи. (Припомните «Поэзію земледѣльческаго труда» Глѣба Успенскаго). Крестьяне говорили о своемъ трудѣ съ любовью и гордостью.

При чтеніи какой-то книжки въ аудиторіи г-жи Алчевской одинъ изъ слушателей съ гордостью замѣтилъ:

— «Если бъ не мы, хлѣбопашцы, не съ чего было бы имъ (писателямъ) книжки писать!

— «Ну, такъ что жъ: нѣтъ ничего труднѣе, нѣтъ ничего веселѣе хлѣбопашества,—отвѣтилъ другой». (Т. II, стр. 824).

— «Самъ хозяинъ, самъ и работникъ—лучше и быть не можетъ»—отозвался еще одинъ при чтеніи другой книжки (стр. 826).

III.

Останавливаясь на идейной сторонѣ поступковъ и разсужденій героевъ разсказа, деревенскіе слушатели немедленно, можно сказать, рефлекторно, примѣняли это къ своей жизни и обыкновенно въ формѣ ѣдкаго самообличенія.

Когда я прочелъ въ «Жизни Филарета Милостиваго» выраженіе: «Не обижай сиротъ и вдовъ», крестьянинъ иронически замѣтилъ:

— Это такъ, точно, какъ мы. Живутъ сироты—зачѣмъ имъ жить? Что отъ нихъ за польза? Отобратъ у нихъ надѣлъ!

— Живеть вдова,—продолжалъ ему въ тонъ другой—«на яког гриця вона здалась!»—Водки отъ нея обществу нѣтъ, подати къ сроку не платить,—прогнать ее съ земли!

— То-то! Живемъ какъ есть, по писанію!—обобщилъ третій.

Въ разсказѣ «Богъ правду видитъ» Толстого—описаніе, какъ невинно осужденный не выдаетъ злодѣя, за вину котораго онъ напрасно попалъ на каторгу,—вызвало восклицанія:

— Видишь! «Не видѣлъ», поворитъ. Тотъ его погубилъ—а онъ его покрываетъ. Вотъ какъ надо. А мы-то. Мы самой малости простить не можемъ!

Еще чаще вызывали обличенія книжки социальнаго характера.

Слушая описаніе жизни греческаго общества во время Сократа, кто-то замѣтилъ:

— Какъ у насъ теперь, такъ точно: нагнуть другого, а на немъ и ѣздить.

— Отъ нихъ и къ намъ перешлю.

Тоже—при чтеніи сказки «Зерно съ куриное яйцо» Толстого, гдѣ говорится, что раньше люди жили болѣе праведно:

— Это вѣрно! Теперь народъ хуже звѣря: не одолжить, не пожалѣть... одинъ на другого только и смотритъ, чтобы съѣсть...

— Нѣтъ дружбы въ народѣ, нѣтъ.

Аналогичныя же замѣчанія находимъ мы и въ «Что читать народу?» чуть ли не въ каждомъ отчетѣ о чтеніи въ деревнѣ:

— «Правды теперь нигдѣ не любятъ! То прежде такъ было, что ложью весь свѣтъ обойдешь, а назадъ не воротишься. Теперь же не то, всюду пробираются и назадъ возвращаются».

— Теперь нѣтъ божьяго суда, все человѣческій и все неправильно дѣлается,—замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ по поводу разсказа «Дѣдъ Софронъ» и прибавилъ:—Мнѣ кажется, что недалеко до того, что все общество распадется и приставятъ къ намъ одно начальство». (II, 78).

Были и болѣе оптимистическія замѣчанія.

— «Можетъ и придетъ такое время, что всѣ раскаются и начнутъ жить по совѣсти,—сказалъ одинъ» (по поводу «Пропавшая совѣсть»).

— «Придетъ!—раздался голосъ, въ которомъ прозвучала твердая вѣра въ это прекрасное будущее» (II, 559).

Случалось мнѣ иногда выслушивать обличительныя замѣчанія довольно страннаго характера. Напримѣръ, послѣ чтенія разсказа изъ

жизни первыхъ христіанъ одинъ изъ слушателей, крестьянинъ-портной, чахоточный и аскетически настроенный, заговорилъ:

— Вотъ какъ жить надо! Не такъ, какъ мы живемъ. Мы все думаемъ, какъ бы получше, побогатче жить, мы и Бога объ этомъ просимъ. А Бога совѣмъ просить надо, чтобъ онъ послаалъ болѣзнь какую, смерть... Вотъ о чемъ его просить надо. Священники лучше насъ это знаютъ. О чемъ попъ просить Бога въ каждой молитвѣ? Чтобъ Богъ его громомъ убилъ, чтобъ его звѣри растерзали, чтобъ попадя умерла отъ родовъ. А мы не такъ, не сполняемъ...

Въ общемъ, крестьянскій слушатель, примѣняя мораль книжки къ своей жизни, понималъ слово «мы» очень широко и рѣдко-рѣдко когда останавливался своими обличеніями на себѣ лично или на своихъ односельчанахъ. И эти постоянныя самообличенія не были пустыми словами.

Въ нихъ было столько страстнаго негодованія, или глубокой грусти, что они положительно казались стономъ изболѣвшей души. Въ нихъ высказывались настроенія деревенскаго человѣка, его терзанія несоотвѣтствіемъ жизни съ нравственными идеалами.

IV.

Если крестьяне немедленно примѣняли мораль книжки къ своей жизни, то они рѣдко-рѣдко увлекались самымъ рассказомъ настолько, чтобы «переживать» его, въ особенности до того чтобы забывать—какъ это было въ казармѣ,—что событіе происходитъ не тутъ же, передъ ихъ собственными глазами.

Единственный разъ, когда мнѣ пришлось отмѣтить приблизительно такое отношеніе, было при чтеніи рассказа «Четыре брата» Оболенскаго. Рассказъ начинается характеристикой этихъ братьевъ. По прочтеніи характеристики перваго, обычнаго деревенскаго кулака, кто-то изъ слушателей сразу твердо отчеканилъ:

— Карпенко! (Имя мѣстнаго кулака).

По прочтеніи характеристики втораго брата, человѣка разсѣяннаго и по всему индифферентнаго, раздалось столь же энергичное и столь же удачное восклицаніе:

— Вдовенко!

Въ «Что читать народу?» приводятся нѣкоторые факты очень экспансивнаго отношенія деревенскихъ слушательницъ къ читаемому. Такъ,

напримѣръ, при чтеніи «Власти тьмы»—одна изъ слушательницъ крикнула уряднику, перебившему рѣчь Акима:

— «Охъ! не перебивай Христа ради!» (Т. II. 126). При чтеніи другого разсказа («Совѣсть не допустила») слушательница возбужденно кричить одному изъ дѣйствующихъ лицъ, убійцѣ Никитѣ, желающему, но не рѣшающемуся покаяться:

— «Да говори уже, говори!» (318).

По прочтеніи въ «Грозѣ» Островскаго послѣднихъ словъ: «Эй! Лодку! Женщина въ воду бросилась!» одна изъ слушательницъ воскликнула:

— «Боже жъ мій! Спасите! Вѣдь это она (Катерина) и есть!» (516) и т. п.

Но, долженъ признаться, я не считаю особенно характерными для деревенскихъ слушателей, даже слушательницъ, подобныя экспансивныя восклицанія. Они были скорѣе слѣдствіемъ того общаго слезливо-сантиментальнаго, чуть-ли не истерическаго настроенія, которое постоянно царило въ женскихъ аудиторіяхъ г-жи Алчевской. Почти ни одного чтенія не проходило безъ «слезъ и рыданій».

Дошло до того, что когда одно изъ чтеній прошло «благополучно» въ этомъ отношеніи, какая-то слушательница даже нашла нужнымъ это отмѣтить:

— «Вотъ сегодня у насъ, слава Богу, безъ слезъ обошлось!»

— «Можетъ я и плакала бы, да непонятное перебиваетъ смыслъ—успокоила ее наивно другая» (стр. 471).

V.

Шахтеры и босяки часто тоже примѣняли мораль и событія книжки къ своей жизни. Но у нихъ примѣненіе это носило болѣе узкій характеръ. Подъ словомъ «мы» понимался не народъ вообще, даже не рабочіе, а только шахтеры и, чаще всего, лишь шахтеры «нашего рудника». Кромѣ того, это примѣненіе къ своей жизни дѣлалось не только безъ той болѣзненной страстности и серьезности, какія звучали въ отзывахъ крестьянъ, но часто даже въ шутливой формѣ, иногда, впрочемъ, въ формѣ довольно ѣдкой насмѣшки надъ собою.

Описаніе, какъ Елисей («Два старика»), идя въ Иерусалимъ, всю дорогу думаетъ, какъ бы кому угодить, вызвало смѣхъ и восклицанія:

— Ну, вотъ, точно какъ мы! Тоже вѣдь постоянно думаемъ, какъ бы кому... тумачковъ накласть!..

Когда я прочелъ въ сказкѣ «Первый винокуръ» сколько каждаго сословія людей въ аду, тотъ же смѣхъ и восклицанія:

— Что же это шахтеровъ въ аду нѣтъ? Паны есть, бабы есть, абакаваты есть—а шахтеровъ нѣтъ.

— Шахтеры ужъ раньше того попали въ адъ,—сбострилъ кто-то.

Когда я прочелъ названіе книжки «Пропала совѣсть», названіе, вызвавшее въ деревнѣ восклицаніе: «Лучше самому пропасть, чѣмъ дать пропасть совѣспи», молодой шахтеръ отозвался весело:

— А у меня совѣсть не совсѣмъ пропала. Хоть немножко, а есть... Да, я совѣстливый,—разсмѣялся онъ вдругъ.—Какъ пойду въ слободу къ мамзелямъ—я страсть какой совѣстливый!

— А я и въ слободѣ не совѣщусь,—заявилъ откровенно другой.

Вообще, часто «примѣненіе къ себѣ» не шло дальше своей собственной личности.

Читаю рассказъ Пейверинта «Попутчикъ». Вдругъ съ нарѣздается спокойное и громкое замѣчаніе:

— Жилъ, какъ бездольный Миронъ...

— Какой Миронъ?—спрашиваю.

— Я,—получается лаконическій отвѣтъ.

Однако, когда въ книжкѣ затрагивался самый больной вопросъ рабочей жизни, пьянство, сравненія получали характеръ болѣе серьезный и грустный.

Мы видѣли выше, какія разсужденія вызывалъ рассказъ «Кривая доля» въ казармѣ. Въ такомъ же духѣ были и сравненія, которыя дѣлались при чтеніи его шахтерами.

— И у насъ въ казармѣ много народу такого найдешь! Пока что ихъ не трогаешь, они конца своего не видятъ. А придетъ лихой конецъ—придетъ!

— При-идеть,—протянулъ со вздохомъ другой.

— А все «жижка» (водка) проклятая, все она. И хорошій человекъ, а черезъ нее гроша мѣднаго не стоитъ.

При чтеніи другого разсказа Савихина «Дѣдъ Софронъ», гдѣ главную роль играетъ водка, при помощи которой кулаку удастся отобрать надѣлъ у старика,—шахтеръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ воскликнулъ:

— Что же! Водка таку дороже души человѣческой. Пусть себѣ человекъ пропадаетъ—лишь бы водки выпить! Э-эхъ!

Напротивъ, крестьяне и, вообще, люди не пьющіе горькую, рассуждали о пьянствѣ гораздо болѣе спокойно.

При чтеніи той же «Кривой доли» въ деревнѣ, одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

— Вотъ въ слободѣ у насъ тоже мужикъ одинъ такой есть. Шестъ дѣтей, ѣсть нечего. А посмотри, гдѣ онъ: въ кабакѣ пьяный лежитъ.

— Мнѣ, говорить, безъ водки и совѣмъ бы пропасть,—замѣтилъ другой.

— Нѣтъ, онъ не такъ гсворить,—вмѣшался въ разговоръ третій.— Онъ говорить: «такъ у меня ни хлѣба нѣтъ, ничего нѣтъ, а какъ выпью—у меня и паляницы (пирог), и сало, и мясо. Всякое добро есть».

Всѣ размѣялись.

— Совѣсть значить забываетъ—и всякое добро является.

VI.

Въ общемъ, рабочіе мало рассуждали, мало резонировали по поводу книжки. Слушая чтеніе съ захватывающимъ интересомъ, они сами переживали перипетіи описываемыхъ событій, волновались, дѣлали предположенія, «чѣмъ кончится», осыпали руганью и проклятіями злыхъ; хвалили и «поощряли» добрыхъ.

Особенно сильное впечатлѣніе произвели и на шахтѣ, и на пристани такіе рассказы, какъ «Убивецъ» Короленко, «Сигналь» Гаршина, «Богъ правду видитъ» Толстого и особенно «Власть тьмы».

«Сигналь» произвелъ положительно потрясающее впечатлѣніе на рудничныхъ слушателей. Со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанія и торопливыя предположенія, какъ бы онъ могъ спасти поѣздъ, не жертвуя жизнью.

— Охъ, братцы! И нужно жъ сильное-сильное чувство имѣть, чтобъ жизнь пожертвовать свою!—вырвалось положительно стономъ у одного.

Не менѣе глубокое впечатлѣніе произвелъ «Убивецъ» на пристани среди босяковъ. Съ появленія на сцену Безрукаго всеобщее вниманіе превратилось въ томительное, трепетно-напряженное ожиданіе чего-то ужаснаго.

— Что дальше?..—произнесъ кто-то испуганнымъ шопотомъ, когда Безрукій появляется въ лѣсу.

— Ни больше, ни меньше, какъ они ее убьютъ, барыню!—отвѣтилъ другой громко и увѣренно.

— Охъ, не дай Богъ! Не дай Богъ!

— Во-отъ несчастная!

— Охъ, и жалко жъ ее, бѣдную! Страсть, какъ жалко!

Но когда топоръ опустился и убитымъ оказался Безрукій—все ахнули отъ восторга.

— Его убилъ!! Н-ну! Слава Богу!

— Вотъ молодецъ!! Защиту далъ малымъ ребятамъ!

Слушатели иногда увлекались до того, что начинали обращаться къ персонажамъ разсказа, какъ къ присутствующимъ тутъ же лицамъ. Когда я прочелъ въ разсказѣ «Воръ» сцену, какъ парни зовутъ товарища Алешку въ хату и онъ церемонится, шахтеръ, повернувшись къ дверямъ, воскликнулъ:

— Иди, братъ, Алешка! Чего стоишь! Иди, выпей! Да иди-и жъ! Не церемонься! Ступай!

Не ограничиваясь руганью и проклятіями по адресу дѣйствующихъ лицъ, слушатели иногда набрасывались на своихъ товарищей, которыхъ можно было упрекнуть въ чемъ-нибудь, подобномъ описанному.

Когда я прочелъ въ разсказѣ «Не гонись за большимъ» какъ молодой парень, вкусившій городской цивилизаціи, соблазняетъ отца уѣхать въ городъ—и это влечетъ за собою гибель всей семьи,—шахтеръ-старожиль закричалъ съ негодованіемъ, обращаясь къ молодымъ:

— Все такіе жеребцы, какъ вы, будьте вы прокляты! Побываете въ городѣ, а потомъ и начнете мутить, пока изведете родителей!

Точно такое же негодующее восклицаніе вызвала и сцена изъ «Власти тьмы», гдѣ говорится о легкомъ отношеніи Никиты къ женщинамъ.

— А вы, с...с..., подлецы!—набросился пожилой шахтеръ на молодыхъ.—Ходите вы каждую ночь въ деревню. Тоже, какъ Никита, поете: «женюсь, женюсь!» Постойте, подлецы, дойдете до каторги!

Еще болѣе экспансивная сцена разыгралась при чтеніи въ разсказѣ «Воръ», какъ староста и односельчане, жалѣя невинно осужденнаго Алешку, ничего не дѣлаютъ, чтобы выручить его. Майкифоръ, живой, нервный человѣкъ, изъ служивыхъ, вскочилъ и набросился на единственнаго великоросса, находившагося въ казармѣ:

— Стервы проклятыя вы! Сволочь! Говорятъ, у русскихъ умъ въ головѣ спереди, а у хохловъ сзади. Врете! Не могли выручить Алешку!

«Такъ точно!» «При насъ вороваль!» Эхъ! (крѣпкое слово) болваны вы набитые!

— А онъ почему овчинку-то...—началъ было защищаться великороссъ.

— Молчи—не то морду побью!—перебилъ его яростно Мижифоръ.

V. Критическое отношеніе къ читаемому.

I.

Большинство народныхъ изданій, которыя мнѣ довелось читать въ деревнѣ и на рудникѣ, въ особенности изданія «Посредника», были по языку прекрасно понято слушателями. Не могу, однако, сказать того же относительно тенденціи. Были хорошо поняты только тѣ тенденціи, преимущественно христіанской морали, которыя, такъ сказать, лежали на поверхности и при томъ высказывались устами дѣйствующихъ лицъ. Если же тенденція книжки была сколько-нибудь скрыта, не бросалась въ глаза, слушатели часто не замѣчали ея или понимали не такъ, какъ того хотѣлъ авторъ. Для многихъ осталось непонятнымъ, что хотѣлъ сказать Л. Н. Толстой своими рассказами «Чѣмъ люди живы», «Свѣчка», «Два брата и золото», «Сколько человѣку земли надо», «Два старика» и др. Однажды, когда я прочелъ въ казармѣ названіе «Чѣмъ люди живы?», старичокъ, отставной солдатъ, встрепенувшись, поспѣшно воскликнулъ, точно боясь, чтобы кто его не перебилъ:

— Живы хлѣбомъ!

И послѣ чтенія большинство слушателей, кажется, не особенно далеко ушло отъ этого отвѣта. Насколько былъ понятъ рассказъ «Гдѣ любовь—тамъ и Богъ», тенденція котораго вся въ его названіи,—можно судить по тому, что когда по окончаніи чтенія, одинъ изъ слушателей выразилъ сожалѣніе, что къ сапожнику въ гости пришелъ не самъ Христосъ, а бѣдные и убогіе, то на это получился отвѣтъ:

— Ишь, чего захотѣлъ! Самъ Спаситель! Хватить съ него, что тѣ пришли. И то жирно!

Осталась непонятной и злополучная, надѣлавшая столько шуму въ печати «Сказка объ Иванѣ Дуракѣ» и работѣ головой. Сказку эту я

читалъ разъ пять разнымъ слушателямъ, всюду она слушалась съ восторгомъ, при несомлжаемомъ хохотѣ, подъ градъ шутокъ и насмѣшекъ по адресу чертей и похвалъ мужику. Но никому не пришло на мысль усмотрѣть въ дьяволѣ, работающемъ головой, олицетвореніе интеллигента.

То же и въ аудиторіи Алчевской. «Слушатели наши,—читаемъ мы въ отчетѣ о чтеніи «Ивана Дурака» въ деревнѣ,—не проникли въ ея (тенденціи) потаенный смыслъ, не силились дѣлать сближеній съ жизнью, хотя слушали ее съ большимъ интересомъ и вставляли вполне умѣстныя замѣчанія (II, 104).

Всего лучше были поняты тенденціи такихъ разсказовъ, какъ «Богъ правду видитъ», «Упустишь огонь—не потушишь», «Жадный мужикъ», «Воръ», «Сигналъ», «Четыре дня» и т. п.

II.

Выше мы говорили, что, благодаря религіозной книжкѣ, у народа установилось глубокое уваженіе и серьезное отношеніе къ книгѣ вообще. Слѣдуетъ отмѣтить, что влияніе это пошло гораздо дальше: оно парализовало у человѣка изъ народа всякое критическое отношеніе къ книгѣ. Религіозная книжка, какъ «божественное чтеніе», конечно, стоитъ внѣ критики, внѣ сомнѣнія. Все, что въ ней говорится, назначено на поученіе людямъ, а дѣло читателя—учиться, пассивно и благоговѣйно воспринимать поученія. Такое же отношеніе установилось у большинства деревенскихъ слушателей и по отношенію къ свѣтской житейской книжкѣ, какъ только они увидѣли въ ней серьезную тенденцію, поученіе моральнаго характера.

Разница между крестьянами и рабочими довольно опредѣленно высказалась и въ этомъ отношеніи.

Отъ крестьянъ мнѣ никогда не приходилось слышать прямого заявленія о своемъ несогласіи съ тенденціей книжки. О чемъ бы ни читалъ, что бы ни проповѣдывалось въ книжкѣ, крестьяне всегда воспринимали «поученіе» пассивно, соглашаясь съ нимъ. Но это еще совершенно не значитъ, чтобы они всякую тенденцію, всякое поученіе у с в а и в а л и, какъ непреложную истину.

Если крестьянскій слушатель не рѣшался или даже не понималъ возможности прямо выступить противъ авторитета писателя или поло-

жительнаго героя, то у него критическое отношеніе къ книжкѣ проявлялось въ иной, менѣе сознательной, но довольно яркой и опредѣленной формѣ.

Обыкновенно, каждый тенденціозный рассказъ иллюстрировался слушателями примѣрами и рассказами изъ собственной жизни. И вотъ въ этихъ-то примѣрахъ и высказывалось отношеніе слушателей къ тенденціи. Если тенденція не совпадала съ внутреннимъ убѣжденіемъ, съ установившимися воззрѣніями слушателей, они, не оспаривая ее прямо, большей частью, даже соглашаясь съ нею, тутъ же приводили примѣры диаметрально противоположнаго характера. Напротивъ, если тенденція совпадала съ ихъ собственными воззрѣніями, или производила на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они соглашались съ нею,—примѣры и рассказы шли въ унисонъ съ тенденціей. Для меня, по крайней мѣрѣ, эти «посторонніе рассказы» по поводу прочитаннаго служили лучшимъ показателемъ отношенія деревенскихъ слушателей къ той или другой тенденціи.

Рабочіе, какъ уже было упомянуто, мало разсуждали по поводу прочитаннаго. Отдавшись всецѣло впечатлѣнію, они часто совершенно не останавливались на основной тенденціи рассказа. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда они останавливались на ней, они проявляли гораздо меньше уваженія къ авторитету писателя и «поученія» и иногда довольно рѣшительно высказывали свое несогласіе съ тенденціей, свое критическое отношеніе къ художественной формѣ рассказа, при чемъ опредѣленно высказывали свои собственные взгляды, свое собственное пониманіе критикуемыхъ типовъ

III.

Особенно характерно было отношеніе деревенскихъ слушателей къ тенденціи о «непротивленіи злу», положенной въ основу большинства народныхъ рассказовъ Л. Н. Толстого. Въ рассказахъ этихъ и авторъ, и вѣщающіе съ печи древніе старики, и ангелы, всѣ поддерживаютъ своимъ авторитетомъ тенденцію, всѣ учатъ не сопротивляться злу. Слушатели, конечно, не рѣшались высказываться противъ этой тенденціи и принимали ее пассивно, какъ давно извѣстную, неоспоримую евангельскую истину, которую всѣ понимаютъ, но—увы!—далеко не все исполняютъ. Когда я прочелъ въ какомъ-то рассказѣ Толстого изреченіе о непротивленіи, одинъ изъ слушателей обратился, улыбаясь, къ бывшему тутъ мужику-богатѣю и дружескимъ шопотомъ сказалъ ему:

— Слышь, Василь, какъ сказано? Не противляйся. Какъ у тебя берутъ что—дай и назадъ не проси. Такъ вотъ надо, ха-ха!

— Кабы бь мы сполняли...—отвѣтилъ меланхолически, но спокойно, индифферентно Василь.

Въ разсказѣ «Упустишь огонь—не потушишь» тенденція непротивленія злу выражается въ томъ, что два крестьянина, поссорившись изъ-за пустяка, разорились до тла стараніями мстить другъ другу и, наконецъ, понявъ неразумность своего поведенія, помирились. Слушателямъ разсказъ этотъ очень нравился и въ такихъ рамкахъ они горячо принимали тенденцію о непротивленіи и вполне соглашались, что слѣдуетъ жить «не сердцемъ, а лаской».

— Старикъ вѣдь правду говорилъ сыну,—отозвался кто-то горячо при чтеніи этого разсказа,—что отъ такого обхожденія добра не будетъ. Говорится же «зло не выведешь зломъ». Старики лучше насъ жили. Теперь другой народъ пошелъ.

Гораздо болѣе сдержанно отнеслись слушатели къ этой же тенденціи при чтеніи разсказа «Свѣча», гдѣ описывается, какъ, при крѣпостномъ правѣ, благоразумный мужикъ убѣждалъ не сопротивляться жестокому приказчику, котораго крестьяне намѣреваются убить. Читалъ я этотъ разсказъ много разъ различнымъ слушателямъ; всюду онъ слушался съ большимъ интересомъ и почти всегда при общемъ тяжеломъ молчаніи. Только по окончаніи чтенія, кто-нибудь изъ слушателей, какъ-то неохотно и затрудняясь, высказывалъ свое одобреніе тенденціи, послѣ чего и начинались безчисленные разсказы и воспоминанія изъ «добраго стараго времени»...

— Со мною, почитай, какъ разъ такая же исторія была, вотъ, ей Богу!—отозвался при чтеніи въ деревнѣ этого разсказа пожилой крестьянинъ.—Мы графскія были. Самъ графъ въ деревнѣ не жилъ, а замѣсто его сидѣлъ управитель, въ родѣ приказчика. Живодеръ такой былъ, что, почитай, похуже того, что въ книжкѣ описанъ. Вотъ онъ разъ на меня и наскочилъ. Я тогда еще мальченкой былъ 7-ми лѣтъ. Отецъ померши былъ—и жилъ я съ матерью. Меня придрѣлили въ подпаски, овецъ пасть. Ну, извѣстно, мальченка, несмышленный, не доглядѣлъ какъ-то разъ, и овцы разбрѣлись по прою. А тутъ, какъ на грѣхъ, управитель. Увидалъ, подскочилъ ко мнѣ и давай лупить нагайкой. Я убѣгаю, а онъ на лошади за мною и лущуетъ. Всего излущивалъ, пока я не упалъ наземъ безъ чувствъ. А я въ одной рубашонкѣ былъ, да торбочка черезъ шею. Нагайка какъ ножомъ разрѣзала тѣло, и ру-

башонка къ тому мѣсту прилипла отъ крови. Чуть домой добрался ночью. Мать, какъ увидала меня, ажъ затраслась—думала волки меня загрызли. Затошила она печь, нагрѣла чугуны, налила воду въ большія почевки, меня туда положила, чтобы рубаха отмочла. Польетъ меня водой, отмочитъ и отколупаетъ отъ тѣла кусокъ рубахи, пока всю ее и торбочку отколупала. Такъ до утра возилась со мною и слезами заливалась. Ужъ не знаю, чѣмъ больше она рубашку отмочила—водой или слезами. Вотъ, въ тѣ поры я и забралъ себѣ въ голову: какъ выросту большой, безпремѣнно убью приказчика. И, что жъ вы думаете?... Крѣпко держалъ это въ мысляхъ. Не было дня, чтобы не думалъ объ этомъ. И выросъ я большой да здоровый хлопецъ. Ужъ мнѣ 16 годовъ было, а я все эту думку держу въ половѣ. Разъ прихожу къ матери и говорю ей: «Помнишь, мати, какъ приказчикъ меня въ кровь излущивалъ, и ты всю ночь чугуны грѣла, на мнѣ рубашку отмакивала и сама слезами заливалась?»—«А какъ же, говорить, не помнить? Помирать буду — и то не забуду». — «Ну, вотъ, говорю, я и порѣшилъ тогда, какъ выросту и отблагодарю ему. Теперь, говорю, я выросъ...»—«Какъ же, спрашиваетъ, ты отблаговаришь?» — «А такъ, говорю. Какъ поѣдетъ онъ на мельницу, я въ ярку подстерегу его съ дрючкомъ и прикончу. А потомъ убѣгу, куда глаза глядятъ». Мать, какъ услыхала это, заголосила, повалилась мнѣ въ ноги. «Сыночекъ, не дѣлай этого! Пожалѣй хоть меня! Ты-то убѣжишь, а я здѣсь останусь и меня изведутъ». Плакала-плакала, уговаривала-уповаривала, пока отговорила. И спасибо ей. А то теперь, навѣрно, гдѣ въ Сибири сидѣлъ бы,— закончилъ онъ съ труслой улыбкой.

Крестьяне часто останавливались на воспоминаніяхъ изъ временъ крѣпостного права, ужасы котораго еще далеко не изгладились изъ ихъ памяти. Это, однако, не мѣшало имъ всегда отмѣчать и тѣ хорошія стороны народной жизни, которыя были сильнѣе при крѣпостномъ правѣ: тогда народъ не такъ голодалъ, земли было вдвоице, а главное, было больше солидарности, проявленія взаимопомощи. Отмѣчая эти хорошія стороны, крестьяне, впрочемъ, не приписывали ихъ крѣпостному режиму и тѣмъ меньше выражали сожалѣніе объ этомъ режимѣ.

По поводу разсказа «Упустить огонь—не потушишь» одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

— Да что и говорить: въ старину, куда лучше жили, чѣмъ теперь. Примѣрно косить хлѣбъ всѣ сразу выходили, какъ одна душа, дружно, любовно. А теперь все въ разбродъ пошло...

— А я что слышалъ, — отозвался другой. — Слышалъ я, что «воля» эта дана намъ только на время. А какъ выйдетъ срокъ—и воля кончится...

И, помолчавъ, продолжалъ:

— Мы считаемъ такъ: когда у тебя и поле, и лугъ, и лѣсъ, и скотина—тогда и воля. А какъ нѣтъ ничего, тогда и воли нѣтъ. Тогда ужъ не воля, а каторга. Когда нарѣзывали надѣлы, тогда хозяину досталось примѣрно 3 или, много-много, 5 десятинъ. Тогда ему довольно было. А за эти годы у него подросли, скажемъ, 4 сына и у каждаго тоже по 4 сына. А на всѣхъ одинъ надѣлъ. Какъ тутъ прожить? И приходится идти въ неволю, наниматься... Вотъ увидите,—закончилъ онъ съ спокойной увѣренностью,—черезъ 50 лѣтъ половина мужиковъ рабочими подѣлаются и волю потеряютъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, слушатели довольно категорически высказывали свое отношеніе къ крѣпостничеству.

— Если-бъ хотѣли теперь вернуть крѣпостное право— и, не дай Богъ, не пошли бы! Бунтомъ бы поднялись. Вся страна бунтомъ поднялась бы!

Разсуждали о хорошихъ сторонахъ дореформеннаго быта и въ деревенской аудиторіи г-жи Алчевской. Но разсужденія эти и тамъ нисколько не имѣли характера панегирика крѣпостному праву. Слушатели просто констатировали, что тогда было больше земли, больше солидарности (стр. 827), но въ то же время заявляли довольно опредѣленно:

— «Хорошо, что теперь вольные, хоть голодные, хоть голые, а все же лучше» (стр. 106).

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминали слушатели про «объявленіе воли» и про свои впечатлѣнія того времени.

— Когда вышла воля, — рассказывалъ крестьянинъ, — мнѣ было лѣтъ 18. Работалъ я у Гаврилы плотника. Въ тотъ день, какъ должны были читать волю въ церкви въ Бахмутѣ, мы съ Гаврилой демъ барскій починали. Утромъ пріѣзжаетъ къ намъ баринъ. «Ну, что, ребята, спрашиваетъ, пойдете въ Бахмутъ волю слушать?» — «Не,—говоритъ Гаврило.—Чего ее слушать. Коли Богъ дастъ волю то все юдно получимъ ее, не слушавши». Боялись мы еще тогда барина. — «И хорошо такъ,—говоритъ.—Я вотъ поѣду, потомъ и расскажу вамъ. А вы поработайте».

«Ну, ладно. Уѣхалъ. Работаемъ мы — а тутъ съ самаго утра

на-ародъ, на-ародъ такъ и валить, такъ и валить въ Бахмутъ: кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто на дрогахъ. Постоялъ, постоялъ мой Гаврила, почесалъ въ затылкѣ и говоритъ мнѣ: «А что, Степанъ, не пойти ли и намъ. Народъ, видишь, идетъ». А я и такъ ужъ страсть хочу идти. Вотъ мы и пошли, да только яркомъ, чтобъ часомъ баринъ не нагналъ насъ. Такъ яркомъ, яркомъ и добрались до Бахмута. Пошли въ церкву. А тамъ народъ—вся площадь. И рота солдатъ стоитъ... Пришелъ священникъ—и все двинулись за нимъ въ церковь. Мы тоже. А тутъ какъ разъ—баринъ нашъ! Надвинули его пр-рямо на насъ. Испугался я: думалъ, вотъ спросить, чего ушли съ работы? А онъ ничего: стоитъ, будто не примѣчаетъ насъ. А тутъ начали читать волю... Ужъ не помню, что въ ней написано было...»

— А тогда поняли?

— Тогда понялъ...

И, подумавъ немного, прибавилъ:

— Сказано было такъ: «Живите промежь себя, помѣщикъ съ мужикомъ, дружно, мирно, какъ братъ съ братомъ. Будьте сосѣдями добрыми, не обижайте другъ друга. Помѣщикъ, чтобъ училъ мужика, чего мужикъ не знаетъ, а мужикъ, чтобы помѣщика училъ пахать, сѣять, боронить, косить, чтобъ все ему показывать»... Тогда думали, что и вправду такъ будетъ. А вышло не такъ: ни мужикъ барина ничему не научилъ, ни баринъ мужика. А дружба—куда-а!»

Шахтеры относились болѣе опредѣленно, и въ то же время болѣе индифферентно къ вопросу о непротивленіи. Для многихъ тутъ даже не было моральнаго вопроса, и они, большей частью, пропускали мимо ушей тенденцію о непротивленіи. При чтеніи «Свѣчки» въ казармѣ, одинъ шахтеръ, довольно добродушный, воскликнулъ:

— А я бъ его, этого приказчика, прямо безъ разговоровъ, ножомъ въ бокъ—пырхъ, и конецъ!

— Дѣло простое,—прибавилъ равнодушно другой.

Точно также и отношеніе рабочихъ къ крѣпостному праву было совершенно другое, чѣмъ у крестьянъ. Въ казармѣ, гдѣ девять десятыхъ рабочихъ сами не помнили крѣпостного времени, рѣдко когда приходилось слышать воспоминанія о немъ. Если объ этомъ и заходила рѣчь, то рабочіе относились къ такимъ рассказамъ,

какъ къ чему-то чужому и мало возмущались ужасами, которые тогда творились.

За то они, по ассоціаціи идей припоминали такія «картинки настоящаго», которыя не особенно многимъ уступали былому.

При чтеніи «Свѣчка», кто-то изъ шахтеровъ воскликнулъ:

— Этотъ приказчикъ такой же, какъ урядникъ, что былъ у насъ въ прошломъ году.

— Вотъ с... с... былъ!—подхватилъ другой.—Хоть бы его кто убилъ. По мордѣ, и по мордѣ—другого разговора у него и не было.

— А ну, Сенька, расскажи какъ онъ тебѣ морду чистилъ?—обратился шахтеръ къ молодому, высокому и очень наивному по виду саночнику.

— Да ему совсѣмъ штейгеръ Медвѣдевъ морду чистилъ,—отозвался другой.—Урядникъ не его, а Ваську Бѣляева лупилъ.

— Ну, штейгеръ, такъ штейгеръ. Пусть расскажетъ, какъ штейгеръ его почиваль.

Сенька, улыбаясь во весь ротъ, добродушно мотнулъ головой и полумшепотомъ, съ удовольствіемъ, отвѣтилъ:

— Вотъ ужѣ, какъ кончуть читать—расскажу.

Онъ, ожидалъ, повидимому, съ большимъ нетерпѣніемъ конца чтенія и едва я успѣлъ дочитать послѣднее слово, какъ онъ заговорилъ радостно.

— Пошли это наши ребята на слободу. Ну, извѣстно, напились. Напились, и давай драться съ парнями слободскими, изъ-за мамзелей больше. Ну, ладно. Подравались, мы и ушли. Возшли на приторокъ и стали оттуда кричать имъ: «Хѣхлы! чего вы мало дошли? Пустимъ вамъ краснаго пѣтуха!» А въ тѣ поры управляющій возьми да проѣзжай, и услыхаль, какъ мы кричали. Позваль урядника и рассказалъ ему. Вотъ, урядникъ къ намъ на шахту и пріѣхаль. Поговорилъ со штейгеромъ, велѣлъ всѣмъ выйти. Вышли, выстроились въ рядъ, какъ солдаты. Урядникъ какъ закричитъ: «Шапки долой, с... с...!» Ну, мы свои права тоже знаемъ, сейчасъ все какъ есть шапки скинули. «Кто кричалъ: «Пѣтуха пустимъ?» Никто не отзывается. Тутъ штейгеръ Медвѣдевъ ко мнѣ: «Ты кричалъ?»

— Нѣтъ, говорю, не кричалъ.

Какъ только сказалъ это—онъ меня баць по мордѣ. Я, ничего, стою на мѣстѣ, даже не покачнулся. Онъ опять: «Кричалъ?»—«Нѣтъ!»—И опять меня по-мордѣ. А я все стою! Онъ въ третій: «Кричалъ?»—

«Нѣтъ!»—И опять—бацъ! Ну, тутъ я взялъ и повалился. А два раза выстоялъ. Вотъ, ей Богу!—закончилъ онъ съ гордостью.

Въ другой разъ при чтеніи въ разсказѣ «Воръ» сцены, какъ убили отца Алешки, кто-то изъ шахтеровъ воскликнулъ:

— А знаете, братцы, вѣдь нашего «Китка» убили!

«Китокъ» былъ молодой, драчливый и сильно пьющій шахтеръ.

— Ну?

— Вотъ, ей Богу. Онъ на Губонинскихъ работалъ, отъ артельщика Васильева. Васильевъ какъ-то выпивши былъ, заснулъ, а у него деньги 100 рублей и вытащили. Хватился онъ—и на Китка: «Ты взялъ!» Тотъ, извѣстно, отпирается. А ребята всѣ въ одинъ голосъ говорятъ на него. Вотъ Васильевъ взялъ полѣно, нащепилъ его, волосы Китка туда защемилъ и сталъ крутить: «Ты деньги взялъ? Говори!»—Нѣтъ, не бралъ!—Онъ ему и выкрутилъ волосы полѣномъ...

— Да ему и выкручивать, почитай, что нечего было,—отозвался, емѣясь, одинъ изъ слушателей.

— Драчунъ человекъ.

Въ немъ много битаго. Вложено въ немъ столько, что другой давно бы померъ.

— Да то еще не все. Слушайте,—продолжалъ разсказчикъ.—Какъ онъ не признавался, Васильевъ тутъ другое придумалъ. Онъ его раздѣлъ до гола, да на плиту посадилъ, а она до красна накалена. Ну, тутъ онъ признался. Указалъ гдѣ спряталъ деньги. Въ сараѣ. Тогда Васильевъ его на дроги, повезъ къ рѣчкѣ и бросилъ. А онъ отошелъ, поползъ, и до больницы добрался. Говорятъ—помираетъ...

— Что же артель?—спросилъ кто-то.

— Да что артель! Тамъ все хохлы. Онъ одинъ промежь нихъ русскій. Тутъ ужъ не заступятся... Скорѣе за собаку заступятся, чѣмъ за русскаго. Извѣстно...

IV.

При моихъ чтеніяхъ въ деревнѣ и на рудникѣ, слушатели неоднократно высказывались по различнымъ моральнымъ и социальнымъ вопросамъ: религіозному, семейному, рабочему, земельному: женскому, о войнѣ, городской культурѣ и т. д.,—и всѣ эти разсужденія иллюстрировались массою разсказовъ и воспоминаній. Не имѣя возможности привести здѣсь весь этотъ матеріалъ, остановлюсь на

отношеніи слушателей къ такъ-называемому «женскому вопросу» въ деревнѣ.

Среди изданныхъ для народа книжекъ имѣется очень мало такихъ, которыя спеціально были бы посвящены описанію положенія женщины въ деревнѣ. Не смотря, однако, на это, рѣдкое чтеніе проходило безъ того, чтобы слушатели не вспомнили и не потолковали бы о «бабахъ». Достаточно было, чтобы въ разсказѣ появилась женщина, произнесла нѣсколько словъ, какъ по адресу женщинъ вообще уже сыпались насмѣшки и упреки, а на рудникѣ — еще и ругань, и циничныя замѣчанія.

При чтеніи «Чѣмъ люди живы» слушатели поспѣшили обобщить поведеніе Матрены.

— И грець (чортъ) ихъ возьми этихъ бабъ! Тутъ все какъ есть правда! все вѣрно написано! Баба никогда тебя не допустить до добраго дѣла!

При чтеніи «Упустишь огонь—не потушишь» шли такіе же разсужденія:

— Бабы! У бабъ всегда ссоры да грызня!

— Вотъ у насъ теперь, примѣрно, разлѣлы семейные идутъ—отозвался другой.—Живутъ два брата вмѣстѣ, жены ссорятся, ругаются. Братья подѣляются — и оба подыхаютъ съ голоду. А которые мужики бабъ своихъ приудерживаютъ—у тѣхъ порядокъ полный.

— Все изъ-за бабъ проклятыхъ,—воскликнулъ одинъ по прочтеніи «Постоялаго двора» Тургенева.—Отъ нихъ всякой бѣды и жди.

— Ихъ надо вотъ какъ держать!

— Жинкѣ никогда нельзя вѣрить.

— Бабъ никогда нельзя слушать.

— На жену посмотрѣль? — отозвался кто-то по прочтеніи разсказа «Телка».—Ну, и дуракъ! Я никогда на жену не смотрю, коли что дѣлаю...

Не было недостатка въ такихъ разсужденіяхъ даже въ аудиторіи г-жи Алчевской, гдѣ и чтицы, и большинство аудиторіи состояло изъ женщинъ. По поводу «Власти тьмы» раздавались такія восклицанія:

— «Бабамъ не вѣрь никогда! — произнесъ многозначительно и авторитетно старшина—и съ его легкой руки обвиненія такъ и сыпались на головы несчастныхъ женщинъ со всѣхъ сторонъ» (Т. II, стр. 125).

Въ другой разъ, при чтеніи о языческихъ обрядахъ раздавались восклицанія:

— Все это бабы выдумываютъ, никто какъ бабы!

— Развѣ съ бабой что сдѣлаешь, столкуешься!

Вообще, бабы были признаны самымъ консервативнымъ элементомъ и на нихъ обрушались всѣ нападки (135).

При чтеніи разсказа Ѳ. Тищенко «Семень сирота и его жена», крестьяне говорили, что у мужчинъ больше жалости, чѣмъ у женщинъ и «одинъ, настаивалъ съ большимъ азартомъ на томъ, что женщины безсердечны вообще... Онъ совершенно игнорировалъ при этомъ присутствіе учительницы» (III, 118).

Были и соответствующія иллюстраціи.

Когда я прочелъ въ разсказѣ изъ временъ первыхъ христіанъ («Фабіола»), какъ одна женщина говоритъ своей рабынѣ: «ты моя», крестьянинъ разсмѣялся:

— Точно вотъ какъ нашъ Кирикъ. Пришла его жинка въ сборню жаловаться старикамъ, что онъ ее бьетъ. А онъ говоритъ ей: «Ты, говоритъ, кто? Что у тебя своего есть? Тѣло твое—говоритъ и на пальцахъ считаетъ,—тѣло твое мнѣ принадлежитъ; кровь твоя—тоже моя собственность; душа твоя—опять же я по надѣ ней хозяинъ. Все, значить, мое. Выходить, и жаловаться нечего».

Были иллюстраціи и иного характера.

При чтеніи въ разсказѣ «Чѣмъ люди живы», какъ Матрена ругаетъ мужа, приведшаго съ собою голаго челоуѣка (ангела), слушатели восклицали.

— А эти бабы все такъ! Къ нимъ какъ-нибудь не такъ приходи—снѣ тебя заѣдятъ.

— Нападуть такъ, что не дай Богъ.

— А я вотъ разъ пришелъ домой странникомъ, съ однимъ батономъ (кнутомъ),—заговорилъ немедленно, лѣниво хозяинъ дома, гдѣ я читалъ,—а она (онъ указалъ на жену) меня не приняла, не накормила и даже изъ хаты хотѣла выгнать... Вотъ!

Онъ обвелъ всѣхъ вопрошающимъ взглядомъ и по лицу его разлилась широкая улыбка.

— «Выгнать»!—передразнила его, смѣясь, хозяйка.

Одинъ изъ слушателей, яко-бы серьезно возмущившись, воскликнулъ:

— Выгнать! А-ахъ она баба! Да это, ма быть, потому что ты не такъ пришелъ какъ надо? а?

Всѣ размѣялись.

— Да какъ-жъ: съ батогомъ пришелъ...—отвѣтилъ приниженнымъ тономъ хозяинъ, подчеркнувъ слово «съ батогомъ».

— То-то «съ батогомъ»,—пригрозила ему, смѣясь, хозяйка.

— А може за то, что ты, «страннаго» человѣка (странника) съ собой не привелъ?—спросилъ опять первый.

— Не!—вспрепенулся радостно хозяинъ.—И «странныхъ» людей трехъ привелъ. А она все же не приняла!

Онъ торжествовалъ.

— То-то «привелъ». Ма быть, они тебя привели,—заговорила хозяйка.—Поѣхалъ онъ въ «Сему Роту» (названіе села) на ярмарку. Уѣхалъ на парѣ, а назадъ пришелъ черезъ три дня пьяный, съ однимъ батогомъ. Сидѣла я съ Алешкой на «спризыбѣ». Вижу за тыномъ что-то мотается. Присмотрѣлась и говорю Алешкѣ: «Ніякъ, Михайло»? А онъ тутъ и самъ идетъ, молчитъ и «здорово» не говоритъ. Прямо въ хату пошелъ. Я за нимъ. «А коняки гдѣ?»—«Да они сами пришли!»—«Какъ-то сами?!—закричала я,—ихъ нѣтъ, и не видала!» А онъ: «Ну, такъ придутъ»,—и повалился на полъ. Я въ плачь, я въ голосъ. А тутъ входятъ три москаля, то они его домой привезли. Ъдутъ изъ Семей Роты, а на дорогѣ кто-то лежитъ. Присмотрѣлись — знакомый человѣкъ: «Андреевичъ»? — «Эге!» — «А кони гдѣ?»—«А тамъ»... И самъ не знаетъ. Они и привезли его домой. А я голосю и ругаю его. Боже-жъ мой, какъ мнѣ горько было. Дите хворое лежитъ, конивъ нѣтъ, онъ лежитъ пьяный, а тутъ чужіе люди пришли, надо печку затоплять, вечерю варить, надо и его отогрѣвать, измерзъ. А онъ, какъ повалился на полъ—я его кожухомъ накрыла—лежитъ и еще ругается: «Бисова баба, кричить, придутъ кони!» Ну, я всю ночь не спала. Поднялась до свѣта...

— Поднялась «раньше пана»,—вставилъ кто-то.

— «Раньше пана». Смотрю—а его ужъ нѣтъ. Видно и его турнуло. Поддался искать. Пошла я къ ворожкѣ Аксинѣ. Она и говоритъ: «Коней забрали на дорогѣ мужчина и женщина, невысокая, чернявая. Коли до вечера не придутъ сказать—считай, пропали». Я въ голсъ. Иду домой, а онъ ѣдетъ на коняхъ, нашелъ ихъ въ яру... Вотъ какая была сторія,—закончила хозяйка.

— Вотъ онѣ бабы какія... сердитыя, ахъ!—резюмировалъ одинъ

изъ слушателей; и всѣ, въ томъ числѣ и хозяйнѣ, весело разсмѣялись.

Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что при моихъ чтеніяхъ въ деревнѣ процентъ слушательницъ былъ положительно ничтожный. Объяснялъ я это именно тѣмъ, что во время чтеній женщинамъ больше всего приходилось выслушивать насмѣшекъ и упрековъ—и онѣ поэтому избѣгали посѣщать чтенія.

Останавливается на этомъ же различіи въ отношеніи мужчинъ и женщинъ къ чтеніямъ и г-жа Волкова, устраивавшая народныя чтенія въ деревнѣ, но объясняетъ это совершенно иначе:

«Говоря объ успѣхѣ, которымъ пользовались тѣ или другія книги среди крестьянскаго населенія—пишетъ она,—я должна исключить отсюда этотъ (женскій) элементъ. Молодыя бабы были моими постоянными врагами. То ли обстоятельство, что школа не коснулась ихъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ, или другія какія причины, только ни одна книга какъ-то не могла сильно заинтересовать ихъ. Читая любимѣйшіе въ деревнѣ рассказы, когда кругомъ меня слышались смѣхъ и похвалы по адресу книги, я часто посматривала въ ихъ сторону, въ надеждѣ, что и эти молодыя лица озарятся улыбкой удовольствія, и съ ихъ языка сорвется какое-нибудь замѣчаніе по поводу прочитаннаго. Но мои надежды рѣдко сбывались: все тѣ же низко склоненныя надъ шитьемъ головы видѣла я передъ собой, а когда мнѣ удавалось заглянуть въ ихъ лица, равнодушное, безучастное выраженіе ихъ поражало меня. Въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ рассказа онѣ заводили между собой разговоры о своихъ дѣлахъ, нныя, окончивъ шитье, сейчѣ же уходили.

— Будетъ сидѣть-то, пора домой, всего-то не переслушаешь.— говорила которая-нибудь изъ нихъ, обращаясь къ своему мужу въ самый разгаръ чтенія и при этомъ бросала на меня косые, недружелюбные взгляды¹⁾).

У.

Отношеніе шахтеровъ къ женщинамъ было еще болѣе суровое, чѣмъ у крестьянъ. Они говорили о женщинахъ большей частью съ глубокимъ негодованіемъ, съ ненавистью, проклинали ее, какъ причину всѣхъ золъ, и тутъ же фактами объясняли такое свое отношеніе къ ней.

¹⁾ Чтенія въ деревнѣ и отношеніе къ нимъ крестьянъ“. „Образованіе“ 1897 г., № 4).

Когда я начал читать «Власть тьмы», одинъ шахтеръ воскликнулъ:

— Не моя ли Матрена тамъ орудуешь? Мою тоже Матреной зовутъ.

— Не дай Богъ никому такой Матрены,—отозвался другой.

— Да ужъ даль. Такую даль, что почище этой будетъ. Блудящая...

— А мою стерву хоть не звать Матреной, а тоже хороша,—отозвался другой.—Видишь?—прибавилъ онъ, поднявъ голову и показывая на шею широкій шрамъ,—то она меня соннаго зарѣзать хотѣла.

Въ другой разъ, при чтеніи на пристани, какъ пьяница хватается, что онъ жену бьетъ,—босаякъ, встрепенувшись, желчно размѣялся:

— Хо-хо! какъ я! Влѣпилъ своей бабѣ десятка два лещей по лицу—и готово.

— Ло-овко!

— А она, значить, въ судъ. Ну, судья, извѣстно, присудилъ меня на три мѣсяца въ острогъ. А я ему говорю: «Спасибо вашей милости за ласку. Только вамъ не слѣдъ бы меня судить. Жена—моя, и мое, значить, дѣло. Зря не сталъ бы бить».

— А за что ты ее билъ?—спросилъ я неосторожно.

Онъ рѣзко повернулъ ко мнѣ свое худое лицо, взглянулъ на меня почти съ ненавистью и проговорилъ отрывисто:

— За что—за блудъ!...

При чтеніи разсказа Оболенскаго, «Четыре брата», шахтеры сперва отнеслись очень гуманно къ согрѣшившей женщинѣ.

(Въ разсказѣ описано, какъ младшій братъ, вернувшись домой со службы и найдя у жены ребенка, не только не бьетъ ее, какъ его учить отецъ, но еще кланяется ей въ ноги, прося прощенія. За это односельчане и прозвали его «дуракомъ»).

— Ну, братцы, за это его дуракомъ прозывать нечего было!—отозвался съ увѣренностью шахтеръ.—Онъ хорошо сдѣлалъ, что въ ноги ей поклонился. Самъ виноватъ былъ, что на столько времени ушелъ.

— Конечно,—самъ. Гдѣ же человѣку молодому четыре гѣда вытерпѣть.

— Дуракъ не онъ, а старикъ отецъ, что училъ его побить жену.

— Ну, а ты, «Муравей» (прозвище одного изъ «четырехъ братьевъ»). Ты самъ какъ бы сдѣлалъ? — отозвался вдругъ одинъ изъ бывалыхъ шахтеровъ, Поликарпъ.—Что бы ты сказалъ, если бы жена тебѣ такой подарочекъ принесла? А? Тоже въ ноги бы ей поклонился?

Всѣ разсмѣялись, и отвѣта на вопросъ не послѣдовало.

— Помните Игнатовича? — спросилъ, подходя къ столу, другой шахтеръ.—Онъ лѣтъ девять прожилъ на шахтахъ подрядчикомъ. Потомъ пріѣхалъ домой въ деревню—и прямо приступилъ къ женѣ: «Гдѣ деньги, что собрала?»

— Это Марѳа-то?—спросилъ еще одинъ.—Она съ управляющимъ жила?

— Ну да, жила.

— Что же, собрала денегъ?

— Да куда! Ничего...

— Что жъ онъ ее, Игнатовичъ? Побилъ?

— Нѣтъ, по головкѣ погладилъ... — отвѣтилъ, усмѣхнувшись первый и вернулся къ парамъ.

Единственно только, когда рѣчь заходила о женскомъ трудѣ, и крестьяне, и шахтеры охотно признавали, что и женщина «чего-нибудь да стоитъ», и что безъ нея «не обойтись». Особенно много толковъ по этому поводу было при чтеніи крошечнаго разсказа Толстого «Кому труднѣе». Разсказецъ очень понравился и въ деревнѣ, и на рудникѣ.

— А что жъ ты думаешь,—разсуждали по поводу этой книжки крестьяне.—Вѣдь это правда. Ты съ бабьей работой вовѣкъ не управишься.

— Она только незамѣтная, а ра-бота!

— У бабы привычка большая на свою работу и охота. Все къ порядку и идетъ.

Тоже при чтеніи этого же разсказа на рудникѣ.

— Что мужикъ? Мужикъ какъ медвѣдь ломить. А баба будто играетъ, а въ десять разъ больше сработаетъ.

— Какъ мы на Шапиловскихъ работали, — отозвался артельщикъ,—отпустилъ я свою Анисью въ Святыя Горы на недѣлю. И что же ты думаешь. Хлѣба еще какъ никакъ испекли, а больше ничего не было. Въ котухѣ не выметено, ложекъ за все время ни разу не банили, чашекъ тоже. Вотъ что значитъ баба!

VI.

Шахтеры и босяки съ огромнымъ интересомъ и удовольствіемъ слушали описанія романтическаго характера, далеко не одобряемыя деревенскими слушателями, особенно пожилыми. Шахтеры слушали эти описанія съ болѣзненно-грустнымъ восторгомъ, и, что очень характерно, никогда не перебивали циничными замѣчаніями.

Описаніе объясненія въ любви Алешки Наташѣ («Воръ») произвело огромное впечатлѣніе на шахтеровъ. Сцена эта точно освѣтила на мигъ мрачную казарму съ ея безпріютностью и одиночествомъ.

— Э-эхъ, жалко, братцы, живо-жалко, что насъ тамъ не было!—отозвался съ глубокимъ вздохомъ и опорченіемъ типичнѣйшій шахтерикъ, Аксютка, парень лѣтъ 20, горькій пьяница пропившійся до того, что цѣлыми недѣлями разгуливалъ въ однихъ порткахъ, безъ рубахи.

— Да, братъ, жалко! Хоть бы вотъ издали посмотрѣть, какъ Алешка съ Наташкой цѣловались...

А можетъ Наташка и насъ бы полюбила...—отозвался негромко и нерѣшительно еще одинъ.

— Нѣтъ! не полюбила-бъ!—рѣшилъ Аксютка.—Алешка на желейкахъ игралъ, отличался. А мы чѣмъ бы отличились?

— А мы бы на кайлахъ сыграли!...

Еще больше понравилось описаніе любви Наля и Дамаянги.

Когда я прочелъ въ «Пѣснѣ про купца Калашникова» слова Кирибѣевича: «И не надо мнѣ золотой казны. Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь, передъ кѣмъ нарядомъ своимъ я похвастаю»,—кузнецъ вдругъ вскочилъ, ударилъ по столу и воскликнулъ съ волненіемъ:

— Стопъ!

И, обратившись къ сосѣду, заговорилъ горячо:

— Слышалъ? Вонъ она гдѣ правда! Мнѣ тоже ничего не надо: ни богатства, ни одежды! Мнѣ человѣкъ живой нуженъ. Что я одинъ съ богатствомъ подѣлаю? Какой я человѣкъ, когда одинъ, какъ собака, валяюсь въ кузницѣ и никого при мнѣ нѣтъ!

При чтеніи на другомъ рудникѣ признанія Кирибѣевича Аленѣ Дмитріевнѣ, вдругъ, среди общаго молчанія слушателей, раздалось негромкое, задушевное восклицаніе 18-тилѣтняго саночника:

— Какъ хорошо!...

Я взглянул на него, онъ сидѣлъ въ углу, покраснѣвшій, съ оживленнымъ лицомъ и сіяющими счастьемъ глазами.

Производили сильное впечатлѣніе на слушателей и описанія самоотверженной любви къ людямъ. Какую горячую симпатію высказывали шахтеры «дураку» изъ «Четырехъ братьевъ», стрѣлочнику въ «Сигналѣ», Настѣ въ разсказѣ Засодимскаго «Весь вѣкъ для другихъ!» Когда я читалъ этотъ послѣдній разсказъ на пристани, какой-то босякъ, робкій и злѣтый, проговорилъ застѣнчиво и задумчиво:

Мнѣ вотъ понравилось, какъ это Настя говоритъ: «Богатаго да хорошаго всякій полюбитъ. А бѣднаго и грязнаго, какъ его никто не любитъ—дай буду я его любить». Это мнѣ страсть какъ понравилось!...

VII.

Выше я упомянулъ, что рабочіе проявляли гораздо больше самостоятельности въ своихъ сужденіяхъ о книгѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ ея тенденціи, къ сужденіямъ автора, къ художественной обработкѣ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что, при значительномъ различіи въ уровнѣ моральнаго пониманія, крестьяне и рабочіе должны были различно относиться къ нѣкоторымъ вопросамъ даже элементарной морали. Такъ, напр., было съ вопросомъ о воровствѣ.

Деревенскіе слушатели высказывали особенную строгость, доходившую до жестокости, къ нарушителю правъ собственности.

Когда я прочелъ въ разсказѣ «Бабья доля», какъ присудили къ тюрьмѣ героиню разсказа, Анисью, за то, что она изъ нужды украдала, одна изъ слушательницъ воскликнула:

— Стоить! Пусть не воруетъ! Нечего жалѣть! Кто не нуждается! Всѣ нуждаются,—а воровать не идутъ.

То же было и при чтеніи разсказа «Воръ». Когда, доведенный до отчаянья напрасными гоненіями, Алешка спивается и идетъ грабить лавку, деревенскіе слушатели всю вину этого возложили на него одного.

— Довелъ себя значить до воровства!

— Пошелъ на дѣла. Распустился, распутнымъ сталъ.

— Вотъ тебѣ и Алешка!

И никому не пришло въ голову найти хотя бы смягчающія

вину обстоятельства для этого Алешки, на сторонѣ котораго раньше были всѣ симпатіи слушателей.

Шахтеры гораздо шире смотрѣли на вопросъ. Иногда даже слишкомъ «широко».

Когда я прочелъ въ этомъ же рассказѣ, какъ Алешка отказывается идти съ товарищами воровать овцу, шахтеръ воскликнулъ съ безрѣніемъ:

— Трусоватъ парень воровать-то!

— Ишь, стерва! — воскликнулъ дальше съ негодованіемъ другой. — Ъсть-то онъ мастеръ, а воровать—трусъ!...

Рудничные слушатели часто высказывали свое мнѣніе, нисколько не считаясь съ симпатіями автора или другихъ слушателей. Когда я прочелъ въ рассказѣ «Махмуткины дѣти», какъ офицеръ отпускаетъ плѣннаго турка, слушатель, отставной солдатъ, не обращая вниманія на симпатіи автора и всей казармы къ офицеру, воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Офицеръ!... Дѣтей турка пожалѣлъ, а присяги не пожалѣлъ. Измѣнникъ онъ, вотъ что! Къ разстрѣлу бы его присудили, если бы узнали!

Читалъ на пристани книжку «Кто выдумалъ желѣзную дорогу». Когда прочелъ, какъ крестьяне описываемой мѣстности отнеслись враждебно къ введенію машинъ и авторъ объясняетъ это ихъ невѣжествомъ, босякъ полутаинственно, но очень увѣренно проговорилъ:

— Они не совсѣмъ дураки были, что не хотѣли машинъ. Это онъ (т.-е. авторъ) напрасно.

— Почему?

— Да такъ...

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Раньше тысячи людей имѣли работу, а теперь машина все дѣлаетъ сама...

Книжка оканчивается словами, что «каждый помянетъ добрымъ словомъ того, кто выдумалъ желѣзную дорогу».

— Ну, не каждый!—воскликнулъ уже съ оттѣнкомъ раздраженія тотъ же босякъ.—Тожже и отъ нея радости мало...

Въ довольно слабомъ въ художественномъ отношеніи рассказѣ Хмѣлевой «Марія Кружевница» рассказывается, какъ злая баба Арина, правая рука помѣщицы, преслѣдуетъ крѣпостную дѣвушку, кружевницу, и какъ черезъ многіе годы эта же Марья, встрѣтивъ Арину

ницей, спившейся старухой, беретъ ее къ себѣ и замѣняетъ ей мать. Разсказъ этотъ, очень понравившійся въ деревнѣ, на рудникѣ слушался божь особеннаго интереса. Когда я кончилъ, Лопатинскій, молодой шахтеръ, о которомъ я упоминалъ выше, воскликнулъ съ огорченіемъ:

— Тоже книжка правоучительная... А все же ничего, интересная...

— Ин-те-ресная! — протянулъ желчно Поповъ. — Много въ ней интереснаго!...

И, вставъ со скамьи, вдругъ заговорилъ нервно, съ негодованіемъ:

— Ишь, ангелъ какой выискался, Машка эта самая паршивая!

— А мнѣ книжка нравится,—проговорилъ нѣсколько робко, точно оправдываясь, первый.

— Тебѣ! Мало ли что тебѣ понравится,—бросилъ ему презрительно Поповъ. — Правоучительности въ ней много. Для дѣтей она годится. Меду въ ней много наложено.

— Медь куты не портить,—сострилъ кто-то.

— Воды подлить...

Помолчавъ, Поповъ добавилъ:

— Да, если хочешь, и эта Арина тоже... Тоже черезъ край лишняго хвачено. Такихъ злодѣекъ, какъ она, и не бываетъ. Она вѣдь на человѣка не похожа...

VI. Устный разсказъ и печатная книжка.

I.

Мнѣ часто приходилось останавливаться на вопросѣ о различіи въ отношеніи человѣка изъ народа къ разсказу печатному и разсказу устному.

И въ деревнѣ, и на рудникѣ очень неохотно слушались, напр., описанія жизни другихъ народовъ¹⁾. Не говоря уже о книжкахъ не беллетристическихъ, даже такіе разсказы какъ «Жервеза» и «Братъ на брата» слушались «тяжело», безъ интереса. А между

---

¹⁾ Это же отмѣчаетъ и Х. Д. Алчевская: „Вообще, „за-граница“—писать она,—въ силу крупной розни въ языкѣ, вѣрѣ, природѣ и обычаяхъ съ малорусскою деревнею, мало интересуется ее. „Мистеръ“ „патеръ“ „котеджъ“ все это такая далекая „чужива“ (III, 71).

тѣмъ, всѣ или почти всѣ рассказы этого рода, которые я читалъ, были составлены интересно и изложены безусловно доступнымъ для моихъ слушателей языкомъ. На основаніи этого мнѣ оставалось бы сдѣлать выводъ, что слушатели совершенно не интересуются жизнью другихъ народовъ. Но такого вывода я не могъ дѣлать. Тѣ же самые слушатели, которые требовали бросить «Жервезу» на 10-й—15-й страницѣ и кричали мнѣ: — «Брось ты ихъ, проклятыхъ французовъ! Будь они неладны! Скучно — страсть!» — слушали цѣлыми вечерами съ громаднымъ, захватывающимъ интересомъ мои устные рассказы о жизни этихъ же самыхъ французовъ и другихъ народовъ.

Тоже самое и относительно войны. Кто не знаетъ, съ какимъ громаднымъ интересомъ, съ какой жадностью слушаются рассказы побывавшаго на войнѣ солдата. А между тѣмъ, большинство книжекъ о войнѣ, — даже, чего больше, такія, какъ «Осада Севастополя» Толстого, — не вызывали особеннаго интереса. Даже тѣ, которыя сильно нравились, слушались тоже далеко не съ такимъ неослабнымъ интересомъ, какъ устные рассказы. Только отдѣльныя мѣста, отдѣльные эпизоды вызывали интересъ, а остальные описанія слушались вяло.

Объясняется это отчасти, конечно, непривычкой слушателей къ книжнымъ формамъ и даже вполне легкой книжной рѣчи. Но главная причина этого заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что книжка, даже самая образцовая, даетъ читателю не тѣ свѣдѣнія, которыя онъ самъ желаетъ получить, не то, что его, интересуетъ, а то, что писатель считаетъ интереснымъ, а, главное, полезнымъ для него. Между тѣмъ, рассказчикъ и, въ особенности, рассказчикъ изъ народа, регулируемый вопросами и замѣчаніями слушателей, рассказываетъ именно только то, что интересно для слушателей и только въ такой мѣрѣ, въ какой это для нихъ интересно.

Какъ иллюстрацію этого положенія, приведу два рассказа бывалыхъ солдатъ о китайцахъ и о войнѣ. Въ этихъ рассказахъ, насколько мнѣ кажется, очень ясно высказывалось, что интересуетъ слушателя въ жизни другихъ народовъ, какія стороны войны для него наиболѣе любопытны.

II.

Читалъ я въ казармѣ рассказъ «Бабья доля», въ которомъ описывается, какъ одну женщину сослали въ Восточную Сибирь.

Одинъ изъ слушателей, солдатъ, совершившій кругосвѣтное путешествіе, началъ авторитетно разсуждать о томъ, какъ она можетъ тамъ устроиться, если только ее не зашлютъ къ Якутску, гдѣ «очень трудно», гдѣ ужъ «не житье, а мученье».

— Откуда все это знаешь?—спросилъ я его.

— Да я шесть лѣтъ прослужилъ во Владивостокѣ, всѣ мѣста тамошнія знаю,—отвѣтилъ онъ.

— А какіе тамъ народы живутъ?—спросилъ кто-то.

— Все больше наши. А вотъ во Владивостокѣ и китайцевъ много. Тамъ же, въ трехъ верстахъ, и царство ихъ начинается. Ну, и народъ! Насмотрѣлся я на нихъ вдосталь,—прибавилъ онъ, покачавъ головой.

— А живутъ они какъ, китайцы эти?

— Живутъ, какъ свиньи, — отвѣтилъ разсказчикъ, тихо и грустно покачавъ головой. — Вотъ, примѣрно, мы живемъ въ такой конурѣ и нечисти—такъ мы жъ на то шахтеры, народъ пропащій. А у нихъ и хуже того живутъ. Тамъ, гдѣ они, тамъ и скотина, и птица и всякая нечисть. А какъ затопять—отъ дыму не продохнешь и ничего не увидишь...

— А землю пахутъ?

— А какъ же! Только не по нашему. Землю грядками копаютъ, грядки маленькія, а между ними все ходы, все ходы. А земля у нихъ отличная, родитъ куда лучше нашей... Такъ-то они народъ видный, ничего, а на дѣлѣ копотливый. Работать не лѣнятся, да разума нехватка. Пойдутъ трое-четверо въ лѣсъ, копаются, ломаютъ, какъ медвѣди, а толку мало.

— А выпивать вмѣстѣ случалось?

— Ку-уда! Сколько уютно! Они нашей водки не пьютъ, у нихъ своя такая водка есть... Какъ нажрется ея, отъ него за версту духъ идетъ. А проспится, встанетъ утромъ, напьется воды—и опять пьянъ.

— Э-эхъ, какъ бы намъ такую водку достать!

— Все бы водой запивали ее...

— Ыдятъ они бѣдно и больше хлѣбъ сухой. А хлѣбъ они некутъ не по нашему. Стоитъ котелъ съ водою на огнѣ, въ котлѣ, поверхъ воды—рѣшотка. Положить тѣсто на рѣшотку, котелъ закроютъ, хлѣбъ отъ пара и печется.

— А въ Бога вѣрують?

— Должно вѣрують, да не по нашему. У нихъ больше идолы.

Среди города на одной каланчѣ стоитъ у нихъ такой чурбанъ, идоль. Въ одной рукѣ держитъ ананасъ, въ другой палку какую-то...

— Не успѣлъ богъ ихній дома пообѣдать—на каланчу пошелъ,—сострилъ кто-то.

— А на другой каланчѣ сидятъ юдинъ противъ другого четыре бога, а посерединѣ—пятый. Вотъ и все. А проходятъ—не кланяются, не крестятся—ничего. Праздники у нихъ тоже не по нашему. Только Новый годъ два дня и еще одинъ праздникъ,—мѣсяць цѣлый все праздникъ,—а больше во всемъ году ни одного дня праздника нѣтъ. У нихъ не говорятъ: «день», «нынче днемъ», «три дня», говорятъ: «нынче солнце», «три солнца»...

— А царь у нихъ есть?

— А то какъ же! Они царя въ родѣ какъ бога считаютъ. Боятся—страсть. Судь тамъ короткій: первый разъ провинился—надзоръ, второй—острогъ, а третій—безъ разговоровъ, сѣкимъ башка! Солдатъ у нихъ много, да только такіе все... въ родѣ бабъ. Да и одѣваются по бабьи. Въ родѣ юбокъ носятъ, все синія китайки. И волосы въ косу. А какъ у нихъ тамъ дворянъ и всякихъ другихъ нѣтъ—и отличія большого нѣтъ между офицеромъ и солдатомъ. Офицеръ спитъ въ одной казармѣ съ солдатами, на паряхъ—у нихъ тоже нары,—только спитъ посерединѣ, а по бокамъ двое тѣлохранителей. Да и плащъ красный носить. А спать всѣ голые. Въ головахъ отрубковъ, а на немъ одежду кладутъ.

— А еще народы какіе есть тамъ?

— Есть. Вотъ корейцы, японцы. Корейцы тѣ же китайцы, также живутъ свиньями, только свирѣпые. А вотъ японцы—это ужъ народъ мое почтеніе. Хотя ростомъ они поменьше китайцевъ, да зато куда смышленѣе. Народъ такой живой, бойкій, онъ съ тобой и поговорить, и приметъ тебя. Не то что китаецъ—рыло воротить. Японецъ и въ работѣ молодець... Работалъ съ японцами во Владивостокѣ на пристани. У японцевъ и мужчины, и женщины одинаково работаютъ, а у китайцевъ нѣтъ. Въ городѣ до 14 тысячъ китайцевъ живетъ, а женщинъ ты и 100 на улицѣ не увидишь. Сидятъ взаперти и шелъ ткаютъ. Нѣтъ, куда китайцамъ до японцевъ. Тѣ народъ аккуратный, живутъ чисто, до всего любопытствуютъ...

— Въ 84-году,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—французы воевали съ китайцами. Англичане ихъ натравили. Французы тогда много городвъ забрали. А когда война кончилась французы домой.

Какъ разъ и я тогда ѣхалъ. Ёхали моремъ, и на кораблѣ разнаго народа было—и нашихъ, и французовъ, и нѣмцевъ, и англичанъ. Французы—вотъ народъ! Такого еще, кажется, другого на свѣтѣ нѣтъ. Красивы, обходительны, деликатны. Прямо—полюбишь, какъ поживешь съ ними. Англичане тоже ничего. Представительные, рыжіе. Да только ужъ съ нимъ не пути. Чуть что—ножъ! Англичанинъ суровый, строгій, даже свирѣпый. Разговаривать не любить... А вотъ бразильцы тоже молодцы. Въ родѣ французовъ: красивы, деликатны...

— А нѣмцы? Аль ихъ не было?

— Ну, какъ не было! Нѣмецъ всюду есть. Да что нѣмцы? Онъ всюду Карлъ Фанычъ. «Руська солдаты, ню, путилька пива пить, ню, руська солдаты!» Пойдешь съ нимъ—онъ тебя и накормитъ, и напоитъ допьяна, все до послѣдняго отдастъ. Да только съ нимъ надо обхождение знать. Ты ему потрафляй. Чуть не по немъ—у него тоже, сейчасъ ножъ—шпръ въ бокъ—и конецъ!...

— А какъ же разговаривали?

— А очень просто: цифрами. Цыфиръ у всѣхъ народовъ одиноковый. Въ портовыхъ городахъ уже знаютъ, что каждый цыфиръ тебѣ означаетъ. Вотъ, примѣрно, пріѣхали мы въ Колумбію, въ Индію. Заходимъ съ нѣмцемъ съ однимъ,—пріятель такой у меня былъ,—въ трактиръ. Нѣмецъ сейчасъ пишетъ цыфиръ 15. Ему безъ разговоровъ бутылку рома, цѣна 30 копѣекъ. Деньги тамъ не наши, а все считаются на фунты и шиллинги. Фунтъ — въ родѣ десяти, а шиллингъ—полтинникъ. Ну, а съ солдатами стоваривались такъ, больше знаками, да на пальцахъ. Ну, и слова разные знали. Понимали все какъ есть... А вотъ ежели ругаться—это ужъ на слова, и каждый на своемъ языкѣ...

III.

Раньше, чѣмъ привести рассказъ солдата о войнѣ, считаемъ неинтереснымъ дать нѣкоторую характеристику отношенія слушателей къ войнѣ *). Ни въ деревнѣ, ни въ казармѣ мнѣ никогда не случалось слышать сочувственнаго отношенія къ войнѣ, чего-нибудь похожего на шовинизмъ, на національное хвастовство въ той или иной формѣ. Слушатели знали, что Россія—большая страна, что солдатъ у

*) Волѣе подробно этотъ вопросъ разработанъ, въ очеркѣ „Народъ и война“, въ концѣ книги.

нея много, но изъ этого они не дѣлали вывода, что ей никого бояться нечего. Они сознавали, что и англичанка, которая «мутить», и нѣмцы, и турки—тоже сила. И, въ общемъ, войну все осуждали, считали великимъ несчастьемъ.

Въ деревнѣ описаніе войны вызывало больше всего жалости къ солдатамъ и протестъ противъ войны во имя христіанской морали. Слушая «Четыре дня», крестьяне жалѣли «бѣднаго солдатика» и повторяли съ сокрушеніемъ:

— Вотъ настрадался-то бѣдный! вотъ горя принялъ!

— И подумать! Лежить себѣ одинъ въ чужой землѣ и ноги перебиты, а кругомъ голая степь и ни души человѣческой.

— Говорять,—отозвался еще одинъ,—жить тяжело. Воловь негдѣ пасти. А солдатикамъ еще хуже...

— Сказано: «мужики просто дураки»,—разсмѣялся другой.

— Мужикъ что, — продолжалъ первый. — Вотъ я вчера въ степи ночевалъ съ конями, а эту ночь ужъ дома буду спать. Обкладусь подушками, да еще ноги задеру...

Во, во! самый смакъ мужицкій!—разсмѣялся другой.—А у солдатиковъ этихъ самыхъ подушкѣвъ и нѣтъ!

Въ другой разъ, при чтеніи «Осады Севастополя», крестьянинъ воскликнулъ съ горечью:

— Боже-жъ мой! И сколько придумано этихъ штукъ на чело-вѣка! Ни на какого звѣря нѣтъ столько выдумокъ, какъ на чело-вѣка, чтобъ убить его... А его вѣдь кулакомъ убить можно...

— И грець ихъ знаетъ, зачѣмъ это,—закончилъ его мысль другой.—Взялись бы за чубы и дрались бы. А то стрѣляютъ изъ ружей изъ пушекъ, изъ бомбъ—страсть!

Аналогичныя разсужденія велись и въ аудиторіи г-жи Алчевской.

Слушая описаніе, какія чувства охватили одного солдата во время войны, слушатели восклицали:

— «Человѣкъ, а такъ, какъ звѣрь. Не дай Богъ никому быть на войнѣ!

— «Я хоть и мужчиной была бы,—говорила одна слушательница,—а въ военной службѣ не хотѣла бы служить... Оно и страшно, а больше всего жалко: кругомъ все убиваютъ, да и самъ тоже... а какъ тѣмъ матерямъ и жинкамъ, которыхъ пооставляли?» (Т. II, 184).

Нѣкоторые слушатели смотрѣли на солдатъ какъ на мучениковъ, искушающихъ чужіе грѣхи:

— «Вотъ какъ терпятъ на войнѣ за насъ, грѣшныхъ,—разсуждали по поводу «Четыри дня»—а мы здѣсь только грѣха набираемся, бранимся да ссоримся» (стр. 95).

И единственная оговорка, которая была сдѣлана, это относительно оборонительной войны:

— «Нападать—грѣхъ, а отбиваться—нѣтъ» (стр. 115).

Въ рабочей казармѣ, гдѣ почти всегда находился одинъ или нѣсколько бывалыхъ солдатъ, описанія войны вызывали больше разсужденій и разсказовъ, при чемъ слушателей больше занимала эпизодическая, психологическая и правовая сторона войны, чѣмъ моральная.

При чтеніи разсказа г. Немировича-Данченко «Махмуткины дѣти», въ которомъ тепло разсказано, какъ во время русско-турецкой войны русскій офицеръ отпустилъ плѣннаго турка, присужденнаго къ растрѣлу, слушатели вначалѣ ругали турокъ за ихъ жестокое обращеніе съ плѣнными.

— Къ нимъ если нашъ братъ попадался, они съ него съ живого кожу сдирали, а потомъ пятки поджаривали на огнѣ. Мучили, издѣвку дѣлали, проклятые! А когда они къ намъ попадались—мы хорошо съ ними обходились.

— Нашимъ не приказано было ихъ мучить.

— А имъ развѣ приказано? Имъ тоже не приказано...

— Нашимъ приказано строже, не мучить... Къ тому же они махмутане.

— Нѣтъ,—отозвался авторитетно кузнецъ.—На конгрестѣ всѣмъ одинъ приказъ, и нашимъ, и ихнимъ—не мучить плѣнныхъ, а они, проклятые, не слушаютъ.

— Такъ мы-жъ на то православные,—стоялъ на своемъ первый,—памъ и по закону нельзя мучительства дѣлать. А имъ можно...

— Они народъ рѣдкой, — заговорилъ солдатъ, сообщившій раньше, что турки кожу съ живыхъ сдираютъ.—Особливо, какъ на штыки. Чуть что: сейчасъ: «Алла! Алла!»—и сдаются. А много все-таки ихъ полегло.

— Ну, не говори, и нашимъ храбрѣйкамъ досталось,—отозвался солдатъ, Яковъ, человекъ хорошо грамотный, продѣлавшій кампанію 1877 года.—Тожѣ полегло немало.

— Полегло-то полегло. Да какъ же, какъ мы все напередъ, да напередъ лѣзли! Говорять, эту самую Плевну иначе и взять то нельзя было, какъ по живой лѣстницѣ. Солдатики другъ на дружку становились, пока до самую верху не добрались.

— Да и вовѣкъ не взяли-бъ, — настаивалъ кузнецъ. — Плевна-то какъ построена? На природной скалѣ стоитъ. Да наши воду отвели, тѣ и сдались.

— А турокъ этотъ,—вспомнилъ кто-то героя только что прочитаннаго разсказа,—какъ ловокъ-то разговаривать! Должно, грамотный былъ.

6

— Да вѣдь яе простой солдатъ, а полковникъ ихній,—пояснилъ другой...

—А знаете,—отозвался Яковъ.—Ихнее начальство куда ловче нашего. У нихъ высшее начальство всегда впереди. Никогда позади не останется. А нашъ офицеръ, случалось, спрячется въ душло какое и глядитъ оттуда, какъ мышь. Какъ пронесутъ раненаго, только спросить: «Какой роты?» а самъ думаетъ: «Остался ли кто еще тамъ живъ?»

— А страшно бываетъ на войнѣ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Яковъ просто, — страха совсѣмъ никакого нѣтъ. Только злость. У-ухъ... и злость какая! Разгорается человекъ, какъ звѣрь, зубами скрогочеть, такъ и разорвалъ бы, кажется. И жалость тогда чувствуешь. Примѣрно лежитъ насъ пять человекъ въ ложаментѣ. Только повернулся, а ужъ ты одинъ. Тутъ съ одной стороны кто кричитъ: «Додай, братцы, смерти!» съ другой—«Унесите!» У-ухъ, злость беретъ! И того, кто кричитъ, тоже разорвалъ бы отъ злости и отъ жалости. Особенно еще, когда голоденъ. Тогда совсѣмъ волкъ волкомъ.

— Горя навидались,—продолжалъ онъ,—за то и радости же было! Боже мой! Были такія радости, что просто не знаешь, гдѣ ты: на землѣ ли стоишь, или подъ небомъ летаешь, не чувствуешь одежды на себѣ, шапки на головѣ. Забираемъ городъ. Музыка. А тутъ сейчасъ читаютъ намъ благодарность отъ государя. Боже мой! Кажется, вотъ, вотъ подымаетъ тебя отъ земли и не чувствуешь ты ее подъ ногами...

— А когда забирали городъ,—жители оставались?—спросилъ кто-то.

— Ку-уда! Ни одного человека. Болгаре—и тѣ рѣдко оставались. Войдешь въ городъ или деревню—тебѣ на встрѣчу только собаки вы-

бѣгаютъ. А на дворахъ—пуху страсть. А въ домахъ добра всякаго, сколько угодно...

— И потѣха-жъ была въ Ловчахъ!—оживился онъ вдругъ.—Всѣ ушли изъ города. А старый турокъ, должно, не успѣлъ, остался. Взялъ да и спрятался въ ямѣ на кладбищѣ. Думалъ, не замѣтятъ. А нашъ поручикъ, Андрашевымъ звали, и примѣтилъ его. Позвалъ солдатъ. «Эй!—скомандовалъ.—Набирай, ребята, кмни въ полы!» Мы набрали. «Стройся!» Выстроились. А сами все не знаемъ, къ чему онъ. А тутъ онъ пальцемъ намъ на яму показалъ, а оттуда голова турка немного видна, лежитъ смирно, притаился. Андрашевъ и скомандовалъ. «Пли!» Бо-оже-жъ ты мой, что тутъ было! Камени полетѣли: бухъ! бухъ! бухъ! А турокъ изъ ямы: бебехъ! бебехъ! бебехъ!—подымался долго, пока не заравняли яму...

Онъ разсмѣялся, разсмѣялись и слушатели.

— А любо было смотрѣть,—продолжалъ онъ,—какъ казаки наши воюютъ. Разъ мы въ ложаментяхъ лежали, а казаки гнались за турками. День былъ солнечный. Просто заглядѣлся на нихъ. Сабли на солнцѣ только блескъ! блескъ! блескъ! Ловкость просто чертовская, точно у нихъ десять рукъ: и спереди рубить, и сзади, и сбоку, и шикой голеть, и изъ револьвера успѣтъ выстрѣлить...

— А разъ,—продолжалъ, онъ,—взяли мы какой-то городъ. Вошли. Я пошелъ по домамъ искать овесъ. Ткнулся въ одинъ домъ, открылъ дверь—полна хата турокъ. Лежать всѣ на полу. Я бацъ двери назадъ—и бѣжать. Потомъ одумался. Дай, посмотрю. А у нихъ нѣтъ оконъ, какъ у насъ,—деревянные рѣшотки. Подошелъ къ рѣшоткѣ, смотрю,—а турки, что лежать—всѣ безъ головъ. Отрубленные головы тутъ же лежать кучей... Пошелъ дальше. Вошелъ въ другой домъ, только ткнулся—бросились ко мнѣ три турчанки, машутъ руками, лопочуть. Словъ не понимаю, а вижу—голодные, хлѣба просятъ. Были при мнѣ двѣ галетки—отдалъ. Пошелъ еще рассказалъ офицеру. А офицеръ у насъ добрѣйшей души человекъ былъ. Велѣлъ отнести имъ два мѣшка сухарей.

— А турчанки красивыя?—полюбопытствовалъ кто-то.

— Облѣзлыя... А вотъ гречанки—тѣ красивыя. Бывали такія красивыя, что какъ часто какую изъ нихъ видишь—прямо какъ шепка высохнешь!..

VII. Смѣшеніе религіознаго элемента съ бытовымъ въ народной книжкѣ.

I.

Народные рассказы Л. Н. Толстого, большинство которыхъ проникнуты тенденціей о несопротивленіи злу насиліемъ, вызвали въ свое время много толковъ въ печати, много упрековъ по адресу великаго писателя. Гораздо меньше вниманія было обращено на форму, которую Л. Н. Толстой придалъ своимъ народнымъ рассказамъ. Величайшій реалистъ по силѣ и яркости изображенія жизни, — онъ считалъ нужнымъ ввести въ одни изъ своихъ рассказовъ элементъ религіозный—ангеловъ, видѣнія, чудеса и т. д., въ другіе—сказочный: чертей и чертенятъ.

Начавъ писать и, отчасти, издавать книжки для народа, Л. Н. Толстой, долго и много думавшій надъ этимъ вопросомъ, имъ впервые выдвинутымъ и поставленнымъ на рациональную почву, прежде всего искалъ средства, чтобы придать своимъ книжкамъ наиболѣе широкое и главное, самостоятельное распространеніе въ народной массѣ. Онъ писалъ свои рассказы самымъ простымъ, доступнымъ эле грамотному читателю, языкомъ; организованная подъ его руководствомъ фирма «Посредникъ», издавшая всѣ его книжки, понизила ихъ цѣну до минимума, придала имъ форматъ и внѣшность лубочныхъ книжекъ и пустила ихъ по тому же руслу, по которому ежегодно идутъ въ народъ миллионы лубочныхъ изданій. Можно полагать, что съ этой же цѣлью Л. Н. Толстой придалъ своимъ рассказамъ формы религіозной книжки и сказки, формы единственно знакомыя и привычныя народному читателю. Л. Н. Толстой надѣялся въ этихъ старыхъ мѣхахъ вѣрнѣе пронести въ народъ свое ученіе. Достигъ-ли онъ цѣли?

II.

Остановимся прежде всего на книжкахъ, въ которыя введенъ элементъ религіозный, гдѣ фигурируютъ ангелы и видѣнія («Чѣмъ люди живы», «Два старика», «Свѣчка», «Гдѣ любовь тамъ и Богъ», «Два брата и золото» и др.).

Выше уже было отмѣчено, что слушатели часто канонизировали героевъ книжекъ. Канонизація эта производилась съ большою легкостью.

Достаточно было одного какого-нибудь сверхестественнаго явленія обыкновеннаго религіознаго характера, чтобы личность, причастная этому явленію, была канонизирована, признана святой. Кромѣ сапожника Семена и жены его Матрены («Чѣмъ люди живы»), къ лику святыхъ были причислены герои всѣхъ только что поименованныхъ разсказовъ Толстого. Когда я прочелъ въ разсказѣ «Два старика», что у старика Елисея «лыгина блестяла и кругомъ золотыя пчелки летали» (это представлялось другому старику), среди слушателей тотчасъ же раздались восклицанія:

— Причислился значить!

— Извѣстно... золотыя пчелки... значить святой.

Тоже и въ разсказѣ «Свѣчка». Едва я прочелъ, что у «добраго мужика» свѣчка не потухла на вѣтрѣ, какъ раздалось восклицаніе:

— Во! не тухнетъ. Значить ужъ не простой человѣкъ! и т. д.

Но признаніе дѣйствующихъ лицъ святыми еще совершенно не значило, что слушатели признавали и книжку «божественной». Они, правда, иногда въ видѣ высшей похвалы примѣняли къ этимъ книжкамъ почтенный эпитетъ, но въ то же время очень хорошо различали между религіозной книжкой, житіемъ, и этими разсказами, въ которыхъ такъ много реально-бытового, столько яркихъ картинъ ихъ собственной жизни. Никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы слушатель, даже самый неопытный, назвалъ какой-нибудь разсказъ Толстого «божественнымъ». Въ сущности, слушатели и не знали, какъ называть эти книжки, къ какой категоріи ихъ причислить и отъ чтенія ихъ выносили неопредѣленное, смутное впечатлѣніе.

Выше мы указали, что у народнаго читателя, благодаря именно вліянію религіозной книжки, крайне слабо развито критическое отношеніе къ тенденціи разсказа, къ его «поученіямъ». Гораздо свободнѣе чувствуетъ себя читатель по отношенію къ быту и лицамъ въ разсказѣ изъ его собственной жизни. Передъ нимъ знакомыя лица, знакомая обстановка—и онъ можетъ оцѣнивать ихъ достоинства, опредѣлять, насколько они соотвѣствуютъ дѣйствительности, можетъ выражать имъ свое сочувствіе или негодованіе, можетъ надъ ними горевать или смѣяться. Такое критическое отношеніе сказывалось чуть ли не съ первыхъ чтеній. Слушатели примѣняли все описываемое къ своей жизни. Но въ то время, когда тенденцію, поученіе они примѣняли къ формѣ: «Вотъ какъ сказано, а мы не исполняемъ»,—о бытовыхъ сценахъ и описаніяхъ они восклицали: «Ну, вотъ точно какъ у насъ!» Т. е., въ

первомъ случаѣ они неоспоримымъ критериумомъ ставили поученіе; во второмъ—свою собственную жизнь, на которой критически провѣряли написанное.

Введеніе религіознаго элемента, появленіе ангела или видѣнія на бытовомъ фонѣ, отнимало у слушателей эту свободу сужденія, этотъ критериумъ своей жизни. Сапожникъ Семень, надъ которымъ они только что подшучивали, превращается въ святого, т. е. въ человѣка, какіе бывали только «въ старину», какихъ теперь нѣтъ и къ которымъ уже нельзя подходить съ своимъ мѣриломъ.

III.

Мало того, что такимъ приѣмомъ у читателя отнимается свобода сужденія о лицахъ описываемыхъ въ книжкѣ, приѣмъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ лишаетъ читателя возможности повимать тенденцію-разсказа. Не надо забывать, что читатель изъ народа искренне вѣритъ въ истинность всего описываемаго, для него появленіе ангела—фактъ. И такъ какъ онъ не привыкъ, чтобы подобные факты являлись результатомъ обыденныхъ дѣлъ, то онъ въ большинствѣ случаевъ превращалъ слѣдствіе въ причину: въ святости и чудѣ онъ видѣлъ не слѣдствіе богоугодной жизни, а наоборотъ: человѣкъ совершаетъ хорошіе поступки, потому что онъ святой, потому что ему «указано было».

Когда я прочелъ въ книжкѣ «Сократъ», что «внутренній голосъ» подсказывалъ Сократу его мысли, для слушателей Сократъ, какъ мудрецъ, совершенно исчезъ. Онъ превратился чуть ли не въ какой-то фонографъ. Когда одинъ изъ слушателей, остановившись на методѣ Сократа, замѣтилъ:

— Онъ все спрашиваетъ, а самъ лучше всѣхъ знаетъ, какъ жить надо!

Другой тотчасъ же поспѣшилъ напомнить ему:

— Да ему-жъ Богъ наговаривалъ.

— А можетъ еще такая наука есть, чтобъ мысли отгадывать,—сдѣлалъ кто-то предположеніе.

— Ахъ ты, Боже мой! Да сказано-жъ было: голосъ ему былъ, значитъ не наука, а Богъ!

То же и при чтеніи, въ рабочей казармѣ, этой же книжки:

— Что, отъ ученья онъ, должно, такимъ умнымъ сталъ?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, то ему голось говорилъ, вродѣ откровенія...

Въ разсказѣ «Вражье лѣпко, а божье крѣпко» Толстого описывается,—какъ «добрый господинъ», вмѣсто того, чтобы наказать раба за тяжкую вину, обнимаетъ его какъ брата. Деревенскіе слушатели, еще довольно живо помнящіе «добрыхъ господъ», нисколько не удивились этой несообразности и тотчасъ же объяснили поступокъ «добраго господина» его святостью.

— Да вѣдь хозяинъ этотъ присвятился. Посмотрѣлъ на небо и все какъ есть понялъ.

Тоже было и при чтеніи другого разсказа Толстого «Два брата и золото». Слушатели не разсуждали о томъ, правильно или неправильно было мнѣніе одного изъ братьевъ, что золото братъ не слѣдуетъ даже для доброй цѣли. Они поняли слова этого брата, какъ внушеніе свыше и, слѣдовательно, какъ неоспоримую истину.

Когда этотъ разсказъ былъ прочитанъ ученицамъ воскресной школы г-жи Алчевской и двое изъ слушательницъ заспорили о томъ, слѣдовало ли братъ золото, или нѣтъ, одна бойкая дѣвушка не безъ ироніи замѣтила:

— Я думаю, ангель лучше знаетъ, что грѣшно и что нѣтъ!

«Аргументомъ этимъ—прибавляетъ составительника отчета,—она видимо отрѣзала всякую возможность дальнѣйшихъ преній и никто болѣе не смѣлъ возражать» (II, 94).

IV.

Введеніе религіознаго элемента въ разсказы реально-бытового характера является еще, помимо всего сказаннаго, приемомъ анти-художественнымъ по отношенію къ народной книжкѣ. Читателю очень трудно относиться, какъ къ святому, къ своему брату, къ сапожнику Семену, который не прочь и выпить, и побалагурить; къ бабѣ Матренѣ, которая я хлѣбы ставить, и краюшку занимаетъ, и ругается, точно, какъ всякая деревенская баба. Но, съ другой стороны, нельзя относиться къ нимъ и слепка: къ простому смертному ангель не придетъ, не всякій сапожникъ удостоится видѣть Христа, или, по крайней мѣрѣ, слышать его голось.

И впечатлѣніе подобныхъ разсказовъ получалось какое-то не цѣльное, двойственное, тяжелое. Слушатели съ первыхъ страницъ принимали разсказъ за бытовой, за «житейскій», обращались съ дѣйствующими лицами запросто, иногда и подшучивали надъ ними. И, вдругъ, оказывалось, что это были не простые люди, а святые, ангелы... И слушатели чувствовали себя положительно неловко, точно имъ устроили западню, точно посмѣялись надъ ихъ невѣжествомъ.

Особенно ярко высказалась эта неловкость, эта двойственность настроенія при чтеніи и въ деревнѣ, и на рудникѣ разсказа «Чѣмъ люди живы», въ которомъ, къ тому же одна неудачная фраза, дала слушателямъ и прямой поводъ къ двусмысленнымъ шуткамъ по адресу Матрены и голаго парня, который потомъ превращается въ архангела Михаила.

Слушатели, конечно, сначала и не подозрѣвали, что на ярко бытовомъ фонѣ столь знакомой имъ жизни появится ангелъ. Съ первой же страницы, они встрѣтили сапожника Семена какъ своего человѣка. Идетъ онъ безпечный, палочкой по мерзлымъ калмыжкамъ постукиваетъ—и ему шосылается въ догонку слово:

— Нашъ Антонъ не тужить объ томъ. Захочетъ—портки носить, не захочетъ—бросить!

Видитъ онъ за часовней голаго человѣка и подходитъ къ нему, начинаетъ разспрашивать,—опять тонкая насмѣшка:

— Ма-астерюга!.. Договорятся до кабака. Не обойдется безъ этого. Но вотъ приходятъ домой. Матрена сперва встрѣчаетъ мужа и гостя голаго руганью. Затѣмъ она смягчается, подаетъ ужинать—и гость улыбается ей. И авторъ послѣ этого прибавляетъ:

«И жалко стало Матренѣ странника и полюбился онъ ей».

Эта улыбка и это «полюбился» были поняты и въ деревнѣ, и на рудникѣ очень прозаически и вызвали цѣлый градъ насмѣшекъ и шутокъ по адресу хозяйки и гостя.

Въ первый разъ читалъ я этотъ разсказъ группѣ крестьянъ, расположившихся у сборни. Когда я прочелъ объ улыбкѣ странника, пожилой крестьянинъ, приподнявшись на локтѣ съ земли, оглянулъ всѣхъ ириво, и заговорилъ съ разстановкой:

— Ба-ачъ, куда дѣло-то идетъ, куда подбирается? Улыбается! Ха-ха-ха! Понравились, значить, другъ дружкѣ! Та-акъ! Дѣло!

Въ другой разъ, при чтеніи разсказа на пристани, улыбка странника и «любовь» Матрены вызвали взрывъ хохота и восклицанія:

— Скоро-жъ поддалась!

— А много развѣ ей надо!

— Дѣло подходящее,—пробасилъ отставной солдатъ.

— Видишь, вишь, — ехидничаль босякъ,—и рубашку, и портки ужъ даетъ ему! Смиловалась, добрая душа.

— Да и дурень же этотъ Семень.

— Семень и Матренка—два соколика!

Еще больше смѣха и шутокъ вызвало чтеніе этого мѣста на рудникѣ.

— Улыбнулся ей? А-ахъ шельма!.. Радъ, значить! А она, Матрешка, тоже, значить, смиловалась. Раньше драться лѣзла, а теперь ужинать собираетъ...

— И-ишь, лютра старая, ишь, какъ размякла, какъ молодецъ ей улыбнулся!..

Къ сожалѣнію, при моихъ чтеніяхъ никогда не случалось, чтобы слушатели сами, по ходу разсказа, начали догадываться, что передъ ними ангель. Каждый разъ между слушателями, оказывался по крайней мѣрѣ одинъ, который ужъ раньше гдѣ-то, когда-то читалъ или слушалъ этотъ разсказъ. Такой слушатель обыкновенно молча и терпѣливо выслушивалъ насмѣшливыя и двусмысленныя замѣчанія непосвященныхъ и вдругъ подымался и восклицалъ съ негодованіемъ:

— Чего вы, идола, гогочете! Странникъ этотъ—ангель!..

Эффектъ получался поразительный: всеобщее смущеніе, растерянность—и разсказъ дослушивался до конца при гробовомъ, неловкомъ молчаніи аудиторіи.

По окончаніи чтенія на рудникѣ, гдѣ больше всего было насмѣшекъ по адресу Михайлы и Матрены,—пошелъ слѣдующій разговоръ:

— Кто-о могъ его знать, что онъ ангель!—отозвался шахтеръ.— Я думалъ, юродивый какой...

— А то и просто пьяница,—добавилъ другой.

— И на Матрену тоже сразу подумать можно было. Мало развѣ такихъ бабъ, что какъ увидятъ молодца какого, да онъ имъ еще улыбнется—и капутъ, и шабашъ.

— Молодца, да еще безъ штановъ! — буркнулъ Васька, одинъ изъ самыхъ опытныхъ шахтеровъ, и тутъ же разсказалъ, какъ онъ самъ однажды, «нанявшись» за полкварту, сбѣгалъ зимою безъ штановъ съ рудника въ деревню и обратно, верстъ шесть...

VIII. Сказочный элементъ и отношеніе къ нему народнаго читателя.

I.

Терминъ «сказка», какъ мы указали раньше, примѣняется на родомъ, главнымъ образомъ, къ книжкамъ несерьезнымъ, малоинтереснымъ, обыкновенно лубочнымъ, свѣтскимъ, совершенно независимо отъ ихъ характера, сказочнаго или несказочнаго. Что же касается сказки, какъ мы ее понимаемъ, т. е. произведенія, въ которомъ фигурируютъ фантастическія существа и рассказываются невозможныя въ дѣйствительности событія,—то ее народный читатель не выдѣляетъ въ особую категорію, не отличаетъ рѣзко отъ реально-бытового разсказа. Онъ называетъ ее «сказкой», если она не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго, поучительнаго; но какъ только онъ находитъ въ ней какую-нибудь тенденцію, полезное поученіе—онъ перестаетъ ее признавать сказкой и, какъ мы видѣли на примѣрахъ, иногда называетъ «истинной правдой», «наукой», даже «проповѣдью» (напомнимъ, какъ отнесся Семеновъ къ сказкѣ объ «Иванѣ Дуракѣ»). Это именно и случилось со сказками Л. Н. Толстого, которыя были причислены и на рудникѣ, и въ деревнѣ къ разряду житейскихъ поучительныхъ книжекъ. Такимъ образомъ, если Л. Н. Толстой имѣлъ въ виду сказочной формой придать своимъ народнымъ книжкамъ характеръ наиболѣе привычный народному читателю,—то цѣль его не была достигнута. Присутствіе въ народной книжкѣ чертей и чертенытъ оказалось на опытѣ не только совершенно ненужнымъ, но абсолютно вреднымъ.

Для оцѣнки, какъ жизненныхъ явленій, такъ и художественныхъ произведеній у народнаго читателя нѣтъ того рационалистическаго критеріума, который вырабатывается у интеллигентнаго человѣка совершенно незамѣтно, еще на школьной скамьѣ. Намъ трудно представить себѣ мало-мальски развитога человѣка, который при чтеніи книги не былъ бы въ состояніи отличить въ ней возможное отъ фантастическаго, сказочное отъ реальнаго. А между тѣмъ, у средняго читателя изъ народа нѣтъ именно яснаго сознанія той грани, гдѣ кончается возможное, вѣроятное и гдѣ начинается невозможное, невѣроятное. Вслѣдствіе этого, для него являются чуть-ли не одинаково реальными—во всякомъ случаѣ, одинаково возможными—существами и самый обыкновенный герой бытового разсказа, и вѣдьма, чертъ или домовой; ему представляются

одинаково возможнымъ, даже естественнымъ, переходъ человѣка съ одного мѣста на другое и превращеніе вѣдьмы въ кошку.

Что народная масса искренне вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ, чертей, домовыхъ и проч., это, конечно, извѣстно всякому. Но надо сталкиваться съ народомъ на почвѣ этихъ суевѣрій, чтобы понять насколько реальна въ его представленіи эта многочисленная и разнообразная армія безтѣлесныхъ существъ, до какой степени естественнымъ кажутся ему самыя невозможныя, фантастическія описанія. Пришлось бы написать цѣлый томъ, если бы я вздумалъ приводить всѣ характерныя разсужденія моихъ слушателей о «нечистой силѣ» во всѣхъ ея видахъ. Всѣ три тома «Что читать народу?» изобилуютъ разсужденіями слушателей и слушательницъ, городскихъ и деревенскихъ, о вѣщихъ снахъ, гаданьяхъ, наговорахъ и заговорахъ, ворожбѣ, приворотномъ зельѣ, разныхъ примѣтахъ, клалахъ, о вѣдьмахъ, колдунахъ, русалкахъ, лѣшихъ и, конечно, о чертяхъ. Остановливаясь на этихъ разсужденіяхъ, составительницы «Что читать народу?» прибавляютъ:

«Удивительнѣе всего казалось намъ то, что въ перемежку съ этими фантастическими разсказами (которые были приведены раньше) и, такъ сказать, на ряду съ ними передавались происшествія самаго реального характера: какъ повѣсился жандармъ, какъ свекровь подсыпала яду невѣсткѣ и т. п. Очевидно, всѣ эти факты подводились подъ одну категорію, первые заключали въ себѣ для слушателей столько же вѣроятія и интереса, какъ и вторые, и никому изъ присутствующихъ не пришло даже въ голову разграничить ихъ» (II, 450).

II.

То, что мы называемъ «народнымъ суевѣріемъ», представляетъ собою опредѣленное міропониманіе, твердо установленное, основанное на различныхъ, часто неясныхъ для насъ, но неоспоримыхъ и очевидныхъ для народа доказательствахъ. Замѣчательно, что человѣкъ изъ народа обыкновенно, въ своихъ спорахъ съ культурнымъ человекомъ уступчивый и неувѣренный (по крайней мѣрѣ, съ виду: «вамъ лучше знать...»), становится очень настойчивымъ и самоувѣреннымъ, едва только рѣчь заходитъ о его суевѣрномъ міропониманіи. Онъ упорно отстаиваетъ свою «вѣру», выдвигая въ защиту ея авторитетъ и стариковъ, и Святого писанія, выдвигая цѣлый рядъ посылокъ и доказа-

тельство, разбивать которыя абсолютно невозможно безъ того, чтобы не посягнуть на самую основу его религіозныхъ воззрѣній и вѣрованій.

Культурному человѣку иногда удается «увѣрить» простаго человѣка, что черти и вѣдьмы—«одна чепуха». Но эта «увѣренность», не основанная на ясномъ пониманіи законмѣрности явленій, конечно, остается только внѣшней, несерьезной, бесплодной. Прекрасную иллюстрацію этому находимъ мы въ «Что читать народу?» По окончаніи чтенія сказки «Палець невидимка», чтица задала ученикамъ вопросъ: что такое колдовство?

— Врутъ!—отозвался одинъ изъ дѣтей отрывисто.

— Людей обманываютъ!—сказалъ другой и т. д.

Не удовлетворившись этими отвѣтами, чтица задала вопросъ: «Кто видѣлъ или слышалъ въ жизни своей что-либо такое, что люди приписывали колдовству?» «Невозможно было не замѣтить оживленія, которое моментально разлилось по всѣмъ этимъ дѣтскимъ лицамъ. Почти всѣ руки поднялись разомъ вверхъ и пошли рассказы о самыхъ фантастическихъ событіяхъ, въ которыя молодые слушатели вѣрили искренно и безусловно. И каждый, торопясь и перебивая другъ друга, силился рассказать свою исторію. И все это говорилось такъ, какъ будто каждый видѣлъ воочию, осязалъ самолично; всѣ эти загадочныя чудеса. Выслушавъ съ интересомъ всѣ эти исторіи и помолчавъ немного,—продолжаетъ составительница,—я спросила:

— Зачѣмъ же вы вначалѣ говорили мнѣ, что все это вздоръ и выдумки?

— Такъ намъ въ школѣ говорили,—отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ, нисколько не стѣсняясь этимъ противорѣчіемъ и просто констатируя фактъ» (I, 264).

Это происходило въ дѣтской аудиторіи, это могло вполне произойти и въ аудиторіи взрослыхъ слушателей изъ народа.

Единственная «уступка», которую темный человѣкъ дѣлаетъ иногда въ этомъ отношеніи «духу времени»—это признаніе, что теперь чертей и вѣдьмъ «что-то не видать», что теперь «ихъ меньше стало» и что это бывало «больше въ старину», когда народъ былъ «темный» и «занимался этими дѣлами».

При чтеніи въ аудиторіи г-жи Алчевской «Руслана и Людмилы», слушатели искренно вѣрили, что все описываемое тамъ произошло на самомъ дѣлѣ.

— Да, въ старину много такого случалось, теперь что-то меньше слышать,—говорили нѣкоторые.

— Бываетъ и теперь,—возражали другіе, при чемъ приводились доказательства самыхъ разнообразныхъ свойствъ. Одна рассказывала о вѣдмѣ, превратившейся въ собачонку, другая о предсказателѣ, третья о заговорщикѣ зубовъ, четвертая о свекрови, которая испортила невѣстку.

— Это только доктора одни этому не вѣрятъ,—заключала съ презрительной улыбкой одна изъ слушательницъ (II, 450).

При чтеніи дѣтскихъ рассказовъ Незванова, въ городской аудиторіи одна изъ ученицъ замѣтила:

— Теперь ужъ настоящіе колдуны поперевелись. То были въ старину они, а теперь ни вѣдмъ, ни колдуновъ, ни нечистаго уже нѣтъ (II, 354).

При чтеніи былины о Добрынѣ Никитичѣ, какъ Марина превратила Добрыню въ тура, кто-то замѣтилъ:

— Теперь этого не бываетъ, а прежде можетъ и было. Вѣрили въ колдовство... Вотъ большихъ сильныхъ женщинъ тоже нѣтъ теперь, а прежде можетъ и были. Въ старину, говорятъ, народъ былъ здоровѣе (II, 461).

При чтеніи рассказа Лѣскова «Пустоплясы», гдѣ фигурируетъ ангелъ въ видѣ «лупоглазата мальчишка», одинъ изъ слушателей, крестьянинъ, не хотѣлъ вѣрить, что это ангелъ:

— Нѣтъ, не можетъ быть! Ангелы никогда лупоглазые не бываютъ; это что-нибудь другое» (III, 141).

III.

Для иллюстраціи того, къ какимъ аргументамъ прибѣгаетъ темный человѣкъ для подтвержденія своей вѣры въ существованіе «нечистой силы» и насколько ему трудно, невозможно уловить грань, раздѣляющую реальное отъ нереального, возможное отъ невозможнаго,—приведу нѣкоторыя мои бесѣды по этому поводу съ рабочими.

Послѣ чтенія какой-то книжки, въ которой говорится о колдунахъ, молодой, кое-что читавшій шахтеръ, Сергѣй, спросилъ меня. было ли все это на самомъ дѣлѣ? Я высказалъ ему свое мнѣніе.

— Такъ по вашему колдуновъ и совсѣмъ нѣтъ?—переспросилъ онъ меня задумчиво.

— Нѣтъ.

Онъ помолчалъ, размышляя, и опять спросилъ:

— Ну, а папа римскій есть?

— Папа римскій есть.

— И къ нашей вѣрѣ, къ православной, онъ причастія не имѣеть?

— Нѣтъ...

— А правда ли, что онъ такой человекъ, что когда мѣсяць молодъ—и онъ молодъ, когда мѣсяць старъ—и онъ старъ?

— Это ужъ неправда.

— Та-акъ... Ну, а правда ли, что когда война,—все цари ѣдутъ къ нему благословляться, совѣта спрашивать... и туфлю ему цѣлуютъ?

— И это неправда.

Собесѣдникъ мой опять помолчалъ.

— А вотъ вы читали книжку про «Сократа». Тамъ сказано про Юпитера. Что же, этотъ Юпитеръ богъ ихній главный былъ?

— Да.

— А англичане, значить, ему, этому самому Юпитеру, до сихъ поръ поклоняются?

— Откуда вы это взяли?!..

— Да говорятъ...

Онъ вдругъ поднялся и рѣшительно сказалъ:

— Ну, вотъ, подождите здѣсь малость (мы были въ общей казармѣ). Я сбѣгаю въ землянку—принесу книжку. Вотъ почитаете ее—и все мнѣ потомъ скажете...

И, не дожидаясь отвѣта, поспѣшно ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и подалъ мнѣ известную лубочную книжку «Громобой».

— Читали ее?

— Не читалъ, но знаю, что книжка пустая, глупая.

— Чего тамъ «знаю», коли не читали!—воскликнулъ онъ почти съ раздраженіемъ.—Почитайте, тогда и знать будете...

Я ее прочелъ. Оказалось она безграмотной, нескладной лубочной сказкой съ вѣдьмами, колдунами, заколдованными замками и т. п. Возвращая ее черезъ нѣсколько дней Сергѣю, я снова высказалъ ему свое мнѣніе.

— Почему глупая?—спросилъ онъ настойчиво.

Я сталъ объяснять ему, но онъ тотчасъ же перебилъ меня.

— Да въ ней вѣдь не про теперешнее время написано!—воскликнулъ онъ.—Въ ней про давнее время.

— Не все ли равно?

— Нѣ-ѣтъ, это вы напрасно!—почти обидѣлся онъ.—Теперь вотъ колдуновъ и вѣдьмъ нѣтъ, а тогда ихъ было сколько угодно.

— Почему же ихъ тогда было?

— Тогда народъ необразованный былъ, темный, онъ и допускалъ этими дѣлами заниматься...

Я началъ доказывать ему фактическую невозможность всего того, что рассказано въ книжкѣ, но онъ снова перебилъ меня уже съ задоромъ:

— Такъ по вашему и будущее предсказывать нельзя, и по звѣздамъ гадать, и сны и все прочее—одна глупость и чепуха? да?

— Да.

— Ну, а какъ же въ календарѣ все предсказывается—и выходитъ вѣрно? А вотъ еще, въ Ветхомъ Заветѣ, сонъ приснился Иосифу—и вышло какъ разъ, какъ ему снилось. А въ Евангеліи волхвы, которые пришли поклониться Младенцу? Отчего они пришли? Откуда узнали? А имъ звѣзда указывала путь, впереди шла и вела ихъ...

И онъ прибавилъ нѣсколько упавшимъ голосомъ:

— Вотъ вы читали намъ сказку «Золотые гуси» (Слушатели такъ прозвали поэмѣ «Наль и Дамаянти»). Та можетъ быть и неправда. Тамъ сказано: «И былъ на небѣ богъ Кали». Да развѣ же такой богъ могъ быть на небѣ? Вѣдь онъ хуже чорта былъ!..

— Сергѣй! да вѣдь все это сказка, вымысел!—воскликнулъ я.

— Сказка?—повторилъ онъ, устремивъ на меня растерянный взглядъ.—Ну, а какъ же тамъ написано: «Они сошли съ неба?» Тамъ вѣдь такъ прямо и написано...

Не менѣе характерныя разсужденія на эту тему велись въ казармѣ кузнецомъ Николаемъ Сѣриковымъ, который былъ задѣтъ «скептицизмомъ», но вѣршимъ, безпощаднымъ. Николай зналъ, что «ученые люди» не вѣрятъ въ чертей и вѣдьмъ, ему тоже хотѣлось не вѣрить, но онъ никакъ не могъ найти почвы для своего невѣрія—и было что-то поистинѣ трагическое въ его метаніи, въ его колебаніяхъ отъ вѣры къ сомнѣнію.

Когда я читалъ въ «Ночи передъ Рождествомъ», какъ вѣдьма обратилась въ свинью, кошку и т. д., онъ воскликнулъ съ возмущеніемъ:

— Брехня!!!

— Почему?—спросилъ его простодушно другой.

— Такъ! Развѣ вѣдьма можетъ обратиться въ свинью и кошку? Никогда въ жизни!

Дальше, когда кузнецъ Вакула отпускаетъ чорта, Николай воскликнулъ съ глубокимъ огорченіемъ:

— Ужъ отпустилъ?! Ахъ, дуракъ, дуракъ! Чего онъ у него денегъ не попросилъ!..

Но, сейчасъ же добавилъ:

— А я думаю, что насчетъ чертей,—все это одна брехня. Ихъ нѣтъ и никогда не было.

— Какъ, нѣтъ?—отозвался одинъ шахтеръ.—А вотъ въ писаніи сказано, что они есть.

— Что же, что сказано,—стоялъ на своемъ кузнецъ.—Можетъ они и были, да передъ Ноевымъ потопомъ. А теперь ихъ навѣрное нѣтъ. Никто ихъ не видалъ.

Его оппонентъ подумалъ.

— Такъ ты говоришь, что чертей нѣтъ?—настойчиво спросилъ онъ опять.

— Говорю, что нѣтъ, что все это брехня!—отвѣтилъ категорически кузнецъ.

— Ну, а Богъ есть?

— Богъ есть...

— А ты его когда-нибудь видѣлъ? Откуда знаешь, что онъ есть?

Кузнецъ смутился, а его торжествующій оппонентъ продолжалъ:

— Если въ «Писаніи» сказано, что есть черти—значить они есть. Вотъ видѣлъ ты картинку, какъ черти тащатъ въ адъ грѣшника. Тамъ прямо нарисованы черти. Значить есть...¹⁾

— Все это для остраки людямъ повыдуманно,—сдѣлалъ попытку защищаться кузнецъ и, обратившись ко мнѣ прибавилъ:

— Вотъ, если бѣ книгу «Магія» достать. Тамъ вотъ про все понаписано. Тамъ вотъ такія слова есть, что если ихъ знать, можно все сдѣлать. Только не видать этой книги...

И, спохватившись, прибавилъ уныло:

— А можетъ и ея на свѣтѣ нѣтъ, можетъ и это брехня. Или была такая книга, да передъ Ноевымъ потопомъ...

---

*) „Какъ это „чертей нѣтъ“, когда ихъ намъ показывали на чтеніяхъ (чтенія съ туман. картинками)?“—разсуждалъ одинъ изъ учениковъ тамбовской школы (Изъ дневника А. Н. Слетовой-Черновой).

Черезъ нѣсколько дней, проснувшись ночью и увидѣвъ, что я еще не сплю, Николай вдругъ спросилъ меня, какъ-то быстро и категорически: — Какъ думаешь, Семень, есть черти—или брехня?

— Брехня!—отвѣтилъ я ему столь же категорически.

— Такъ! Ну, а говорятъ еще бабы, что ночью вѣдьмы собираютъ звѣзды съ неба. Думаю, Семень, что и это брехня! Брешутъ бабы!

И не дожидаясь отвѣта, бросился на свое жесткое ложе и тотчасъ же заснулъ.

IV.

При такомъ отношеніи народнаго читателя къ сказочному и сверхъестественному, не трудно представить себѣ, какъ онъ относится къ печатной сказкѣ.

Прежде всего надо отмѣтить, что большая часть народа, особенно старики и женщины, очень неохотно читаютъ и слушаютъ (особенно по праздникамъ) книжки, гдѣ фигурируютъ черти. Многие считаютъ грѣшнымъ, опаснымъ и просто неприятнымъ произнесеніе имени чорта. Мнѣ неоднократно приходилось замѣчать, что когда я читалъ сказку о чертахъ, часть слушателей уходила, не дослушавъ до конца.

Однажды, послѣ чтенія «Ивана Дурака», одинъ мальчикъ мнѣ разсказалъ:

— А бабка моя не дослушала книжки. Какъ вы читали про маленькихъ «картанячь» она слушала, а какъ про большого зачитали, она плюнула и ушла.

Въ другой разъ, при чтеніи этой же книжки на улицѣ, одинъ изъ слушателей, увидя свою жену, подходившую къ намъ, крикнулъ ей:

— И не подходи Анисья! Не стоитъ слушать! Про сволочь про разную читаютъ!..

— А я думала, про что хорошее...—отвѣтила разочарованно Анисья и отошла. За нею ушелъ и мужъ.

Отмѣчаетъ это же самое и Н. А. Рубакинъ въ своихъ «Этюдахъ».

«Въ имѣющихся у насъ отвѣтахъ, присланныхъ изъ деревень,—говоритъ онъ,—болѣе чѣмъ въ 149 читаемъ, что книжки съ чертами встрѣчаютъ чуть-ли не повсеместное осужденіе со стороны взрослыхъ и пожилыхъ читателей. Только въ 37 отвѣтахъ говорится противное или, вообще, не встрѣчается осужденія. По выраженію деревенскихъ читателей, сказки съ чертами не хороши потому, что въ нихъ «говорится

про чертей», или потому, что тутъ «много разныхъ черныхъ словъ» или «частыя призыванія антихриста». Крестьянинъ С. Т. Семеновъ, авторъ многихъ народныхъ изданій, сообщаетъ, что сказка «Иванъ Дуракъ» «многими бѣгается, потому что въ ней черти». Многие отцы, пишутъ изъ Воронежской губерніи, запрещаютъ своимъ дѣтямъ читать подобныя книги, находя ихъ не только пустыми, но даже антирелигіозными. Вотъ ихъ собственныя выраженія: «къ чему пригодны такія книжки? Въ нихъ только и говорится, что про чертей». Или такой случай: учительница даетъ своему ученику, 14—15-лѣтнему мальчугану, книжку «Первый винокуръ». Черезъ нѣсколько часовъ тотъ приноситъ ее обратно.—Что такъ скоро? Прочелъ развѣ?—«Нѣту. Тятка бранится,—кажутъ, нечистыхъ нанесъ въ избу, не смѣй, кажутъ, читать»... Несомнѣнно,—заключаетъ авторъ,—что масса деревенскихъ читателей относится къ сказкамъ съ чертями враждебно¹⁾).

„Это отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ“ и другой наблюдатель народной жизни:

„Обмѣнивалъ дѣтямъ книги,—пишетъ онъ. — Пришла Варвара... принесла книжку Л. Толстого „Первый винокуръ“. Я сталъ спрашивать о содержаніи сказки: она говоритъ что мама не позволила читать.

— Почему?

— Та-а тамъ все черкають, черкають, мама и не позволила“²⁾).

Однако, утверждать, что народъ безусловно враждебно относится къ сказкѣ съ чертями было бы, можетъ быть, нѣсколько рискованно. Рядомъ съ приведенными фактами, мнѣ пришлось отмѣтить, что не только рабочіе, даже крестьяне слушали съ громаднымъ интересомъ и искреннимъ восторгомъ сказки Толстого, въ которыхъ фигурируютъ черти, въ особенности «Сказку объ Иванѣ Дуракѣ». Не надо, наконецъ, забывать и того, что чортъ является излюбленнымъ героемъ многихъ чисто народныхъ сказокъ.

Но въ вопросѣ о сказочномъ элементѣ, въ которыхъ фигурируютъ черти, въ народной книжкѣ есть другая сторона, болѣе важная и серьезная

V.

Въ художественно-интеллигентной литературѣ элементъ сверхъестественный большей частью вводится или какъ символъ, или какъ худо-

1) Стр. 145—146.

2) Перекати-поле „Дневникъ народн. учителя“ „Русск. школа“. 1909 № 9.

жественный аксессуар. И чѣмъ проще, чѣмъ естественнѣе и, такъ сказать, «наивнѣе» авторъ относится къ этому сверхъестественному, чѣмъ больше подчеркивается его объективность, тѣмъ художественнѣе кажется намъ произведение. Какъ было бы оскорблено наше эстетическое чувство, если бь, предположимъ, Шекспиръ какъ-нибудь оговорился, что вѣдьмы, появляющіяся въ Макбетѣ, на самомъ дѣлѣ не существовали.

При чтеніи такихъ произведеній впечатлѣніе художественности получается исключительно отъ того, что авторъ и мы стоимъ на одномъ и томъ же уровнѣ пониманія явленій природы, или потому, что самъ авторъ, съ его примитивной психологіей, является для насъ тоже какъ бы художественнымъ аксессуаромъ (какъ, напр., въ народныхъ сказкахъ). Совершенно иное впечатлѣніе должны произвести на читателя изъ народа произведенія этого рода. Для него всѣ эти безтѣлесныя существа и фантастическія событія — не художественные аксессуары, а, правда; онъ къ нимъ относится серьезно и, конечно, чѣмъ объективнѣе авторъ, тѣмъ болѣе усиливается не эстетическое удовольствіе, а увѣренность въ истинности описаннаго. И, такимъ образомъ, читатель сплошь и рядомъ приходитъ къ выводамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, какіе желательны автору.

При чтеніи въ книгѣ «Воръ» описанія, какъ темная масса звѣрски убиваетъ идеально-хорошаго человѣка (отца знакомаго намъ Алешки), подозрѣвая его въ колдовствѣ,—и крестьяне, и рабочіе не только не выражали своего сочувствія невинной жертвѣ, но были всецѣло на сторонѣ массы. Когда авторъ отъ себя замѣчаетъ, что толпа ни за что убилла невиннаго человѣка, одинъ крестьянинъ разсмѣялся.

— Ни за что! Хорошаго человѣка! Какъ «ни за что», ежели онъ колдовствомъ занимался!

При чтеніи этой же потрясающей сцены на рудникѣ слушатели весело хохотали:

— Лу-ушать! Здорово лупять, ха-ха!

— За-акалили ему!

— Не испугались, значить, что колдунъ!

— Молодцы ребята! Пусть знаетъ, какъ такими дѣлами заниматься!—И т. д.

Въ упомянутой раньше статьѣ г-жи Е. Волковой, мы находимъ очень характерную страницу, посвященную описанію впечатлѣній, которое производили на слушателей нѣкоторыя книжки, направленные противъ суевѣрій. Приведемъ цѣликомъ эту страницу:

«Еще въ I томѣ книги «Что читать народу», указано было, что чтеніе книжки Парунова «Народные предрасудки и суевѣрія», имѣющей цѣлью борьбу съ этими предрасудками и суевѣріями, привело какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ: книга никого не разубѣдила, напротивъ, она только оживила въ памяти слушателей множество разсказовъ о домовыхъ, лѣшихъ и т. п.

«То же самое замѣтила и я. Читаю я какъ-то небольшую книжечку изд. книжнаго склада Калмыковой «Тяжкіе грѣхи темныхъ людей», и слушатели на каждой страницѣ прерываютъ меня, съ увлеченіемъ разсказывая мнѣ безчисленное множество своихъ повѣрій. «Что городъ, то наровъ, что деревня, то обычай», справедливо говоритъ пословица.

«Неудивительно, что въ книгѣ попадались повѣрья и обычаи, записанныя въ другомъ концѣ нашей обширной равнины, но незнакомыя въ нашихъ муромскихъ лѣсахъ. И надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ прислушивались къ нимъ сидѣвшіе вокругъ меня мужики и бабы.

— Ну-ка, прочти еще разъ, у насъ въ деревнѣ этого нѣтъ,—просятъ они, съ глубокимъ интересомъ слѣдя за чтеніемъ, и по ихъ лицамъ я вижу, что всей душой готовы они принять и запомнить эти новые, незнакомые имъ еще обычаи и примѣты.

— А мы этого и не знали,—говорятъ нѣкоторые съ сожалѣніемъ.

«Существуетъ въ народѣ повѣрье, что по ночамъ домовый ѣздитъ на лошадахъ и заплетаетъ имъ косы. Встрѣчая его въ книгѣ, слушатели весело смѣются, и, утвердительно кивая головой, говорятъ:

— Вѣрно, вѣрно, это и у насъ есть.

«Но вотъ авторъ начинаетъ доказывать всю неосновательность этой вѣры въ домового и довольно обстоятельно поясняетъ, что причиной всему маленькій звѣрекъ ласка, который бѣгаетъ по спинѣ и ногамъ лошади и запутываетъ ея гриву.

— Вонъ что, вонъ что!—замѣтила Акулина Б., не молодая, умная женщина и стала внимательно слушать, даже работу свою бросила. Глядя на вдумчивое, серьезное выраженіе ея лица, я подумала, что на этотъ разъ авторъ не напрасно потратилъ время, но мое предположеніе не оправдалось. Кончивъ о домовомъ, я потянула на свою сосѣдку, она снова принялась за работу, и на лицѣ ея играла уже усмѣшка.

— Ужъ какъ хочешь тамъ называй, ласка ли, домовый ли—это все равно, только у насъ мужики завсегда примѣчаютъ,—у которой лошади грива больше заплетена, та жирнѣе, такъ и говорятъ, что она ко двору. «Почему же лошадь-то жирнѣе дѣлается?—обратилась она ко мнѣ съ во-

просомъ: нѣтъ, тутъ что-то не такъ»—добавила она, недовѣрчиво взглянувъ на книгу. Да и какъ иначе она могла смотрѣть на не?...

«Что касается колдуновъ, противъ которыхъ направлены нѣсколько страничекъ этой книжки, то всѣ старанія автора оказались напрасны.

— А колдуны все же есть,—настойчиво произнесла одна женщина, и глаза ея, съ явной насмѣшкой устремленные на книжку, какъ будто говорили:

— Ужъ какъ ты тамъ не разсуждай, а меня не обманешь» *).

VI.

Народъ вѣрить въ существованіе чорта, но не всегда представляетъ его себѣ въ опредѣленной формѣ. Когда же онъ встрѣчаетъ яркое и художественное описаніе его, чертъ становится существомъ ужъ совершенно реальнымъ. Помимо этого, книжка, та самая книжка, которая часто направлена на искорененіе суевѣрія въ народѣ, является для темнаго человѣка лишнимъ доказательствомъ существованія чорта. Къ авторитету стариковъ прибавляется еще авторитетъ печатнаго слова. Если бъ чертей не было, о нихъ не стали бы писать въ книжкахъ.

При чтеніи «Вія» въ аудиторіи Х. Д. Алчевской одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

— «Вѣрю они существуютъ, когда ихъ описываютъ».

— «Да, можетъ быть, и не существуютъ, да промежъ людьми разсказываютъ, а грамотные описываютъ,—усомнился другой.

— «Въ старину было,—примирилъ ихъ третій. (II, 480).

Послѣ чтенія «Русалки» Пушкина одна изъ слушательницъ воскликнула вызывающимъ тономъ:

— «Вотъ и говорятъ, что не существуетъ русалокъ!»!

— «Да и не существуетъ,—отвѣтила ей другая.—Развѣ-жъ не слышала, что это сказка?»

— «Въ книгѣ не напишутъ того, что не бываетъ,—стояла твердо на своемъ первая. (Стр. 563).

Такой же разговоръ былъ и по поводу «Амура и Гименея». По окончаніи чтенія одна женщина замѣтила со вздохомъ:

— «Вотъ и говорятъ, что вѣдьмъ нѣтъ!..»

— «А развѣ-жъ кто говоритъ, что нѣтъ?—спросила ее сосѣдка.

— «Где-то говоритъ: не вѣрю, врутъ». (Стр. 449).

*) „Образованіе“ 1897. № 4.

Послѣ чтенія фантастической сказки «Осьминогъ Вакулъ», кто-то спросилъ:

— «Могла ли случиться вся эта исторія?»

— «Говорятъ, что бываетъ, что въ книгѣ понапрасну не нальшуть». (I, 228).

«Макбетъ» вызвалъ у одной слушательницы восклицаніе:

— «Говорятъ иные, вѣдьмъ нѣтъ, а кто же ему (Макбету) претекзалъ все, какъ не вѣдьмы». (Стр. 261).

По поводу «Страшной мести» Гоголя одна изъ развитыхъ ученицъ городской школы замѣтила:

— «Кажется, тутъ многое и не могло случиться, а какъ слушаешь— всему рѣшительно вѣришь». (Стр. 484).

Слушатели иногда не прсчь были по книжкѣ и пополнить свои знанія относительно чертей и всякихъ сверхъестественныхъ силъ и явленій. Въ аудиторіи Алчевской очень внимательно слушались рассказы странницы о неправедныхъ судьяхъ и пьесихъ головахъ («Проза» Островскаго) и одна изъ слушательницъ замѣтила со вздохомъ:

— «Хоть расскажем, спасибо!» (Стр. 515).

Повторилось это же самое и нѣсколькими годами позже, въ аудиторіи уже прослушавшей нѣсколько сотъ книжекъ. При чтеніи разсказа И. Потапенко «Въ потемкахъ» шли долгіе разсужденія о томъ, что въ человѣкѣ иногда «заходятся лягушки» и «квакаютъ внутри». «Отложивъ въ сторону книжку,—пишетъ Х. Д. Алчевская,—я внимательно слушала ихъ и съ ужасомъ думала о томъ, какая темнота, какое невѣжество царить еще въ деревнѣ. Но вотъ разговоры утихли. Меня попросили продолжать чтеніе.

— Вотъ хороша книжечка!—замѣчаетъ съ восторгомъ одна баба,— читай, читай скорѣй, много тутъ чего должно быть, и объявится.

Очевидно, ей страшно хотѣлось поскорѣе узнать правда ли это, что жабы жили въ человѣкѣ. Относительно лягушекъ она была увѣрена: «ей самой приходилось слышать, какъ онѣ въ одномъ человѣкѣ передъ обѣдомъ квакали». Ну, а о жабахъ она еще не слыхала.

Съ еще большимъ интересомъ были выслушаны суевѣрные, нелѣпые совѣты бабъ Тимоеею (герою разсказа), какъ избавиться отъ жабъ. Меня попросили даже еще разъ прочесть ихъ. И не могу я утвердительно сказать, что больше руководило ими въ этой просьбѣ: желаніе ли посмѣяться надъ глушостью темныхъ людей, или, наоборотъ: онѣ хотѣли запомнить эти совѣты, чтобы примѣнить ихъ къ своей

жизни. Глядя на ихъ серьезные лица, я была склонна думать послѣднее» (Ш, 133).

А при чтеніи разсказа Н. Успенскаго «Пономарь Савельичъ» одинъ изъ слушателей, внимательно слѣдившій за чтеніемъ «заговоровъ», которыми занимался Савельичъ, но узнавшій потомъ отъ чтицы, что все это не серьезно, проговорилъ разочарованно:

— «А я ужъ хотѣлъ просить, вельзя ли мнѣ это списать, можетъ быть и мнѣ грѣшному помогло бы». (II 176).

IX. Мотивы и процессъ творчества въ представленіи народнаго читателя.

I.

Рядомъ съ вопросомъ о «фактической правдѣ» и въ связи съ нимъ, слушателей моихъ больше всего занималъ вопросъ о литературномъ творчествѣ. Какіе мотивы руководили человѣкомъ, писавшимъ книжку? Какимъ образомъ узналъ и описалъ онъ такъ вѣрно и жизнь, и разговоры чужихъ людей, даже ихъ мысли?

Что касается личности писателя, то къ ней слушатели не проявляли рѣшительно никакого интереса. Они никогда не интересовались узнать ни имени автора, ни какихъ-нибудь свѣдѣній о его личности. Для нихъ было ясно одно, что авторъ—человѣкъ иной, не ихъ среды: вѣдь малограмотный крестьянинъ или рабочій никогда не напишетъ такъ складно, да у него и времени нѣтъ на такое занятіе. И не смотря на глубокое почтеніе слушателей къ печатному слову вообще—въ ихъ отношеніи къ писателю было мало уваженія. Въ воображеніи слушателей составитель книжки, повидимому, рисовался въ образѣ не то писаря, не то адвоката, не то просто празднаго балагура. И отношеніе къ нему обыкновенно было легкое, полупрезрительное и не совсѣмъ дружелюбное. Если кто-либо и вспоминалъ о томъ, «кто писалъ эту книжку», то обыкновенно начиналъ словами: «И-и чортъ его знаетъ!» «И шутъ его вѣдаетъ!» «И будь же онъ проклятъ!» «И хай же ему провалиться!» *). Одинъ шахтеръ, недовольный «Севастопольскими разсказами», воскликнулъ сердито:

*) Даже въ аудиторіи Х. Д. Алчевской, гдѣ учительницы часто говорили и разсказывали слушателямъ объ авторахъ читаемыхъ книгъ, тоже не высказывалось ни особеннаго интереса, ни особеннаго почтенія къ личности автора. Единственная похвала автору, которую я нашелъ во всемъ II томѣ, была высказана въ довольно-таки легкой формѣ. По поводу баллады „Женихъ“ кто-то воскликнулъ:

— Ну, попался бы мнѣ тотъ, кто писалъ эту книжку—задалъ бы я ему! Отломалъ бы бока здорово! Сказано, что будетъ написано про «дѣйствія», а онъ, замѣсто того, чортъ знаетъ, что написалъ: бомбы валяются, солдаты трубки курятъ!.. Гадость какая!

— Да онъ же деньги за это беретъ,—отвѣтилъ ему другой.

II.

«Деньги беретъ»... Иного, блѣде высокаго мотива писательской дѣятельности большинство слушателей не допускали, даже не подозрѣвали.

При чтеніи разсказа «Какъ обходиться со скотомъ» одинъ крестьянинъ воскликнулъ презрительно:

— И не полѣнился же человекъ написать!

— Всякому ѣсть хочется,—отвѣтилъ ему сентенціозно другой.

По поводу «Власти тьмы» было много разговоровъ на тему, что «они» знаютъ, что описывать.

— Денежки нужны—и пишутъ,—пояснилъ кто-то.

То же самое и по поводу «Ночи передъ Рождествомъ». На чье-то восклицаніе: «И чепуха-жъ!» другой отвѣтилъ:

— А что же. За книжку берутъ 1½ копѣйки. Ну, скажемъ, грошъ навѣрное ему остается—онъ и пишетъ...

Такое отношеніе слушателей къ писателю объясняется, можно полагать, тѣмъ, что человекъ изъ народа вообще не привыкъ видѣть отъ людей чуждой ему среды какихъ-нибудь безкорыстныхъ поступковъ. Въ «Хроникѣ воскресныхъ школъ», составленной М. Н. Салтыковой, нѣсколько разъ отмѣчается это недовѣріе народа къ безкорыстію людей, которые даже внушаютъ ему искреннее уваженіе. Ученицы,—сообщаетъ г-жа А. Знаменская, учредительница симбирской школы,—«никакъ не могли помириться съ мыслью, что устроительницы школъ берутъ на себя этотъ трудъ совершенно безвозмездно, что ни отъ кого ничего онѣ за это не получаютъ. «Ужъ быть того не можетъ! Ужъ медали какія ни на есть, а дадутъ вамъ за это!»—говорили онѣ» (стр. 53). Этотъ же вопросъ былъ заданъ учительницѣ попелянской школы, г-жѣ Урсыновичъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся ея учениковъ, крестьяниномъ лѣтъ 25-ти: «онъ очень интересовался, для чего открыли мы воскресную школу, какая

— „Молодецъ Пушкинъ! Умѣлъ сочинять!“

И Х. Д. Алчевская прибавляетъ при этомъ, что фамилію поэта слушатели вѣроятно помнили, „благодаря сосѣдству помѣщика Пушкина“. (II, 445).

намъ отъ этого польза. «Жалованье вы будете получать или вамъ за это какая награда будетъ?» (стр. 74).

Объ этомъ же говорить герой горьковского разсказа, Коноваловъ. Послѣ чтенія „Подлиповцевъ“ онъ, потрясенный, восклицаетъ объ авторѣ:

— «Ну—человѣкъ онъ! Какъ хватилъ! А? Даже — ужасно. За сердце беречь, т. е. щиплеть душу—вотъ до чего живо. Что же онъ, сочинитель, что ему за это было?» («Коноваловъ»).

Раза два, впрочемъ, мнѣ случилось слышать объясненіе мотивовъ писательской дѣятельности не однимъ «грошомъ». При чтеніи книжки «Гуссъ» одинъ крестьянинъ заговорилъ задумчиво:

— Видишь, они его, значить, мучили, а онъ все на своемъ стоялъ, не сдавался. Ну имъ это, значить, любопытно стало и удивительно, они и написали въ книжкѣ.

Въ другой разъ, по прочтеніи въ какой-то книжкѣ эпиграфа изъ Некрасова Лопатинскій, молодой кое-что читавшій шахтеръ, о которомъ ужъ было упомянуто, воскликнулъ съ восторгомъ:

— А-а! Некрасовъ! Вотъ былъ душевный писатель! Все про народъ, про его горькую жизнь писалъ. А тамъ разныхъ... дигутатовъ, ихъ онъ не уважалъ, не писалъ про нихъ.

III.

Что больше всего и сильнѣе всего интересовало слушателей—это вопросъ о художественномъ творчествѣ. Тутъ была для нихъ какая-то неразрѣшимая загадка, и они постоянно возвращались къ этому явленію, подыскивая ему всевозможныя объясненія.

Если описанное въ книжкѣ—«какъ есть наша жизнь», «самая правда, если «все это такъ и случилось»—то какимъ образомъ какой-то человѣкъ, да еще чужой среды, ухитрился все это узнать и такъ подробно описать, со всѣми разговорами, всѣми движеніями, всѣми мыслями? И слушатели—и мои, и положительно всѣхъ, кто устраивалъ подобныя же чтенія,—останавливались съ недоумѣніемъ передъ этимъ вопросомъ:

При чтеніи въ аудиторіи Алчевской разсказа «Воръ» слушатели восклицали:

— Ой, Боже-жъ мой! Точно онъ на душѣ сидѣлъ! Ну, скажемъ къ примѣру, портретъ (картина): взошелъ онъ на высокую гору, всмотрѣлся, всмотрѣлся и написалъ, а это-жъ какъ? (II, 109).

При чтеніи «Демона» раздавались восклицанія:

— И какъ его такъ сочинить!

— И какъ оно все ладно слово къ слову приходится, точно пѣсно поетъ!

— Не иначе, онъ и на томъ и на этомъ свѣтѣ побывалъ!

— Бываетъ же такой, одаренный Богомъ человѣкъ!

— Можетъ быть, онъ на Кавказѣ слышалъ эту исторію? (III, 199).

Эти же удивленныя восклицанія были и при чтеніи «Поликушки» Толстого.

— И какъ стоялъ, и какъ говорилъ—все опишетъ!—объяснялъ мужикъ Демьянъ, обуреваемый вѣчно гнетущими его вопросами о томъ, кто такой сочинитель, какимъ образомъ творитъ онъ свои произведенія, откуда черпаетъ свои матеріалы и т. п.

— То бы еще ничего, а онъ опишетъ и того, кто молчитъ, будто онъ у тебя передъ глазами. (II, 145).

Въ большинствѣ случаевъ слушатели рѣшали этотъ вопросъ, просто и примитивно: авторъ описываетъ то, что видѣлъ и слышалъ.

По прочтеніи «Угостишь огонь не потушишь», крестьянинъ воскликнулъ:

— И шутъ его знаетъ того, кто это писалъ! Ну, вотъ должно непремѣнно подъ хатами у мужиковъ стоялъ и всѣ ихніе разговоры слушалъ!

По поводу разсказа «Четыре дня» было высказано слѣдующее предположеніе:

— И настрадался же бѣдный солдатикъ! Ну, а потомъ онъ расказалъ все это тому доктору, что его лѣчилъ, а тотъ взялъ и написалъ въ книжку.

Послѣ чтенія одного разсказа Гл. Успенскаго, слушательница воскликнула съ искреннимъ удивленіемъ:

— И кто это такъ умудрился, написалъ, точно онъ былъ въ деревнѣ и подслушалъ все, что мы говоримъ!

Тѣ же объясненія и въ аудиторіи Х. Д. Алчевской.

— И какъ это онъ все такъ хорошо, складно сочинялъ?—сказалъ одинъ изъ крестьянъ о Пушкинѣ.

— Да такъ: гдѣ ни ходить, вездѣ присматривается—что и какъ; онъ же того ищетъ. (II, 460).

— Люди врутъ, а онъ и себѣ! что услышитъ, то и запишетъ!—объяснялъ еще одинъ творчество Гоголя. (II, 488).

Слушая «Бѣжинъ лугъ», крестьяне объясняли творчество Тургенева такъ:

— А онъ лежитъ, будто спитъ, наблюдаетъ, хитрецъ; даромъ, что

заблудился, а свое дѣло дѣлаетъ! Нужно же разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, чтобы чего-нибудь не выпустить изъ памяти». (II, 497).

И слушатели старались въ этомъ духѣ объяснять всѣ особенности художественныхъ произведеній. Въ разсказѣ «Жервеза» идетъ очень длинное описаніе кузницы, и одна изъ слушательницъ объясняетъ это такъ:

— Это оттого длинно тянется, что большая кузница описывается. Если бы маленькая описывалась, оно бы скорѣе кончилось. (II, 84).

Во «Власти тьмы» между однимъ дѣйствіемъ и другимъ проходитъ шесть мѣсяцевъ—и по этому поводу идутъ такія разсужденія:

— Онъ (авторъ), должно быть, не былъ тамъ шесть мѣсяцевъ, потому ничего не знаетъ, а потомъ пріѣхалъ и узналъ какъ и что. (II, 125).

Не всѣ, однако, слушатели удовлетворялись такимъ примитивнымъ объясненіемъ литературнаго творчества; нѣкоторые сознавали, что «увидѣть», «услышать» еще недостаточно для того, чтобы написать.

При чтеніи разсказа «Бабыя доля» одинъ крестьянинъ воскликнулъ:

— И не полѣнился же человѣкъ подслушивать всякіе разговоры!

— Да гдѣ ты ихъ столько услышишь,—возразилъ другой.

— Тутъ разговоровъ столько, что за день ихъ не выговоришь...

— Да можетъ ихъ и ночью говорили?

— Да это просто баба какая разсказала, а онъ написалъ,—замѣтила женщина.

— А попробуй-ка написать ты! Тутъ, смотри, все какъ есть написано.

— Та-акъ и липѣ (лишнетъ), та-акъ и липѣ!—проговорила старуха не то сокрушенно, не то съ удивленіемъ, и вздохнула.

По поводу разсказа «Водка сильна» и т. д. кто-то воскликнулъ:

— И напишутъ же! И откуда все это выпишутъ?

— Напишетъ одинъ письмо, а другой прочитаетъ, а то и самъ увидитъ или услышитъ, ну и напишетъ!

— А напиши ты!

— Да я неграмотный.

— Да тутъ развѣ грамота? Грамотныхъ много, а не всякій напишетъ.

При этомъ уже высказывалось предположеніе о «выдумкѣ».

При чтеніи «Наль и Дамаянти» на чей-то вопросъ: «Правда ли это?»—другой задумчиво отвѣтилъ:

— Кто его знаетъ. Навѣрно этого сказать нельзя. Вѣрнѣе—никогда этого не было. А просто: сидитъ себѣ человѣкъ и думаетъ. Надумаетъ

немного—и напишеть, потомъ опять надумаетъ и опять напишеть, пока всего и не выдумаетъ. Вѣрнѣе, что такъ оно было.

По поводу разсказа «Дѣдъ Софронъ» въ аудиторіи Х. Д. Алчевской, рядомъ съ обычными предположеніями «видѣлъ, слышалъ, описалъ», раздавались и такія предположенія:

— Да кто-жъ слышалъ эту исторію, точно онъ тамъ былъ, кто прослѣдилъ?—спросилъ одинъ.

— А можетъ услышалъ отъ кого-нибудь?

— А можетъ быть, грамотный, да самъ отъ себя: сегодня сдѣлалъ—записалъ (запись?), завтра сдѣлалъ—записалъ, вотъ и вышла исторія. Доходятъ, досматриваются, описываютъ.

— А можетъ быть, изъ своей головы сочиняетъ?

— А можетъ пріѣхалъ въ село, въ одно семейство втерся да и пишетъ.

— Это все притчи, на поученіе намъ, вотъ что! (II, 78).

— Вотъ тотъ, кто пишетъ,—говорилъ одинъ изъ слушателей по поводу «Пономаря Савельича»,—онъ, можетъ быть, и самъ этому (заговорамъ) не вѣрить, а такъ, примѣръ такой описываетъ, да и только.

— Можетъ быть, онъ отъ кого-нибудь услышалъ, а можетъ быть, и такъ, изъ головы пишутъ (II, 76).

Нѣкоторые изъ слушателей, преимущественно рабочіе, иногда даже выдѣляли писателей въ особый разрядъ людей, въ какую-то корпорацію, при чемъ, большей частью, не особенно лестно характеризовали ихъ.

По прочтеніи разсказа Левитова «Безпріютный», одинъ шахтеръ воскликнулъ:

— И чортъ ихъ знаетъ, чего только не придумаютъ, чего не напишутъ!

— Извѣстное дѣло, сочинители,—отозвался другой.—Вѣдь они жъ какъ? Что ни увидятъ, то и опишутъ.

— И отъ себя приврутъ!—прибавилъ третій.

— Какъ книги пишутъ,—извѣстно,—замѣтилъ одинъ босякъ при чтеніи «Іуліанъ Милостивый».—Тутъ, можетъ быть, пять словъ какихъ правды будетъ, а все прочее сочинитель самъ придумаетъ.

По поводу «Кавказскаго плѣнника» Толстого:

— Имъ только бы слово какое схватить, а все остальное они ужъ сами приплетутъ. Что ни придетъ въ голову напишутъ!—замѣтилъ шахтеръ.

— Ну-да, приплетутъ,—поддержалъ его горячо кузнецъ.—Вѣдь они, какъ ихъ тамъ, тихотворцы ихніе, вѣдь имъ что? Имъ только р-разъ посмотрѣть на человѣка,—одинъ только разъ!—и готово-квить! Они уже

его знают. Кругомъ, какъ есть, знаютъ, насквозь. А потомъ, какъ захотятъ, опишутъ его хорошо, что лучше и не надо, любо дорого. А чуть что не по ихнему—сто-ой! Ужъ они, брать, спуску не дадутъ. Такъ опишутъ, такъ распишутъ тебя,—что, ей Богу, читать стыдно!.. Д-да! На это они мастера—страсть!

Х. Техника печати. Названіе и внѣшность.

I.

Рядомъ съ вопросомъ о мотивахъ и процессѣ творчества, слушателей моихъ иногда останавливали вопросы чисто техническаго характера. Не имѣя никакого представленія о книгопечатаніи, нѣкоторые слушатели никакъ не могли понять, какъ производится эта аккуратненькая и, въ тоже время, столь дешевая книжечка.

— А, скажите, какъ дѣлаются, примѣрно, эти самыя книжки?—спросилъ меня однажды крестьянинъ послѣ одного чтенія.

Я объяснилъ ему.

— То-то,—успокоился онъ.—Я такъ и думалъ; думалъ, если все это написать, да еще такъ аккуратно—трудно бы было. Тогда, не знаю, и за рубль досталъ ли бы такую книжку, а то—1½ копѣйки!

Въ другой разъ, послѣ какого-то чтенія въ деревнѣ, одинъ изъ слушателей, презрительно разсмѣявшись, воскликнулъ:

— И черты шехъ батьку вѣдаютъ, когда они все это пишуть; гдѣ у нихъ время столько берется!

— У нихъ дощечки такія есть, что сразу много книгъ печатаютъ,—пояснилъ ему другой.

Вообще, насколько пришлось замѣтить, слушатели мои, особенно деревенскіе, почти не отличали слова «писать» отъ слова «печатать» (нѣкоторымъ это послѣднее слово и вовсе не было извѣстно) и нерѣдко случалось, что иной слушатель, желая похвалить книжку, восклицалъ:

— Ловко напечатано!

Были случаи, когда слушатели, уже зная слово «типографія», представляли ее себѣ чѣмъ-то въ родѣ фонографа. Послѣ чтенія разсказа «Воръ», на чье-то восклицаніе: «А-ахъ! Вотъ ловко написано—чисто!» другой замѣтилъ:

— Значить, въ деревнѣ тамъ, гдѣ этотъ Алешка былъ, типографія

стояла—и какъ парни гуляли или разговоръ вели,—оно въ книжкѣ прямо и печаталось.

Въ другой разъ, когда я читалъ въ разсказѣ «Бабыя доля» описаніе крестьянской свадьбы, одна слушательница воскликнула съ испуганнымъ недоумѣніемъ:

— Да ты это, можетъ, на свадьбѣ у Петра былъ (наканунѣ этого въ деревнѣ была свадьба), и теперь вычитываешь изъ книжки, какъ тамъ все было, распорядки всѣ?!

— Да нѣтъ же!—заступилась за меня другая.—Я тамъ на свадьбѣ съ утра была—его не было, и не зашелъ!

— Да это просто баба какая ему (т. е. мнѣ) разсказала, онъ и написалъ,—сдѣлала предположеніе третья,—она разсказывала, а онъ писалъ, а теперь читаетъ...

II.

Слушатели и на моихъ чтеніяхъ, и, еще чаще, въ аудиторіи Алчевской, также останавливались на самомъ процессѣ чтенія и отмѣчали, какое значеніе имѣетъ для пониманія книжки хорошее выразительное чтеніе.

Въ деревенской аудиторіи Алчевской, послѣ чтенія «Власти тьмы», одна изъ слушательницъ отозвалась о пьесѣ:

— Ужъ можетъ ли быть понятнѣе!

— Да еще, какъ внятно читаютъ!—дополнилъ Кирилл.

— Все по точкамъ, все по точкамъ, да еще голосомъ заводятъ,—разъяснилъ Григорій.

— А я вотъ что вамъ скажу, люди добрые,—замѣтилъ Демьянъ.—можетъ быть, кто изъ насъ и не понялъ бы чего-нибудь, если-бъ не такое чтеніе. Еще и то нужно принять во вниманіе, какимъ голосомъ прочитано. Они такъ читаютъ, какъ сказку разсказываютъ, будто и не изъ книги (II, 127).

Это же отмѣчали слушатели и въ другой разъ, при чтеніи «Демона»:

— Охъ, да и читаютъ же—мертвый откликнется! Какая рѣчь—такой и голосъ: если грустная—грустнымъ, если веселая—веселымъ, если суровая—суровымъ!—говоритъ кто-то сосѣду, относя силу впечатлѣнія по адресу чтицы» (III, 200).

И въ самомъ дѣлѣ, народному слушателю, привыкшему къ трудному, медленному и невыразительному чтенію средняго деревенскаго грамотея, трудно, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, ассоціировать живое, плавное, выра-

зительное чтеніе съ идеей, что это «вычитывается изъ книжки». Такое чтеніе иногда производило на слушателей впечатлѣніе живой рѣчи. Такъ, въ той же аудиторіи, по поводу «Прѣхъ да бѣда на кого не живеть», Демьянъ, характеризуя чтеніе учительницъ, замѣтилъ:

— И какъ все это хорошо выходитъ въ ихъ чтеніи, словно на самомъ дѣлѣ (происходить); то тихонько, то сильнѣе, то жалобно, то на смѣхъ (II, 521).

Бывали и такого рода недоразумѣнія, что слушатели полагали, что учительница вычитываетъ изъ книги и интонацію. Такъ, при чтеніи «Дубровскаго», когда учительница, придавая своему голосу отбѣнокъ подобострастія и смиренія, прочла льстивую рѣчь засѣдателя Шабашкина, одна изъ женщинъ воскликнула:

— Вишь, какимъ голосомъ говоритъ, подлая! (II, 442).

Однажды на рудникѣ, мнѣ былъ поставленъ въ довольно характерной формѣ вопросъ относительно самаго процесса чтенія.

Кузнецъ, только что научившійся читать, сидѣлъ ночью въ кузницѣ и, при шахтерской лампочкѣ, усердно, съ большимъ трудомъ, читалъ вслухъ какую-то книжку, спотыкаясь на каждомъ словѣ. Послѣ получаса такого мучительнаго чтенія, онъ вдругъ вскочилъ, швырнулъ книжку со всего размаху въ уголъ и, обернувшись ко мнѣ, воскликнулъ съ отчаяніемъ и раздраженіемъ:

— Да растолкуй ты мнѣ, Христа ради, *ка-акъ* ты читаешь? Что дѣлаешь, что у тебя чтеніе легко такъ выходитъ, ровно вода льется? Читаешь—любо слушать, а у меня—что ни слово, то заминка: стоишь! пока не разберу. Что ты дѣлаешь? Или ты сразу всю строчку забчраешь, на всѣ слова сразу глядишь, или какъ? Я,—такъ каждое слово себѣ разбираю по букввамъ...

III.

Культурный читатель, приступая къ чтенію какой-нибудь книги, обыкновенно заранѣе знаетъ, что, приблизительно, дастъ или можетъ ему дать эта книга. Для предварительнаго опредѣленія характера и приблизительной оцѣнки достоинствъ какой-нибудь книги или статьи, въ распоряженіи культурнаго читателя имѣется довольно много средствъ и признаковъ: имя автора, названіе книги, оглавленіе, предисловіе, названіе издательской фирмы или журнала, гдѣ напечатана статья, отзѣвы печати, дата и т. п. Изъ всѣхъ этихъ признаковъ для народнаго читателя доступенъ только одинъ: названіе книжки (иногда еще рекомендація знакомыхъ). Только по

этому признаку, по одному или нѣсколькимъ словамъ въ заголовкѣ книжки, да еще по картинкѣ, если она имѣется, народному читателю предоставляется опредѣлить и характеръ незнакомой книжки, и ея достоинства. Естественно поэтому, что онъ особенно внимательно относится къ этому признаку.

Лубочные издатели, практически изучившіе психологію народнаго читателя, обыкновенно снабжаютъ свои изданія очень опредѣленными названіями. Прежде всего въ большинствѣ названій лубочныхъ книжекъ фигурируетъ или слово «житіе», или слово «сказка», которыя опредѣленно указываютъ, къ какому отдѣлу относится книжка: религіозному или «сказочному». И если слово «житіе» служитъ уже само по себѣ достаточной рекомендаціей книжки, то для «сказки», если она не носитъ популярнаго въ народной средѣ названія («Бова Королевичъ», «Францыль», «Милордъ»), обыкновенно придумывается названіе пострашнѣе или посмѣшнѣе, которое часто не имѣетъ ничего общаго съ содержаніемъ книжки. Съ этой же цѣлью помѣщается на обложкѣ и картинка пострашнѣе и поярче.

При выборѣ книги, названіе играетъ особенно важную роль не только для читателя крестьянина или рабочаго, но и для горожанина изъ просто-народа, хотя онъ прибѣгаетъ и къ другимъ признакамъ для опредѣленія достоинствъ книжки. «Мелкая буржуазія и мелкіе мѣщане...—шпигеть Н. А. Рубакинъ,—ищутъ заглавіе пострашнѣе и позамысловатѣе, спрашиваютъ одну книгу за другою, перелистываютъ ее, смотрятъ начало и конецъ,—трагическая ли тамъ развязка, смотрятъ, легокъ ли языкъ книги, много ли «черточекъ» (книги въ разговорной формѣ предпочитаются). Если на какой либо страницѣ попадаетъ описаніе какого либо «раздражительнаго» событія—выстрѣлъ, кровь и т. п., если черточекъ много, читатель беретъ книгу для прочтенія» *).

Если народный читатель не имѣетъ передъ собою опредѣленнаго названія,—ему рѣшительно нечѣмъ руководствоваться при выборѣ книжки. Представьте себѣ, что этотъ читатель встрѣчаетъ у офени незнакомыя книжки: «Два старика» Л. Толстого, «Дѣдъ Софронъ» Савихина или «Сигналь» Гаршина. Какъ ему опредѣлить хоть приблизительно характеръ и достоинства этихъ книжекъ? Имена Толстого, Савихина и Гаршина ему такъ же ничего не говорятъ, какъ и неопредѣленные названія книжекъ. Ничего не говоритъ ему и картинка на обложкѣ. И онъ долго поворачиваетъ въ рукѣ незнакомую ему книжку; разсматриваетъ ее, стараясь уловить въ ея внѣшности какую-нибудь «примѣту», и, не будучи въ состояніи

*) „Этюды“. стр. 149.

опредѣлить «божественная» юна или «сказочная», интересная или скучная, правдоучительная или безнравственная,—онѣ, не рѣшаясь рискнуть пятаконъ, кладеть ее назадъ и спрашиваетъ книжку «про Филарета» или «про Францыля». Эти книжки онѣ, можетъ быть, уже и читалъ, онѣ, можетъ быть, епо и не удовлетворяють, но относительно ихъ онѣ, по крайней мѣрѣ, хоть что нибудь знаетъ.

Въ моемъ личномъ опытѣ, мнѣ привелось отмѣтить слѣдующую особенность въ отношеніи слушателей къ названіямъ книжекъ. Слушатели почти никогда не помнили названій книжекъ, которыя я имъ читалъ. Но для книжекъ, которыя произвели на нихъ впечатлѣніе, они придумывали свои названія, которыя соотвѣтствовали или имени главнаго героя, или основной сути разсказа, или, наконецъ, какой-нибудь частности, особенно поразившей слушателей. Такимъ образомъ, большинство прочитанныхъ мною книжекъ были извѣстны—и нѣкоторыя получили популярность среди моихъ слушателей—подъ совершенно другими названіями. Такъ, напримѣръ, были переименованы:

«Власть тьмы»	въ «Книжку про Матрену».
«Чѣмъ люди живы»	— «Про сапожника Семена».
«Кривая доля»	— «Про пьяницу Мокея».
«Воръ»	— «Про Алешку» или «Про овчинку».
«Четыре дня»	— «Про бѣднаго солдатака».
«Хрислосъ въ гостяхъ у мужика»	— «Про Христа и мужика».
«Упустишь огонь — не потушишь»	— «Какъ бабы ссорились».
«Дѣдъ Софронъ»	— «Какъ землю дѣлили».
«Сколько человѣку земли надо?»	— «Про землицу».
«Наль и Дамаянти»	— «Золотыя гуси» (по названію первой главы) и т. д.

По свидѣтельству Х. Д. Алчевской отдѣльно изданный разсказъ Гл. Успенскаго «Про счастливыхъ людей» среди молоканъ ходитъ подъ разными названіями: «Про счастье», «Про счастливыхъ людей и несчастныхъ», «Ахметка», «Ахметкино счастье», «Какъ солдатъ про счастье разсказывалъ». (III. 132).

IV.

Не находя названія книжки достаточнымъ для опредѣленія ея характера и достоинствъ, народный читатель обращаетъ большое вниманіе на ея внѣшность: обложку, форматъ, объемъ, картинку.

Раньше чѣмъ приступить къ чтенію, я обыкновенно клалъ на столъ всѣ имѣвшіяся при мнѣ книжки, предоставляя слушателямъ выбирать какую-нибудь изъ нихъ для чтенія. Въ этомъ выборѣ принимали участіе и неграмотные и, что меня поразило, они почти всегда отличали по внѣшности среди лубочныхъ книжекъ (безъ картинокъ) религіозную книжку отъ сказки. Внимательно, напряженно разсматриваетъ какой-нибудь неграмотный слушатель нѣсколько книжекъ и, наконецъ, рѣшительно беретъ одну и протягиваетъ мнѣ:

— На! вотъ эту читай: это хорошая, божественная!

— Да откуда-жъ ты знаешь, что божественная?—спросишь его.

— Да ужъ знаю,—отвѣчаетъ онъ, улыбаясь.—По виду замѣтно, какая божественная.

Большое значеніе играетъ для народнаго читателя въ выборѣ книжки ея объемъ. И если малограмотнаго читателя или слушателя отпугиваютъ толстыя книги, то читатели болѣе или менѣе грамотные, въ особенности рабочіе, считаютъ толстыя книжки («которые образованные читаютъ») болѣе серьезными, интересными. Это отмѣчаютъ Х. Д. Алчевская, Н. А. Рубакинъ и др., имѣвшіе дѣло съ городскимъ или фабричнымъ читателемъ.

Помимо этихъ признаковъ, для народнаго читателя играетъ большую роль просто красивая внѣшность книжки. Въ умѣ простого человѣка красивая, «аккуратная» внѣшность книжки безсознательно ассоціируется съ «красивымъ», интереснымъ содержаніемъ.

Однажды, на рудникѣ, взялъ я книжку «Юліанъ Милостивый», изданіе Маракуева. Но не успѣлъ еще прочесть и названія, какъ шахтеръ одинъ крикнулъ мнѣ рѣшительно:

— Брось ты эту: не интересная! Другую вонъ бери!

— Да откуда знаешь, что она неинтересная?—удивился я.

х Да она... какая то длинная... ¹⁾.

За то очень нравилась слушателямъ, и деревенскимъ и рудничнымъ, внѣшность изданій «Русской Мысли». Выбирая однажды книжку для чте-

¹⁾ Т.-е. продолговатая по формату.

нія, одинъ шахтеръ, радостно остановился на «Убивцѣ» В. Короленко (изд. «Русск. Богатства») и, подавая мнѣ книжку, воскликнулъ:

— Вотъ должно книжечка хорошая! Аякуратенькая—первый сортъ!

Эту же особенность въ отношеніи читателя къ внѣшности книжки, отмѣчаютъ и нѣкоторыя учительницы; завѣдующія городскими библиотеками.

«Школьной библиотекой очень охотно пользуются, всѣ грамотныя ученицы,—читаемъ въ отчетѣ женской воскресной школы г. Новочеркасска за 1895—1896 г.—при этомъ всѣ просятъ дать книгу «толще», опредѣляя достоинство книги по ея толщинѣ и еще по какимъ-то неувловимымъ для учительницъ признакамъ. Бываетъ часто такъ, что учительница добросовѣстно выберетъ книгу по возрасту и развитію ученицы, но ученица, осмотрѣвъ книгу, дѣлается грустна и разочарованно поглядываетъ на книгу. «Вы, можетъ быть, читали эту книгу?»—спрашиваетъ учительница.—«Нѣтъ не читала; только дайте мнѣ вотъ эту, толстую». Иная же ученица замѣтитъ, что заглавіе книги ей не нравится, или, что въ книгѣ нѣтъ картинокъ, или: «я брала въ прошлый разъ книжку, по х о ж у ю н а э т у, такъ какъ она мнѣ не понравилась»¹⁾).

Въ отчетѣ Суджанской воскресной школы говорится:

«При выдачѣ книгъ... происходили недоразумѣнія между библиотеканомъ и читателемъ: первый старался дать, особенно для перваго раза, книжку ремъ и читателемъ: первый старался дать, особенно для перваго раза, книжку удобопонятную и небольшую, такъ какъ это облегчаетъ тщательное ознакомленіе съ новымъ лицомъ и правильную выдачу въ будущемъ; второй нарываетъ взять к р а с и в у ю н а в и д ѣ и толстую по объему книгу²⁾).

Х. «Пониманіе читаемаго» въ представленіи народнаго читателя.

І.

Вопросъ о томъ, понята или непонята прочитанная книжка, вопросъ въ высшей степени простой и ясный для интеллигентнаго читателя, является далеко не такимъ простымъ въ примѣненіи къ читателю изъ народа.

Прежде всего, не слѣдуетъ забывать, что многіе народные читатели обучались грамотѣ по «старинному методу», «по псалтырю и часослову», и

¹⁾ „Хроника воскресныхъ школъ“, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

большей частью, въ теченіе всего своего обученія не знало иного чтенія, кромѣ механическаго. Съ такимъ же механическимъ чтеніемъ встрѣчается народный грамотей и въ церкви, и при различныхъ религіозныхъ обрядахъ и при чтеніи славянскихъ и, вообще, малопонятныхъ, но душеспасительныхъ книгъ. Такимъ образомъ, механическій процессъ чтенія получаетъ для большинства народныхъ грамотеевъ самодовлѣющее значеніе, и значеніе немаловажное, въ отношеніи, главнымъ образомъ, религіозномъ, и, отчасти, эстетическомъ¹⁾.

Если народному читателю извѣстны два типа чтеній: сознательнаго и механическаго,—то онъ соотвѣтственно этому и книги дѣлитъ на «понятныя» и «непонятныя», при чемъ подъ послѣднимъ терминомъ, большей частью, подразумѣваетъ нѣчто, недоступное пониманію ни одного русскаго человѣка, а то и совершенно лишнее всякаго смысла.

Малоразвитой народный читатель, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что его непониманіе читаемаго происходитъ отъ недостаточнаго развитія, большей частью, склоненъ допускать, что непонятая имъ книжка, или отдѣльное мѣсто, вовсе лишены смысла. Въмѣсто того, чтобы сказать: «Я не понялъ такой-то книжки или такого-то мѣста», онъ обыкновенно обобщаетъ свое непониманіе выраженіемъ: „Книжка непонятная“.

Что народный читатель часто представляетъ себѣ непонятую имъ книжку именно такимъ образомъ, можно видѣть и изъ нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ въ книгахъ г. Рубакина и Алчевской.

«Про дурныя и малопонятныя книжки,—пишетъ Н. Рубакинъ,—читатели деревенскіе выражаются очень характерно: напр., «такая-то книжка изъ разныхъ словъ составлена²⁾».

Одна изъ болѣе или менѣе развитыхъ ученицъ городской школы Х. Д. Алчевской, рассказывая, что она нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ не поняла «Евгенія Онѣгина», пишетъ слѣдующее:

Когда я училась въ школѣ, я нечаянно прочла нѣсколько страницъ «Евгенія Онѣгина», и мнѣ онъ показался французской книгой, до того она мнѣ была непонятна. И когда мнѣ сказали, что эта книга написана на русскомъ языкѣ и что ее написалъ русскій поэтъ Пушкинъ, я не хотѣла вѣрить и твердила, что нѣтъ въ цѣломъ мірѣ русскаго человѣка, который бы

¹⁾ Одна изъ слушательницъ въ аудиторіи Х. Д. Алчевской отозвалась о какой-то книжкѣ слѣдующимъ образомъ: „Она хоть и хорошо написана и читать въ ней хорошо, такъ въ томъ дѣло, что непонятливо“ (s, 228).

²⁾ „Этюды“, стр. 149.

поняла все, что тамъ написано. Правда, я слыхала, что есть много различныхъ нарѣчій, въ томъ числѣ и русскій образованный разговоръ ¹⁾, но онъ для меня казался такимъ недостижимымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ умнымъ! И вотъ только теперь, когда я вновь читаю эту книгу, я сознаю свое невѣжество (II, 471).

Еще болѣе характерный фактъ рассказываетъ г-жа Алчевская по поводу чтенія «Горе отъ ума». Одна изъ ученицъ, не понявшая ни слова изъ монологовъ Чацкаго, напряженно вслушиваясь въ мудренную рѣчь, замѣтила тихо, вздохнувъ:

— Бѣдный! Онъ и самъ не знаетъ, что говорить! (II, 244).

II.

Рядомъ съ полусознательнымъ представленіемъ о «непонятной» книгѣ, какъ о шкатулкѣ недоступной и даже не предназначенной для пониманія, въ народной средѣ существуетъ еще опредѣленное представленіе о книгахъ трудныхъ къ пониманію, «мудреныхъ», которыя выдѣляются народомъ въ особую категорію.

Народный грамотѣй, сколько-нибудь знакомый съ религіозной литературой, хорошо знаетъ, что книги этого рода заключаютъ въ себѣ много таинственнаго, сокрытаго отъ профановъ ²⁾ и не могутъ быть такими ясными и «простыми», какъ сказка. Знаетъ онъ еще, что надъ обычными, трудными для пониманія, божественными книжками, существуетъ еще ка-

1) Относительно „образованнаго разговора“ одна крестьянка, ученица женской воскресной школы Х. Д. Алчевской, выразилась слѣдующимъ образомъ: „Когда я прислуживаю своимъ господамъ, я часто слышу такіе разговоры, въ которыхъ мнѣ не все ясно, слова, которыхъ я не понимаю, потому, что они складываютъ ихъ не по нашему“ („Хроника воскресныхъ школ“, стр. 203).

2) Предположенія о нарочномъ сокрытіи смысла книги высказываются иногда и относительно свѣтскихъ книгъ. Въ дневникъ г-жи Слетово-вой-Черновой я нашелъ слѣдующее характерное разсужденіе. Послѣ чтенія какого-то разсказа Григоровича, одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

— Странно пишетъ г. Григоровичъ. Начнетъ—какъ-будто ничего, а кончаетъ ничѣмъ...

— Это оттого, что словъ иностранныхъ у него много, — отозвался другой.

— Я думаю, — отозвался еще одинъ, — что очинно интересныя вещи тамъ пишутъ, такъ это дѣлается (т.е. употребленіе иностранныхъ словъ), чтобы не всѣ понимали...

тегорія религиозныхъ книгъ, особенно глубокихъ, серьезныхъ и таинственныхъ, какъ Апокалипсисъ, пониманіе которыхъ, и то не полное, доступно только избраннымъ изъ избранныхъ.

Представленіе о томъ, что, чѣмъ книга святѣе и серьезнѣе, тѣмъ она труднѣе для пониманія, привелю народнаго грамотѣя къ обратному силлогизму: чѣмъ книга непонятнѣе и труднѣе, тѣмъ она серьезнѣе и глубже¹⁾. Отсюда—глубокое уваженіе къ книгамъ, непонятнымъ не только вслѣдствіе сложности содержанія, но и вслѣдствіе трудности языка. Отсюда—такіе читатели, какъ Валентинъ, герой разсказа Гончарова «Слуги». Валентинъ этотъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

— Если все понимать, такъ и читать не нужно, что тутъ занятнаго!

Когда Гончаровъ читалъ ему стихотвореніе «Хоть весною и тепленько»... онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ слушалъ чтеніе.

— Это каждый мальчикъ пойметъ или деревенская баба!—сказалъ онъ, глядя въ сторону:—прочиталъ разъ, понялъ, да и бросить: что же тутъ занятнаго? То ли дѣло вотъ это:

Земли жилецъ бездыханный—страданье

Ему судьбы на часть насъ обрекло...

— Вотъ пойми-ка это? Не угодно ли растолковать?—вызывающимъ тономъ добавилъ онъ.

Когда авторъ принялся растолковывать содержаніе темнаго стиха, «Валентинъ положилъ книгу и снялъ очки».

— Вы, можетъ быть, и Апокалипсисъ понимаете?—ѣдко спросилъ онъ²⁾

III.

Останавливаясь на этой особенности простаго человѣка, на его способности читать безъ пониманія читаемаго и даже находить въ этомъ извѣстный интересъ и удовольствіе, Гончаровъ, какъ и раньше его Гоголь³⁾, уви-

¹⁾ Характерно, что все трудное и малопонятное въ области интеллектуальной народъ называетъ „мудренымъ“.

²⁾ Сочиненія, т. IX.

³⁾ Гоголь характеризуетъ Петрушку, что онъ „имѣлъ даже благородное побужденіе къ провѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся; ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ,—онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, что вотъ де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чертъ знаетъ что и значить“ („Мертвыя души“).

дѣли въ этомъ одну только комическую сторону, не больше. Гораздо вдумчивѣе и глубже отнесся къ этой особенноти въ психологiи простаго читателя великій печальникъ народный Гл. Ив. Успенскій. Въ замѣчательномъ по своей глубинѣ и художественности разсказѣ «Голодная смерть» описывается, какъ Федюшка, сынъ бѣдной крестьянки, читалъ книги, которыя «либеральные господа» давали ему безъ разбору.

«Развиваясь на этихъ книгахъ, Федюшка ровно такъ ничего не понималъ. Онъ «разбиралъ слова», какъ Петрушка, разбиралъ ихъ цѣлыми десятками, сотнями страницъ, не находя между ними ни смысла, ни связи, а развивался, и именно въ томъ самомъ направленiи, какимъ книги были проникнуты. Тайна такого непостижимаго умѣнья развиваться книгой, ничего въ ней не понимая, заключается въ томъ, что развитiе тутъ идетъ не помощью ума или пониманiя, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подаетъ вѣсть сердцу непонимающаго «слова» чтеца. Кто и когда изъ самыхъ завзятыхъ знатоковъ писанiя понималъ не только доподлинно, а такъ, хоть изъ пятого въ десятое, что такое читается въ церкви, какая начетчица понимаетъ, что такое написано въ Псалтыри, которую она зудить по годамъ? Что такое написано въ Апостолѣ? Никто, никогда, ни одинъ самый завзятый начетчикъ и грамотѣй крестьянскаго званiя не могъ и не можетъ разсказать (развѣ что вызубривши дѣло догла), о чемъ такомъ ему читаютъ, но всякій знаетъ, въ чемъ дѣло, потому что сердцемъ понимаетъ сердце автора, будь то царь Давидъ, Апостолъ, самъ Христосъ... Скрытое въ глубинѣ и массѣ словъ чувство, руководившее авторомъ книги, только оно и улавливается слушателями или чтецомъ, и, уловя его, чтецъ или слушатель, продолжаютъ только чувствовать въ данномъ сердцу направленiи, думая о себѣ. Попробуйте спросить вотъ этого стараго старика, всхлипывающаго на печкѣ отъ чтенiя Псалтыри, такого чтенiя, въ которомъ никто ничего разобрать не можетъ, потому что тутъ нѣтъ ни остановокъ, ни связи, тутъ раздѣляется пополамъ одно слово и произносится такъ, что одинъ конецъ прилипаешь къ предшествовавшему слову, а другой къ послѣдующему,—спросите этого плачущаго старика, что такое растрогало его въ этихъ, какъ разваленный плетень палыканныхъ его внукомъ словахъ? То, что онъ вамъ отвѣтитъ, будетъ непременно гадится въ горбуновскій разсказъ: непременно выйдетъ что-нибудь вродѣ: «наслѣжу, говоритъ, слѣдовъ (плачетъ), а ты... гов... (плачетъ) говоритъ, по нимъ и ходи (рыдаетъ)». Словомъ, выйдетъ непременно какой-нибудь смѣшной вздоръ, сразу обнаруживающій, что рыдающій старикъ глупъ, какъ пробка... А между тѣмъ, онъ рыдаетъ тѣми же слезами, какими рыдалъ и царь...

Сердце его такъ же мучается своими прегрѣшеніями, какъ мучилось такъ же своими прегрѣшеніями и сердце пророка... Оба одинаково страдаютъ, каждый о своемъ... Старику передалось только направленіе книги; онъ только почувалъ, что мучился человѣкъ, который писалъ, и простое сердце отвѣчало слезами...

«Такимъ порядкомъ читаютъ въ трактирахъ и газеты, не понимая ни этой «фанатизмы», не зная, что Царь-Градъ, Стамбулъ и Константинополь —одно и то же, не понимая, что такое пишется въ романѣ, переведенномъ съ французскаго, что такое поется въ театрѣ Буффъ и въ «Ливадіи», словомъ, не понимая почти никакихъ словъ газетъ, еле-грамотный чтець отлично-хорошо чувствуетъ шаромыжнически-практическое и плутовски-улыбающееся сердце газеты и отвѣчаетъ ему смѣлостью, съ которою шаромыжничество возрастаетъ въ народѣ въ значительной степени. Точно такъ вліяли непонятныя книги и на Федюшку. Разсказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ, выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чувалъ, понималъ, а сердце въ то время было у книги чистое, доброе» 1).

V.

Вопросъ о томъ, понята или непонята прочитанная книга опредѣляется для интеллигентнаго читателя самъ собою, во время самаго чтенія. Онъ обыкновенно приступаетъ къ чтенію съ опредѣленнымъ запросомъ—и если основная идея ему неясна или отдѣльныя мѣста ему непонятны—онъ сознаетъ, что не понялъ всей книги или отдѣльныхъ мѣстъ.

Народный читатель, мало знакомый съ основной задачей литературы, привыкшій къ механическому чтенію, очень часто читаетъ *пассивно* и во время самаго чтенія не особенно строго слѣдитъ за своимъ пониманіемъ 2). И если, послѣ чтенія, вниманіе его останавливается на вопросѣ: «понялъ ли онъ прочитанное»?—ему, для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо «провѣрить» свое пониманіе. Для этого въ его распоряженіи имѣется одно лишь средство: припоминаніе. И онъ начинаетъ припоминать съ самаго начала все, что онъ прочелъ или выслушалъ. Результатомъ та-

1) Сочиненія, т. I, стр. 658—659.

2) Одинъ русскій, пріѣхавшій въ Парижъ безъ знанія французскаго языка, признался мнѣ, что отъ долгой привычки слушать непонятную и полупонятную рѣчь онъ и теперь, ужъ болѣе или менѣе научившись языку, при чтеніи французской газеты часто *не замѣчаетъ*, что та или другая фраза осталась для него неясной.

вой провѣрки часто бываетъ смѣшеніе или отождествленіе процессовъ «пониманія» и «запоминанія», а также и то, что общая идея книжки заслоняется частными, иногда незначительными, деталями. Если прочитанное или прослушанное не припоминается во всѣхъ деталяхъ, слушатель иногда считаетъ, что книжка имъ не понята. Хорошо понятой считается такая книжка, которая сразу вся припоминается, которая, по характерному выраженію одного изъ корреспондентовъ Н. А. Рубакина, «вся въ памяти стоитъ».

Въ моемъ опытѣ чтеній мнѣ очень часто случалось отмѣчать, что слушатели отождествляютъ слова «понимать» и «запоминать», въ чемъ, впрочемъ, нѣкоторую роль играло и созвучіе этихъ словъ.

Отмѣчаетъ это мимоходомъ и Х. Д. Алчевская, но по отношенію къ дѣтскому читателю. По поводу чтенія Тараса Бульбы, она пишетъ: «Ни исключительности натуры Остапа, ни его самоотверженія и мужества, ни его любви къ родинѣ,—ничего этого не могла понять (или «запомнить», какъ выражается она) маленькая Таня». (I, 525).

Послѣ прочтенія въ деревнѣ разсказа «Два Старика» Толстого, на мой вопросъ, понята ли книжка, одинъ изъ слушателей отвѣтилъ:

— Ку-уды тамъ понять! Ее, если-бъ намъ разъ десять прочитали—и то не знаю, запомнили бы ее.

Въ другой разъ, при чтеніи «Христовой ночи» Щедрина, въ общемъ исполнѣ понятой, на этотъ же вопросъ одинъ крестьянинъ отвѣтилъ:

— Ее бы всю вытвердить—и запомнили-бъ. А то отъ одного чтенія—гдѣ тамъ...

Особенно характерный въ этомъ отношеніи отзывъ получился при чтеніи книжки, не имѣвшей никакой общей идеи. Однажды, не имѣя подъ рукою другихъ книжекъ, я началъ читать на рудникѣ книжку «Пословицы на каждый день», составленную Л. Н. Толстымъ. Прочелъ я съ десятокъ пословицъ и замѣтилъ на лицахъ слушателей выраженіе недоумѣнія. Я остановился.

— Что за чудную книжку читаешь?—спросилъ одинъ шахтеръ.—Слушаю, слушаю и ничего не понимаю.

— И я тоже,—замѣтилъ другой.

Я началъ объяснять смыслъ пословицъ, но первый слушатель перебилъ меня.

— Такъ, въ чтеніи-то, мы ихъ понимаемъ. Чего не понимать. А вотъ, какъ прочитаешь—и забудешь. А, примѣрно, книжки, что читаешь—тѣ помню; всѣ до одной помню, хоть сейчасъ разсказать.

Въ книгахъ «Что читать народу?» мы находимъ нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе, что народному читателю иногда достаточно встрѣтить трудно произносимыя и трудно запоминаемыя или непривычныя для русскаго уха имена, чтобы счесть изъ-за этого, что вся книжка не была понята.

Послѣ чтенія «Макбета» (въ аудиторіи городской школы), когда всѣ стали расходиться, молодая дѣвушка, не окончившая еще азбуки, подошла къ своей, тоже молодой и неопытной учительницѣ и печально сказала:

— А я ничего не поняла.

Та сообщила объ этомъ учительницѣ-библіотекаршѣ, читавшей «Макбета», и она подозвала къ себѣ при выдачѣ книгъ опечаленную дѣвушку.

— Расскажите мнѣ хоть немножко изъ того, что мы читали сегодня, — сказала она ей ласково.

Дѣвушка прекрасно передала содержаніе трагедіи. Одно только казалось нѣсколько страннымъ, это то, что она обходилась безъ именъ; такъ, напр., Макбета называла «онъ», леди Макбетъ—«его жена» и т. д.

Выслушавъ ея рассказъ, учительница сказала:

— Какъ же это вы говорили, что ничего не поняли? Вы прекрасно рассказали.

— Имени ни одного не помню, — отвѣтила сконфузленно молодая дѣвушка и зарумянилась до слезъ. (II, 262).

Другая ученица Х. Д. Алчевской, сочла трудно произносимыя и трудно запоминаемыя имена, непонятными По поводу книжки «Четырнадцать дней халифа Абдуррахмана» она написала:

Не поняла я этихъ разныхъ именъ, и хотя они русскими словами (буквами?) написаны, но всетаки я такихъ именъ никогда не слыхала и они для меня удивительны и непонятны. (I, 170).

ХII. „Непонятныя слова“.

I.

Вопросъ о формѣ и языкѣ народной книги, — представляетъ собою совершенно самостоятельный вопросъ народной литературы. Какія литературныя формы наиболѣе доступны и наиболѣе свойственны народному читателю? Какой слогъ можетъ считаться народнымъ? Почему читателю дужды, неясны или непонятны тѣ или другія выраженія, тѣ или другіе обороты рѣчи, та или другая конструкція фразы? И т. д. Всѣ эти вопросы, относящіеся къ области этнографіи, психологіи и лингвистики, имѣютъ и боль-

шое практическое значеніе въ дѣлѣ созиданія народной литературы и должны составить предметъ серьезнаго и детальнаго научнаго изслѣдованія.

Изъ моего личнаго опыта, я, къ сожалѣнію, почерпнулъ очень мало данныхъ, хотя бы для частичнаго освѣщенія этого вопроса,—и поэтому совершенно не буду его касаться. Остановлюсь только на вопросѣ о «непонятныхъ для народа словахъ», для выясненія котораго мнѣ дали нѣкоторые матеріалъ какъ мои народныя чтенія, такъ и чтенія Х. Д. Алчевской и другихъ.

Обыкновенно, когда идетъ рѣчь о «непонятныхъ для народнаго читателя словахъ», имѣется въ виду только одинъ разрядъ словъ, главнымъ образомъ, иностранныхъ,—и одна форма непониманія ихъ: полное незнаніе ихъ значенія. Опытъ народныхъ чтеній, однако, свидѣтельствуетъ, что существуетъ нѣсколько категорій и нѣсколько прадацій «непонятныхъ словъ» и что между ними первое мѣсто занимаютъ не тѣ слова, которыя остаются для читателя мертвымъ звукомъ, а тѣ, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, понимаются народнымъ читателемъ неправильно, ошибочно.

Въ предыдущей главѣ, говоря о механическомъ чтеніи, мы отмѣтили, что для большинства народныхъ прамотѣевъ *процессъ чтенія* имѣетъ самостоятельное значеніе. Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ того, что народные грамотѣи, преимущественно начетчики, а тѣмъ болѣе сектанты, приписываютъ звуковымъ особенностямъ слова, процессу произношенія его, — часто даже независимо отъ понятія, которое это слово обнимаетъ,—религіозное, магическое или символическое значеніе. Всѣмъ извѣстно, конечно, какое значеніе имѣетъ въ народномъ культурномъ обиходѣ «слово», «хорошее» и «дурное», заклинанія, заговоры, наговоры и т. д. Причины, почему то или другое «слово», будучи произнесеннымъ, оказываетъ то или другое вліяніе, большей частью, кроются въ созвучи этого слова съ другимъ, реально выражающимъ то понятіе, которое символизируется первымъ.

Въ одной статьѣ, посвященной характеристикѣ секты «Не нашихъ»¹⁾, мы находимъ слѣдующее описаніе отношенія сектантовъ къ словамъ:

«Они (т. е. «не нашицы»), тщательно избѣгаютъ употребленіе многихъ обыкновенныхъ словъ, замѣнивъ ихъ различными синонимами. Шишкинъ (приверженецъ этой секты), не скажетъ «спать», а «отдыхать». Онъ не «пьетъ» и не «ѣстъ», а «кушаетъ», онъ употребляетъ не «чай», а «ки-

1) „Вѣстникъ Нар. В.“ № 3.

тайскую гравку». Отецъ у него «корень»; дѣти—«отрасли», жена—«подруга» и т. п. Себя онъ ни за что не хочетъ назвать «человѣкомъ», выводя изъ Писанія, что человѣкъ есть л-о жь. Эти странности языка дѣйствительно могутъ заставить признать ихъ, «не нашихъ», съ перваго взгляда за какихъ-то полупомѣшанныхъ и только послѣдующее наблюденіе убѣждаетъ, что тутъ имѣешь дѣло съ людьми далеко недюжиннаго ума... Не забудемъ, что эти люди выработались изъ сектантовъ, помѣшанныхъ на схоластическомъ анализѣ Писанія, на анализѣ словъ. Они придаютъ огромное значеніе слову. «Гдѣ слово, тамъ и дѣло», говорятъ они. Всѣ ихъ убѣжденія добыты, главнымъ образомъ, изъ логическаго и филологическаго анализа духовной литературы, да изъ обдумыванья самыхъ элементарныхъ фактовъ изъ области естественныхъ и социальныхъ наукъ. Отсюда—та важность, которую они придаютъ чисто словеснымъ различіямъ. Отсюда же—убѣжденіе, будто словесныя аналогіи всегда указываютъ на реальные аналогіи. Льюисъ говоритъ гдѣ то, что нѣкоторые заблужденія Аристотеля зависѣли отъ того, что, будучи грекомъ, знавшимъ и изучавшимъ только свой языкъ, никогда не сравнивая его съ другими, онъ воображалъ иной разъ, что аналогія между двумя словами указывала и на аналогію между реальностями, обозначавшимися этими двумя словами. Нѣчто подобное видно и у не-нашихъ. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, такое разсужденіе: «Я ча я не употребляю. Ча й-то вашъ. Вы ча ете воскресенія мертвыхъ; вы ча ете себѣ великихъ и богатыхъ милостей. А я ни отъ кого ничего себѣ не чаю и ча я вашего не признаю». Или: «я не ѣмъ и не пью; это вы ѣдите другъ друга и пьете кровь изъ ближняго; вы пьете водку: кто пьетъ, тотъ пьянъ живетъ, а я кушаю». Или: «кто спитъ, тотъ проспять, а я отдыхаю». И дальше этотъ же Шипкинъ... когда ему велятъ читать его статейный списокъ, отвѣчаетъ:—«Я вашего начертанія не разумѣю и тѣхъ чертей, которые его начертили не признаю».

II.

Встрѣчая въ книгѣ какое-нибудь незнакомое слово, народный читатель, прежде всего старается угадать его значеніе по звуковой аналогіи и, не имѣя, большей частью, представленія о самыхъ элементарныхъ правилахъ этимологіи, нерѣдко впадаетъ въ ошибки, придаетъ словамъ смыслъ, ничего общаго не имѣющей съ ихъ истиннымъ значеніемъ.

Примѣромъ такого толкованія словъ можетъ служить объясненіе слову «чиновникъ», которое было дано въ аудиторіи г-жи Алчевской.

— «Это тотъ, кто чинитъ старое платье». (II, 349).

Съ другой стороны, человѣкъ изъ народа склоненъ измѣнять незнакомыя ему въ звуковомъ отношеніи, но извѣстныя по смыслу иностранныя слова такимъ образомъ, чтобы они по-русски соотвѣтствовали выражаемымъ ими понятіямъ. Такимъ образомъ слово «революція» переименовано въ «кровалоцію», «нигилисты» въ «надѣлисты» и т. п.

Особенно часто происходятъ ошибки въ пониманіи самыхъ элементарныхъ словъ имѣющихъ вообще, или только въ народной рѣчи, еще и другое значеніе.

Когда я прочелъ въ книжкѣ «Махмуджины дѣти» подъ-заглавіе «Рассказъ изъ послѣдней войны», шахтеръ одинъ поторопился объяснить это:

— Тутъ, значить будетъ описаніе войны, которая передъ свѣтопреставленіемъ будетъ...

При чтеніи «Полтавы» Пушкина слушатели малоросы поняли имя Мазепы, какъ наименованія черта и рассуждали:

— Эта сказка въ родѣ описанія, какъ было, когда въ нашихъ мѣстахъ народъ темный былъ, идоламъ поклонялся, Мазепѣ; значить, когда еще въ Бога не вѣрилъ.

Когда я прочелъ въ книжкѣ «Юліана Милостивый» первую фразу: «Отецъ и мать Юліана жили въ зѣмкѣ», одинъ изъ слушателей, разсмѣявшись, воскликнулъ:

— «Жили!» Хорошо житье!.. Въ «зѣмкѣ», братъ, не житье, а мука!..

— Чего!—отозвался, смѣясь, другой.—Квартира хорошая, казенная—первый сортъ!..

Не мало было недоразумѣній этого рода и при чтеніяхъ г-жи Алчевской, какъ взрослымъ слушателямъ, такъ и дѣтямъ. При этихъ чтеніяхъ были поняты слова и выраженія: «заговоръ»; «заговорщики»—въ смыслѣ «бодовства» (I, II, стр. 351), «закаленъ въ бою» — какъ «заколотъ въ бою»; «разбойники перевелись на Руси»—о б р а т и л и с ь въ русскихъ (II, 164). Стихъ Некрасова: «что выводитъ изъ народа» получилъ объясненіе: «Это значить, что у насъ много народу выводится, родится» (II, 105); «Духовной жаждою томимъ»—«захотѣлъ быть священникомъ» (I, 666). Были поняты слова: «сильная воля», какъ «большая свобода» (I, 620), «богатырь»—«богачъ» (I, 462); «былина»—растеніе (I, 462), «пустыня»—пустынь, св. мѣсто, монастырь, пустынно-жительство (II, 798) и т. д. и т. д.

III.

Ошибочное толкованіе словъ происходитъ иногда оттого, что совершенно незнакомое слово смѣшивается, при нѣкоторомъ созвучіи, съ другимъ, хотя и знакомымъ по значенію, но недостаточно привычнымъ для уха. Такъ, напр., въ аудиторіяхъ г-жи Алчевской были случаи смѣшенія словъ «почтмейстеръ» и «полицеймейстеръ» (I, 547), «карнаваль» и «корропованіе» (II, 377), «гуманный» и «церемонный», «лунастикъ» и «фанатикъ» («фанатикъ—это тотъ, кто по крышамъ ходитъ») (I, 162), «суевѣрный» и «самоувѣренный» («суевѣрный—кто самъ себя вѣритъ») (II, 188).

Недоразумѣнія происходили иногда оттого, что слушатели смѣшивали частное съ общимъ, причину со слѣдствіемъ и т. п. Слово «геній»—было объяснено: «кто на театрахъ представляетъ» (II, 473), «тордый—богатый» (II, 398), «религіозный»—умный, скромный» (II, 722), «просвѣщеніе»—«когда какому нибудь мастерству учатъ» (II, 230). На вопросъ: «Что такое баронъ?» ученикъ одинъ отвѣтилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:—Сочинитель!—Почему ты такъ думаешь?—спросила его чтица.—А какъ же! баронъ Корфъ сочинилъ книжку «Нашъ другъ», отвѣтилъ онъ увѣренно (I, 203).

Наконецъ, иногда словамъ приписывается совершенно иной смыслъ по отдаленной и смутной ассоціаціи идей. Такимъ образомъ, случалось, что «Бетховень» былъ принятъ за какую-то «пѣсню» (I, 208), «Муза» (при чтеніи сказокъ Андерсена)—однимъ за жену Андерсена, другимъ за собачку (II, 388), «университетъ», за «образцовый шолкъ» (II, 541), «нравственная поддержка»—за «наставленіе, какъ отвѣчать начальству» (II, 188) и т. д.

IV.

Выше мы упомянули, какъ нѣкоторыя слушательницы г-жи Алчевской относились, къ «непонятнымъ» именамъ. Мнѣ лично приходилось неоднократно отмѣчать, что трудно произносимыя и трудно запоминаемыя имена сильно мѣшаютъ слушателямъ усвоить содержаніе книжки, слѣдить за ходомъ разсказа.

Въ «Педагогическихъ очеркахъ» Л. Н. Толстого приводится яркая картинка, рисующая, насколько непривычному къ чтенію человѣку трудно справиться съ незнакомыми и трудно произносимыми именами, въ особенности когда ихъ много. Преподавая исторію по обычнымъ учебникамъ, въ Ясно-полянской школѣ «одинъ изъ учителей, —разсказываетъ Толстой, —какъ-то увлекся и не послушавшись моего совѣта, не пропустилъ удѣльнаго

періода и вѣхалъ во всю безсмыслицу и безурядицу Мстиславовъ, Брячеславовъ и Болеславовъ. Я вошелъ въ классъ въ то время, когда ученики должны были рассказывать. Трудно описать, что изъ этого вышло. Долго всё молчали. Вызванные учителемъ, наконецъ, заговорили, кто посмѣлѣе и поамятливѣе. Всѣ умественныя силы были напряжены на то, чтобы запомнить «чудныя» имена, а кто что дѣлалъ, было для нихъ дѣло второстепенное.

«Вотъ онъ,—какъ его, Бариковъ, что-ль?—началъ одинъ,—пошелъ на... какъ бишь его?..»—Муславъ, Л. Н.? подсказываетъ дѣвочка. — «Мстиславъ», отвѣчалъ я.—«И разбилъ его на голову», съ гордостью говорилъ одинъ.—Ты постой, рѣка тутъ была.—А сынъ войску собралъ и на голову расшибъ... какъ бишь его?—Да что ее никакъ не поймешь,—говорить дѣвочка, которая памятлива, какъ слѣпой.—И то чудная какая-то,—говоритъ Семка.—Ну, ее, Миславъ, Числавъ, на что ее, разбереть!»¹⁾

Положительно такую же пертурбацію произвели и на моихъ чтеніяхъ среди взрослыхъ деревенскихъ слушателей незнакомыя и трудно произносимыя имена въ книжкѣ «Фабіола», въ которой имена 3—4 дѣйствующихъ лицъ еще начинаются труднѣю буквою Ф. (Фабіола, Фульвій и др.). Слушатели дѣлали всяческія усилія запомнить и правильно произносить эти имена, смѣшивали ихъ и, въ концѣ-концовъ, изъ-за этого неясно поняли содержаніе.

Приблизительно то же самое было при чтеніи этой же книжки въ аудиторіи Х. Д. Алчевскѣй. То и дѣло раздавались вопросы: «Это кто же?». «А этотъ?» и восклицанія: «Охъ, да и трудныя-жъ эти имена!»—«Да и много же ихъ, и не сосчитать!» (II, 83).

Чтобы какъ-нибудь справиться съ этими «чудными» именами, слушатели или передѣлывали ихъ на русскій ладъ, или обозначали дѣйствующихъ лицъ по душевнымъ качествамъ, по занятіямъ, по родственнымъ отношеніямъ между ними и проч. Раньше мы отмѣтили, что ученица «не понявшая» имена, называла Макбета—«онъ», леди Макбетъ—«его жена» и т. д. То же самое было и при чтеніи «Жервезы». «Имена положительно не дались нашимъ слушателямъ,—пишетъ одна изъ составительницъ. «Что чит. нар.?»—Жервезу они звали крива́ (хромая), Нану—«дочка», Лалли—«дивчинка» (дѣвочка), Гуже—кузнецомъ Рориле—«сострой» (II, 87). То же было и при чтеніи «Фабіолы». Одного изъ дѣйствующихъ лицъ слушатели называли «вдовій сынъ», другого—батькой, судьей и т. д. (II, 82). При чтеніи книжки «Братъ на брата», одинъ изъ слуша-

¹⁾ Сочиненія. Ч. IV, стр. 326—7.

телей, Григорій, обратился къ учительницѣ съ просьбой: «Нельзя ли до-
бавлять «дядя» или тамъ «племянникъ» (къ именамъ), а то они, можетъ
быть, забываютъ»,—указалъ онъ на другихъ... Учительница съ удоволь-
ствіемъ исполнила его просьбу и не читала теперь иначе, какъ Ланте-
накъ—дядя, Говэнь—племянникъ, Симурдэнъ—начальникъ и т. д. До-
вольный своимъ избрѣтеніемъ, Григорій повторялъ самодовольно: «Вотъ
это такъ!» (II, 89).

ХІІІ. Заключение.

Вопросъ о психологій народнаго читателя является однимъ изъ наибо-
лѣе сложныхъ и наименѣ разработанныхъ вопросовъ народной жизни.
Онъ едва-едва затронутъ въ нашей литературѣ.

Матеріалъ, надъ которымъ мнѣ пришлось оперировать при составле-
ніи настоящихъ очерковъ, до того скуденъ, отрывоченъ, недостаточенъ,
что, на основаніи его, я имѣлъ возможность только намѣтить нѣко-
торыя особенности въ психологій народнаго читателя.

Однако, какъ ни скуденъ и недостаточенъ приведенный матеріалъ, и
онъ, мнѣ кажется, позволяетъ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Во-пер-
выхъ, что народный читатель представляетъ собою особыи социаль-
но-психологическій типъ. Читатель этотъ иначе читаетъ кни-
гу, иначе понимаетъ ее и ставитъ ей иныя требованія, чѣмъ читатель
культурнаго общества. Слѣдовательно, если мы желаемъ придти на по-
мощь народу въ его запросахъ на книгу, мы обязательно должны ознако-
миться и считаться съ тѣми особенностями, которыя онъ проявляетъ, какъ
читатель.

Народъ, можно смѣло сказать, жадно ищетъ хорошую кни-
гу, которой онъ готовъ поставить самыя серьезныя запросы социальнаго
и моральнаго характера. Ему надо отъ книги не «развлеченія», не сенти-
ментально-елейныхъ поученій грошевой морали, а серьезнаго отвѣта на
грозный вопросъ: «Какъ жить?», какъ справиться съ тѣми до невѣроят-
ности сложными условіями, которыя охватываютъ желѣзнымъ кольцомъ
его жизнь, душатъ его мысль, истощаютъ его силы, убиваютъ его энер-
гію? На эти «вопросы жизни» онъ мучительно ищетъ отвѣта и въ фан-
тастическихъ легендахъ, и въ свѣтанствѣ, и въ религіозной книгѣ. Онъ
искалъ бы его и въ свѣтской книгѣ, если бъ она сдѣлала хоть шагъ на
встрѣчу этимъ серьезнымъ запросамъ.

Что было сдѣлано нами въ этомъ отношеніи?

Въ теченіе послѣдняго полъ-столѣтія наши дѣятели по народной литера-

турѣ потратили массу силъ, энергіи и средствъ на то, чтобы передать народу интеллигентную литературу, хотя бы отрывки изъ произведеній великихъ писателей. И всѣ эти попытки не дали никакихъ серьезныхъ результатовъ. Онѣ, одна за другой, разбивались объ «упорство» народа, который ни за что не желалъ и не желаетъ принимать этихъ, хотя и геніальныхъ, крохъ съ богатаго стола нашей литературы. Онъ остался совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ перламъ художественнаго творчества, которые предлагались ему чуть ли не даромъ. Ему, измученному и тѣломъ и душой, господному и матеріально и духовно, не этого надо. Ему «не до соусовъ», не до тонкой эстетики. Нужна ему книга житейская въ прямомъ смыслѣ этого слова, книга, которая отвѣчала бы на запросы его жизни и настроенія.

И мнѣ припоминаются слова великаго писателя земли русской:

«Милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами, какъ голодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа родные писатели, бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живого литературнаго слова».

Пора бы «роднымъ писателямъ» откликнуться на этотъ призывъ...

Р. С. Эти строки были написаны 12 лѣтъ тому назадъ—но ихъ можно повторить дословно, даже съ большей настойчивостью, и въ настоящее время.

Что читаетъ французская провинція?

Культурное движеніе послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка во Франціи, выразившееся въ устройствѣ вечернихъ и воскресныхъ школъ, конференсовъ, народныхъ чтеній, народныхъ университетовъ, народныхъ театровъ, библіотекъ и пр., выдвинуло цѣлый рядъ вопросовъ, которые до того времени совершенно игнорировались французской печатью. Между прочимъ, былъ поднятъ и вопросъ о народной книгѣ.

Въ 1900 г. одинъ изъ молодыхъ французскихъ журналистовъ «новаго направленія», культурно-интеллектуальнаго («intellectuel»), Жанъ Виньо, напечаталъ въ небольшой, но распространенной среди «интеллектуальной» публики, еженедѣльной газетѣ «Echo de la Semaine» небольшую статью подъ названіемъ «Enquête sur la lecture», въ которой онъ обращается къ читателямъ съ просьбой сообщить ему: что они сами читаютъ и что читаетъ населеніе—преимущественно крестьянское,—обитаемой ими мѣстности.

Отмѣтивъ въ своей статьѣ, что въ послѣдніе годы интеллигенція въ своей культурной дѣятельности руководствовалась почти исключительно запросами и уровнемъ развитія городского рабочаго, совершенно игнорируя менѣе развитую крестьянскую массу, г. Виньо продолжаетъ:

«Крестьянинъ, подымающійся съ разсвѣтомъ и работающій до истощенія силъ, имѣетъ очень мало свободнаго времени. Какъ онъ его проводитъ? Довольствуется ли онъ своей газетой? Имѣетъ ли онъ какія-нибудь книги? Стремится ли онъ приобрѣтать ихъ? Выступаетъ множество вопросовъ, на которые очень желательно было бы имѣть отвѣтъ. Если бѣ наши читатели пришли намъ на помощь, мы могли бы сдѣлать анкету, которая показала бы въ истинномъ свѣтѣ культурно образовательный уровень нашего народа».

«Мы полагаемъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—что наши новаторы культурники, еще не отдѣлавшіеся отъ ортодоксально-университетскихъ ме-

тодовъ, въ извѣстной степени навязываютъ народу программу чтенія, совершенно не зная, насколько оно отвѣчаетъ истиннымъ нуждамъ и развитію народа. Мы увѣрены, что ихъ трудная задача значительно облегчилась бы, если бъ они могли выслушать прямыя требованія, желанія и жалобы тѣхъ, кого они хотятъ братски воспитывать и образовывать. Цѣль моей анкеты—доставить имъ эти свѣдѣнія».

«Сообщите мнѣ,—обращается онъ къ читателямъ,—данныя, которыя могли бы рѣшить большую проблему. Напишите, рядомъ съ вашимъ именемъ, профессіей, городомъ или департаментомъ, гдѣ вы живете,—какого рода чтеніе вы предпочитаете. Пишите мнѣ, какъ товарищу, не забываясь ни объ орфографіи, ни о стилѣ».

«Если я съ особенной настойчивостью прошу свѣдѣній относительно того, что читаютъ крестьяне, то это потому, что на данный вопросъ всего труднѣе получить отвѣтъ,—и для полученія его, я особенно рассчитываю на народныхъ учителей, столь преданныхъ дѣлу народнаго развитія... Не останавливаясь подробно на оцѣнкѣ значенія подобныхъ свѣдѣній, скажу только, что при ихъ помощи мы можемъ узнать, проникли ли произведенія нашихъ великихъ писателей въ народъ или остались привилегіей избраннаго меньшинства, привилегіей одного класса; мы можемъ узнать, какъ и въ какой мѣрѣ отражается на уровнѣ развитія народнаго читателя его профессія. Наконецъ, эти свѣдѣнія могутъ намъ помочь вообще ориентироваться въ настроеніи и интеллектуальномъ уровнѣ народной Франціи» («Echo de la Semaine» № 41, 1900).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ этой же газеты, г. Виньо, повторяя читателямъ тѣ же три вопроса—профессія, мѣстопребываніе и предпочтительное чтеніе,—прибавляетъ, что желательно было бы, чтобы отвѣты были двухъ категорій: 1) индивидуальныя, въ которыхъ читатель, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, давалъ свѣдѣнія лично о себѣ и 2) коллективныя—свѣдѣнія относительно мѣстнаго населенія, если корреспондентъ, по своимъ занятіямъ, входитъ въ какое-нибудь сношеніе съ этимъ населеніемъ и имѣетъ возможность сдѣлать въ его средѣ коллективную анкету.

«Съ этой послѣдней просьбой,—заканчиваетъ авторъ,—мы обращаемся преимущественно къ учителямъ, профессорамъ, воспитателямъ, директорамъ школъ, бібліотекарямъ, секретарямъ синдикальныхъ группъ и народныхъ университетовъ и прочъ». (Тамъ же, № 43).

Возваніе г. Виньо не прошло незамѣченнымъ въ печати. Многія передовыя газеты—и столичныя и, провинціальныя—или цѣликомъ пере-

печатали его статью, или, говоря о ней, выразили горячее сочувствіе «симпатичному и полезному начинанію».

Познакомившись съ г. Виньо, я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за отвѣтами, которые онъ получалъ изъ разныхъ концовъ Франціи, и торопилъ его подѣлиться съ публикѣ этимъ интереснымъ матеріаломъ. Однако, г-нъ Виньо, считая, что полученныхъ отвѣтовъ недостаточно для тѣхъ широкихъ обобщеній и задачъ, которыя онъ поставитъ своей анкетѣ, отложилъ на долю обработки этого матеріала и любезно предоставилъ въ мое распоряженіе всѣ полученные имъ письма—отвѣты на анкету, разрѣшивъ воспользоваться этимъ матеріаломъ для статьи на русскомъ языкѣ.

II.

Отвѣтовъ на анкету было получено около ста. Большинство изъ нихъ крайне лаконическіе, заключающіе всего только названіе одного или нѣсколькихъ литературныхъ отдѣловъ, имя одного или нѣсколькихъ авторовъ. Однако, рядомъ съ этими лаконическими отвѣтами, оказалось и нѣсколько десятковъ писемъ, съ подробными и обстоятельными свѣдѣніями не только о томъ, что читаетъ самъ корреспондентъ, но и о томъ, что читается мѣстнымъ населеніемъ. Нѣкоторые корреспонденты, сопровождая эти свѣдѣнія собственными разсужденіями по вопросу о народной литературѣ, о народномъ развитіи. Въ общемъ, какъ ни мало-численны эти письма, они, при скудости свѣдѣній по этому вопросу, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на уровень развитія и литературныя требованія французской провинціи.

Письма получились съ разныхъ концовъ Франціи и даже изъ колоній и другихъ странъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ отвѣтовъ отъ парижскихъ рабочихъ и одного отвѣта изъ Марсели—всѣ отвѣты шли изъ глухой провинціи, преимущественно, изъ деревень.

По своему общественному положенію корреспонденты представляютъ крайнее разнообразіе. Рядомъ съ письмами богатыхъ помѣщичь, заводо-владѣльцевъ и людей либеральныхъ профессій, находятся письма крестьянъ, батрака, чернобочихъ и мѣщанъ. Большинство же обстоятельныхъ писемъ—между которыми находится и объемистая тетрадка—принадлежатъ, какъ и слѣдовало ожидать, учителямъ. Приведемъ распредѣленіе корреспондентовъ по категоріямъ:

1) Народные читатели: крестьяне (24), батраки (1), рабо-

чіе (6), чернорабочіе (14), мастеровые (15), мѣщане, приказчики, чиновники, лавочники, домохозяева (17). Всего—77.

2) Культурные читатели: учителя и учительницы (20), раяты и безъ опредѣленныхъ занятій (9 женщинъ) (19), различныхъ либеральныхъ профессій (9), студенты (2). Всего—50.

Распределение читателей на «народныхъ» и «культурныхъ» можно дѣлать только съ большою оговоркой. Между письмами «народныхъ» корреспондентовъ находится нѣсколько такихъ, которыя свидѣтельствуютъ не только о культурности, но и объ интеллигентности и начитанности ихъ авторовъ. Такъ, напр., «обитатель небольшой земледѣльческой общины, крестьянинъ и сынъ крестьянина» пишетъ о себѣ: «Я всегда имѣлъ сильное влеченіе къ произведеніямъ по философіи и социальнымъ вопросамъ. Какъ членъ комитета народныхъ библиотекъ, я слѣдилъ очень внимательно за развитіемъ потребности въ чтеніи у моихъ односельчанъ»—и затѣмъ даетъ очень вдумчивую характеристику этихъ односельчанъ. Другой корреспондентъ, батракъ, страстный любитель чтенія, отдающій предпочтеніе произведеніямъ Гюго, Мюссе и Клемансо, тоже характеризуетъ своихъ односельчанъ, находить, что «вслѣдствіе отсутствія средняго образованія, пониманію крестьянина недоступно многое изъ того, что онъ читаетъ». Еще одинъ, кузнецъ, начинаетъ свое длинное и положительно поэтическое письмо словами: «Люблю всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые трактуютъ—въ какой бы то ни было литературной формѣ,—о вопросахъ современности, т. е. о социальныхъ вопросахъ, и усилія которыхъ направлены, главнымъ образомъ, къ осуществленію социального идеала, какъ его понимаютъ тѣ, кто мечтаетъ о большемъ правосудіи, большемъ равенствѣ, большей свободѣ, большей красотѣ и, въ особенности, о болѣе истинномъ братствѣ между людьми». И заканчиваетъ онъ письмо такъ: «Б Леандръ, кузнецъ изъ Мугонъ (Deux Sevres), который, не смотря на 12—13 часовъ своего ежедневнаго труда, находить возможность быть *au courant* и литературы, и политики».

Однако; большинство отвѣтовъ «народныхъ читателей» писаны средними крестьянами и рабочими, часто малограмотными.

Отмѣтимъ тутъ же, что въ большинствѣ подробныхъ писемъ какъ народныхъ, такъ и культурныхъ корреспондентовъ, высказывалось большое сочувствіе инициативѣ г. Виньо и горячая готовность помочь ему въ его анкетѣ. «Вашъ благородный призывъ тѣмъ болѣе заинтересовалъ меня,—пишетъ жена одного инженера,—что я ужъ много лѣтъ занимаюсь дорогими мнѣ. вопросами народнаго развитія (*chères questions*

populaires)», «Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашу прекрасную идею. пишетъ 18-лѣтняя дѣвушка изъ Allier,—я вся охвачена энтузіазмомъ отъ этого величественнаго движенія, имѣющаго цѣлью сблизить интеллигенцію съ народомъ». Другой интеллигентъ пишетъ: «Я очарованъ вашимъ проектомъ и вашей счастливой инициативой». «Придавая большое значеніе народнымъ чтеніямъ, которыя стараюсь устраивать, гдѣ могу,—пишетъ еще одинъ,—я хотѣлъ бы принести и мою каплю меда въ вашу анкету». Подобное же отношеніе къ анкетѣ встрѣчается и въ письмахъ интеллигентныхъ крестьянъ. Одно изъ этихъ писемъ начинается словами: «Я пораженъ полезностью и высокимъ социальнымъ значеніемъ предпринятой вами анкеты». Даже корреспондентъ изъ Америки (секретарь желѣзно-дорожной комиссіи) тоже пишетъ: «Жду съ нетерпѣніемъ результата «Анкеты о чтеніи», которая должна интересовать всякаго, желающаго знать и понимать умственный уровень своего времени».

III.

Остановимся прежде всего на индивидуальныхъ отвѣтахъ.

Поставивъ единственный вопросъ своей анкеты въ самой общей формѣ («какое чтеніе предпочитаете вы?»), г. Вианно предоставилъ своимъ будущимъ корреспондентамъ самимъ формулировать свои отвѣты. Вслѣдствіе этого отвѣты, по своему характеру, до того разнообразны, что почти не поддаются какой-нибудь классификаціи. Одни корреспонденты указываютъ тотъ или другой «отдѣлъ» литературы или науки, часто употребляя при этомъ термины, ими самими придуманные (какъ напр., «матеріализмъ», «XIX вѣкъ», «филантропія» и т. п.), другіе называютъ одного или нѣсколькихъ авторовъ, третьи ограничиваются указаніемъ количества прочитываемыхъ ими книгъ и газетъ, четвертые обозначаютъ, чего они ищутъ въ чтеніи и т. д. Въ нѣкоторыхъ письмахъ имѣются такого рода отвѣты: «Страстный любитель чтенія, я читаю все, что мнѣ попадаетъ подъ руку» (крестьянинъ). «Сильно люблю образовательное чтеніе» (отставной военный). «Романы какого-бы то ни было автора» (женщина). «Все печатное. Качество для меня не играетъ роли, было бы количество. До того увлекаюсь чтеніемъ, что не вижу и не слышу, что вокругъ происходитъ» (женщина). Среди отвѣтовъ крестьянъ и чернорабочихъ то и дѣло попадаются лаконическія фразы: «Не имѣю времени читать». «Ничего не читаю» и даже... «неграмотный».

Въ общемъ, всѣ полученные отвѣты относительно «отдѣловъ» могутъ быть классифицированы слѣдующимъ образомъ:

	Народн. чит.	Культур. чит.
1) Романы (18), фельетоны (6), современные романы (2), критическіе ром. (1), мистическіе ром. (1), литература (3), классическія произведенія (2)	17	16
2) Исторія (12) Историческая критика (2), исторія Франціи (3), военная исторія (1)	12	6
3) Соціальные вопросы	9	3
4) Поэзія (5), сентиментальная поэзія (2) драматич. поэзія (2), соціальная п. (1), военная п. (1)	1	10
5) Соціологія	3	5
6) Философія (5), исторія философіи (1)	3	3
7) Естественныя науки	2	4
8) Путешествія (6) и экспедиціи (2)	4	4
9) Педагогика	—	4
10) Психологія	—	2
11) Матеріализмъ	1	1

Кромѣ того, по одному разу упоминаются еще слѣдующіе отдѣлы:

1) Народными читателями: сказки, современныя новости, практическія знанія, аграрный вопросъ.

2) Культурными читателями: высшая мораль, юридическія науки, филантропія, исторія искусствъ, «XIX вѣкъ», хирургія, географія; теософія, буддизмъ, доктринерскія книги объ эволюціи духа и будущемъ существованіи, казарменная жизнь.

Какъ видно, по таблицѣ, отдѣлъ «Соціальные вопросы» стоитъ на третьемъ мѣстѣ и стоялъ бы на второмъ, если бы мы къ нему прибавили «соціологію» и «соціальную поэзію». Этотъ особенный интересъ къ соціальнымъ вопросамъ опредѣленно подчеркивается во многихъ письмахъ корреспондентовъ обѣихъ категорій. Выше мы уже привели начало письма кузнеца, который «любитъ всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые трактуютъ... о вопросахъ современности, т. е. соціальныхъ вопросахъ», и отрывокъ изъ письма крестьянина, имѣющаго «сильное влеченіе къ произведеніямъ по философіи и соціальнымъ вопросамъ». Въ этомъ же родѣ высказываются и нѣкоторые другіе корреспонденты изъ народа: «люблю

соціальные этюды» (малляр), «читаю по соціальному вопросу» (рабочій). Одинъ учитель пишетъ: «Предпочитаю всёмъ авторамъ Виктора Гюго, особенно за большое соціальное значеніе его произведеній, и стараюсь распространять хорошія книги по соціальнымъ вопросамъ». Другой учитель, называя своими любимыми авторами Гюго, Бальзака, Жирардена и Толстого, прибавляетъ: «и всё тѣ произведенія, которыя касаются прогресса, соціальныхъ реформъ, истиннаго изображенія нравовъ и метода воспитанія». «Экономическія и соціальныя науки,—пишетъ студентъ юристъ,—области, въ которыхъ я больше всего совершенствуюсь. Вопросы этого рода никогда не оставляютъ меня индифферентнымъ. Въ нихъ, по моему, вопросъ жизни и смерти для страны». Еще опредѣленнѣе, высказывается, какъ мы увидимъ, этотъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ въ коллективныхъ отвѣтахъ.

Что касается «любимыхъ авторовъ», то относительно нихъ отвѣты столь же разнообразны, какъ и относительно литературныхъ отдѣловъ. Одно только имя В. Гюго настойчиво повторяется въ большомъ числѣ писемъ (26). Изъ остальныхъ 57 авторовъ ни одинъ не упоминается болѣе 8 разъ.

	Нар. чит.	Культ. чит.		Нар. чит.	Культ. чит.
В. Гюго	14	12	Л. Толстой	—	3
А. де-Мюссе	4	4	Клемансо	3	—
Мишле	4	3	Ростанъ	—	2
Ламартинъ	4	3	Коппе	—	2
Зола	3	4	П. Маёль	—	2
Лоти	3	3	Мирбо	—	2
Додэ	2	3	Ж. Рамо	1	1
А. Франсъ	2	3	Дюма-сынъ	1	1
А. Дюма	3	2	Поль де-Кокъ	1	1
Вольтеръ	3	1	Жюль-Вернь	2	—
Флоберъ	2	2	Лафонтенъ	2	—
Бальзакъ	1	3	А. Веранже	2	—
Е. Сю	2	1			

По одному разу упоминаются:

1) Народными читателями: Мольеръ, Корнель, Руссо, Сюлли Прюдомъ, Онэ, Рони, Декавъ, бр. Маргеритъ, Куртеленъ; Ж. Мари; Доруладъ.

2) Культурными читателями: Достоевскій, Сянкевичъ,

Андре Шенъ, Леконтъ де-Лиль, Шербюлье, Жирарденъ, Тьеръ, Бурже, Бушоръ, Делермъ, Роденбахъ, Ришпенъ, Северинъ, Мериме, Жюль, Пайо, Фулье, Гамонъ, Аллиасъ, Аданъ, Верленъ, Ростанъ.

Нѣкоторые корреспонденты не ограничиваются простымъ наименованіемъ любимаго автора, а поясняютъ, почему онъ имъ особенно нравится. Гюго нравится учителю «за большое социальное значеніе его произведеній». Вольтеръ и другіе философы XVIII в., основатели энциклопедіи—за то, что они «работали въ духѣ освобожденія человѣческой мысли» (безъ профессіи); Морисъ Бушоръ—за «новый, величественный и социальный характеръ его поэзіи» (молодая дѣвушка). Другая дѣвушка, парижская работница, пишетъ: «Люблю Зола за его стремленія къ справедливости, но люблю и Сюлли (Приюдома) за спокойствіе, которое онъ вокругъ себя сѣтъ». Но особенно любопытенъ отзывъ упомянутаго выше кузнеца о Зола: «Мой любимый авторъ—Зола, написавшій три замѣчательныхъ книги: «Лурдъ», «Римъ» и «Парижъ». Въ «Лурдѣ» авторъ въ поэтическихъ страницахъ воспѣваетъ наивную вѣру человѣка,—одинокаго среди ханжей-спекулянтовъ. «Римъ»—безсмертное произведеніе, въ которомъ наносится ударъ всесильной папской власти и срывается покровъ со всѣхъ низостей «генеральнаго штаба» клерикализма. «Парижъ»—это протяжный стонъ социальной несправедливости, громкій крикъ, полный лиризма и благородства, вибрирующій дрожью энтузіазма, крикъ, въ которомъ слышится страстная надежда на лучшее будущее, которое оставитъ далеко позади себя мрачную картину человѣческаго вырожденія и стонущей бѣдности». «Изъ современныхъ романистовъ,—пишетъ онъ дальше,—я предпочитаю П. и В. Маргеритъ, Рони, Л. Декава, А. Франсъ въ его удивительныхъ «Histoires contemporaines» и, наконецъ, всѣхъ другихъ писателей этой же школы (Флобера и Гонкура), руководимыхъ духомъ социального обновленія... Изъ художественной литературы (artistique) люблю произведенія Додэ. Лоти меня волнуетъ, почти дѣлаетъ суевѣрнымъ» и т. д.

Меньше всего указано литературныхъ произведеній. Кромѣ упомянутыхъ въ только что приведенномъ письмѣ романовъ Зола и А. Франса, упоминаются еще «Образованіе міра» Клемансъ Ройе, «Система коллективизма», «Умирающая земля», «Преступленіе и наказаніе», «Труженики моря» Гюго, «Парижскія тайны» Е. Сю и даже «Тайны Парижа»... Гюго!

Что касается газетъ, то большинство корреспондентовъ ограничивается указаніемъ ихъ количества, иногда съ опредѣленіемъ ихъ характера и направленія. «Читаю ежедневно три газеты,—пишетъ востельный ма-

стерь,—читаль бы больше, если-бъ время позволяло. Читаю еще три еженедѣльных газеты, изъ которыхъ одну, вашу, литературную, одну—политическую и одну социологическую. Кроме того, регулярно читаю «Популярную иллюстрированную энциклопедію». Другой (крестьянинъ) пишетъ: «Изъ газетъ читаю одну ежедневную, мѣстную, и двѣ еженедѣльныхъ: «Echo de la Semaine» и «Gazette du Village». Учитель изъ Марселя пишетъ: «Читаю двѣ ежедневныхъ газеты, двѣ еженедѣльныхъ и 5—6 книгъ въ годъ». Другой учитель (Isère): «Одну республиканскую газету, одну еженедѣльную, одинъ педагогическій журналъ и три періодическихъ изданія по земледѣлію» и т. д. Пять отвѣтовъ заключаютъ одну только лаконическую фразу: «Читаю мѣстную газету». По названіямъ упоминаются «Dépêche de Toulouse», «Dépêche de Lile», «Progrés de Lyon», «Petit Parisien» и «Aurore».

IV.

Перейдемъ теперь къ отвѣтамъ коллективнымъ:

Выше мы упомянули, что нѣкоторые корреспонденты не ограничились отвѣтомъ на вопросъ, поставленный г. Виньо, о томъ, что читаетъ населеніе, но высказались еще и относительно самого населенія, давая его характеристику. При этомъ авторы нѣкоторыхъ писемъ подробно остановились на различіи между крестьяниномъ и рабочимъ въ ихъ отношеніи къ чтенію. Этотъ послѣдній вопросъ былъ возбужденъ самимъ г. Виньо въ его, частью уже приведенной нами, статьѣ, вызвавшей обстоятельный отвѣтъ со стороны другого журналиста, сотрудника той же газеты «Echo de la Semaine». На этихъ разсужденіяхъ стоитъ остановиться нѣсколько подольше.

Цитированная нами въ началѣ статья г. Виньо начинается слѣдующимъ разсужденіемъ:

«До настоящаго времени базисомъ и мѣриломъ въ опытахъ народныхъ чтеній служили активность и умственный уровень городскихъ рабочихъ. Въ этомъ кроется ошибка. Рабочіе составляютъ лишь небольшую часть народа и то, что вѣрно въ примѣненіи къ нимъ, не примѣнимо къ той крестьянской массѣ, изъ которой и состоитъ наша Франція. Большая часть нашего народа до сихъ поръ совершенно игнорировалась. Отвѣчаетъ ли то теоретическое и научное воспитаніе, которое мы предлагаемъ народу, нуждамъ и потребностямъ крестьянства? Все, что окру-

жасть городского рабочаго—театры, газеты, частыя народныя собранія,— все это будить его мысль, развиваеъ ея чувство. Напротивъ, медлительная и трудная земледѣльческая работа ревниво усыпляетъ ту энергію, которую она сама не поглощаетъ».

Въ отвѣтъ на эти разсужденія появилась въ слѣдующемъ номерѣ «Echo de la Semaine» статья Анри Беранже, подъ названіемъ: «Что читаетъ народъ»? («Ce que lit le peuple»?).

Высказавъ свое сочувствіе инициативѣ г. Виньо, А. Беранже возстаеъ противъ различія, которое тотъ дѣлаеъ между крестьяниномъ и рабочимъ:

«Мнѣ кажется, пишетъ онъ, что Жанъ Виньо нѣсколько преувеличилъ разницу между крестьяниномъ и рабочимъ въ культурно-интеллектуальномъ отношеніи. Разница эта существовала (да и то еще!) лѣтъ 20 тому назадъ, но теперь ея нѣтъ». «Виньо полагаетъ, что рабочаго «все побуждаеъ мыслить»—вѣрно ли это? Считаеъ ли серьезно Виньо, что несчастный рабочій изъ Пантенъ, Крезю или Анзенъ находится относительно мышленія въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ горцы Пиренеевъ, рыбаки Бретани или хлѣбопашцы Боса? Дешевенькіе бездарные театры рабочихъ кварталовъ и политическія собранія, на которыхъ присутствующіе обыкновенно угощаютъ другъ друга тумакими и эпитетами «продажный», «злодѣй»!—способствуютъ-ли они больше развитію мысли, чѣмъ созерцаніе естественныхъ силъ природы въ ихъ столкновеніи съ человѣческими силами? Не кроетея ли въ драматическомъ величіи крестьянской жизни чего-то болѣе грандіознаго, чѣмъ въ безпорядочной сутолокѣ предмѣстій? Что же касаетя газетъ, то Виньо долженъ знать, что крестьянинъ читаетъ и больше, и лучше, чѣмъ рабочій. Крестьянинъ смакуеъ свою газету, онъ ее перечитываетъ, онъ наслаждается чтеніемъ».

«Кто въ послѣднее время живалъ попеременно съ крестьянами и рабочими, тотъ, полагая, подтвердить, что въ умственномъ отношеніи крестьянинъ стоить не ниже рабочаго... Виньо не долженъ забывать, что крестьянинъ стоить не ниже рабочаго... Виньо не долженъ забывать, что, за небольшимъ исключеніемъ, каждая земледѣльческая коммуна имѣеъ свѣтскаго учителя или учительницу, иногда даже нѣсколькихъ, и что эти 100,000 воспитателей въ теченіе своей 25-лѣтней дѣятельности внесли много хорошаго въ народную жизнь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть прекрасную книгу Эд. Пети, его разсказъ о посѣщеніи «народныхъ университетовъ». Тамъ показано подробно и въ примѣрахъ,

что во многих углах Франціи крестьянинъ и читаетъ, и слушаетъ чтенія, что онъ читаетъ хорошо, и слушаетъ еще лучше».

«Скажу даже больше: газеты, распространенныя среди крестьянъ, почти всегда и лучше по направленію, и полнѣе по содержанію, чѣмъ такъ называемыя «рабочія газеты». Рабочій предмѣстья часто «отхватываетъ» свой «Intran'» (сокращенное отъ «Intransigeant» Рошфора), стоя у кіоска продавщицы газетъ, точно такъ же, какъ онъ «опрокидываетъ» свой стаканъ абсента, стоя у кабацкаго прилавка. И можно смѣло сказать, что «полосканіе мозга» прозою Рошфора несравненно вреднѣе абсента бр. Перно... Крестьянинъ же большей частью читаетъ или прекрасно составленную «Petit Parisien» или какую-нибудь большую провинціальную газету, вродѣ: «La Dépêche de Toulouse», «Lyon Republicain», «Petit Meridionale», «La Petite Gironde», «La Dépêche de Lorient», «Le Petit Phare», «Le Journal de Rouen», «L'Echo du Nord» и т. п., которая приносить ему вѣсти со всего міра на 12—24 часа раньше, чѣмъ парижскія газеты. Кто близко слѣдилъ за французской прессой, тотъ хорошо знаетъ, что въ настоящее время большія провинціальныя газеты, выходящія въ количествѣ 100,000—200,000 и больше экземпляровъ, болѣе точны, болѣе безпартійны, лучше редактируются и имѣютъ болѣе достовѣрныя и болѣе свѣжія свѣдѣнія, чѣмъ какая бы то ни было парижская газета. Тутъ даже сравненія быть не можетъ... Большая провинціальная газета, если она хорошо ведется — а таковы почти всѣ эти изданія, — представляетъ собою народный университетъ, имѣющій ежедневно аудиторію въ 500,000 слушателей. Полагаете ли вы, дорогой Виньо, что это не стоитъ такихъ газетъ, какъ «Intransigeant», «Eclair» и даже Petit Sou?»

«Знаю, конечно, что существуетъ еще «Petit Journal», который расходится въ количествѣ 945,000 экз. Но, не замѣтили ли вы, что вашъ консьержъ, ваша молочница, и даже квартирный хозяинъ, въ Парижѣ, какъ и въ Руанѣ, читаютъ «Petit Journal» столько же, сколько и фермеръ, и винодѣль. Между тѣмъ, какъ «Petit Parisien», имѣющій тиражъ въ 845,000 экз. и «Dépêche» — въ 225,000 экз., являются газетами исключительно крестьянскими. И, въ сущности, вѣдь даже «Petit Journal» не хуже, пожалуй, даже лучше «рабочаго» «Intransigeant» и приказчицкаго «Eclair».

«Итакъ, я полагаю: утвержденіе, что крестьяне не культурны потому, что они мало читаютъ, ошибочно и шаблонно (cliché). Они читаютъ мало, это вѣрно, но за то они читаютъ медленно, съ сильнымъ

желаніемъ пріобрѣсть пользу отъ своего чтенія—а этого, обыкновенно, и нѣтъ у рабочаго предмѣстій, большей частью хвастливаго и тщеславнаго».

«Значитъ ли это,—заключаетъ Беранже свою статью,—что въ деревнѣ все обстоитъ благополучно и намъ, интеллигентамъ и крестьянамъ, ничего больше не остается, какъ сложка руки поздравлять другъ друга? Кто знакомъ съ моими статьями, знаетъ, что я этого не думаю. Нѣтъ! И въ деревнѣ, и на заводѣ, въ средѣ крестьянъ, какъ и въ средѣ рабочихъ, предстоитъ еще много дѣла... Анкета Виньо, если она удастся, покажетъ намъ, что въ настоящее время читаетъ крестьянинъ и, слѣдовательно, чего онъ не читаетъ, и что слѣдовало бы ему читать». («Echo de la Semaine», № 42, 1900).

У.

Нѣкоторые изъ корреспондентовъ г. Виньо нашли также интереснымъ остановиться на вопросѣ о различіи между крестьяниномъ и рабочимъ.

«Остановимся на разсужденіяхъ А. Беранже,—пишутъ въ своемъ обстоятельномъ письмѣ въ цѣлую тетрадь учитель и студентъ (Meurtelet Moselle).—Чтеніе крестьянъ кажется намъ болѣе высокимъ въ качественномъ отношеніи, чѣмъ чтеніе рабочихъ. Первое болѣе серьезно и болѣе вдумчиво... Что касается идейнаго направленія и ориентированія въ чтеніи, то въ этомъ отношеніи въ нашей мѣстности не замѣчается особенно различія между крестьянами и рабочими. Можно только сказать, что рабочіе крупныхъ центровъ обыкновенно читаютъ главнымъ образомъ газеты. Спросъ на книги бываетъ со стороны учениковъ высшихъ классовъ и посѣтителей вечернихъ курсовъ и конференсовъ». «Какъ справедливо замѣчаетъ Беранже,—продолжаютъ они дальше,—деревенскій человѣкъ читаетъ лучше городскаго: онъ старается извлечь изъ своего чтенія поученіе. Горожанинъ, прочитывая свою газету торопливо, часто выноситъ изъ своего чтенія не то, что слѣдовало бы, приходитъ къ крайнимъ или страннымъ выводамъ. Напротивъ, крестьянинъ смакуетъ свою газету, внимательно читаетъ и перечитываетъ ее и, такъ сказать, пропитывается ею (il s'en impregne). Мнѣ припоминается старый садовникъ, сказавшій мнѣ однажды: «Я покупаю каждое воскресенье номеръ «L'Union Republiqueine» и каждый день прочитываю по неболь-

шому куску—и мнѣ достаточно чтенія на цѣлую недѣлю». Онъ также правильно раздѣлялъ свои досуги между политической хроникой и мѣстной. «Въ моей родной деревнѣ, лежащей въ районѣ преимущественно земледѣльческомъ и населенной, главнымъ образомъ, крестьянами собственниками, лично обрабатывающими свои поля,—пишетъ изъ департа. Варъ заводскій служащій,—населеніе предпочитаетъ серьезное чтеніе по философіи, по исторіи; читаются и путешествія. Что касается романовъ, то читаются, главнымъ образомъ, такіе, которые имѣютъ моральную или социальную тенденцію. Читаютъ медленно, внимательно и, если надо, перечитываютъ вторично. Книга не выпускается изъ рукъ, пока не изучается основательно.—Въ рабочей же мѣстности, откуда я сейчасъ пишу вамъ,—читаются понемногу и научныя книги, и патріотическія, но больше всего романы. Большинство читаетъ для развлечения и безъ пользы.—Чѣмъ обуславливается эта разница между обитателями обоихъ мѣстностей? Можно полагать, слѣдующимъ: крестьянинъ собственникъ, какъ человѣкъ независимый, любитъ размышлять и стремится къ знанію. Рабочій же, зависимый отъ хозяина, привыкаетъ подчиняться чужой мысли. Въ отношеніи нравственности деревня тоже стоитъ гораздо выше города. Въ общемъ, я во всемъ могу подтвердить мнѣніе г. Беранже по этому вопросу».

Совершенно иную характеристику деревни даетъ въ своемъ письмѣ учитель небольшой деревушки деп. Ювнъ. «Какъ мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—я не ошибаюсь относительно духа (*état d'esprit*) той среды, въ которой я живу. Нѣтъ здѣсь ни одного человѣка, который бы размышлялъ. Мысль этихъ людей остается пассивной; каждый придерживается тѣхъ взглядовъ, которые проводятся въ его газетѣ, которые онъ вычиталъ въ послѣдней книжкѣ. Читаютъ исключительно только для развлечения. Въ книгѣ не должно быть и рѣчи о жгучихъ вопросахъ, о социальной морали, о такихъ предметахъ, которые способны волновать душу. Здѣсь любятъ спокойствіе. Гдѣ-то тамъ наши братья страдаютъ, гибнутъ. Ихъ, конечно, можно пожалѣть. Но дальше такой жалости никто не идетъ».

Еще рѣзче относится къ крестьянамъ другой корреспондентъ, деп. Тарнъ и Гарронъ, сельскій батракъ, стоящій по своему развитію гораздо выше своей среды и, повидимому, не дешевой цѣной пріобрѣтшій это развитіе:

«Желаю успѣха вашей анкетѣ,—пишетъ онъ,—но сильно опасаюсь, что вы не достигнете тѣхъ результатовъ, на которые надѣетесь,

по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается вашихъ крестьянъ. Нашъ крестьянинъ не занимается чтеніемъ, и вы вѣрно замѣтили, что тяжелый трудъ усыпляетъ его мысль. Съ другой стороны, при отсутствіи средняго образованія (*manque de classique*) ему понадобилось бы слишкомъ большое усиліе мысли, чтобы понимать то, что онъ читаетъ.— Первая забота крестьянина,—это опорочить всякаго, кто думаетъ иначе, чѣмъ онъ. Насъ, читающихъ, онъ называетъ сумасшедшими, потому что чтеніе намъ ни къ чему не служить и въ немъ нѣтъ никакой надобности для обработки земли. А того онъ не понимаетъ, что одно лишь чтеніе можетъ доставить истинно здоровое удовольствіе... Еще разъ повторяю, вы гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ г. Беранже. То, что онъ говоритъ о крестьянахъ, примѣнимо только къ избраннымъ, а не къ массѣ. Въ чемъ онъ правъ, это въ томъ, что онъ говоритъ о школьныхъ бібліотекахъ, какъ о средствѣ распространенія чтенія въ деревнѣ: недостатокъ въ книгахъ даетъ себя чувствовать здѣсь гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Кузнецъ, о которомъ мы уже говорили, поклонникъ Зола, тоже болѣе согласенъ съ Виньо, чѣмъ съ Беранже, хотя онъ и менѣе рѣзко, чѣмъ предыдущій корреспондентъ, относится къ деревнѣ:

«Деревенское населеніе, — пишетъ онъ, — получаетъ достаточное образованіе, но ему недостааетъ развитія. Вслѣдствіе этого здравый смыслъ крестьянскаго юношества остается некультивированнымъ. Городскіе рабочіе, имѣющіе возможность посѣщать народныя университеты, гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе отсутствія развитія, для деревенскаго читателя ускользаетъ, остается неяснымъ внутренній смыслъ современнаго соціального романа, которому онъ, поэтому, предпочитаетъ вредную литературу газетныхъ фельетонѣвъ».

VI.

Перейдя къ вопросу о томъ, что и какъ читаетъ народъ, корреспонденты, прежде всего, почти единогласно отмѣчаютъ, что «читаютъ мало», «ничего не читаютъ», «читаютъ однѣ только газеты». Но при этомъ всѣ указываютъ и на причины даннаго явленія: недостатокъ времени, дороговизна книгъ, плохая организація бібліотекъ, противодѣйствіе клерикальнаго духовенства и т. д.

«Можно сказать, какъ общее правило,—пишетъ крестьянинъ изъ

Брайшь,—что крестьяне нашей мѣстности читаютъ только въ продолженіе зимняго сезона. Лѣтомъ же они, поглощенные тяжелымъ трудомъ, ничего болѣе не читаютъ, какъ мѣстную газету... Но, вообще, крестьянинъ любить читать, и если читаетъ мало, то только потому, что по своимъ занятіямъ онъ не имѣетъ времени читать больше... Слѣдуетъ отмѣтить отрадный фактъ. Благодаря дѣятельности нашихъ народныхъ учителей, интеллектуальный уровень деревни все болѣе повышается и съ каждымъ днемъ увеличивается число членовъ нашей библіотеки».

«Читаютъ мало, — сообщаетъ сельская учительница. — Читали бы больше, если бы населеніе обучалось исключительно въ свѣтскихъ школахъ... Индифферентизмъ нашихъ горцевъ ко всему, что относится къ развитію, постепенно смѣняется стремленіемъ къ знанію. Пробужденію этого стремленія и поднятію общаго умственнаго уровня населенія, конечно, сильно способствуютъ учителя и учительницы, но дѣятельность ихъ, къ несчастью, мало успѣшна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ школы находятся въ рукахъ духовенства. Кюре, чтобы замаскировать негодность своихъ школъ, поддерживаютъ въ населеніи индифферентизмъ къ образованію и развитію, проповѣдая, что все, чему учать въ школахъ и о чемъ пишутъ въ книгахъ—*ça n'est rien*», при чемъ слово *«rien»* въ ихъ устахъ имѣетъ болѣе чѣмъ категорическое значеніе,—и что 12-лѣтній мальчикъ, знающій свой катехизисъ, можетъ отвѣтить болѣе разсудительно, чѣмъ величайшій философъ».

«Первое, что можно констатировать,—пишетъ интеллигентъ «безъ профессіи» изъ деп. Объ,—это, что крестьянинъ читаетъ мало, совсѣмъ не читаетъ. На 650 выдачъ изъ школьной библіотеки за 1900 г. не было и 10-ти выдачъ крестьянамъ. И это несмотря на то, что въ зимнее время крестьяне свободны. Но имъ достаточно ихъ газетъ. Крестьянина приходится упрашивать, чтобы онъ читалъ. Зависитъ это, вѣроятно, и отъ физическихъ условій: характеръ здѣшнихъ крестьянъ (говорю это шопотомъ) такой же неблагодарный, какъ неблагодарна и известковая почва, которую они обрабатываютъ. Близко отсюда, въ затерянной деревушкѣ съ населеніемъ въ 230 человекъ, библіотека имѣла въ теченіе года 800 выдачъ. Деревушка эта лежитъ въ прекрасной долинкѣ.—То, что я сказалъ о крестьянахъ, въ известной степени применимо и къ рабочимъ. Они тоже читаютъ мало, но потому, что не имѣютъ возможности читать. Хозяева небольшихъ ткацкихъ мастерскихъ просили меня не выдавать книгъ изъ библіотеки молодымъ рабочимъ, такъ какъ тѣ читаютъ во время работы, и отъ этого проис-

ходить порча и машинъ, и трико. Самыми усердными читателями являются воспитанники приютовъ, которыхъ много въ нашей мѣстности».

«Въ высокихъ мѣстахъ Тура и Божоле,—пишутъ студентъ и учитель,—населеніе читаетъ мало: по своей отсталости, оно не понимаетъ пользы чтенія. Но чѣмъ ближе мы подходимъ къ равнинамъ, чѣмъ ниже живетъ населеніе, тѣмъ оно читаетъ и больше, и лучше... Главными читателями обыкновенно бываютъ ученики послѣднихъ классовъ и отчасти посѣтители вечернихъ курсовъ, если они находятъ время для чтенія. Взрослый же крестьянинъ уже ничего не читаетъ. Вѣчно согбенный къ землѣ, которую онъ обрабатываетъ, или всецѣло поглощенный своимъ мастерствомъ, онъ въ рабочіе дни не находитъ времени для чтенія, а въ воскресные дни предпочитаетъ кабакъ кабинету для чтенія».

«Большая часть крестьянъ,—пишетъ учитель изъ деп. Изеръ,—или ничего не читаетъ, или читаетъ очень мало, вслѣдствіе того, что не имѣетъ никакихъ книгъ для чтенія».

«Помимо газетъ и юмористическихъ листовъ, читаютъ мало, — пишетъ другой учитель изъ Марсели.—Книги дороги, а хорошіе иллюстрированные журналы и того дороже».

«Трудно указать въ точности, что читаетъ населеніе нашихъ мѣстъ,—пишетъ рабочій, маляръ (деп. Сены и Марны).—Можно сказать лишь одно: въ нашей мѣстности читаютъ немного».

«По анкетѣ, сдѣланной среди нашихъ рабочихъ десятниками.—пишетъ жена инженера (Энь)—рабочіе читаютъ мало книгъ».

По отзывамъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ, «читаютъ мало» не только крестьяне, но и народные учителя. «Что касается сельскихъ учителей, — пишетъ инспекторъ начальныхъ школъ (Шербургъ), — то лишь меньшинство изъ нихъ читаетъ что-либо, помимо своей газеты. Причины этого—недостатокъ времени, недостатокъ книгъ (О, наши школьныя бібліотеки съ ихъ мудрыми книгами о земледѣліи, гигиенѣ и индустриальномъ искусствѣ, которыхъ никто не раскрываетъ!) и иногда еще, увы! недостаткъ интеллектуальной любознательности». Подтверждаютъ это и сами учителя въ своихъ письмахъ, въ которыхъ они жалуются на недостатокъ книгъ или ихъ дороговизну, недостатокъ времени, вслѣдствіе чего они «читаютъ очень мало».

Какъ мы видѣли, почти всѣ корреспонденты, даже пессимистически-настроенные относительно народнаго чтенія, констатируютъ однако, что крестьяне читаютъ газеты. Въ нѣкоторыхъ письмахъ говорится глухо:

«читаютъ газеты», «ничего, кромѣ газеты, не читаютъ», «довольствуются мѣстной газетой». Въ другихъ письмахъ дается названіе газеты и указывается, какіе отдѣлы наиболѣе читаются деревенскимъ населеніемъ.

Только-то упомянутый инспекторъ начальныхъ школъ пишетъ въ своемъ коллективномъ отвѣтѣ: „Крестьяне читаютъ „Petit Journal“ и „Petit Parisien“, особенно первый. Интересуютъ ихъ въ этихъ газетахъ, главнымъ образомъ текуція новости и фельетоны. Передовыя статьи совершенно не читаются“.

„Каждое воскресенье,—пишутъ студентъ и учитель,—здѣсь расходится 30 экземпляровъ „La Croix“ (парижскаго и провинціальныхъ изданій), раскупаемыхъ той частью населенія, которая не поддается новымъ теченіямъ. За то, среди другой части населенія, расходится отъ 30 до 50 республиканскихъ газетъ, въ которыхъ читатели находятъ всѣ мѣстные и политическія новости за недѣлю. Газеты эти доставляютъ населенію матеріалъ для бесѣдъ въ длинные зимніе вечера. Если газета ведется хорошо, она имѣетъ благотворное вліяніе, приобщая медленно, но вѣрно, своихъ читателей къ республиканскимъ идеямъ. Многие даже ежедневно покупаютъ мѣстную газету, безъ различія направленія, интересуясь, главнымъ образомъ, новостями, которыя они находятъ въ этихъ газетахъ на 24 часа раньше, чѣмъ въ столичныхъ“.

„Въ нашей общинѣ,—пишутъ изъ Тура,—единственная газета, которая выписывается и покупается—это „Petit Journal“ (10 экз.). Выписывается она, главнымъ образомъ, для фельетоновъ и приложений. Въ политическомъ отношеніи вліяніе этого листка, пропитаннаго инсинуаціями и мелодраматическими эффектами, очень печальное... Въ сосѣдней общинѣ, гдѣ населеніе болѣе передовое, расходится ежедневно среди крестьянъ и мѣщанъ около 80 экз. „Progrès de Lyon“, „Petit Journal“ и, главнымъ образомъ, „Lyon Republicain“ (последній въ колич. 50 экз.)“.

Приблизительно, подобныя же свѣдѣнія даются корреспондентами и изъ другихъ мѣстъ. Изъ Ардеша пишутъ:

„Что читаютъ крестьяне? Газетные фельетоны, преимущественно, мѣстныхъ газетъ („Progrès“, „Lyon Republicain“, Nouvelliste“) и „La Croix“, продаваемого учениками конгрегаціи“.

„Въ нашей мѣстности (департ. Изэръ),—пишетъ учитель,—выписывается 50 экз. „Progrès“ и 50 экз. „Lyon Republicain“. Это читаютъ крестьяне. Крестьянки же ничего больше не читаютъ, какъ „La Croix“ и „Житія святыхъ“.

„Крестьяне и заводскіе рабочіе,—пишетъ другой учитель (Вожъ),—

читаютъ у насъ реакціонныя и націоналистическія газеты, которыя распространяются въ изобиліи и, большей частью, даромъ. Главныя газеты—это „Petit Journal“, „La Croix“, „Le Reveil Catholique“, „Nouvelliste“, „Volonté Nationale“ и др. Определенно республиканская газета выписывается только одна. Вообще же, въ газетахъ читаются главнымъ образомъ романы нижняго этажа“...

Изъ этихъ немногихъ выдержекъ достаточно видно, что клерикальная печать—въ особенности „La Croix“—довольно распространена въ деревняхъ, и что она очень усердно и всѣми способами распространяется. Клерикальныя газеты „продаются учениками конгрегацій“, „раздаются даромъ“. Кое-гдѣ „La Croix“ и „La Semaine Religieuse“ бесплатно разносятся и рассылаются на домъ.

Въ нѣкоторыхъ письмахъ отмѣчаются и иного рода требованія народныхъ читателей. „Изъ парижскихъ газетъ,—пишетъ рабочій (деп. Сены и Марны)—„Petit Journal“ читается у насъ больше, чѣмъ „Petit Parisien“, но изъ мѣстныхъ газетъ предпочитаютъ социалистическія“.

„Въ Лилѣ и Рубэ,—пишетъ дочь богатаго заводчика,—рабочіе читаютъ все больше и больше, но особеннымъ успѣхомъ пользуются у нихъ только „дурные органы печати“ и социалистическія брошюры, проповѣдующія смуту и разнь. Большинство, впрочемъ, читаетъ (главнымъ образомъ, фельетонъ) „L'Echo du Nord“, „Petit Parisien“ и „Petit Journal“. Болѣе грамотные читаютъ еще „Еженедѣльное иллюстрированное приложение“ этихъ газетъ (5 сантимовъ). Но книги мало кто читаетъ... То же самое можно сказать и о рабочихъ изъ Энъ и Соммъ. И тамъ рабочіе довольствуются чтеніемъ фельетона и „разныхъ разностей“ въ „Petit Parisien“ и „Petit Journal“! Кое-кто покупаетъ „Lanterne“, „Eclair“, „Intransigeant“, но они составляютъ исключеніе. Свое свободное время рабочіе проводятъ въ кофейняхъ, разсуждая о социалистическихъ брошюрахъ, которыя они плохо понимаютъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ вожаковъ, болѣе дерзкихъ, рабочіе по натурѣ совсѣмъ не злы“...

Самымъ любимымъ чтеніемъ крестьянъ, послѣ газетъ, являются, по свидѣтельству корреспондентовъ, альманахи. Альманахи, попадая въ руки крестьянъ, — пишетъ учитель изъ Ори, — читаются и перечитываются съ такимъ же усердіемъ, какъ и политическія газеты“. Каждую осень,—сообщаетъ и инспекторъ начальныхъ школъ,—крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидаютъ своей обычной духовной пищи, альманаховъ, которые покупаются по нѣсколько экземпляровъ, читаются, перечитываются и тщательно сохраняются“. „Изъ книгъ читаются только альманахи“ (учитель, Вожь).

Меньше всего свѣдѣній находится въ письмахъ относительно того, какія книги всетаки встрѣчаются у крестьянъ, какія наиболѣе требуются въ библіотекахъ. Одинъ только библіотекаръ „Ligue Française de l'Enseignement“ изъ Байэнзенъ прислалъ таблицу выдачъ за 1900 г. (по авторамъ) ¹⁾. Приведемъ, однако, тѣ немногія свѣдѣнія, которыя на этотъ счетъ имѣются въ письмахъ. Въ письмѣ учителя изъ Эльзаса говорится, что „крестьяне любятъ читать Эркмана-Шатриана и Диккенса“. Изъ Браншъ крестьянинъ пишетъ, что „книги по исторіи очень мало читаются. Сочиненія по философіи, соціальной экономіи и политикѣ по своей абстрактной формѣ совершенно недоступны для крестьянъ. Спрашиваются романы Гюго, а того чаще романы съ приключеніями (Ал. Дюма), путешествія и экспедиціи (exploration). Мѣстная библіотека недавно получила сочиненія Додэ, Терье, Тони Ревильона, Ж. Верна, Кларети, П. Лоти и др., и читатели очень довольны этими книгами. Сочиненія по земледѣлію, на которыя, казалось, долженъ бы быть спросъ, читаются очень мало, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ большинствѣ этихъ книжекъ предметъ трактуется слишкомъ научно и въ формѣ мало понятной для крестьянъ. Зимой учитель читаетъ еженедѣльно публичную лекцію по исторіи, по колоніальному вопросу или по какому-нибудь научному вопросу. Лекціи эти посѣщаются съ большимъ интересомъ“.

„Какое чтеніе предпочитается населеніемъ нашей мѣстности?—спрашиваетъ корреспондентъ изъ деп. Объ и отвѣчаетъ: романы съ приключеніями, вымышленные или истинные рассказы о военныхъ экспедиціяхъ и вообще книжки по колоніальному вопросу. Изъ конферансовъ, которые мы дѣлали, больше всего нравились тѣ, которые были на только-что указанные темы. Нашъ шампанскій крестьянинъ очень практиченъ, немного рутинеръ. Его приводятъ въ восторгъ наши Аргонавты, а самъ онъ не рѣшится поѣхать въ другую коммуну сватать себѣ невѣсту.—Больше всего крестьянинъ интересовался бы рассказами изъ исторіи. Онъ съ увлеченіемъ слушаетъ рассказы изъ исторіи великой революціи... Ему нравятся Тьеръ, Кинэ, Мишле. О, если бы Мишле былъ болѣе распространенъ въ деревняхъ! Меньше всего крестьянина интересуетъ исторія послѣдняго полстолѣтія. Его увлекаетъ „искусство пережитаго“, которое онъ понимаетъ по своему... Въ этомъ отношеніи предстоитъ еще много дѣла!“

¹⁾ Таблица слѣдующая:

А. Дюма . . .	326	Г. Эмаръ . . .	220	Мишле . . .	85
				Науки и искус-	
Ж. Вернъ . . .	245	В. Гюго . . .	130	ства	120
А. Додэ . . .	230	Е. Сю . . .	100	Разныя . . .	444

„Крестьяне любятъ путешествія и книги по исторіи и по философiи. Изъ романовъ предпочитаютъ такіе, въ которыхъ высказывается какая-нибудь моральная или социальная тенденція“ (заводскій рабочій).

„Крестьянинъ, мелкій собственникъ и фермеръ, интересуется сочиненіями по аграрному вопросу, по техническимъ знаніямъ и современными новостями“ (учитель, Ардешъ).

„Рабочимъ больше всего нравятся романы, бюющіе на сантиментальность. Совершенно не любятъ стихотвореній и только поэзія В. Гюго еще что-нибудь говоритъ имъ. Падки они на шутки и легкія пьсенки... и покупаютъ, а чаще берутъ у товарища социалистическія брошюрки“ (жена инженера, Норъ).

VII.

Какъ ни отрывочны и малочисленны свѣдѣнія о народномъ чтеніи, находящіяся въ письмахъ, они, однако, даютъ нѣкоторое представленіе о состояніи этого вопроса во Франціи. Крестьяне читаютъ газеты, ежедневныя и еженедѣльные, мѣстныя и парижскія, республиканскія и клерикальныя, но книгъ они, по утверженію всѣхъ корреспондентовъ, не читаютъ. Деревни, правда, имѣютъ свою интеллигенцію, людей болѣе или менѣе начитанныхъ, то они, все таки, составляютъ только исключеніе. Главная же крестьянская масса стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ всего литературнаго движенія, и произведенія великихъ писателей ей немногимъ болѣе знакомы въ настоящее время, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ, когда лучшая литература, теперь исчезнувшая, была въ полномъ расцвѣтѣ и когда народныхъ и школьныхъ библіотекъ почти еще не было.

Народныхъ библіотекъ — школьныхъ, коммунальныхъ, образовательныхъ обществъ, свѣтскихъ и духовныхъ, — существуетъ во Франціи, если не ошибаемся, около 50,000, но онѣ, повидимому, далеко неудовлетворительно поставлены и не соотвѣтствуютъ требованіямъ читателей. Жалобы этого рода высказываются во многихъ письмахъ корреспондентовъ г. Вианьо.

«Коммунальныя (министерскія) библіотеки, — пишетъ учитель (Изеръ), — состоятъ преимущественно изъ неподныхъ, оставшихся непроданными, изданій разныхъ фирмъ и изъ книжекъ по земледѣлію, которыя и недоступны, и негодны для простаго крестьянина, не имѣющаго средствъ для веденія научнаго хозяйства». Такой же точно отзывъ, какъ мы видѣли, даетъ и инспекторъ народныхъ школъ о школьныхъ библіотекахъ «съ ихъ

мудрыми книгами о питіенѣ, земледѣліи и индустріальномъ искусствѣ, которыхъ никто не раскрываетъ». Это же констатируютъ и другіе. Нѣкоторые корреспонденты указываютъ на полезность и необходимость устройства передвижныхъ бібліотекъ. Учитель изъ Орины-ле-секъ пишетъ: «У насъ имѣется серія видовъ для туманныхъ картинъ, которая переходитъ изъ одной коммуны въ другую (бесплатно). Почему бы министерству не устроить и передвижныхъ бібліотекъ, въ которыхъ выдача и разноска книгъ была бы тоже бесплатной?»

«Вопросъ о народныхъ бібліотекахъ, — пишутъ студентъ и учитель, — тѣсно связанъ съ школьнымъ дѣломъ, вечерними курсами публичными чтеніями и т. п., столь распространенными въ настоящее время въ деревняхъ. Публичные чтенія болѣе посѣщались бы и приносили бы больше пользы, если бѣ народъ болѣе читалъ самостоятельно; то же можно сказать и относительно курсовъ и конференсовъ. Но для этого народные бібліотеки должны быть хорошо обставлены и организованы, для чего потребуется не мало труда... Прежде всего бібліотеки должны быть значительно пополнены. Въ нашей коммунѣ, напримѣръ, имѣется при женской школѣ только зародышъ бібліотеки. Въ бібліотекѣ при мужской школѣ имѣются, кромѣ классиковъ, около 120 томовъ. Но въ какомъ состояніи находится эта бібліотека! Тѣ книги, которыя читаются, до того растерзаны, что ихъ нельзя и выдавать... А остальные, слишкомъ спеціальныя или устарѣлыя въ научномъ отношеніи, совершенно неподходящи для деревенскихъ читателей. Въ сосѣдней общинѣ бібліотека еще бѣднѣе, и если тамъ населеніе больше читаетъ, то потому, что учитель имѣетъ собственную педурную бібліотечку. Въ небольшихъ коммунахъ бібліотеки не имѣютъ средствъ для выписки новыхъ книгъ. Небольшая ассигновка генеральныхъ совѣтовъ на этотъ предметъ, распредѣляемая между большимъ числомъ коммунъ, совершенно недостаточна для удовлетворенія всѣхъ нуждъ бібліотекъ. Сами же общины не на столько богаты, чтобы ассигновать на это какія-нибудь суммы. Тѣмъ болѣе, что покупка книгъ для «школьныхъ премій» (*livres des prix*) лежитъ исключительно на бюджетѣ общинъ. Эти книжныя преміи, пріобрѣтеніе которыхъ поглощаетъ большую часть коммунальнаго кредита, а задача отнимаетъ цѣлый мѣсяцъ школьныхъ занятій, налагая излишнюю работу на учителей, совершенно бесполезны и для учениковъ, и для занятій. Вслѣдствіе всего этого школьныя бібліотеки почти не пополняются — и читатель быстро исчерпываетъ весь матеріалъ для чтенія. Въ виду этого слѣдовало бы организовать передвижныя бібліотеки, планъ устройства которыхъ достаточно выработанъ въ послѣднее время...»

Изложивъ болѣе или менѣе подробно этотъ планъ устройства передвижныхъ библиотекъ, авторы заканчиваютъ свое письмо: «Но одна организація передвижныхъ библиотекъ еще ничего не измѣнитъ и не принесетъ существенной пользы, пока не измѣнится составъ библиотекъ, который долженъ отвѣчать нуждамъ и запросамъ народныхъ читателей».

Въ своемъ годовомъ отчетѣ за 1900 годъ о состояніи вѣтшкельнаго народнаго образованія во Франціи г. Эд. Пети, константируя быстрый ростъ курсовъ, конференсовъ, народныхъ чтеній, университетовъ и проч., указываетъ, что только дѣло народныхъ библиотекъ не прогрессируетъ. «Бѣдность школьныхъ библиотекъ,—которыя фактически являются и народными,—прямо жгучая. Деревенскія общины, въ большинствѣ случаевъ, не желаютъ поддерживать ихъ, а кредитъ государства недостаточенъ. Слѣдовало бы прибѣгнуть къ системѣ обмѣна, которая уже практикуется въ Энъ, Кальвадосъ, Луаре, Арденъ, Воклюзъ и пр. Тѣ книги, которыя прочитаны въ одной библиотекѣ, отправляются въ сосѣдную, которая дѣлаетъ то же самое со своими книгами, при чемъ, для избѣжанія бесполезной пересылки, заранее сообщаются каталоги» ¹⁾).

VIII.

Каковы же нужды и запросы народнаго читателя? Иначе говоря, какая книга нужна и доступна для него? Вопросъ этотъ, до сихъ поръ совершенно игнорированный французскою печатью, былъ возбужденъ только въ самое послѣднее время, тоже въ формѣ анкеты и о немъ высказались и компетентные дѣятели по народному образованію, и нѣкоторые выдающіеся писатели. Основились на этомъ вопросѣ и нѣкоторые корреспонденты г. Вишью.

Учитель и студентъ, изъ письма которыхъ только что была приведена выдержка, считаютъ, что для народа всего нужнѣе историческія книги съ хорошимъ выборомъ, «которыя должны содѣйствовать интеллектуальному развитію, моральному совершенствованію и строгой выработкѣ политическихъ убѣжденій». «Книга, пишутъ они, должна продолжать дѣло курсовъ, гдѣ любимый и пользующійся довѣріемъ учитель обращается къ будущимъ гражданамъ, будущимъ избирателямъ, помогая имъ вырабатывать свои убѣжденія, выбирать политическую партію. Историческое сочиненіе, въ которомъ авторъ даетъ вѣрное освѣщеніе фактовъ, способно

¹⁾ „Journal officiel“ отъ 19 авг. 1901 г.

лучше всего направить молодого читателя къ народному идеалу. Мы поставили бы на первое мѣсто произведенія Мишле, если бъ не опасались, что его захватывающій стиль можетъ заставитьъ мало развитога читателя принять безъ провѣрки, какъ неоспоримую истину, нѣкоторыя рискованныя положенія автора, продиктованныя энтузіазмомъ и партійностью борца-пionера. Мы считаемъ поэтому наиболѣе подходящими для народа произведенія Тьера, Минье, Анри Мартена, Сореля, Дюрюи, Тьери, Лависса.— Затѣмъ не мѣшало бы имѣть въ народныхъ библіотекахъ нѣкоторыя путешествія, какъ чтеніе, въ которомъ пріятное соединяется съ полезнымъ. Но эти путешествія должны быть ни слишкомъ научными, ни слишкомъ сухими: они должны быть занимательны, какъ романъ. Необходимы для библіотекъ и техническія книги, учебники ремеслъ, просто и ясно составленные, книги по земледѣлю... Наконецъ, въ библіотекахъ должны имѣться избранныя отрывки изъ произведеній великихъ писателей. Не слѣдуетъ только допускать никакихъ передѣлокъ, которыя всегда искажаютъ великія произведенія, мѣняють ихъ характеръ... слѣдуетъ издавать сборники отрывковъ, объединенныхъ хорошимъ и яснымъ анализомъ, но не особенно длиннымъ, дабы не отвлекъ вниманія читателя отъ главнаго сюжета».

«Рабочій, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ—пишетъ учитель изъ Беллака, —стремится къ развитію, но ему слѣдуетъ давать прежде всего съ выборомъ выполнѣ доступныя ему произведенія, путешествія и исторіи въ формѣ романа (напр., сочиненія Эркмана-Шатриана). слѣдовало бы издавать дешевую народную республиканскую газету, которая могла бы конкурировать и бороться съ «La Croix», и въ которой обсуждались бы социальныя и политическія вопросы». «Полагаю, прибавляетъ онъ еще въ концѣ письма, что для того, чтобы пробудить у простаго человѣка любовь къ чтенію, ему слѣдуетъ давать книжки занимательныя и, въ то же время, конечно, здоровыя по направленію».

«Населеніе охотно читало бы популярно-научныя книжки, путешествія, рассказы изъ исторіи и художественныя произведенія съ объясненіями» (учительница).

«Что желалъ бы онъ (народъ) читать? — пишетъ библіотекаръ (Арденш).—Романы, но такіе, въ которыхъ изображены не свѣтскіе герои, а люди ему близкіе, взятые отъ борозды, романы безъ полусумасшедшаго героя и безъ нервной героини... «Народу нужны произведенія глубоко продуманныя, сильныя, но написанныя простымъ и яснымъ языкомъ. Остальное само придетъ. Надо открыть народу горизонтъ; надо взять кресть-

янина у его собственнаго очага и открыть ему окно: «Гляди на тебѣ подобныхъ, будь примѣрнымъ отцомъ, будь гражданиномъ, будь... человекомъ!»... Народная литература,—кто намъ ее дастъ?»

«Намъ нужны,—прибавляетъ авторъ этого письма въ P. S.—произведенія хорошо и чисто изданныя, но не дорогія, произведенія, которыя захватывали бы читателя и на которыя былъ бы со стороны народа самостоятельный спросъ. Намъ нужны сочиненія Анатоля Франса, Зола, Ришпена и др. Намъ нужна народная книга! какая задача!»

«Народъ читалъ бы много,—пишетъ другой корреспондентъ (безъ профессіи) изъ того же департамента Ардешъ,—если-бъ въ его распоряженіи было достаточно книгъ и хорошій выборъ ихъ. Это будетъ достижимо только тогда, когда книги и газеты появляются въ дешевомъ изданіи для народа... Почему политическія газеты въ одно су не печатаютъ въ своихъ фельетонахъ произведеній съ извѣстнымъ выборомъ? Почему онѣ не помѣщаютъ статей, которыя читались бы народомъ съ интересомъ и удовольствіемъ, какъ это дѣлаетъ «La Petite Gironde»? Формы ежедневной газеты вполне подходятъ и нравятся деревенскому читателю, который читаетъ между дѣломъ (à baton rompu) и по небольшому куску въ разъ... Въ дешевомъ изданіи для народа слѣдуетъ помѣщать интересные рассказы, избранные романы, путешествія, сочиненія по земледѣлію и кое-какія популярно-научныя книжки».

«Почему,—заканчиваетъ онъ свое письмо,—молодые писатели, охваченные культурно-либеральнымъ направленіемъ, не пишутъ для народа? Почему они ему не даютъ серьезной и интересной книги?»

IX.

Единичные отголоски французской провинціи, полученные въ отвѣтъ на анкету г. Вишьо, конечно, совершенно недостаточны для какихъ-нибудь обобщеній относительно уровня развитія и литературныхъ запросовъ народнаго читателя во Франціи. Единственный выводъ, который позволено дѣлать на основаніи приведеннаго матеріала—и выводъ для насъ поучительный,—это, что во Франціи вопросъ о народной литературѣ не только не рѣшенъ, но выступаетъ въ болѣе острой формѣ, чѣмъ даже въ Россіи.

Франція имѣла свою лубочную литературу. Появившись въ XVII вѣкѣ, литература эта въ теченіе 2½ столѣтій систематически росла и разви-

валась главнымъ образомъ, въ количественномъ отношеніи, и къ серединѣ минувшаго вѣка достигла небывалаго распространенія: въ серединѣ 60-хъ годовъ она расходилась болѣе чѣмъ въ десяти милліонахъ экземпляровъ ежегодно.

Съ начала 70-хъ годовъ, одновременно съ быстрымъ развитіемъ печатнаго дѣла и газетной литературы, съ распространеніемъ желѣзнодорожныхъ сообщений, начинается быстрое исчезновеніе лубочной литературы въ ея архаическихъ формахъ, съ ея архаическимъ, кольпортажнымъ способомъ распространенія. Достаточно было четверти вѣка, чтобы эта литература почти совершенно исчезла—и въ настоящее время вы рѣдко встрѣтите во французской деревнѣ разносчика-кольпортера, а еще рѣже рыцарскій романъ.

Но что пришло на смѣну этой литературѣ? Заступили ли ея мѣсто произведенія великихъ писателей, серьезныя и полезныя книги? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Такъ называемая «общая литература», съ ея гениальными произведеніями, съ ея разнообразными направленіями и теперь, какъ и 50 и сто лѣтъ тому назадъ, чужда и неизвѣстна среднему читателю во Франціи. Архаическая лубочная литература исчезла, но на ея мѣсто появилась другая лубочная литература, болѣе современная, но за то и болѣе пошлая и болѣе вредная и, въ общемъ, столько же бездарная и чуждая народной жизни, какъ и старая лубочная литература. вмѣсто альманаха,—появился безпринципный уличный листокъ «Petit Journal»; вмѣсто рыцарскаго романа—фельетонный, бульварный романъ съ приключеніями; потѣшную повѣсть замѣнилъ quasi-юмористическій рассказъ, скабрёзный и бездарный; вмѣсто «Житій святыхъ»—клерикально-воинствующій «La Croix» и т. д. Въ сущности, къ лучшему измѣнились только форма и внѣшность лубочной литературы, а содержаніе ея даже ухудшилось.

Въ исторіи лубочной литературы во Франціи очень характернымъ является то, что литература эта появилась, развилась и трансформировалась почти безо всякаго вліянія со стороны интеллигентнаго общества. Что касается правительства, то оно въ теченіе всѣхъ трехъ столѣтій то и дѣло очень внимательно и тревожно заглядывало въ коробъ разносчика. Но высматривало оно въ этомъ коробѣ не лубочную книжку, а политическую брошюру, памфлетъ, сатиру, пѣсню, карикатуру, т. е. ту народно-политическую литературу, которая зародилась одновременно съ лубочной и съ конца XVIII в. обратилась въ сильное орудіе политической борьбы въ рукахъ оппозиціонныхъ партій. Эту-то литературу правительства всѣхъ

режимовъ систематически преслѣдовали,—но совершенно оставляли въ покоѣ лубочную литературу. Не менѣе индифферентно относилось къ ней и интеллигентное общество.

Въ 1847 г., великій французскій историкъ Мишле, приступая къ своимъ знаменитымъ лекціямъ о задачахъ и обязанностяхъ интеллигенціи по отношенію къ народу, писалъ:

«Самая сильная связь, которая можетъ существовать между людьми, общность мысли, не существуетъ въ нашемъ обществѣ. Никакой общей культуры, никакой общей литературы, даже никакого желанія имѣть ея. Образованные лишуютъ для образованныхъ. Литераторы наши пишутъ такимъ языкомъ, что ихъ произведенія совершенно недоступны народу» ¹⁾.

Возвращаясь черезъ 20 лѣтъ къ этому же вопросу, Мишле, тогда уже 73-лѣтній старикъ, писалъ: «Если послѣ моей смерти раскроютъ мое сердце, то тамъ прочтутъ преслѣдовавшую меня мысль: «какимъ образомъ наша литература сдѣлается народной?»

Прошло еще 30 лѣтъ. Франція устроила грандіозное національное чествованіе памяти Мишле, но завѣтъ историка-идеалиста до сихъ поръ не осуществленъ.

Въ теченіе минувшаго столѣтія интеллигентное общество во Франціи много, настойчиво и плодотворно работало на почвѣ народнаго образованія, но очень мало вниманія удѣляло дѣлу народнаго развитія. Культурное движеніе 50-хъ—60-хъ годовъ, выразившееся, главнымъ образомъ, въ устройствѣ народныхъ школъ, ограничивалось, въ области народнаго развитія, почти исключительно лишь устройствомъ народно-школьныхъ библіотекъ, для которыхъ находилось очень мало подходящихъ книгъ. Въ теченіе послѣдующихъ трехъ десятилѣтій все вниманіе, всѣ силы культурной интеллигенціи были поглощены борьбой за проведеніе закона о бесплатномъ, свѣтскомъ и обязательномъ образованіи, закончившейся побѣдой только въ 1883 году. Такимъ образомъ вопросы народнаго развитія и, въ частности, вопросы народной литературы совершенно игнорировались. Немногія попытки изданія книгъ для народа не отличались особенной умѣlostью, не вызвали къ себѣ интереса и остались безуспѣшными. Съ лубочной литературой никто не думалъ серьезно бороться, не было попытокъ изучить ее, ознакомиться съ ея содержаніемъ, распространеніемъ и вліяніемъ ²⁾. Не

¹⁾ I. Michelet. „L'Etudiant“ (Cours de 1847—1848), стр. 31.

²⁾ Единственная попытка этого рода была сдѣлана въ 1852 г. правительствомъ Наполеона III въ цѣляхъ борьбы съ политической и социалистической народной литературой.

изучались ни запросы народа на книгу, ни его уровень развитія. Вслѣдствіе этого, дѣло народной литературы (за исключеніемъ агитаціонной) оставалось всецѣло въ рукахъ дѣльцовъ-издателей, видѣвшихъ въ народной книгѣ исключительно лишь предметъ наживы. Стараясь угодить самымъ грубымъ вкусамъ и инстинктамъ читателей, лубочные издатели наводнили народный рынокъ положительно позорной литературой, вредной, грязной и бездарной.

Культурное движеніе послѣднихъ лѣтъ выдвинуло вопросъ о народной литературѣ, обратило на него вниманіе печати и общества. Объ этомъ вопросѣ заговорили. Пока еще очень мало серьезнаго было сказано о немъ, еще меньше было сдѣлано. Но хорошо, по крайней мѣрѣ, и то, что вопросъ поставленъ на очередь...

Эмиль Зола, какъ народный писатель.

I.

Эмиль Зола не только первоклассный и въ высшей степени оригинальный писатель, но и одинъ изъ самыхъ популярныхъ художниковъ-романистовъ нашего времени. Если не считать крестьянскаго читателя, которому произведенія Зола, какъ и всѣ другія произведенія художественной литературы, остаются недоступными и неизвѣстными, Зола можетъ съ полнымъ правомъ считаться народнымъ писателемъ. Можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ художниковъ XIX вѣка не пользовался такой широкой популярностью въ средѣ рабочаго пролетаріата и городского мѣщанства всѣхъ культурныхъ странъ, какъ Зола. Начиная съ романа «Западня» («L'Assomoir»), каждый изъ романовъ Зола расходился во Франціи въ количествѣ сотенъ тысячъ экземпляровъ, немедленно переводился на всѣ европейскіе языки и всюду распространялся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Помимо этого, романы Зола печатались и перепечатывались въ десяткахъ газетъ и составляли необходимую принадлежность всякой сколько-нибудь порядочной народной библіотеки.

Что произведенія Зола—въ особенности его романы изъ жизни рабочихъ—являются любимымъ чтеніемъ рабочаго люда, можно судить по отчетамъ народныхъ и профессиональных библіотекъ. Чуть ли не во всѣхъ такихъ отчетахъ, которые намъ случалось видѣть, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, а, большей частью, на первомъ мѣстѣ по числу выдачъ, стоитъ Зола. И это не только во Франціи, но и въ Германіи, и въ Австріи, и въ Швейцаріи. И особенно характерно то, что наибольшее требованіе на романы Зола предъявляется именно организованными и наиболее сознательными рабочими. Такъ, напримѣръ, въ сводномъ отчетѣ по 37 германскимъ библіотекамъ, въ отдѣлѣ «Изящная литература», Зола стоитъ на первомъ мѣстѣ. Изъ 3.484 выдачъ произведеній 25 наиболѣе требуемыхъ классическихъ писателей, на произведенія Зола падаютъ 433 выдачи (въ среднемъ, по 28,8 разъ на каждый романъ). Сочиненія Зола

читались въ этихъ библиотекахъ въ два раза больше, чѣмъ соч. Гейне (215); въ три раза больше, чѣмъ сочиненія Шпильгагена (166), Гауптмана (150) и Гете (137), въ четыре раза больше соч. Шиллера (106); въ шесть разъ больше соч. Дюма (63); въ восемь разъ больше соч. Шекспира (48) и Толстого (45) и въ шестнадцать разъ больше соч. Лессинга и Байрона (по 27 разъ ¹).

Такое же предпочтеніе романовъ Зола всёмъ другимъ, и роднымъ и переводнымъ, произведеніямъ классической литературы мы находимъ и въ другихъ отчетахъ рабочихъ библиотекъ и германскихъ, и австрійскихъ и швейцарскихъ ²). Въ отчетѣ четырехъ библиотекъ (двухъ общихъ и двухъ партійныхъ) за 1894—5 г. между 16-ю наиболѣе требуемыми романами, фигурируютъ 4 романа Зола съ 77-ю выдачами (изъ 286). Въ другомъ отчетѣ библиотеки рабочаго союза, насчитывающаго отъ 3 до 4 сотъ членовъ, «составляющихъ сливки социаль-демократическихъ избирателей Крефельда», говорится: «Изъ романовъ и здѣсь Зола является авторомъ наиболѣе читаемымъ: онъ представленъ 9-ю романами (11 томовъ), которые были выданы, всё вмѣстѣ, 140 разъ». Въ отчетѣ библиотеки лейпцигскаго рабочаго союза говорится, какъ о «самыхъ любимыхъ авторахъ», о Ренанѣ, Зола и Гейне. Въ другомъ отчетѣ одной профессиональной библиотеки отмѣчается, что «усердиѣ всего читались «Среди ночи и льда» Нансена (28 выдачъ), «Углекопы» Зола (14), сочиненія Гейне (12 разъ) и т. д.

Въ отчетѣ одной изъ самыхъ большихъ рабочихъ библиотекъ въ Вѣнѣ за 1898 г. говорится «Наибольшій спросъ былъ предъявленъ на соч. Розенгера (190 выдачъ), Зола (155), Эберса (118), Анценгрубера (107). Всего въ библиотекѣ было 2781 выдача.

Въ отчетахъ рабочихъ библиотекъ Цюриха и Винтертура—то же самое предпочтеніе Зола всёмъ другимъ писателямъ. Относительно цюрихскихъ библиотекъ говорится, что «больше всего требуются сочиненія Зола, Бебеля, Корвина, Блюменгагена, Кнейпа, Бока, Додэ и Дюма». Относительно винтертурскихъ библиотекъ,—что, «по числу требованій, на первомъ планѣ стоятъ Лассаль, Зола, Шиллеръ и Бекъ (Антропология)» ²).

Уже по одному сосѣдству, въ которомъ находится во всѣхъ этихъ отчетахъ имя Зола, по одному тому, что оно постоянно фигурируетъ рядомъ то съ именами Гейне и Шиллера, то съ именами Ренана, Бебеля и Лассалья, можно заключить, что читатель-рабочій ищетъ въ произведеніяхъ

¹) Dr. A. Pfannkuche. „Was liest der deutscher Arbeiter“, 1900 (Таблица въ концѣ):

²) Отчеты эти помѣщены въ „Die Neue Zeit“ за разное время.

Зола не «пикантныхъ подробностей», а серьезныхъ отвѣтовъ на серьезные запросы. И, въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ отчетахъ, гдѣ указано, какіе именно романы больше всего читаются рабочими, почти всюду повторяются названія «Углекоповъ» и «Западнѣ», и очень рѣдко попадается «Нана»¹.

II.

Въ чемъ же заключается причина подобной обширной популярности Зола?

Выступивъ въ литературу съ теоріей экспериментальнаго романа, съ проповѣдью холоднаго и безстрастнаго реализма, Зола—къ тому же и по натурѣ сдержанный и замкнутый—не могъ и не позволялъ себѣ проявлять свои чувства по отношенію къ народу. Но онъ, безъ сомнѣнія, глубоко любилъ народъ. Это высказывалось въ томъ вниманіи, съ какимъ онъ постоянно останавливался на народной жизни. Это еще болѣе ярко высказалось въ его послѣднихъ романахъ, въ особенности, въ «Трудѣ». Жюль Кларети, въ одной своей статьѣ о Зола, вспоминая про свою встрѣчу съ Зола послѣ представленія какой-то комедіи послѣдняго, рассказываетъ: «Въ моихъ ушахъ еще звучатъ его слова о той радости, которую онъ испытываетъ при мысли о томъ, чтобы говорить прямо народу, идти къ «малымъ симъ», служить имъ, и взамѣнъ этого просить у нихъ не «избирательныхъ голо-совъ», а довѣрія и открытую душу».

Но Зола больше, чѣмъ любилъ народъ, онъ его уважалъ, уважалъ настолько, что открыто и прямо говорилъ ему въ глаза самую горькую правду. Онъ, кромѣ того, вѣрилъ въ народъ, вѣрилъ въ его здоровыя инстинкты, въ его здравый смыслъ. Въ строгомъ реализмѣ онъ видѣлъ не только «научный пріемъ», но и лучшее средство для воспитанія и просвѣщенія народной массы. Отвѣчая однажды репортеру на вопросъ: какая литература нужна народу?—онъ высказалъ слѣдующее:

1) „Пикантныя подробности“ даже иногда отталкиваютъ читателя рабочаго отъ чтенія Зола. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ одной германской библіотеки союза переплетчиковъ говорится: „Произведенія Зола, въ 20-и томахъ, вначалѣ усердно читались, особенно „Углекопы“, но теперь интересъ къ нимъ значительно понизился, благодаря тому, что многіе читатели почувствовали истинное отвращеніе къ способу писанія Зола и теперь не хотятъ брать никакого изъ его сочиненій“.

— «Реалистическая страница несравненно полезнее для рабочего, чѣмъ разный сантиментальный мелодраматическій вздоръ... Мое мнѣніе таково: если показать человѣку яркую картину его пороковъ во всей ихъ отвратительной наготѣ, то это должно непременно заставить его страдать. должно побуждать его исправиться»¹⁾).

Говорить въ глаза правду не легко и не безопасно не только царямъ, но и народу, въ особенности «народу-властелину», а тѣмъ болѣе французскому народу, совершенно не привыкшему къ этому, постоянно убаюкиваемому лестью, угодничествомъ и громкими фразами. Не дешево обошелся Зола его «подвигъ правды». Онъ былъ забросанъ грязью и клеветой, какъ ни одинъ писатель въ мірѣ,—и больше всего досталось ему за тѣ произведенія, въ которыхъ онъ рѣзко и открыто высказывалъ горькую правду, въ которыхъ онъ обличалъ недостатки и пороки рабочихъ («Западня») и крестьянъ («Земля»), неспособность арміи («Разгромъ»), темныя интриги всей коалиціи реакціонной Франціи (его письмо Ф. Фору «J'accuse!»). Этихъ смѣлыхъ обличеній не могла ему простить вся та «уличная печать», безпринципная, лакейная, играющая на самые дурныя инстинкты толпы, та печать, которую Зола, въ моментъ страстнаго негодованія, во время дѣла Дрейфуса, заклеилъ названіемъ «la presse immonde» и которой онъ въ своемъ послѣднемъ романѣ «La Verité», посвящаетъ нѣсколько горькихъ строкъ. Говоря объ одномъ изъ распространенныхъ «уличныхъ листковъ», игравшемъ роль въ осужденіи ни въ чемъ неповиннаго учителя (героя романа), онъ восклицаетъ: «О, этотъ чудовищный листокъ! Онъ представляетъ собою убійственный ядъ, который развращаетъ и калѣчитъ цѣлый народъ. Если беззаконіе становится возможнымъ, то это потому, что подобныя газеты отравляютъ своей ложью бѣдный французскій народъ, еще столь невѣжественный и столь легковѣрный къ сказкамъ, которыми льстятъ его низменнымъ инстинктамъ».

Но если «уличная печать» не простила Зола его «правды», то самъ народъ не только не обижался на нее, но высоко цѣнилъ ее въ произведеніяхъ Зола, которыми онъ зачитывался. Въ предъидущемъ очеркѣ приведенъ отзывъ работницы о романахъ Зола: «Люблю Зола за его правдивость». И этотъ отзывъ могли бы повторить многіе и многіе читатели Зола изъ рабочей среды.

¹⁾ „L' Evénement“ отъ 17 ноября 1895 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Народъ и война.

„Если есть на свѣтѣ существо, вполне непричастное никакому фанатизму, такъ это именно — русскій солдатъ“.

Ө. М. Достоевскій.

Русскій народъ никогда не отличался воинственностью, не смотрѣлъ на войну, какъ на жизненную цѣль или постоянное занятіе, не окружалъ ея ореоломъ нравственныхъ мотивовъ. Древніе славяне не имѣли своего «бога войны». И если мы обратимся къ произведеніямъ народнаго поэтическаго творчества—этому вѣрнѣйшему выразителю народныхъ воззрѣній, думъ и чаяній,—мы въ нихъ не найдемъ, ни воинственныхъ поэмъ въ родѣ «Chansons de Geste», ни боевыхъ пѣсенъ, которыя складывались бы въ пылу битвы и могли бы вызывать воинственный энтузіазмъ.

Что славянская народная муза даже въ древнія времена не увлекалась воинственными мотивами, свидѣтельствуютъ народныя былины, въ которыхъ гораздо больше воспѣваются пиры Владимира Красна-Солнышка, чѣмъ его походы, и если имѣется идеализація богатырей, то очень опредѣленно отдается предпочтеніе надъ ними крестьянину-пахарю. Мужичокъ Микула Селяниновичъ, котораго «любитъ мать сыра земля» и который несетъ за плечами сумочку съ ея «тягой», оказывается сильнѣе самаго могучаго богатыря Святогора. Въ единственной дошедшей до насъ старинной народнѣйшей поэмѣ на военную тему, въ «Словѣ о полку Игоревѣ», мы находимъ, вмѣсто идеализаціи войны и воспѣванія героическихъ подви-

говъ русскихъ Роландовъ, горькія жалобы и выраженіе глубокаго отвращенія къ войнѣ.

Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ,
Широко печаль течетъ по Руси;
А князья куютъ себѣ крамолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ...
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси горемъ!..
Не снопы то стелютъ на Нѣмигъ,
Человѣчьи головы кидаютъ!
Не цѣпами молотятъ—мечами!
Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
Охъ, не житомъ сѣяны, костями
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своимъ, русскими костями!..

Русская народная муза создала циклы военно-историческихъ, солдатскихъ и режуртскихъ пѣсенъ, но всѣ онѣ, за исключеніемъ немногихъ казацкихъ пѣсенъ, принадлежащихъ къ опредѣленной эпохѣ,—по своимъ мотивамъ и настроенію, менѣе всего могутъ быть названы «воинственными». вмѣсто воспѣванія побѣдъ, вмѣсто восторженнаго описанія грома и блеска казовой стороны войны,—мы въ нихъ находимъ унылыя жалобы на трудности солдатскаго житія, на голодъ, холодъ и одиночество на чужой сторонѣ.

Въ общемъ, русская народная масса смотритъ на войну, какъ на великое несчастье, какъ на кару Божью. И если русскій человѣкъ, въ качествѣ солдата, всегда самоотверженно, безъ колебаній шелъ на смерть, то, въ качествѣ гражданина, онъ крайне рѣдко проникался воинственнымъ азартомъ настолько, чтобы по собственной инициативѣ выступить противъ врага, чтобы связывать съ побѣдой или пораженіемъ вопросъ своего національнаго существованія. Такихъ національныхъ войнъ русская исторія знаетъ—по опредѣленію Л. Н. Толстого¹⁾,—всего двѣ: войны 1612 и 1812 гг. Только относительно этихъ войнъ, въ особенности, послѣдней, народная муза могла сказать:

¹⁾ „Если удовлетворить одному національному чувству, что же останется изъ всей исторіи?—612 и 812 года и все“ („Педаг. статьи“ Соч. Т. IV стр. 330).

И идетъ-собирается со всей Руси
 Силушка великая, несмѣтная.
 Бросають мужики своихъ женъ и дѣтей,
 Добры молодцы зазнобушекъ,
 Слѣзають старики съ печей, заваленокъ,
 Расправляютъ кости старыя,
 Идутъ биться съ сушостатами ¹⁾.

I.

Русская народная масса имѣетъ крайне смутное и, болѣею частью, фантастическое представленіе о собственной родинѣ: о государственномъ устройствѣ Росси, о ея размѣрахъ, составѣ населенія, и, въ особенности, о ея роли въ международныхъ отношеніяхъ. Еще болѣе смутны и фантастичны представленія массы о другихъ народахъ. О большинствѣ изъ нихъ, даже о нѣкоторыхъ изъ европейскихъ народовъ, она совершенно никакого представленія не имѣетъ, даже не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи.

Главнымъ отличіемъ иноземцевъ отъ русскихъ является, по представленію народной массы, вѣра. Истинные христіане, вѣрующіе въ истиннаго Бога—только русскіе, да еще, по довольно распространенному представленію, китайцы (!). Всѣ же другіе народы, и западные, и восточные, не знаютъ правой вѣры и даже поклоняются идоламъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, не дѣлается никакого различія между «нехристіями», «идольниками», «католиками» и «алюторами».

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія составительницы «Что читать народу?» произвели въ различныхъ частяхъ Россіи опросъ взрослыхъ крестьянъ относительно разныхъ географическихъ терминовъ и, между прочимъ, относительно другихъ народовъ, населяющихъ земной шаръ. Среди полученныхъ отвѣтовъ находятся слѣдующіе: «Турки вѣры католической». «Татары—не знаю, чѣмъ завѣдуютъ, католики—народъ особенный». «Англичане вѣры католической» ¹⁾. Зато относительно Китая въ отвѣтахъ говорится: «Китай такой народъ есть, который вѣруетъ, какъ и мы». «Китай, тамъ народъ крещеный» ²⁾.

Въ отношеніи культурномъ народъ рѣзко отличаетъ западные народы отъ восточныхъ. Въ прежнія времена всѣ западныя націи сливались въ

¹⁾ Г. Вѣлозерскій, „Сказитель-гуслирь въ уральскомъ краѣ“ („Русск. Богат.“, 1902 г., № 11).

²⁾ Мнѣ приходилось слышать повѣрье, что „Англичане поклоняются Юпитеру“.

³⁾ „Что чит. нар.“ Т. II, стр. 802—7.

его представленіи въ однородную массу, носившую общее названіе «нѣмцевъ». И если эти «нѣмцы» характеризовались, какъ народъ безпокойный и непокорный, то за ними въ то же время признавались преимущества культурнаго характера: «нѣмецъ» отличался умомъ, ловкостью и выдумкою. Наиболѣе сложныя и хитрыя изобрѣтенія носили названіе «нѣмецкихъ штукъ», «нѣмецкой выдумки».

Въ теченіе послѣдняго столѣтія, благодаря развитію промышленности и повышенію уровня умственнаго развитія народной массы, она начала различать среди западныхъ націй, кромѣ нѣмцевъ, еще и французовъ, и англичанъ, и отчасти другіе народы, продолжая признавать за всѣми ими преимущество въ культурномъ отношеніи. «Объ Англіи и Америкѣ—говорится въ анкетѣ «Что читать народу?»—отзываются съ уваженіемъ къ ихъ высокому промышленному и торговому развитію». — «Англійскій народъ достаточно промышленный, они изобрѣтаютъ разные дѣйствующіе инструменты».—«Англія—тамъ живутъ люди, здоровые модники, выдумалъ чугунокъ, здорово укрѣпленія дѣлаетъ, дѣлаетъ такое, чтобы всѣмъ была ~~шорысть~~ польза), дуже чудной народъ; модники («значить—выдумываютъ различное изобрѣтеніе, а не платье для господъ», поясняетъ отвѣчавшій).—«Есть земля Америка. Тамъ люди образованные, ученые. Но работать очень проворные, не смотря на то, что ученые».—«Американцы живутъ богато, потому что тамъ народъ искусственный, какъ для работъ, какихъ они болѣе способны, такъ для прочихъ».—«Въ Австріи живетъ народъ больше именитый, онъ больше способенъ на разное руко-месло, такъ что если который человекъ бѣдный, то они другъ другу помогаютъ»¹⁾).

Совершенно иное представленіе имѣетъ народная масса о восточныхъ племенахъ и народахъ. Въ прежнія времена, когда русскому народу приходилось вести борьбу съ окружающими племенами, онъ различалъ всѣ эти племена и характеризовалъ каждое изъ нихъ какимъ-нибудь прозвищемъ («чудъ бѣлоглазая», «пермь большеротая» и т. д.).

Названія этихъ племенъ, совершенно забытыя современными поколѣніями, сохранились только въ народныхъ былинахъ, пѣсняхъ и заговорахъ. Въ «Заговорахъ ратнаго человека, идущаго на войну», возсылается моленіе о томъ, чтобы быть укрытымъ «отъ силы вражьей»... «отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ невѣрныхъ людей: нагайскихъ, нѣмецкихъ, мордвы, татаръ, банкирцевъ, кошмыковъ, гулянцовъ, бухарцовъ, кобытей, вовуловъ, бу-

¹⁾ Тамъ же 802—3.

мирцовъ, турчениновъ, якутовъ, яунасовъ, черемисовъ, вотяковъ, либавовъ, китайскихъ людей»¹⁾).

Въ настоящее время народная масса имѣетъ болѣе или менѣе определенное представленіе только о двухъ восточныхъ государствахъ: Китаѣ и Турціи, а въ самое послѣднее время — и о Японіи. Всѣ другія восточные племена и народы сливаются въ общемъ названіи «азіаты», о которыхъ у народной массы существуютъ самыя фантастическія представленія. «Объ Азіи знаютъ, какъ о странѣ съ одноглазыми людьми, объ одной рукѣ и ногѣ,—пишутъ составительницы «Что читать народу?»—при чемъ приводятся слѣдующіе «отвѣты»: «Въ Азіи есть такіе люди, у которыхъ по одному глазу во лбу, по одной рукѣ и ногѣ. Они живутъ въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ люди мало ходятъ. Но если увидятъ посторонняго человѣка, они не отпустятъ его живымъ, такъ что одинъ не можетъ бѣжать, то схватятся двое и пустятся бѣжать, такъ что тотъ человѣкъ (пришлый) не можетъ убѣжать отъ нихъ. Они его нагоняютъ и съѣдятъ. Они называются людодѣдами».—На Кавказѣ «въ горахъ живутъ люди съ однимъ окомъ—«песьеголовцы». Людодѣдами въ одномъ отвѣтѣ изображаются и китайцы, вопреки обычному о нихъ высказанному мнѣнію: «Живутъ тамъ (въ Китаѣ) плохо, ѣдятъ своихъ дѣтей». Къ Азіи же приурочивается полужантасическая «Арапія», гдѣ живутъ люди съ «песьими головами». Почему-то держится мнѣніе, что тамъ «недостатокъ въ женщинахъ». Во время всеобщей переписи 1897 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «ходили слухи, что въ какой-то Арабіи умерло много людей, а потому туда хотятъ переселить молодыхъ бездѣтныхъ вдовъ и выдавать замужъ за арабовъ»²⁾. Ходятъ еще слухи о бѣлой Арапіи, которая смѣшивается съ Китаемъ и «которая покорить весь свѣтъ»³⁾).

Что «азіаты» рисуются человѣку изъ народа непремѣнно въ видѣ какихъ-то страшныхъ уродовъ, одноглазыхъ, одноногихъ, песьеголовыхъ и т. п., можно судить и по одной, имѣющей несомнѣнно этнографической характеръ, сценкѣ изъ разсказа Л. Н. Толстого.

Солдатъ Чигинъ разсказываетъ въ полку, какъ онъ, будучи въ деревнѣ, «задавалъ тонъ», «предводительствовалъ», разсказывалъ крестьянамъ, «какой такой Кавказъ есть».

— «Тоже спрашиваютъ (крестьяне), какой, говорить, тамъ, малый,

¹⁾ П. И. Сахаровъ, „Сказанія русскаго народа“. Ч. I, стр. 53—56.

²⁾ Я. А. Плющевскій-Плющикъ. „Сужденія и толки народа объ однодневной переписи“. Спб., 1898.

³⁾ М. Дикаревъ. „Толки народа о кончинѣ міра“. „Этн. Обзор“, 1904 г., № 2.

черкесь, говорить, или турка у васъ на Кавказѣ бьетъ?—Я говорю: у насъ черкесь, милый человекъ, не одинъ, а разные есть. Есть такіе тавлинцы, что въ каменныхъ горахъ живутъ и камень замѣстъ хлѣба ѣдятъ. Тѣ—большіе, говорю, ровно, какъ колода добрая, по одному глазу во лбу и шапки на нихъ красныя... А то еще, говорю, мумры есть... Тѣ парочками, говорю, рука съ рукою держатся и такъ то бѣгаютъ, говорю, швитко, что ты его на конѣ не догонишь... Онъ такой отъ природи. Ты имъ руки разорви, такъ кровь пойдетъ, все равно, что китаецъ: шапку съ него сними, она кровь пойдетъ... А поймають тебя, животь распорять, да кишки тебѣ на руку и мотають. Они мотають, а ты смѣешься,—дотолева смѣешься, что духъ вонъ¹⁾).

Нѣмцы, французы и англичане въ Европѣ, турки и китайцы въ Азіи извѣстны, хотя бы по имени, даже самой темной массѣ; о нихъ циркулируютъ различныя легенды политическаго характера. Характерно, прежде всего, что всѣ эти народы обыкновенно конкретизируются въ представленіи народной массы въ одномъ лицѣ. Для массы существуетъ не Англія и Франція, не Китай и Турція, а «англичанка», «французъ», «турка», «дядя Китай». При этомъ «дядя Китай» или «царь Китай» рисуется богатымъ, добродушнымъ и щедрымъ, но лѣнивымъ и неподвижнымъ старикомъ, имѣющимъ двухъ сыновей. «Англичанка» изображается хитрой, коварной и сварливой бабой, которая иногда не прочь и выругаться нехорошимъ словомъ. «Турокъ» изображается въ видѣ глупаго и безтолковаго существа, неопредѣленнаго рода, которое, не зная зачѣмъ, мутитъ, бунтуетъ, дѣлаетъ глупости и, попадая въ критическое положеніе, трусливо прячется за спиной «англичанки» и проситъ «пardonу».

II.

Ближе и лучше всего народная масса знаетъ, конечно, нѣмцевъ. Человеку изъ народа, крестьянину, рабочему или мѣщанину, часто пришлось и приходится сталкиваться съ нѣмцами, какъ съ управителями, начальниками, главными мастерами, нерѣдко чиновниками и т. п., и поэтому въ массѣ выработалось опредѣленное представленіе о нѣмцахъ, какъ о представителяхъ особой культурной національности. Но, рядомъ съ этимъ, масса совершенно не интересуется «нѣмцемъ» съ точки зрѣнія политической и международной. Обширно ли нѣмецкое государство, сильно ли оно, каковы отношенія «нѣмца» къ Россіи и Бѣлому царю—къ этимъ вопросамъ народное творчество остается совершенно индифферентнымъ.

¹⁾ „Рубка лѣса“. Соч. Т. III. стр. 58—9.

Въ многочисленныхъ легендахъ о войнахъ, дипломатическихъ столкнове-
нiяхъ и т. п. «нѣмецъ» почти никогда не фигурируетъ, точно онъ ни-
какого значенiя не имѣетъ въ международныхъ отношенiяхъ.

Приблизительно таково же отношенiе народной массы и къ францу-
замъ, съ которыми массѣ несравненно рѣже приходится сталкиваться въ
повседневной жизни, чѣмъ съ нѣмцами. Не смотря на то, что почти всѣ свѣ-
дѣнiя о французхъ имѣютъ своимъ основанiемъ нашествiе 12-го года и, от-
части, севастопольскую войну, «французъ» не фигурируетъ въ народныхъ
легендахъ какъ «держава», какъ воинственная сила, которая можетъ быть
дружественной Россiи или «бунтовать» противъ нея. Что еще болѣе ха-
рактерно—народъ не сохранилъ по отношенiю къ «французу» никакого
непрiязненнаго чувства. Напротивъ, французъ рисуется въ народныхъ ле-
гендахъ и разказахъ съ очень симпатичной стороны, какъ деликатный,
обходительный и добрый.

Гораздо больше вниманiя, чѣмъ нѣмцу и французу, удѣляетъ на-
родная легенда «турку», который трактуется уже исключительно, какъ
политическая и воинственная сила. Однако, народная масса, судя по ея
легендамъ и разказамъ, отказывается видѣть и въ Турцiи самостоятель-
ную силу. Вообще, отношенiя къ «турку» или «туркѣ», какъ къ госу-
дарству и какъ къ нации—самое презрительное. Въ упомянутой выше
анкетѣ хотя и повторяется нѣсколько разъ отзывъ о Турцiи, какъ о «самой
богатой странѣ», потому что тамъ «много золота», «множество золота,
серебра и винограду», но самимъ туркамъ дается характеристика далеко
не лестная.—«О Турцiи въ отвѣтахъ говорится по большей части не съ
особенной симпатiей—отмѣчаютъ составительницы отчета.—О туркахъ
знаютъ, главнымъ образомъ, благодаря послѣдней войнѣ: «Мы знаемъ
про турокъ, турки народъ некрещеный и очень злы и напрасливы.. Люди
некрасивы и грязны и видъ ихъ ненавистный, суровый, притомъ же
землистой, настоящие кровожаты» (802). Подробную и яркую ха-
рактеристику отношенiя народа къ турку во время турецкой войны далъ
въ своихъ «Письмахъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардтъ: «Турокъ надоѣлъ
до смерти,—писалъ онъ по поводу толковъ о войнѣ 1877—8 г.—Все изъ-
за его бунтовъ выходитъ. Но отношенiе къ турку какое-то незлобивое,
какъ къ ребенку: несостоятельный, значить, человекъ, все бунтуетъ.
Нужно его усмирить; онъ отдышится, опять бунтовать станетъ, опять
будетъ война, опять потребуютъ людей, подводы, холсты, опять кашусту
выбирать стануть. Нужно съ нимъ покончить разъ навсегда... Никакой
ненависти къ турку, все злоба на нее, на англичанку. Турка просто

игнорируютъ, а шибныхъ турукъ жалбуютъ, калачики имъ подають. По-
даетъ кто? Мужики» ¹⁾).

Съ совершенно особеннымъ интересомъ останавливается народное легендарное творчество на тѣхъ двухъ народахъ, съ которыми Россія рѣже всего имѣла военныя столкновенія, Англии и Китаѣ. Темная масса какъ бы инстинктомъ отгадала и могущество, и международное значеніе этихъ двухъ народовъ и признала за ними гегемонію надъ двумя частями свѣта: Англии—надъ Западомъ, Китая—надъ Востокомъ. Какое бы крупное политическое событіе ни произошло на Западѣ—это дѣло рукъ одной только Англии, которая является въ представленіи народа повелительницей не только Турціей, но и другихъ державъ (кромѣ Россіи, конечно). Та же роль приписывается (или приписывалась до японской войны) Китаю на Востокѣ. Только эти два народа могущественны настолько, что Россіи приходится съ ними серьезно считаться. И насколько народная масса высказываетъ неприязнь и недовѣріе къ Англии, которую считаетъ виновницей всѣхъ заговоровъ и «бунтовъ» противъ Россіи, настолько же она относится дружелюбно и довѣрчиво къ Китаю, въ которомъ видитъ неизмѣннаго союзника и даже защитника Россіи.

III.

Мы уже указывали выше, что народъ считаетъ Англию одной изъ самыхъ культурныхъ странъ: «Въ Англии люди живутъ хорошо, т.-е., богато и роскошно». «Английскій народъ достаточно промышленный». Англичане «приспособлены къ разнымъ ремесламъ», «работаютъ разныя машины».

Англія считается самой богатой страной, и богатство ея приписывается опять-таки ея культурности: «Самая богатая сторона Английская, потому что она теплѣе и народъ богаче и хитрѣй на всякія науки или что тамъ сработать—машины разныя, или вообще какія новенькія разныя выдѣлки, и вообще у нихъ болѣе серебра и золота!». «Въ Россіи (!) кажется самая богатая страна Англичанка, потому что тамъ умный народъ. Тамъ выдѣлываютъ разныя машины». Но, рядомъ съ этимъ, сами англичане рисуются далеко не симпатичными. «Англичанскій народъ очень хитрый. Всѣ хитрости отъ нихъ происходятъ... Порядокъ у нихъ не хорошъ». (803—5).

¹⁾ Стр. 317—18.

Хитрость и коварство—неотъемлемыя черты «англичанки». От нея идет всякая смута, она натравливаетъ одинъ народъ на другой, а сама всегда остается въ сторонѣ. Въ 70-мъ году она натравила нѣмцевъ на французовъ, въ 84-омъ году—француза на Китай, въ 77-мъ она уговорила турка «взбунтоваться» противъ Бѣлаго царя и тайно оказывала ему, турку, помощь. Не безъ тайнаго вмѣшательства англичанки обошлась и русско-японская война.

Характеризуя отношеніе крестьянъ къ русско-турецкой войнѣ, А. Н. Энгельгардтъ писалъ: «О войнѣ стали поговаривать уже давно, года три-четыре тому назадъ. Носились разные слухи, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ фигурировала «англичанка». Какъ ни нелѣпы были эти слухи и рассказы, но общій ихъ смыслъ былъ такой: «вся загвоздка—въ англичанкѣ». (317—29).

Это же констатируетъ и другой наблюдатель деревенскаго настроенія того времени. По поводу манифеста о войнѣ съ Турціей крестьяне рассуждали: «Это все агличанка мутить, подлая. Кому больше, знамо она: завидно, что въ Россіи спокой сталъ». Когда война затянулась и выступили наружу ея трудности и огромныя потери русскаго войска, крестьяне «стали упорнѣе доискиваться причины войны. Но отвѣта никто не могъ дать на этотъ мучительный вопросъ. Никто ничего не зналъ. И все сваливали на мюнхескую англичанку.—Это она все... Гдѣ бы туркѣ съ Россіей!» 1).

На почвѣ этого же убѣжденія, что во всемъ виновата «англичанка», которая орудуетъ за спиной Турціи, сложилась и на Уралѣ любопытная легенда о Скобелевѣ, которую приводитъ В. Г. Короленко. Оказывается, что «Скобелевъ вовсе не умеръ, а «скрылся», потому что былъ приговоренъ къ разстрѣлу за обиду, нанесенную «англичанкѣ».

— «Онъ (Скобелевъ), значить, стоитъ на Балканахъ противъ Царяграда а англичанка загородила дорогу. Нѣмецъ и говорить; даромъ, что Скобелевъ на Балканахъ,—англичанка юбкой потрясетъ, онъ и уберется.

А онъ услышалъ и осердился.

— Ахъ, она, говоритъ, такая, сякая... Давай ее сюда, я ее... Ну, и загнуйтъ....

— По русски!

— Да!.. Она, конечно, обидѣлась...

— Всетаки королева...

1) И. Соколовъ, „Въ глубинѣ Россіи“ („Образованіе“, 1903, № 3).

— Само собой... Императрица! Ну, нашему Царю изъ-за Скобелева не воевать. И скрылся—будто растрѣлянъ. А подойдет война, онъ тутъ»... 1).

То обстоятельство, что Плевна держалась дольше, чѣмъ могли ожидать, объяснялось тоже вмѣшательствомъ Англіи. По словамъ Энгельгардта, крестьяне толковали: «Она (т.-е. англичанка) отъ себя желѣзную дорогу подземную въ Плевну сдѣлала и по ней турку войско и харчъ доставляла, а онъ-то, Черняевъ 2), англичанкину дорогу сейчасъ и увидалъ и засыпать приказалъ. Ну, сейчасъ тогда Плевну и взяли».

Въ 90-хъ гг., во время холерной эпидеміи, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ произошли холерные беспорядки, въ народной массѣ циркулировала слѣдующая ужасная легенда: «Англичанка узнала, что въ Россіи народилось много народу, вотъ она и подкупила докторовъ, чтобы они отравляли колодцы и сѣяли въ народѣ морь. Хотѣла, значить, чтобы русскаго рода поубавилось, чтобы его можно было легко истребить».

Разсуждая объ англичанкѣ, человѣкъ изъ массы иногда не прочь покуражиться: «Мы вотъ какъ ее, англичанку-то!» «Мы ей въ хвостъ вдаримъ». «А въ морду не хочеть она, твоя англичанка?» и т. п. Но, вмѣстѣ съ этимъ, въ народѣ крѣпко держится сознаніе, что англичанка—большая сила и что безъ хитрости намъ съ нею, пожалуй, и не справиться. И народная фантазія работаетъ надъ вопросомъ, какъ укротить этого могущественнаго врага.

Женитьба англійскаго принца на дочери Александра II вызвала въ народѣ много толковъ, слуховъ и легендъ. Этимъ фактомъ объяснялось долготерпѣніе русскаго царя по отношенію къ вражескому государству:

— «И отчего ее не пристукнетъ нашъ царь?—удивлялись крестьяне.—Пристукнуть бы—и шабашъ. Али хлѣба не отпущалъ бы туда. Зачѣмъ хлѣбъ отпускаютъ? Безъ хлѣба-то немного поскакала бы, какова она тамъ ни есть.

— Нельзя, значить, не отпущать. Царь первѣйшую свою дочку за англичанку отдалъ. Слышь, бабъ туда изъ Россіи набирать стануть. Російскій народъ разводитъ хотятъ, чтобы, значить, не скучно царевнѣ-то было среди нехристей» 3).

Подобная же легенда о «бабскомъ наборѣ» въ связи съ борьбой противъ англичанки приводится и у Энгельгардта:

1) „У казаковъ“ („Русск. Богатство“ 1901 г., № 10).

2) По другимъ версіямъ: Скобелевъ, Гурко.

3) „Въ глуб. Россіи“.

«Стали говорить, что будетъ наборъ изъ дѣвокъ, что этихъ дѣвокъ царь отдастъ въ приданое за дочкой, которая идетъ къ англичанкѣ въ домъ. Дѣвокъ, толковали, выдадутъ замужъ за англичанъ, чтобы дѣвки ихъ въ нашу вѣру повернули». Этому послѣднему средству, «обращенію въ нашу вѣру», придавалось особенное значеніе: «Поднесеніе принцу Единбургскому иконы Смоленской Божьей Матери дало обильную пищу толкамъ и слухамъ, которые всѣ можно свести къ одной мысли: мы стремимся перевести англичанку въ нашу вѣру». «Общій смыслъ—резюмируетъ Энгельгардтъ—таковъ: чтобы вышло что-нибудь, нужно соединиться съ англичанкой, а чтобы соединиться, нужно ее въ свою вѣру перевести. Не удастся же перевести англичанку въ свою вѣру—война» ¹⁾.

Мнѣ лично привелось записать слѣдующую характерную легенду объ англичанкѣ и ея враждебномъ отношеніи къ Россіи. «Теперь ей, старой лютрѣ, англичанкѣ, значить, и конецъ будетъ! Мutilа, мutilа она противъ Россіи, а теперь ей самой хвостъ прижали! Пока сынъ ея былъ въ малыхъ лѣтахъ, она что хотѣла, то и дѣлала. И справиться съ нею трудно было, потому что сила у нея большая была. А какъ подросъ сынъ, онъ и говоритъ ей: «Выдѣли мнѣ, говоритъ, половину царства. Хочу самъ править». Ну, она туда-сюда, вертѣлась, хитрила, да ничего подѣлать не могла и выдѣлила ему половину царства. Тогда онъ возьми да и поддайся нашему царю въ подданство! Вотъ она и сѣла. Съ половиною царства много не навоюешь. А какъ захочетъ она противъ насъ идти—сейчасъ сынъ противъ нея пойдетъ, дорогу ей загородитъ!»

IV.

Насколько подозрительно и недружелюбно народная масса относится къ англичанкѣ, настолько же довѣрчивы и дружелюбны ея отношенія къ Китаю, который изображается самымъ богатымъ, самымъ сильнымъ и наиболѣе расположеннымъ къ Россіи народомъ.

При анкетѣ составительницъ «Что читать народу?» на вопросъ: «Какая самая богатая страна?»—изъ 98 отвѣчавшихъ, 35 указали на Китай ¹⁾, при чемъ отвѣты сопровождались слѣдующими поясненіями:

¹⁾ „Изъ деревни“, стр. 327—9.

²⁾ Остальные 63 отвѣта раздѣлились слѣдующимъ образомъ: Россіи—24, Амуръ—10, Англія—13, Турція—6, Индія—4, Соедин.-Штаты—4, Франція—2.

«Китайская страна богатая и тамъ люди живутъ очень богато; потому они богаты, что тамъ хлѣбъ хорошій родится и у нихъ земля плодородна».

«Китай, сторона самая богатая, потому что она сама въ себѣ живетъ».

«Самое богатое—Китай. А почему онъ богатый? Потому что онъ войны не имѣлъ никогда». И т. д.

И въ силѣ, какъ и въ богатствѣ, первенство тоже отдается Китаю. На вопросъ: «Какая самая сильная земля?»—изъ 85 отвѣтовъ, Китай названъ въ 42-хъ (Россія—въ 37, Англія—2, Австрія—2, Швеція—1, еврей—1).

Сила Китая объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ еще никогда не воевалъ: «Китайская земля силу съ начатія вѣка не теряла». «Самый сильный—Китай: онъ еще силы не тратилъ ни съ кѣмъ, и потому онъ и силенъ». «Китай сильнѣе всѣхъ потому, что у его много людей и такъ что отъ роду не воевалъ ни съ кѣмъ». Подобныхъ отвѣтовъ насчитывается болѣе десяти. Въ другихъ отвѣтахъ, какъ на источникъ силы Китая указывается на его населенность. Въ нѣсколькихъ отвѣтахъ сила Китая приписывается обилію войска и припасовъ, чему противорѣчить гораздо болѣе распространенное мнѣніе, что «китайцы къ военному дѣлу мало способны, не проворны». (804—8).

Въ воззрѣніяхъ народа на Китай, какъ и, вообще, на восточныя страны, очень часто выступаютъ представленія мистическаго характера. Китай «отъ вѣка не тронуть», и его война связывается съ кончиной міра. «Завѣтъ отъ Бога данъ имъ (китайцамъ) не воевать. Когда завѣтъ исчезнетъ, тогда и конецъ міру».

Въ другомъ отвѣтѣ сила Китая объясняется тѣмъ, что «тамъ 400 медвѣдей сидятъ въ potrzeбахъ; когда ихъ выпустятъ, они всю Россію пройдутъ, и тогда китайцы всѣхъ обратятъ въ магометанство, тогда конецъ міру».

Эту же мистическую нотку въ воззрѣніяхъ народа на Китай отмѣчаютъ и другіе изслѣдователи: «Пресловутый Китай-царь,—пишетъ извѣстный этнографъ М. Дикаревъ,—любимый герой народа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сельскій политиканъ желаетъ хвастнуть передъ себеѣдникомъ своей политической мудростью; этотъ герой также связывается съ вопросомъ о кончинѣ свѣта: «Якъ пройдетъ Китай черезъ увесь свить, тогда вже и конецъ свиту буде» (Полтав. губ.). «Великороссы Нижнедѣвицкаго у. (Ворон. губ.) рассказываютъ, что передъ страшнымъ судомъ Китай (онъ же Бѣлая Арапія) покорить весь свѣтъ, въ томъ числѣ и Бѣлаго Царя, котораго будетъ держать въ плѣну 3 года; какъ

только Бѣлая Арапія выпуститъ изъ плѣну Бѣлаго Царя—немедленно же настанетъ конецъ свѣта»¹⁾).

По представленію народа, между Россіей и Китаемъ существуетъ вѣчный миръ. Это представленіе облечено въ слѣдующую легенду: «На границѣ земли русской и китайской стоитъ столбъ, и на томъ столбу надпись (къмъ сдѣлано отъ вѣчныхъ временъ, неизвѣстно), чтобы Китаю съ Россіей не воевать. Былъ у царя китайскаго сынъ, и очень ему была охота большая воевать, и онъ пришелъ къ отцу и сталъ просить, чтобы отецъ далъ войско идти на Россію войной. А царь ему говоритъ: Этого сдѣлать тебѣ нельзя. Развѣ не знаешь? — Сынъ ничего не сказалъ царю, пошелъ на границу и ту надпись стеръ. Тогда приходитъ къ отцу и говоритъ: теперь той надписи нѣтъ: я ее уничтожилъ. Царь удивился и сказалъ: теперь дѣлай, какъ самъ знаешь. Сынъ собралъ большое войско и пошелъ на Россію. Только подходятъ на границу, а тамъ на столбѣ опять прежняя надпись есть. Такъ долженъ онъ былъ воротиться и войско распустить»²⁾).

Но Китай не только находится въ вѣчномъ мирѣ съ Россіей,—онъ еще является ея союзникомъ.

«Говорятъ, что въ предстоящемъ кровопролитіи,—пишетъ одинъ этнографъ по поводу толковъ народа въ 1891-2 г. о войнѣ,—приметь участіе «Китай-царь». Онъ, какъ слышно отъ стариковъ, когда-то давнымъ-давно воткнулъ свою саблю въ стѣну своего дворца и сказалъ: «До тѣхъ поръ не буду воевать, пока моя сабля не обростетъ мохомъ». Теперь, стало быть, это время пришло. Силенъ Китай-царь, но не народомъ, а деньгами: найметъ столько войска, что оно всѣхъ непріятелей, что называется, шапками закидаетъ, и верхъ обязательно его будетъ. А стоять онъ будетъ непременно за русскихъ»³⁾).

Эта же надежда на помощь Китая выражалась, хотя съ опаской, и во время русско-турецкой войны. По словамъ Энгельгардта, въ то время высказывались «самыя, повидимому, бессмысленныя вещи, смѣшныя даже:—Китай за насъ подымается. Царь Китаю не вѣрить, боится, чтобы не обмануль, говорить ему: «Ты, Китай, свой берегъ Чернаго моря стереги, а я, говорить, буду свой берегъ». «Вотъ только бы Китай поддержалъ,—говорили другіе.—Царь-то вотъ Китаю не вѣрить», добав-

1) М. Дикаревъ. «Толки народа (1892 г.) о скорой кончинѣ міра» (Этнограф. Обзоръ) 1894 г., № 2).

2) «Что чит. нар.», стр. 804.

3) Д. И. Успенскій. «Толки народа» («Этн. Об.» 1893 г., № 2).

ляли съ огорченіемъ. «Мужикъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что дядя-Китай предлагаетъ нашему царю денегъ, сколько хочешь».

Отъ Китая ожидается помощь не только людьми и деньгами для войны, но и земель, которой въ Китаѣ много. Во время поѣздки Государя, въ его бытность наслѣдникомъ, въ Японію, въ народѣ ходила легенда о «Китайскомъ клинѣ». «Наслѣдникъ—говорилось въ той легендѣ—сватаетъ китайскую царевну, и царь-Китай даетъ за дочь въ приданое большой клинъ земли, въ много миллионѣвъ десятинъ. Наслѣдникъ собирается жениться на китайской царевнѣ, чтобы раздать землю крестьянамъ». Подобныя же легенды ходили въ народѣ и во время всеобщей переписи 1897 г. «Въ Зубцовскомъ уѣздѣ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ переписи,—вопросъ о переселеніи создалъ слѣдующую легенду: «У царя-Китая два сына. Онъ при живности раздѣлилъ свое царство между ними. Младшій сынъ пожелалъ въ нашу вѣру перейти и нашего царя отцомъ крестнымъ назвалъ. Царь нашъ окрестилъ его, и за это крестникъ ему 20.000 квадратныхъ верстъ земли подарилъ. Вотъ Государь нашъ съ Дона казаковъ туда перебраться хочетъ, а на Донъ будетъ отсюда переселять, будетъ добровольно приглашать». Подобныя слухи ходили и въ Ветлужскомъ уѣздѣ. Тамъ значеніе переписи объяснялось такимъ образомъ: «Государь Императоръ, приобретаая въ Китайской имперіи земли, повелѣлъ произвести перепись для того, чтобы узнать, сколько потребно земли для его государства, и если у кого окажется по переписи большая семья и земли мало, то такимъ предложить, но безъ всякаго принужденія, переселиться на китайскія земли» ¹⁾).

У.

Вопросы войны и мира подлежатъ, по представленію народа, вѣдѣнію однѣхъ только коронованныхъ особъ. Цари ведутъ между собою переговоры, объявляютъ войну и принимаютъ вызовъ на войну, просятъ мира и заключаютъ его. Но этимъ и ограничивается участіе коронованныхъ особъ въ военномъ дѣлѣ. Они, за нѣкоторыми исключеніями (Иванъ Грозный, Петръ Великій, Наполеонъ, отчасти, Александръ I), не принимаютъ участія ни въ выработкѣ плана войны, ни въ сраженіяхъ. Едва только война переходитъ изъ области дипломатическихъ переговоровъ на поле битвы, главными и совершенно самостоятельными руководите-

¹⁾ Плющевскій-Плющикъ. «Сужд. и толки», стр. 53 и 50.

лями ея выступают полководцы, которые и несутъ отвѣтственность за всё ея послѣдствія.

Объявленіе войны происходитъ, по представленію народа, слѣдующимъ образомъ: царь посылаетъ другому царю посла съ письмомъ или устнымъ заявленіемъ, въ которомъ предъявляются какія-нибудь требованія (большею частью—уступка какихъ-нибудь городовъ) и высказывается угроза въ случаѣ отказа. Царь или король, получившій такое письмо, отвѣчаетъ на него, обыкновенно, вызывающей насмѣшкой, требуетъ къ себѣ генераловъ и приказываетъ имъ начать войну.

Въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ о войнахъ со шведами и съ Пруссіей объявленіе войны изображается именно такимъ образомъ:

Пишетъ, пишетъ король шведскій государынѣ письмо.

Русская государыня, замирися ты со мной!

Не замиришься — не прогнѣвайся на меня;

Ты отдай, государыня, свои славны города,

Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня,

Ужь я съ силушкой сберуся, сквозь земелюшку пройду и т. д. ¹⁾

Или:

Пишетъ, пишетъ король прусскій государынѣ самой:

Охъ, ты, гой еси, Россейская государыня сама!

Ты раздѣлайся, государыня, по честности со мной, —

Не раздѣлаешься, государыня, по чинности со мной, —

Ужь я съ силушкой сберуся, сквозь земелюшку пройду и т. д. ¹⁾

Обыкновенно, по полученіи такового «грознаго письма», государыня, а иногда и царь, въ первый моментъ отъ неожиданности теряется. Даже плачетъ.

По полученіи письма отъ шведскаго короля

Тутъ-то наша государыня

Призадумалась,

Призадумалась государыня,

Порасплакалась.

Или:

Милосерда государыня

Испужалася весьма.

Рѣзвы ноженьки королевскія

Подгибались на ходу,

Рѣзвы рученьки королевскія

Опускались на маху.

¹⁾ «Пѣсни», собранныя П. В. Кирѣевскимъ (изд. 1872 г.). Вып. IX. стр. 81, 88.

Тоже и Александръ-царь, при объявленіи ему войны Наполеономъ, призываетъ совѣтниковъ, а

Самъ рѣкой плачетъ — разливается.

Этотъ испугъ и слезы объясняются тѣмъ, что государыня или царь ничего про свою «силу-армію» не знаетъ. Такое незнаніе приписывается и другимъ королямъ:

Разбезсчастненькій, безталанненькій

Нашъ-отъ король прусскій...

Ничего-то король про свою армейшку,

Ничего не знаетъ!.. ¹⁾

Оправившись отъ перваго испуга, государыня, или царь, обращается къ полководцамъ.

Ходила наша государыня на красный на крылецъ,

Говорила государыня такія словеса:

Есть ли у меня крупны люди кругъ меня?

И на этотъ кличъ является передъ нею «генералюшка большой, Краснѣщекѣвъ господинъ», и успокаиваетъ ее:

Ты не бойся, наша матушка, Прускова короля;

Не бывать ему, собакѣ, во Питерѣ городѣ.

По другой версіи:

Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:

Охъ, вы, гой еси мои слуги, слуги вѣрные мои,

Вы подите, приведите Суворова графа ко мнѣ.

По другимъ пѣснямъ, передъ нею сами являются то сразу всѣ «генералы», то кто-нибудь изъ популярныхъ полководцевъ: Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ и успокаиваетъ ее тѣмъ, что у него есть «чѣмъ принять, чѣмъ попотчивать» врага.

Совершенно въ иномъ видѣ изображается объявленіе войны Петромъ I. Онъ не плачетъ, не ждетъ вызова. Онъ самъ вызываетъ другихъ на «бой-драку», а роль плакальщиковъ (очевидно—обязательная) выпадаетъ на долю сенаторовъ. Въ пѣснѣ рассказывается, какъ «свѣтъ нашъ батюшка, первый императоръ» въ золотой каретѣ на вороныхъ лошадяхъ ѣдетъ въ Сенатъ. Когда онъ «во присутствіе заходитъ»

Сенаторы всѣ да испугались,

Изъ рукъ перья у нихъ да повалились,

Изъ очей слезы да покатались.

¹⁾ Тамъ же, стр. 110.

Императоръ, помолившись Богу, садится на ременчатый стулъ, беретъ листъ бумаги, «не плохую—гербовую», лебединое перо и пишетъ доношеніе.

Отсылаетъ доношеніе да въ ину землю,
Желаетъ онъ себѣ бою да драки ¹⁾.

Также и съ Наполеономъ дѣло происходитъ иначе, чѣмъ съ другими. Онъ обращается съ своимъ вызовомъ не къ царю, а прямо къ генераламъ.

«Французъ» съ арміей валить и «рѣчь выговариваетъ»:

«Еще много генераловъ,
«Всѣхъ въ ногахъ стоичу,
«Всея матушку Россееюшку
«Въ полонъ себѣ возьму,
«Въ полонъ себѣ возьму—
«Въ каменну Москву зайду».
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ» и т. д.

Съ момента появленія на сцену генерала, обыкновенно, начинается «настоящая война», коотрую народное творчество, большей частью, облачаетъ мистической дымкой.

«Генералы» пользуются въ глазахъ народа особой популярностью. Въ нихъ видятъ національныхъ героевъ, защитниковъ родины. Ихъ портреты считаются лучшимъ украшеніемъ въ домахъ и иногда почитаются чуть не наравнѣ съ иконами. Ихъ имена сохраняются въ памяти народа на цѣлыя вѣка, воспѣваются въ сотняхъ пѣсень, окружаются фантастическими легендами.

По представленію народа, наиболее популярны генералы, помимо своей храбрости и «хитрости», обладаютъ еще таинственными силами: они знаютъ «слово», «счастливый часъ», умѣютъ налагать заклятіе на пули и т. п. О Суворовѣ существуетъ легенда, что онъ могъ по звѣздамъ опредѣлять счастливое для битвы время: «Взглянетъ, бывало, на небо и скажетъ: «Вотъ въ этотъ часъ идите, и всю неприятельскую силу уничтожите. А въ такой вотъ часъ не ходите, истребить васъ до единого».

¹⁾ П. И. Якушкинъ. «Пѣсни историческія и солдатскія», № 15.

Относительно многихъ генераловъ существовало повѣрье, что они заговорены отъ пуль. Особенно сильно распространено было это повѣрье относительно Скобелева, котораго даже турецкіе солдаты считали застрахованнымъ отъ пуль. «По солдатской легендѣ,—пишетъ В. И. Немировичъ-Данченко,—«хивинецъ» девять дней и девять ночей возилъ Скобелева по «Хивѣ невѣрной» и заговаривалъ. Потомъ девять дней и девять ночей Скобелеву ѣсть и пить не давали, и все заговаривали, пока со-всѣмъ не заговорили, такъ что пули проходятъ насквозь, не причиняя Скобелеву ни малѣйшаго вреда»¹⁾.

Но особенно характерно, что народная легенда считаетъ популярныхъ генераловъ застрахованными не только отъ пуль, но и, вообще отъ смерти, по крайней мѣрѣ, преждевременной, пока на смѣну имъ не появился другой популярный полководецъ. Въ этомъ отношеніи народъ переноситъ на генераловъ представленіе, которое съ древнѣйшихъ временъ установилось относительно коронованныхъ лицъ. Легенды о томъ, что «царь не умеръ, а скрылся и гдѣ-то тайно живетъ», циркулировали чуть ли не относительно всѣхъ русскихъ царей, съ Петра I и даже раньше.

Послѣ смерти Александра I, въ народѣ циркулировала, кромѣ известной легенды о Ѳеодорѣ Кузмичѣ, еще легенда, что въ гробу лежала кукла (или, что гробъ былъ пустой), а царь скрылся въ Америку. Подобную же легенду мнѣ привелось слышать и о Константинѣ Павловичѣ. По одной версіи, Константинъ Павловичъ былъ лишенъ царскаго сана «за то, что онъ женился на мужичкѣ». Его хотѣли извести, но часовой предупредилъ его объ опасности и посоветовалъ переодѣться нищимъ и бѣжать. Самъ же онъ досталъ для него отрепья нищаго, а когда Константинъ одѣлъ ихъ, сталъ его толкать со двора, съ крикомъ: «Ты какъ смѣлъ забраться сюда! Вонь!». Убѣжавъ такимъ образомъ изъ дворца, Константинъ съ женой-мужичкой и лѣтymi уѣхалъ въ далекія страны и больше не пріѣжалъ. Только, когда убили Александра II, онъ на одинъ часъ прилетѣлъ по воздуху и назадъ улетѣлъ. А во дворцѣ, за столомъ, ему до сихъ поръ ставятъ стулъ и подаютъ всѣ кушанья. Думаютъ, може, пріѣдетъ».

Другая версія слѣдующая:

«Послѣ смерти Александра I, назначили царемъ Константина, а потомъ Николая. За Константина стоялъ простой народъ, потому что онъ всегда за мужиковъ заступался. А Николай былъ за дворянъ: значить, и туда, и сюда. Вотъ и порѣшили выстроить солдатъ на площади, и спросить ихъ, за кого они: за Константина или Николая? Ну, выстроили

¹⁾ «Годъ войны» (1877—1878), т. I, стр. 330.

солдатъ на площади въ два фланга, правый фланецъ и лѣвый фланецъ. Тутъ же выкатили и пушки столбовыя для усмиренія. А потомъ оба царя пошли промежду фланговъ, а съ ними и другіе короли и князья чужестранные. Стали спрашивать солдатъ, кого они хотятъ царемъ: Константина или Николая. Сперва спросили правый фланецъ. Тѣ сейчасъ въ одинъ голосъ отвѣтили: «Мы за Константина Павловича!». Ну, ихъ сейчасъ же изъ пушекъ всѣхъ и перестрѣляли. Стали потомъ спрашивать лѣвый фланецъ, а тѣ ужъ побоялись и показали на Николая Павловича, а въ душѣ всѣ были за Константина. Опосля того Константинъ и убѣжалъ въ самую Америку. А у насъ объявили, будто онъ умеръ, и стали по немъ ланифиды служить, а онъ до сихъ поръ живъ» ¹⁾.

Въ настоящее время въ народѣ циркулируютъ слухи, что Л. Н. Толстой не умеръ, а уединился, уѣхалъ за границу, а вмѣсто него похоронили куклу изъ воска «точь въ точь онъ».

Очень распространены въ народной массѣ легенды относительно популярныхъ генераловъ, давнымъ-давно умершихъ, что они «не умерли, а скрываются» и въ трудную минуту появляются. Такія легенды ходили въ народѣ и о Суворовѣ, и о Платовѣ, и о Черняевѣ, и о Скобелевѣ, и даже, за послѣднее время, о Макаровѣ, погибшемъ на «Петропавловскѣ».

При началѣ русско-турецкой войны народъ, уже хорошо знавшій Черняева, предполагалъ, что онъ выступаетъ подъ именемъ Гурко. Въ народѣ ходилъ слухъ, что «въ дѣйствительности, никакого Гурко нѣтъ, что Гурко—это переодѣтый Черняевъ, которому приказано называться Гуркой, потому что Черняева не любятъ,—что какъ пріѣхалъ Черняевъ, такъ и пошли турокъ бить. Слухъ, что Гурко—переодѣтый Черняевъ, распространили раненые солдаты, отпущенные домой на поправку. Понятно, что раненому солдату вѣрять, какъ никому» ²⁾.

Раньше мы уже привели, со словъ В. Г. Короленко, легенду, по которой «Скобелевъ не умеръ, а скрылся»... Подойдетъ война—онъ тутъ!». И когда подошла японская война, онъ таки появился, но въ лицѣ Куропаткина. Сотрудникъ «Пет. Вѣд.» приводитъ разговоръ свой съ крестьяниномъ о японской войнѣ. Крестьянинъ заявилъ съ увѣренностью:

«— Теперь поѣхалъ на войну Скобелевъ и задастъ имъ страху. Собственными глазами видѣли его.

1) Записано въ 1891 г. въ мѣст. Почепъ, Черниг. губ., со словъ 70-лѣтней крестьянки.

2) А. Н. Энгельгардтъ. «Изъ деревни», стр. 307.

— Куропаткина,—поправилъ я его.

— Куропаткинъ не есть Куропаткинъ, а поѣхалъ Скобелевъ. На станціяхъ видѣли его. Онъ назвался Куропаткинымъ, чтобы обмануть непріятеля.

— Это зря болтають,—перебилъ появившійся Михай, любитель газетъ.—Куропаткинъ—здѣшній господинъ... потомственный... холмскій... А вотъ Василій Игнатьевъ изъ Березовца и газетину бережетъ о настоящемъ Скобелевѣ. Въ «Биржевыхъ» читано. Зачѣмъ же и писать о Скобелевѣ, если бы не было его въ живыхъ?

Я сказалъ, что тамъ приведена легенда о Скобелевѣ, но Михай упорно настаивалъ на своемъ.

— Царь спряталъ такого вояку, какъ Скобелевъ,—сказалъ онъ.— Нашъ генералъ заспорилъ съ англичанкой и обозвалъ ее дурнымъ словомъ. Та потребовала суда, и Скобелева приговорили къ смерти. У насъ и спрятали его, а англійской королевѣ сказали, что его разстрѣляли. Теперь пришло время выпустить его на войну. Англичанка умерла, и Скобелеву не страшно показаться...

— Его давно похоронили,—продолжалъ я.—Народу много было на хоронахъ.

— Можетъ быть, статую или челоуѣка подходящаго хоронили?

— Подлинно Скобелева, а не подмѣннаго...

— Въ газетахъ,—горячо перебилъ Михай,—напечатано отмѣтисто, что послѣ суда надъ Скобелевымъ разстрѣляли куклу, а генерала нашего спрятали... Ясно же напечатано.

Прочіе крестьяне стали подтверждать ту же легенду о Скобелевѣ и воскликнули:

— Куклу разстрѣляли вмѣсто него! Какъ же Скобелева можно было разстрѣлять, когда онъ отъ пуль заговоренъ? Да и солдатикъ узналъ его... Въ презнихъ войнахъ бывалъ съ нимъ. Тогда Скобелевъ поздоровался съ нимъ и отвелъ въ сторону. Такъ и такъ, молчи, молъ, и подарилъ ему пятирублеву монету. Это ужъ вѣрно... На Куропаткина у насъ зря болтають, что онъ настоящій Скобелевъ. А и послѣдній живехонекъ... У японца, слызываютъ, исполнѣнь проявился и хочетъ сразиться съ нашимъ воякой. Царь и послалъ Скобелева. А многіе видѣли его... И солдатикъ думалъ сначала, что Скобелевъ приснился ему въ снѣ, но какъ взглянетъ на дареную монету, то такъ и сообразить, что значитъ дѣло было на яву» ¹⁾.

¹⁾ Фаресовъ. «Война и народъ».

Объ этихъ слухахъ разсказываетъ и бузулукскій корреспондентъ «Самарскаго Курьера». «Наши крестьяне очень интересуются войной: разговорамъ нѣтъ конца, фантази нѣтъ предѣловъ. Распространенію фантастическихъ слуховъ много способствовали приходящіе изъ города Бузулука какіе-то проходимцы... Въ настоящее время крестьяне вполне убѣждены, что живъ Скобелевъ. Одни говорятъ, что Скобелевъ явился на войну, подъ видомъ Линевича, другіе—подъ видомъ Алексѣева. Про погибшаго Макарова разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ «Петропавловскъ», спустили водолаза, и онъ нашелъ броненосецъ цѣлымъ. А Макарова со своей командой въ каютѣ—онъ молился Богу передъ паникадилломъ. Макаровъ объяснилъ водолазу, что какъ окончится война, онъ выйдетъ изъ-подъ воды»¹⁾.

Останавливаясь на легендахъ этого цикла о царяхъ и популярныхъ полководцахъ, одинъ изъ нашихъ этнографовъ высказываетъ мнѣніе, что въ этихъ легендахъ «проявился оптимизмъ народной фантази, которая не можетъ примириться съ мыслью о прелдевременной кончинѣ героя»²⁾. Намъ, напротивъ, кажется, что въ большей части легендъ этого рода высказывается не оптимизмъ, а пессимизмъ народа, его крайне подозрительное отношеніе къ лицамъ, окружающимъ популярнаго героя, которыхъ онъ подозрѣваетъ постоянно въ стремленіи «истребить» этого героя (царя или генерала). Подозрительность народа по отношенію къ представителямъ высшихъ сословій настолько сильна, что отъ нея не избавлены даже популярныя генералы. Идеализація этихъ героевъ несколько не мѣшаетъ тому же народу обвинять ихъ въ самомъ тяжкомъ изъ преступленій: въ предательствѣ.

Извѣстный собиратель народныхъ историческихъ пѣсенъ, П. В. Кирѣевскій, говоритъ, что обвиненіе полководцевъ со стороны народа въ измѣнѣ «у насъ пріемъ самый обычный: народъ нашъ вообще, а за нимъ и солдатъ»³⁾, не имѣя возможности проникать въ истинныя причины неудачъ (гдѣ такую роль играетъ особенно наше неумѣнье и невѣжество), привыкъ все взваливать на извѣстную «измѣну», которая сдѣлалась не только житейскимъ, но даже и техническимъ словомъ». Эта измѣна попеременно олицетворяется то въ одномъ лицѣ, то въ другомъ⁴⁾.

1) Приведено въ «Пет. Вѣд.» 1904 г., № 221.

2) А. Кирпичниковъ. «Очерки по мифологіи XIX вѣка». «Этнограф. Обзор.», 1894 г., № 4.

3) Не обратно ли?

4) «Пѣсни», вып. IX. стр. 109.

Обвиненіе въ измѣнѣ высказывается, и въ очень рѣзкой формѣ, противъ Потемкина. Въ народной пѣснѣ по поводу битвы при Гроссъ-Егерсдорфѣ описывается, какъ

Лопухинъ лежитъ убитъ,
Таки рѣчи говорить:

Убитый, онъ «проситъ листъ бумаги и чернила съ перомъ», чтобы написать государынѣ самой,

Что Потемкинъ-генераль¹⁾
Въ своемъ полку не бываль
Всее силу растеряль.
Кое пропилъ, промоталь,
Кое въ карты проигралъ.

По другому варианту, Лопухинъ доноситъ не на Потемкина, а на Румянцева. Третій вариантъ обходится безъ Лопухина, и обвиненіе бросается Абрисиму-генералу (Апраксину). Еще по одной версіи не Лопухинъ доноситъ на другихъ, а кто-то на него доноситъ. До начала битвы, Лопухинъ куритъ трубку и успокаиваетъ армію, что у насъ

Свинца пороху довольно,
Сила, во полѣ стоять.

А послѣ битвы оказались убитыми нѣсколько полковниковъ, нѣсколько генераловъ, а «мелкой солдатской силы»—безъ счета:

Которые на горѣ,
По колѣнъ стоять въ рудѣ,
Которы подъ горой,
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ только лежитъ,
Таку рѣчь говорить:
Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу съ перомъ.
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому
Императору-царю.
Еще нашъ-отъ генераль
Много силы издержалъ,
Ужъ онъ пропилъ, промоталь,
Досталь въ карты проигралъ,
Инь удары раздавалъ²⁾.

1) По другой версіи: «Веръ-Потемкинъ-генераль».

2). Якушинъ. Тамъ же, № 16.

Въ другой пѣснѣ, въ которой говорится о начальникѣ, который «какъ лень стоять, ничего не говорить, насъ въ строй не становить», высказывается противъ какого-то безымяннаго генерала ¹⁾ такого рода подозрѣнїе:

Намъ сказалъ тутъ одинъ,
Что генералъ нашъ господинъ.
Онъ столуеъ ли, играетъ
Со прусскимъ королемъ,
Проѣдаетъ-пропиваетъ
Онъ всю армію ему (стр. 106—7).

Еще въ одной пѣснѣ народная муза устами Голицына обращается къ генералу такъ:

Ужъ ты, с... с... каналья, ты
Прозоровъ-генералъ!
То не ваше, то пропало — государево:
Золотой казны затратилъ, да и смѣты нѣтъ (109).

Въ пѣснѣ «Донцы при Екатеринѣ» говорится:

«Каменцовъ (Каменецкій) сынъ всю ночь не спалъ,
Онъ съ москалями проигралъ
Не въ шашечки, не въ бирюлечки, а въ карточки:
Проигралъ онъ славный Тихій Донъ (261).

Подобныя обвиненія и подозрѣнїя высказывались и по адресу Кутузова и другихъ генераловъ 12-го года, циркулировали въ народѣ и во время крымской кампанїи. П. Якушкинъ, бесѣдуя съ солдатомъ, участникомъ севастопольской обороны, допытывался у него, почему ихъ сила взяла?» Солдатъ сперва отвѣчалъ загадочно: «знамо отчего», а затѣмъ открыто заявилъ:

— Измѣна!.. Вотъ отчего!

— Какая же измѣна?..

— Ну, самъ разсуди, какъ не измѣна? Сколько ни было подъ Севастополемъ нашей силы, всю собрали и пустили на него. Хорошо. Бросились мы на него, взяли одинъ порядокъ, взяли другой, кинулись на третій; а взяли бы третій—лоскъ ему, совсѣмъ лоскъ, какъ есть!.. А тутъ тру-ту-ту! Тру-ту-ту!

— Это что?

---

¹⁾ Кирѣевскій полагаетъ, что надъ этимъ безымяннымъ генераломъ подразумѣвался Петръ III.

— А это въ трубу заиграли... отступай, значить, назадъ!.. Ну, ибтъ, думаемъ, ребята, постоимъ! Ступай впередъ!.. А нашъ дружинный кричить: «Назадъ, ребята, назадъ, худо будетъ!». Знамо дѣло, думаемъ, худо будетъ, коли начальникъ за измѣну взялся!.. Глядимъ назадъ, а наши-то всѣ назадъ побѣжали... Видимъ, однимъ намъ не справиться, ну, и мы за ними бѣжать! А онъ-то, какъ сталъ въ насъ палить, палить въ насъ!.. И сколько тутъ кровопролитія было, и Боже мой! А все измѣна!..» ¹⁾

Подобныя подозрѣнія высказывались и при русско-турецкой войнѣ, повторялись они и при японской. Вотъ что рассказываетъ г. Фаресовъ: «Близъ станціи Чихачево, московско-виндавской желѣзной дороги, меня поразило стараніе мужиковъ объяснить себѣ наши морскія неудачи случайными причинами... Нашлись остроумцы, обвинявшіе въ нихъ даже бывшаго морского министра: «Дочку свою выдалъ за «апонца»—съ грустью говоритъ о немъ высохшій старикъ. «Мы слышали,—продолжалъ старикъ,—что онъ породнился съ «Апоніей» и сказалъ, что нашъ флотъ не силенъ». Даже трагическая гибель Макарова на Петропавловскѣ породила дикую легенду въ томъ же родѣ. «А въ народѣ я слышалъ,—говорилъ одинъ крестьянинъ,—что Макаровъ очень хорошо знаетъ войну, и его переманили къ себѣ японцы». ²⁾

Бываютъ, однако, и такіе генералы, которые не только не пропаваютъ, не проматываютъ армію, но готовы скорѣе принять лютую казнь, чѣмъ измѣнить родинѣ. Такихъ героевъ народная муза воспѣваетъ съ особенной любовью. «Прусскій король» обращается къ плѣнному «россійскому графу Захаръ Григорьевичу Чернышеву» съ предложеніемъ перейти къ нему на службу.

Ужъ ты будешь ли по мнѣ служить.
 Коли будешь ты по мнѣ служить,
 Прикажу тебя поить-кормить,
 Прикажу дать двойно жалованье.
 Закричалъ тутъ россійскій графъ,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Ахъ, ты, гой еси, прусскій король,
 Королевское величество!
 Кабы былъ я на своей волѣ,
 Я бы радъ былъ тебѣ служить,
 На твоей бы буйной головѣ,
 На твоей бы шеѣ бѣлыя ³⁾.

1) П. Якушкинъ. «Изъ рассказовъ о крымской войнѣ», стр. 165.

2) Фаресовъ. «Война и народъ».

3) Кирѣевскій, вып. IX, стр. 127.

То же самое происходит съ Краснощековымъ, когда онъ попадаетъ въ плѣнъ къ хану крымскому. На предложеніе хана: «Послужи же намъ, Краснощековъ, вѣрой-правдою», онъ отвѣчаетъ:

Послужу я вамъ, друзья мои, саблей острою,
Что надъ вашими, надъ буйными ли головками.

Тогда татары, осердившись, стали ругаться надъ Краснощековымъ, стали ему ноги рѣзать.

Они разными муками его мучили;
А правды изъ него не вывѣдали;
Хоть съ него живого кожу содрали,
Но души изъ него не вынули (стр. 180).

Подобныя предложенія о переходѣ на службу дѣлаеть и нашъ царь генераламъ непріятельской арміи. Въ большинствѣ случаевъ, тѣ переходятъ къ намъ на службу. Но иногда непріятельскій генералъ остается вѣренъ своей родинѣ. Послѣ турецкой войны солдаты рассказывали: «Нашъ царь «Остапу-пашѣ», ихъ главнокомандующему генералу, какъ забрали мы его подъ Плевною, саблю назадъ отдалъ и похвалилъ еще. Молодецъ, говорить, турка, хошь ты и нехристь. Звалъ даже на російскую службу, да не пошелъ.

- Не пошелъ?—дивились слушатели.
- Отказался.
- Почему бы, кажется, коли царь звалъ?
- Холодно, говорить, у васъ...
- Холодно!.. Ха-ха-ха...
- Климату нашего не переносить¹⁾.

VI.

Представленіе народа о войнѣ, о ея причинахъ и окончательномъ исходѣ, въ большинствѣ случаевъ, мистическій характеръ. Еще задолго до того, какъ цари рѣшаются воевать, война «возвѣщается» различными «знаменіями», кометами, затмѣніями, землетрясеніемъ, моремъ и другими стихійными бѣдствіями. Въ борьбѣ армій принимаютъ участіе сверхъестественныя силы, добрые и злые духи, оказывающіе помощь воюющимъ сторонамъ. Если русскому христолюбивому воинству оказываетъ помощь Божественная сила, то супостату-нехристу помо-

1) «Въ глубинѣ Россіи».

аеть «нечистая сила». Въ народныхъ легендахъ и сказаніяхъ, какъ и въ лѣтописяхъ, подчеркивается, что наканунѣ рѣшительной битвы русское воинство проводило ночь въ постѣ и молитвахъ, въ то время, когда въ лагерѣ супостата шла непрерывная гульба: пѣли, плясали, хвастали заранѣ побѣдой и всячески угождали дьяволу. «Нечистая сила» оказываетъ помощь непріятелю различными способами. Она нашептываетъ на ухо русскому царю дурные совѣты, напускаетъ страхъ на русскую армію. Полководецъ непріятельской арміи, обладая тайной силой, умѣетъ обращаться въ птицу, стать невидимкой и т. п. Относительно Наполеона, Л. Н. Толстой приводитъ слѣдующую легенду: «Сказываютъ, самаго-то Поліона Платовъ два раза бралъ. Возметъ, возметъ: вотъ, на-те, въ рукахъ прикинется птицей, улетитъ, да и улетитъ. И убить тоже нѣтъ положенья».

Всего чаще нечистая сила помогаетъ непріятелю при посредствѣ женщины, дѣвки-колдуньи, которая предводительствуетъ арміей, облегчаетъ ей трудные переходы, спасаетъ отъ опасностей, научаетъ «хитростямъ» и т. д.

Слѣды «дѣвки», помогающей вражьей силѣ, мы находимъ еще въ древнихъ былинахъ. Противъ Добрыни Никитича (а также князя Глѣба) выступаетъ «дѣвка-Маринка» или «Маришка», «зелейщица, кореньщица, отравщица, волшебница, сиха, зла, люта гроза, злая еретица». Особенность Маринки состоитъ въ томъ, что она «хвалится-прихваляется». Маринка состоитъ въ любовной связи съ злѣйшимъ врагомъ русской силы, Змѣинымъ Горынинымъ (Тугаринъ Змѣевичъ, Змѣя Притугальникъ) и ведетъ яростную борьбу противъ Добрыни (или Глѣба), котораго она пытается оправить, обращаетъ въ тура и т. п. Съ большимъ трудомъ удается богатырю побѣдить ее.¹⁾

Подобную же «дѣвку» встрѣчаемъ мы и въ народныхъ заговорахъ отъ пуля, всякаго орудія и проч. И здѣсь главная особенность ея заключается въ томъ, что она «похваляется».

Одинъ изъ заговоровъ противъ пуля и всякаго орудія начинается словами:

«Въ высококомъ терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменные. «Ты красна дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкасскія, русскія (!), мордовскія,

) П. В. Кирѣевскій. «Пѣсни», вып. II, стр. 42 и сл.

всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею невидимою силою ружья вражь».

Въ другомъ заговорѣ фигурируетъ вѣдма.

«Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору, стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдма кievская. Пойду-ли я во лѣсъ стоячій, во боръ дремучій, взойду-ли въ избушкѣ къ злой вѣдмѣ кievской. Ты, злая вѣдма кievская, вели своему ворону слетати подъ море хвалынское, въ мѣдный домъ, заклевати змѣя огненнаго, достать семипудовый ключъ. Заупрямилась, закорячилась злая вѣдма кievская о своемъ воронѣ. Не моей старости бродить до моря Окіяна, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовый ключъ. Разбилъ воронъ мѣдный домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовый ключъ» и т. д.

Въ третьемъ заговорѣ фигурируетъ опять дѣвица, уже не изъ стана «вражьей силы», но имѣющая такое же вліяніе на исходъ войны.

«Бду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярскій, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба, красная дѣвица. Ты, дѣвица, зазноба молодецкая, бду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злудѣвъ. Вынь, ты, дѣвица, отеческій мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовскій; отомкни ты, дѣвица, племъ богатырскій, отопри ты, дѣвица, коня-ворона... Выдь ты, дѣвица, во чисто-поле, а въ чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружія нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой отъ»... Далѣе идетъ перечисленіе всевозможныхъ орудій. И кончается заговоръ обѣщаніемъ: «А буде я ворочусь по-живу и по-здорову, ино буду, красна-дѣвица, тобою похвалятися, своею молодецкою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючь Алатырь». ¹⁾

Эта же женщина, то въ видѣ колдуньи, то въ видѣ «дѣвки» распутницы или еретицы, фигурируетъ въ легендахъ и о современныхъ войнахъ.

По поводу первой неудачной осады Нарвы Петромъ Первымъ въ 1700 г., въ народѣ сложилась легенда, что «на вершинѣ Германовой башни жила колдунья, которая волшебными чарами дѣлала безвредными ядра и бомбы, летѣвшія въ осажденный городъ, и лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда одинъ русскій солдатъ зарядилъ ружье пуго-

1) И. Сахаровъ. «Сказанія русскаго народа», ч. I, стр. 48—55.

вицей и застрѣлили вѣдму, при чемъ и самъ долженъ былъ погибнуть. Петръ Великій сталъ одерживать верхъ надъ шведами» ¹⁾.

Въ 12-мъ году, въ арміи Наполеона, у котораго было «войсковъ на сто верстъ», находилась колдунья-волшебница:

Впереди идетъ колдунья-волшебница,
Паскудная-дѣвка Маринка,
Злая еретица-безбожница.
Рѣку перейти — плюнетъ Маринка поганая,
Пересонетъ рѣка бастраля.
Гору перелѣзть — махнетъ Маринка ручищемъ —
Отъ горы нѣтъ званія.

Маринка хвасталась своею силою, измывалась надъ русскими:

Шобили разъ и еще побьемъ:
Возьмемъ себѣ Москву бѣлокаменную,
Перейдемъ въ нее на жительство,
Изничтожимъ церкви Божія.

Когда Наполеонъ уходитъ изъ Россіи, онъ ругаетъ дѣвку Маринку:

На тебя я, Маринка, надѣялся,
На твое на волшебство-гаданіе,
На твою ли силу бѣсовскую.
А теперь, виляю, силы той нѣтъ въ тебѣ...
Выползаетъ Маринка паскудница,
Свой гадючій хвостъ поднимаетъ,
Дрожать, какъ осиновь листь:
Напрасно мы храмы Божіи безчестили! ²⁾.

Нѣчто въ родѣ такой же Маринки-волшебницы создала народная фантазія и при русско-японской войнѣ. «Солдаты рассказывали: «У нихъ (т. е. японцевъ) особая японка есть, безглазая. Пустое мѣсто у носу. Они ее на красномъ коврѣ носятъ. Въ большомъ почетѣ она у нихъ. Эта японка именно все видитъ. Рассказываетъ, по какимъ мѣстамъ мы идемъ, сколько насъ, какія орудія на платформахъ веземъ, довольно-ли съ нами снаряду.

— Какъ же, когда она безъ глазъ?

— Такой въ ней секретъ. Ей все открыто. Куда ее повернуть— она ту сторону, словно книжку, читаетъ. И на корабляхъ ихнихъ тоже такія японки тѣмъ образами сидятъ и говорятъ, когдѣ нападать на наши суда, и когдѣ уходитъ отъ нихъ. Прежде у этихъ бабъ такія круглыя

¹⁾ А. В. Петровъ. «Нарвская старина». «Историч. Вѣстн.» 1904, № 8.

²⁾ «Оказитель-гусляръ».

зеркала были. Куда махнуть, тамъ сейчасъ народъ помираеть ¹⁾. Только какъ они воевали съ китайцами, всё эти зеркала побити, а новыхъ сдѣлать не умѣютъ. А то бы съ ними не сладить ²⁾».

VII.

Представленія народа о приемахъ и тактикѣ военного дѣла—самыя примитивныя. Народъ, конечно, знаетъ, что на войнѣ «бой» происходитъ при помощи оружія, что тамъ стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ, идутъ на штыки, подводятъ мины. И, тѣмъ не менѣе, при разсужденіяхъ о войнѣ ему трудно отрѣшиться отъ стариннаго представленія о «битвѣ», какъ о единоборствѣ. Во время русско-турецкой войны крестьяне,—по словамъ Энгельгардта,—оцѣнивали событія войны, примѣняя къ нимъ термины единоборства. «Чья ошибка возьметъ?». «Нашего царя неустойка»,—говорили они. Во время японской войны создалась легенда, что у японцевъ «проявился исполинъ, который хочетъ сразиться съ нашимъ воякой».

«Любопытно и достойно вниманія,—пишетъ г. Соколовъ ³⁾,—что какъ меня подростка, такъ и крестьянъ, въ войнѣ интересовала болѣе всего не та или иная одержанная нашими войсками побѣда, а отдѣльные эпизоды войны, молодецкія схватки «нашихъ» съ турками «одинъ на одинъ», или еще лучше, когда одинъ нашъ солдатъ справлялся съ дюжиною турокъ, угощая ихъ прикладомъ ружья. Такому героизму, дѣйствительно, дивился народъ. Именно за эту удалъ народъ и полюбилъ «бѣлаго генерала» Скобелева, неизмѣнно гнавшаго турку, топча его всѣми четырьмя ногами своего бѣлаго коня и грозно потрясавшаго своей золотой саблей», которой, по народному голосу, царь наградилъ его за храбрость».

Народная масса, конечно, сознаетъ, что для веденія войны недостаточно одной силы, удали и даже «золотой сабли», что для этого требуется еще извѣстная тактика. Но тактику войны масса понимаетъ въ видѣ «военной хитрости». Существуетъ нѣсколько классическихъ «хитростей», излюбленныхъ народнымъ творчествомъ. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что набиваютъ мѣшки съ соломой, надѣваютъ на нихъ солдатскія

1) Во время русско-турецкой войны говорили, что турки надускали на русскую армію «сухого тумана», отъ котораго русскіе солдаты слѣпли.

2) В. И. Немировичъ-Данченко.

3) „Въ глуб. Россіи“.

кѣши и выставляютъ впередъ щодъ выстрѣлы непріятеля. А когда послѣдній выпускаетъ всѣ свои заряды, тогда прятавшіеся за тучелами солдаты выскакиваютъ и нападаютъ на него ¹⁾).

Еще чаще говорится въ легендахъ о «хитрости» соглядатайства. Популярный генералъ, или, вообще, военный герой, переодѣвшись, забирается во вражій станъ, встрѣчается и разговариваетъ съ самимъ вождемъ непріятельской арміи, разузнаетъ всѣ его тайны, сколько у него солдатъ и припасовъ, а главное, «чѣмъ онъ силенъ»—и уходитъ неузнаннымъ или передъ уходомъ открываетъ, кто онъ, и ухитряется ловко ускакать отъ непріятеля. Послѣ этого побѣда уже вполне обезпечена.

Вотъ что пишетъ по поводу этой «хитрости» П. В. Кирѣевскій,— «Образъ героя, переодѣтаго именно купцомъ, какъ въ этомъ видѣ является онъ ко врагу и врага обманываетъ, а послѣ одолеваетъ, крайне древень въ нашемъ пѣspotворствѣ... Въ эпосѣ Владимировомъ это начинается тотчасъ же съ Илья Муромца: какъ посредникомъ Владимира и царя восточнаго является онъ, переодѣтый поваромъ, въ сажѣ «черный», ругаетъ врага, завязываетъ битву, побиваетъ непріятелей. По прочимъ былинамъ и въ Новгородѣ повторяется это на тотъ или другой ладъ. Въ Московскомъ періодѣ крѣпнеть это въ образахъ еще болѣе опредѣленныхъ, хотя все на одинъ же ладъ, и сосредоточивается около крупнѣйшихъ историческихъ лицъ или событій. Въ семъ самомъ видѣ отправляется Скопинъ братъ Азовъ, Одоевскій—братъ Астрахань; при Петрѣ—Иванъ Заморянинъ, прочіе Донцы и самъ Петръ въ образѣ «богатаго гостя»—братъ Азовъ; послѣ Азова Петръ такъ же точно является въ Стокгольмѣ, какъ «купчинчушка по городу гуляетъ» и едва успѣваетъ «спастись оттуда».

Легенды этого же характера переносятся затѣмъ на популярныхъ генераловъ—Краснощекова, Платова и другихъ.

Такая же легенда существуетъ и относительно взятія Петромъ Нарвы. «Желая осмотрѣть городъ, Петръ переодѣлся въ шведское платье и проликъ въ Нарву. Здѣсь пребываніе его было открыто, не знали только, гдѣ именно онъ скрывался. Комендантъ распорядился, чтобы ко всѣмъ воротамъ города были поставлены часовые. Петръ въ это время жилъ въ домѣ преданнаго ему парвскаго жителя Гетте, который для спасенія своего высокоаго гостя придумалъ слѣдующую хитрость: Раню, утромъ, по его приказанію, была приготовлена большая телѣга. Царь легъ на ея дно; сверху были паложены доски, на которыя навалена груда мусора. Въ такомъ видѣ,

1) Обработано Пушкинымъ въ стих. „Бонапартъ и черногорцы“.

возъ былъ пропущенъ часовыми на мѣсто свалки, а оттуда Петръ, пере-
ѣхавши Шарову явился въ свой лагерь» 1).

Проникновеніе Краснощекова къ «Пруцкому королю» описывается въ
народной пѣснѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Краснощекова-ть король (!)
 Къ Прусу въ гости заѣзжалъ:
 Онъ безъ спросу, безъ доклада
 Во палатушки вѣбжалъ.
 Пруцкой король не узнавалъ.
 На рѣзвы ноги вставалъ;
 На рѣзвы ноги вставалъ,
 Рюмку водки наливалъ,
 Купчиною называлъ:
 «Ахъ, ты выкушай, купчинушко,
 «Купеческій сынокъ!
 «Какъ у васъ ли я во Россіи,—
 «Во Россійской во землѣ,
 «Во Россійской во землѣ
 «Генераловъ знаю всѣхъ:
 «Одного только не знаю—
 «Краснощекаго короля.
 «Много бы, много бы казны даль—
 «Краснощекова спозналъ!»
 Краснощекова-ть король
 Таки рѣчи говорить:
 — На что казны давать,
 Можно такъ его признать:
 Кудерюшки на немъ,—
 Какъ на батюшкѣ на родномъ;
 Черна шляпонька на немъ,
 Какъ на братцѣ на моемъ.—
 Выходилъ же Краснощекой
 На высокъ красенъ крылецъ,
 Закричалъ онъ — засвисталъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 — Ахъ, вы гой еси, ребята,
 Мои вѣрныя слуги!
 Вы подайте поскорѣе
 Мого добраго коня
 Ко высокому крыльцу—
 Ко высокому крыльцу,—
 Ко точеному столбу!—
 На коня онъ сталъ садиться.

1) „Нарвск. Старина“ (цитиров. выше).

Что ясенъ соколь взлетѣль,
 Со двора онъ сталъ събзжать,—
 Надомѣхаться надъ нимъ сталъ:
 — Ты ворона, ты ворона,—
 Подгуменный грачъ!
 Не умѣла ты, ворона,
 Ясного сокола пымать,
 Во когтяхъ крѣпко держать!

По другой версії, Краснощезовъ «набзжаетъ въ гости» къ Шведу и этотъ удалой подвигъ приписывается Платову.

Относительно Платова мнѣ привелось слышать ту же легенду въ слѣдующей версії:

«Сказано: «Казакъ Платовъ согрѣшилъ, усы, бороду побрилъ». А за Платовымъ тутъ никакого грѣха не было, онъ зналъ что дѣлать. Усы и бороду побрилъ онъ, чтобъ его не узналъ французъ. Одѣлся онъ кушомъ и поѣхалъ къ самому Наполеону и сталъ его спрашивать, не надо ли ему разнаго припасу, ну тамъ хлѣба, овса, пороху. Французъ тутъ обрадовался и говоритъ: хлѣба доставь мнѣ столько-то, овса столько-то, пороху столько-то. Вотъ Платовъ и узналъ, сколько у него припасовъ. Потомъ онъ вывѣдалъ, «чѣмъ французъ воинъ». А французъ его спрашиваетъ: «А какой, говоритъ, такой Платовъ у васъ есть? Всѣхъ, говоритъ, генераловъ знаю, одного Платова не видалъ». А Платовъ говоритъ: «Погляди на меня—онъ какъ есть я, все единственно». А французъ все не понимаетъ. Да тутъ зашла дочка француза и говоритъ Платову: «Карточку вашу покажите!» Ну, Платовъ туда-сюда, да ужъ не вывернуться. Выбѣжалъ, сѣлъ на коня и крикнулъ: «Эхъ ворона, ворона! Ясна-сокола не могъ поймать, казака Платова не могъ спознать!» И ускакалъ!»¹⁾

Въ народѣ существуетъ ясное сознаніе, что война имѣетъ свои законы. Войну нельзя начинать безъ предупрежденія, нельзя обижать мирное населеніе, нельзя ни убивать, ни мучить плѣнныхъ.

В. И. Немировичъ-Данченко приводитъ слѣдующую характерную сценку. «По обстрѣливаемой дорогѣ шелъ конюхъ. Турки стали по немъ дуть чуть не залпами. Всѣ остальные перебирались согнувшись, конюхъ остановился во весь ростъ противъ непріятельскихъ позицій.—Ишь, дураки!—вдругъ начинаетъ усовѣщевать ихъ, хотя, разумѣется, не могли его слышать.—И чего вы стрѣляете, я вѣдь только што конюхъ, мнѣ и ружья не полагается, сволоочь!—И плюнувъ, онъ отправился дальше»²⁾.

1) Записано въ 1889 г. въ селѣ Краснопольѣ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи.

2) „Годъ войны“ Т. I стр. 79.

Особенно сильно было возмущеніе народа противъ турокъ за звѣрское обращеніе съ плѣнными.

— Къ нимъ, если нашъ братъ попадаетъ, они съ него съ живого кожку сдирали, а потомъ пятки поджаривали на огнѣ,—говорилъ мнѣ одинъ солдатъ.—Мучили, издѣвку дѣлали. А когда они къ намъ попадались, мы съ ними хорошо обходились.

— Нашимъ не приказано ихъ мучить,—вставилъ другой.

— А имъ развѣ приказано? Имъ тоже не приказано, а мучаютъ...

— Нашимъ строже приказано. Притомъ же они махмудане...

— Нѣтъ!—отозвался авторитетно третій.—На «контрестѣ» всѣмъ одинъ приказъ: не мучить плѣнныхъ, а они, проклятые, не слушаются!

— Такъ мы же на то православные!—стоялъ на своемъ первый.— Намъ и по закону нельзя мучительства дѣлать. А имъ можно.

Существуетъ еще въ народѣ повѣрье, что нельзя ничего брать съ убитаго непріятеля. По этому поводу одинъ солдатъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Со мной разъ что было. Иду степью. Послѣ сраженія было. Вдругъ вижу на бутрѣ солдатъ нашей роты стоитъ, землякъ, Шкуркой звали. Кричитъ мнѣ: «Яковъ! Яковъ!» Подхожу. «Что такое?» А онъ мнѣ показываетъ: «смотри». Смотрю—лежитъ турецкій офицеръ, на груди рана, а еще живъ, глаза открываетъ и закрываетъ. А кровь изъ раны: кашъ, кашъ кашъ! «Чего же, говорю смотрѣть?» А Шкурка показываетъ: «Смотри, часы». Вижу—цѣпочка золотая, толстая, а изъ кармана часы тоже золотые высунулись. Хотѣлъ я взять, а Шкурка говоритъ: «Не надо, говорить, грѣхъ». Тутъ еще солдатикъ подошелъ, тоже свой. «Чего, братцы, стоите?» Мы ему сказали. Посмотрѣлъ, разсмѣялся. Прямо прикладомъ турка по головѣ—баць! Тотъ ногой только дрыгнулъ, и духъ вонъ. Солдатикъ снялъ часы, цѣпочку, въ карманѣ нашелъ еще поясъ съ деньгами, 18 золотыхъ. «Ну, этимъ, братцы, подѣлимся», говоритъ. Я хотѣлъ взять, а Шкурка мнѣ опять: «Не бери. Это не деньги, а черви, съѣдятъ тебя». Я не взялъ. Только отошелъ—татахъ!! Обернулся—солдатикъ, что часы взялъ, лежитъ убитый. За куспомъ турокъ сидѣлъ и выстрѣлилъ. Шкурка бросился и этого турка убилъ.

УШ.

При первыхъ слухахъ о войнѣ, и въ особенности при началѣ военныхъ дѣйствій, народъ начинаетъ тревожно доискиваться, причинъ, вызвавшихъ войну.

Обыкновенно, народная мысль прежде всего останавливается на мотивах правового характера: Бѣлый Царь былъ вынужденъ начать войну противъ другой державы¹⁾, потому что она перестала подчиняться какимъ-то законамъ, короче—«взбунтовалась», и ее необходимо усмирить, «замирить». Эти мотивы юридического характера обыкновенно облечены въ крайне смутную, неопредѣленную форму. Въ чемъ заключаются беззаконные поступки взбунтовавшейся державы—на этомъ легенда совершенно не останавливается.

Въ пораздо болѣе опредѣленной формѣ представляются народной массѣ мотивы религіознаго характера. Царь выступилъ войной противъ нехристей, которые собираются унижить или даже уничтожить православную вѣру. Легенды такого рода создавались почти при всѣхъ войнахъ минувшаго столѣтія. Война 12-го года объяснялась тѣмъ, что нечестивый царь Аполіонъ выступилъ противъ «Александра царя православнаго» и хотѣлъ

«Изнитожить церкви Божіи,
А крещеный народъ избить-перебить,
А которые живы останутся,
Совратить ихъ въ идолство»²⁾.

Этими же мотивами объяснялась и Крымская кампанія, которая началась изъ-за того, что императоръ Николай I потребовалъ ключи отъ Брусалима; ключей-то ему черномордые дураки и не отдали, такъ онъ тогда и зачалъ ихъ, подлецовъ, лущить по банкѣ³⁾.

По поводу войны въ Сербіи въ народѣ говорили:—«Градь Кистивакица, Софію Премудрую, вишь ты, турка забрать ладить. Ишь, нехристь!.. Христіанскую вѣру подъ мечеть подвести норовить. Крестъ луной прикрыть, значить, желательно. Вотъ что!..»⁴⁾.

Еще больше легендъ этого характера было по поводу русско-турецкой войны.

Наконецъ, и русско-японская война не обошлась безъ аналогичныхъ сѣясненій. Ходила легенда, что японскій царь послалъ нашему насмѣшливое письмо, въ которомъ просилъ извѣстить его, сколько въ Россіи церквей. Ему-де надо это знать потому, что онъ собирается, по завоеваніи Россіи,

---

¹⁾ Существуетъ очень распространенная легенда, что Бѣлый Царь не имѣетъ права объявлять войну первымъ. Это мотивируется тѣмъ, что еслибъ царь имѣлъ это право, онъ быстро завоевалъ бы весь міръ.

²⁾ Сказитель-гусярь.

³⁾ Гл. Успенскій, „Перестала!“.

⁴⁾ „Въ глуб. Россіи“.

обратить всё православныя церкви въ конюшни. На это царь отвѣтилъ японцу, что тому нечего беспокоиться; въ Россіи много конюшенъ, и ихъ хватить не только для японскихъ лошадей, но и для всей японской арміи, которую русскій царь заберетъ въ плѣнъ.

Рядомъ съ мотивами религіозными народная масса ищетъ для войны и экономическіе, при чемъ всё они сводятся къ одному только земельному вопросу. Война, конечно, большое зло, противное Богу, но что же дѣлать, если другіе народы захватили всю землю, держатъ ее безъ пользы, а русскому человѣку край пришелъ, податься некуда? Волей-неволей приходится воевать. На войну смотреть какъ на «равненіе» или «черный передрѣлъ» международнаго характера.

Любопытна слѣдующая легенда: «Когда Богъ давалъ землю, китаецъ пришелъ раньше всѣхъ и получилъ больше всѣхъ земли. Нашъ русскій пришелъ позднѣе всѣхъ, ему и меньше досталось. Тогда Богъ сказалъ ему, чтобы онъ отбивалъ землю у другихъ; поэтому мы теперь воюемъ всегда со всѣми народами»¹⁾.

Русско-турецкую войну крестьяне во многихъ мѣстахъ понимали, какъ борьбу за землю. «Причины войны—лишить г. Соколовъ—придумывались, стна другой фантастичнѣе, нелѣпѣе; но наибольшій успѣхъ имѣла одна, пущенная какимъ-то догадливымъ прохожимъ. «Вишь ты, рассказывали мужики, въ Рассей земли стало въ умаленьи, народу больно умножилось, такъ царь-батюшка хочетъ турецкую землю отъ англичанъ отобрать и подрѣлить мужичкамъ.

— А что земля-то хорошая ли?—любопытствовали наиболѣе завидующіе—стоитъ ли кровь лить?

— Земля, одно слово: турецкая!

— Оно, знаю, турецкая земля сдобная, низовая, можно сказать... табакъ и всякую прочую фрукту производить,—рапортовалъ бывалый человѣкъ.

— Господи Боже, пехристь, а экую землю занимаетъ!.. Фрукта всякая»...

По возвращеніи солдатъ съ войны «крестьяне начали настойчиво пытаться героевъ: зачѣмъ они ходили подъ турку, что тамъ видѣли и чего теперь мужичкамъ ожидать слѣдуетъ», и главное: «будетъ ли надѣленіе землей?»—«Слышь, землей Рассею надѣлять стануть, такъ отъ бра-тушекъ отберуть али только отъ турка?»

¹⁾ „Что чит. нар.“, т. II, стр. 804.

Солдаты на это отвѣчаютъ сомнѣніемъ, чтобы у братушекъ землю, отбирали, и прибавляютъ:

— А турецкая земля намъ ни къ чему. Да и далеко больно.

— Далеко?

— Страсть Господня. Думали, и конца тутъ не будетъ. Да и туркъ жить надо, братцы.

— Али не всѣхъ перебили?

— Куда-те всѣхъ! Ихъ, братъ, видимо-невидимо¹⁾.

Такое же отношеніе крестьянства къ русско-турецкой войнѣ отмѣчаетъ и А. Энгельгардтъ.

«Когда получилось извѣстіе о мирѣ, первый вопросъ крестьянъ былъ:

— А Костошилъ взяли наши?

— Нѣтъ.

Недоумѣніе на лицѣ.

— А много наши турецкой земли забрали?

— Много.

— Третью часть забрали?

— Больше.

— Ну, слава тебѣ Господи!»

И сейчасъ же «разнесся слухъ, что безземельныхъ будутъ на турецкую землю переселять»²⁾.

Представленія народа о войнѣ, какъ о средствѣ «международнаго равенія» не только земли, но и вообще міровыхъ богатствъ, ярко выступаютъ въ одной, приводимой Гл. Ив. Успенскимъ, народной легендѣ, въ которой высказывается, хотя и смутно, глубокое сознаніе народной массы, что другія державы успѣли захватить, и присвоить себѣ большую часть земныхъ благъ, міроваго богатства, а Россія осталась ни при чемъ, бѣдная и обиженная.

Солдаты философствуютъ о войнѣ (русско-турецкой).

«— Нѣтъ, братъ, теперь извини. Былъ у него хвостъ вотъ какой, пуще павлиньего. Ну, будетъ! Довольно! Погуляй-ка такъ; порядочно мы ему хвостъ-то отхватили...

— Чей хвостъ?

— Чей! Всѣхъ вообще ихнихъ народовъ... Иностраныхъ подлецовъ... Теперь-хочь и много крови пролито, а золотыя мѣста взяли... Да-а! По газетамъ пишутъ, сказываютъ, ужъ бо-альшой раскопъ идетъ въ Арарат-

1) „Въ глуб. Россія“.

2) „Изъ деревни“, стр. 312.

ской горѣ... Первобытнаго быка отыскали... Самое то мѣсто нашли, куда онъ въ дождотопныя времена воткнулся!.. Первобытныхъ вѣковъ быкъ!.. Вотъ что!..

— Это чтожъ такое?—очевидно съ явнымъ замираніемъ сердца, почти шепотомъ спросилъ одинъ изъ слушателей.

— А то, что это самое и есть корень золотымъ мѣстамъ во всемъ свѣтѣ... А они (такъ и такъ) туда-то насъ и не пуцали... Ты теперича пойдѣ съ нашей рублевкой въ ихнюю землю, онъ тебѣ рубля не дастъ ни во вѣки-вѣковъ... У нихъ все, братецъ ты мой, золото да серебро, а бумажекъ и въ заводѣ нѣтъ... потому завладѣли коренными мѣстами: все золото себѣ и забрали, а насъ не допускаютъ. Ну, только теперь—шалишь!.. Онъ насъ въ Севастопольскую кампанію изъ-за чего мутилъ? Все изъ-за этого, изъ-за самага, не пускалъ къ кореннымъ мѣстамъ. Нашъ царь объявилъ войну,—небось, онъ не пошелъ на Питеръ-то... Ему бы путь, какъ по маслу-то въ Россію вломиться... Флотъ у него есть, матросовъ пятнадцать милліоновъ,—отчего онъ, нѣмецкая шельма, сюда не шелъ?.. Ты думаешь, сироста? Не зналъ? Нѣтъ, онъ тонко понимаетъ! Онъ взялъ, да объявился—эво гдѣ, въ Севастополѣ! Полѣзъ на Россію изъ-подъ кручи! изъ-подъ горы!.. Почему?.. Боялся! Потому тамъ самыя и начинаются коренныя мѣста—вотъ онъ насъ и припретъ снизу, чтобы къ мѣстамъ-то этимъ не подпустить!.. Во!.. Охъ, братъ, гляди ему въ зубы-то... Онъ свое дѣло знаетъ тонко... А теперича мѣста-то наши! На-ко вотъ съѣшь!.. ха-ха!..» ¹⁾.

Народная масса ждетъ отъ войны рѣшенія самага большаго вопроса крестьянской жизни, земельного, не только въ томъ смыслѣ, что народу будетъ раздана завоеванная земля. Гораздо чаще съ войной (какъ со всякимъ изъ ряду вонъ выходящимъ явленіемъ политическаго характера) связывается чаяніе земли въ томъ смыслѣ, что она будетъ отобрана у помещиковъ и отдана крестьянамъ. «До войны,—пишетъ Энгельгардтъ—слуховъ и толковъ (о землѣ) было меньше. Сильно толковать стали послѣ взятія Плевны, и какъ-то вдругъ сразу повсемѣстно: «кончится война, будетъ ревизія, и будутъ равнять землю»... Послѣ взятія Плевны о «милости» всюду говорили открыто, и на сельскихъ сходахъ, и на свадьбахъ, и на общихъ работахъ» ²⁾.

Обыкновенно, эти чаянія связываются съ царемъ. Послѣ войны должны быть перемены: царь наградитъ народъ за понесенные имъ труды землею.

¹⁾ „Умерла за направленіе“.

²⁾ „Изъ деревни“ стр. 353.

Однако эти чаянія связываются иногда и съ иноземцемъ. Ожидаются милости, какъ это ни странно, даже отъ непріятели. Во время войны 12-го года крестьяне ожидали, что Наполеонъ освободитъ ихъ отъ рабства. Въ 60-хъ годахъ въ народѣ ходили слухи, что вотъ «придетъ Галабурда (Гаррибальди) и отберетъ землю у пановъ и отдастъ мужикамъ». Мнѣ лично пришлось слышать отъ крестьянъ слѣдующую легенду. Однажды послѣ сходки староста, пожилой, умный крестьянинъ, вдругъ категорически заявляетъ: «Теперь землю безпремѣнно отберутъ у господъ».

— Почему?—спросилъ я.

— Слыхаль? Говорятъ, война будетъ.

— Ну?

— Ну, значить, какъ будетъ война, царь и дознается, что у мужиковъ земли нѣтъ.

— Какъ же онъ при войнѣ дознается?

— Какъ? А очень просто. Война, примѣрно, какъ бываетъ? Дерутся, а потомъ на время замиреніе дѣлаютъ. Тогда наши солдатики съ ихними вмѣстѣ сходятся, разговариваютъ. Ну, извѣстно, наши солдатики ихнимъ и разскажутъ все, какъ есть: притѣсненія въ землѣ, выгона нѣтъ, водопоя нѣтъ, помѣщики всю землю себѣ забрали. Ну, ладно. Ихній солдатикъ запомнить, да и разскажетъ это своему офицеру, а офицеръ разскажетъ выщему начальству, а выщее начальство еще выщему, пока дойдетъ до ихняго царя. А какъ съѣдутся вмѣстѣ все царя, ихній царь и скажетъ нашему: «А знаете, ваше императорское величество, что въ вашей землѣ дѣлается? Мужики земли не имѣютъ, выгона нѣтъ, помѣщики притѣсняютъ. Вотъ царь и узнаетъ правду и дастъ землю» ¹⁾.

IX.

Если въ обычное мирное время творцы и руководители внѣшней и внутренней политики меньше всего считаются съ мнѣніями и чаяніями народа, меньше всего прислушиваются къ его голосу, то въ критическіе моменты, при дипломатическихъ осложненіяхъ, а, въ особенности, когда война уже объявлена, начинается погоня за «санкціей народа». Извѣстная часть печати выступаетъ выразительницей «воли народа», начинаетъ говорить отъ имени «всего русскаго народа», заявляя, что онъ «глубоко возмущенъ», «потрясенъ», «не потерпитъ», настойчиво «требуетъ войны» и т. д.

¹⁾ Записано въ 1888 г. въ деревнѣ Павловкѣ, Екатериносл. губ.

Одновременно съ этимъ начинается усердное разжиганіе шовинистическихъ страстей. Въ сотняхъ и тысячахъ лубочныхъ книжекъ, картинокъ, каррикатуръ и пѣсенъ распространяются самыя невѣроятныя свѣдѣнія, какъ о непріятелѣ, такъ и о ходѣ войны съ нимъ. Непріятель рисуется непремѣнно грубымъ, дикимъ и безобразнымъ, дерзкимъ и трусливымъ. Въ противоположность ему русскій солдатъ всегда изображается сильнымъ, храбрымъ и побѣдоноснымъ.

Лубочная картинка является съ давнихъ поръ неизмѣнной спутницей войны. Во время русско-французской войны 1812-го года она уже играла значительную роль. Тогда лубочныя картинки были пущены въ ходъ Растопчинымъ подъ видомъ «афишъ». Л. Н. Толстой описываетъ эти афиши «съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Каргушки, «который былъ въ ратникахъ и, вышивъ лишній крючекъ на тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти на Москву, разсердился, разругалъ сквернымъ словомъ всѣхъ французовъ...», говоря, что они «отъ камусты раздуются, отъ шапи разлопаются, отъ щей задохнутся, что они всѣ картинки и что ихъ троиухъ одна баба вилами закинетъ» ¹⁾.

Лубочная картинка, получивъ съ теченіемъ времени болѣе широкое распространеніе, становилась все хуже, трубѣе и глупѣе по содержанию. Растопчинскія «афиши» могутъ показаться идеальными въ сравненіи съ современными, отвратительными по своей кровожадности и цинизму, лубочными картинками на военныя темы. Ислѣдовательница лубочной литературы, г-жа Некрасова, даетъ слѣдующее описаніе лубочныхъ изданій, выходившихъ во время русско-турецкой войны. Одно изъ нихъ: «Наши жернова все смелютъ», «имѣетъ на обложкѣ яркую картинку, гдѣ изображенъ очень большого размѣра русскій мужикъ-работникъ; онъ въ красной рубахѣ, съ ремешкомъ на головѣ и въ бѣломъ фартукѣ. Въ рукахъ держитъ мельницу. Три дюжихъ турка всыпаютъ въ мельницу свои турецкіе полки вмѣстѣ съ всевозможнымъ оружіемъ. Вся эта масса подъ рукою русскаго мужика обращается въ кровавую муку. Для поясненія картинки приложено стихотвореніе: «Что молоть-то? подавай! Да побольше подсыпай. Перемелемъ все въ муку, запоемъ: ку-ка-реку!..» «Въ такомъ же духѣ и такого же характера были и другія изданія: «Послѣ ужина горчица», «Пицать», гдѣ остроуміе писателя доходило до звѣрскаго издѣвательства надъ врагомъ, а самое издѣвательство иллюстрировалось яркой картинкой. Изображена, напримѣръ, мускулистая, ги-

¹⁾ „Война и миръ“: Соч., Т. VП, стр. 247.

гантскихъ размѣровъ рука, которая такъ сильно сдавила за талию маленькую жиденькую фигурку турецкаго султана, что съ него ручьями течетъ кровь. Подъ картинкой подписано: «Добываніе морса по новому способу» ¹⁾).

Совершенно такого же характера и достоинства лубочныя картинки распространялись въ народѣ и во время русско-японской войны. Отличительныя ихъ черты: зубоскальство надъ желтолицымъ и малорослымъ «макакой», бахвальство силой русскаго кулака, изображеніе блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ русской арміей и флотомъ надъ трусливымъ «япошкой». Одинъ изъ изслѣдователей лубочной литературы, И. П. Бѣлоконскій, даетъ слѣдующую характеристику лубочныхъ картинокъ о русско-японской войнѣ: «значительная часть ихъ написана на темы тѣхъ официальныхъ донесеній, гдѣ хоть вскользь упоминается объ удачѣ или проявленіи мужества со стороны русскихъ, при чемъ всякое ничтожное въ этомъ смыслѣ сообщеніе утилизируется въ необычайно преувеличенномъ видѣ... На морѣ всѣ корабли непріятеля взорваны и горятъ страшнымъ огнемъ, а въ морскихъ волнахъ плаваютъ несмѣтное количество японцевъ; на сушѣ врагъ нашъ также изображается или въ видѣ погибшихъ, или гибнущихъ воиновъ, валяющихся на полѣ сраженія и падающихъ съ лошадей» ²⁾).

Текстъ лубочной картинки прежде всего переполненъ руганью по адресу врага. Какими только эпитетами не награждаются японцы: «страшные уроды», «косоглазые волки», «курносый дурачине», «обезь на», «хвастунишка и слюнтяй», и т. п. Японцы настолько безобразны, что лубочная муза имъ заявляетъ:

«Стыдно съ вашей желтой рожей
И на свѣтъ казаться Божій.
Ну и сторона!»

«Японскіе гусары», у которыхъ «кони нескормлены и стары», увидѣвъ казаковъ, убѣгаютъ.

«На героевъ желтыхъ и напали страхи,
Сабли ихъ упали, испугались сами.
Повернули коней къ казакамъ хвостами».

Въ противоположность японцамъ, русскій солдатъ отличается певчато-храбростью, а въ особенности—силой. Онъ рисуется, не иначе, какъ богатыремъ:

¹⁾ „Была ли у насъ газета для народа?“ („Русск. Мысль“, 1889, № 12).

²⁾ „Лубоч. литер. о японск.-русск. войнѣ“ „Образованіе“ 1904 г. №№ 5 и 7.

«Ходятъ войны на просторѣ,
Разгулялись вдоль и вширь,
И сидитъ на бурномъ морѣ
Русскій сила-богатырь.
Чудо-шалка упираетъ
Чуть не прямо въ облака,
Плеть казацкую снимаетъ
Богатырская рука».

Богатырская мощь русскаго солдата, по лубочной картинкѣ, неразрывно связана съ плетью, нагайкой и кулакомъ. Въ картинкѣ: «Боевая пѣсенка донцовъ» изображенъ громадный мужикъ съ звѣрскимъ выраженіемъ лица... Этотъ мужикъ, подхвативъ японца, бьетъ его тройчатымъ кнутомъ, при чемъ у ногъ казака, вѣроятно, про запасъ, выцѣбется еще пукъ розогъ». А въ текстѣ, между прочимъ, говорится:

«А отъ насъ, братъ, будетъ порка
Съ плетью казака».

Въ картинкѣ «Къ войнѣ Россіи съ Японіей» изображено, какъ русскій матросъ, нарисованный на самомъ краю крейсера «Ретвизана», достаетъ рукою японскаго адмирала «Того-Паша» и наноситъ ему такой ударъ кулакомъ, что лицо адмирала превращается въ два пузыря, изъ носа льются потоки крови, изъ рта вываливаются зубы. А въ текстѣ объясняется:

«Кулакъ вдругъ канонира
Залѣпилъ японцу въ рыло;
Зубы выпилъ изъ рта!»

И дается еще обѣщаніе:

«Безъ кардита и лидита,
Мы свернемъ тебѣ ланита
Мощью кулака!»

Въ картинкѣ «Русскій гостинецъ» опять центральное мѣсто занимаетъ богатырь, въ видѣ мужика съ нагайкой. Еще въ одной: «Добрый совѣтъ, пока не поздно» авторъ говоритъ японцу:

«О казацкой ты нагайкѣ
Не забудешь самѣ».

«Изъ приведенныхъ образчиковъ,—резюмируетъ Бѣлюковскій,—видно, что наша лубочная литература въ настоящее время такъ же некультурна, какъ и въ предшествующую войну. Помимо безграмотности, въ ней не замѣчается ни юмора, ни остроумія, и вся она зиждется исключая-

тельно на восхваленіи грубой физической силы, которая сама по себѣ является альфою и омегою земнаго счастья. Врагъ Россіи смѣшонъ лишь потому, что онъ «малъ ростомъ», что онъ не можетъ «разбить скулы», «отдуть дубиною», «выпороть» и т. д. Умъ, знаніе, культура, правовое положеніе народа—все это пустяки, нужно лишь обладать необъятныхъ размѣровъ громадными кулаками, да дубинами».

Вѣра въ мощь «кнута и дубины» до того велика у лубочника, что онъ, совершенно не считаясь съ фактами, не ожидая событій, заранѣе торжествуетъ побѣду надъ врагомъ, изображаетъ японскую армію уничтоженной, флотъ потопленнымъ. Въ то самое время, когда японцы потопили «Петропавловскъ» и нѣсколько другихъ судовъ, лубочная картинка изображала японскій флотъ потопленнымъ, при чемъ лубочная муза обращалась къ микадо съ наставленіемъ:

«Тебѣ съ нами драться трудно;
 Что ни день, то гибнетъ судно—
 Славныя дѣла!
 Лѣзешь сдуру къ Портъ-Артуру.
 Потрепали твою шкуру
 Мы въ единый мигъ!»

Но лубочная картинка не довольствуется совѣтами. Она, какъ и ея предшественница во время русско-турецкой войны, старается будить кровавадыя инстинкты. Въ картинкѣ: «Какъ русскій матросъ отрубилъ японцу носъ» изображено, какъ русскій матросъ держитъ въ одной рукѣ окровавленную шашку и, подбоченясь другою рукою, «съ улыбкою смотритъ на упавшаго и задравшаго ноги японца, у котораго высокимъ фонтаномъ бьетъ кровь изъ дыры, образовавшейся на мѣстѣ отрубленнаго носа».

На картинкѣ подъ названіемъ: «Завтракъ казака» изображено какое-то сказочное чудовище, съ желтою, въ видѣ помела, бороною... Чудовище это, стоя на берегу моря, схватило за шиворотъ маленькаго японца на противоположномъ берегу и, разинувъ пасть, собирается пожрать японца, у котораго выпало знамя. Подіиись подъ картинкой такова:

«Врешь японская натура,
 Не вертись въ рукахъ.
 Посмотрю, какъ ваша шкура
 Рвется на зубахъ!!!!
 Разъ пришелъ ко мнѣ ты въ гости—
 Милости прощу!
 Я тобой совѣмъ безъ злости
 Малость закушу!»

Легко себѣ представить, какъ должны дѣйствовать на народную массу пободныя картинки, въ особенности, если принять во вниманіе, что народъ, глядя на картинки, часто вѣритъ, что на нихъ изображены реальныя событія, чуть ли не срисованныя съ натуры. Во время русско-турецкой войны—разсказываетъ Соколовъ—«любочнымъ картинкамъ все мы до такой степени вѣрили, какъ въ точное изображеніе войны, что разыскивали среди сражающихся солдатъ своихъ односельчанъ и знакомыхъ и, къ общему восторгу, всегда находили кого-нибудь».

Не уступаетъ любочной картинкѣ и любочная книжка о войнѣ. Такъ, напр., въ книжкѣ: «Бомбардировка крѣпости Портъ-Артура» разсказывается: «Голыми руками отбивались наши матросы (всего 26 чел.) отъ нападавшихъ (300 чел.), многіе же японцы имѣли въ рукахъ палки и даже ножи. Матросы прямо хватали малорослыхъ противниковъ за тулѣвище, оборачивали вверхъ ногами и головами утрамбовывали землю; бросить одного и хватать другого—блага тѣхъ много. И смѣшно, и жутко! А макаки, яростно насаживая, оглашая воздухъ пронзительными криками, дѣлая при этомъ страшныя рожи, дабы напугать врага... летѣли на землю одинъ за другимъ» ¹⁾.

X.

Рядомъ съ любочными картинками и книжками, направленными къ возбужденію въ народной массѣшовиннистическаго настроенія, должна быть поставлена искусственная солдатская пѣсня. Единственное ея отличіе заключается въ томъ, что въ ней отсутствуютъ каннибальскіе мотивы. Во всемъ остальномъ она не отличается отъ военно-любочныхъ картинокъ: то же бахвальство кулакомъ, та же фальшивая приподнятость настроенія. Въ общемъ, такая пѣсня представляетъ собою сплошную фальсификацію солдатскихъ чувствъ, думъ и настроеній. П. В. Кирѣвокій даетъ ей слѣдующую характеристику. «Литературныя измышленія пѣсенъ сочиненныхъ ниже всякой критики и практическаго примѣненія: они навязывались насильно, волею и неволею, продолжая черезъ солдатъ давленіе свое и на всю народную массу; они становились на ходули, преувеличивали, наивно и просто лгали, фальшивили дорогими чувствами, развивали напускной азартъ и неопытную самонадѣянность; они создавали привилегированную, невѣжественную, но вмѣстѣ гордую и презрительную къ низшимъ братьямъ корпорацію; они развращали нравственно, они отрывали себя отъ народа, народъ отъ себя, роя въ промежуткѣ бездну, на которую послѣ приходилось плакаться; они подрывали истинный,

¹⁾ Вѣлюконскій, „Любочная литература о японско-русской войнѣ“

творческій и художественный вкусъ, ускоряя паденіе и безъ того клонившейся къ ослабленію народной пѣсни»¹⁾).

Наиболѣе отличительная черта искусственной пѣсни—это безграницное хвастовство своей удаляю и безстрашіемъ. Она то и дѣло выкликаеть:

«Храбры воины Россійски,
«Нашей славы полонъ свѣтъ!»

или:

«Вѣдь мы турокъ не боимся
И татаръ мы не страшимся!».

а то даже:

Грозной смерти не боимся,
Сами промъ несемъ въ рукахъ».

Солдатская пѣсня рисуеть русскаго солдата захватскимъ воякою, которому ни по чемъ всѣ невзгоды и лишенія солдатскаго житья. Пьянииа и забіяка, онъ постоянно весель, чувствуетъ себя счастливымъ въ обстановкѣ казармы и рвется въ бой съ непріателемъ.

«Что подъ дождичкомъ трава,
То солдатска голова:
Весело цвѣтеть, не вянетъ,
Службу царску бойко тянетъ.
Жизнь мужицкая прости!
Рады службу мы нести.
По призыву ль иль по волѣ
Умереть готовы въ полѣ...»

Солдатъ

...«Ружье, патронникъ, лямку—
Какъ ребенокъ любить мамку»²⁾.

Но другой версін къ этому прибавляется:

«Жизнь солдатска намъ забава,
Польза, счастье намъ и слава»³⁾.

У солдата самыя интимныя, кровныя привязанности порваны. Забыты отецъ и мать, жена и дѣти. Въмѣсто нихъ явились другія, чисто солдатскія привязанности. У «солдапушекъ-ребятушекъ» «дѣды—славныя побѣды»; «матки—бѣлыя палатки»; «жены—ружья заряжены»; «тетки—двѣ косушки водки»; «сестры—штъпки, сабли востры»; «дѣтки—пули мѣтки»; «хата—лагерь супостата»⁴⁾.

1) „Пѣсни“. Вып. IX, стр. 236—7.

2) А. И. Соболевскій, „Великорусскія народныя пѣсни“, т. VI, № 152.

3) Кирѣевскій, Вып. IX.

4) Соболевскій. Тамъ же, № 151.

Насколько эти пѣсни по формѣ и языку доступны народу, можно судить по слѣдующимъ образцамъ:

«Громъ побѣды раздавайся,
Веселся, храбрый Россѣ!»

Или:

«Графъ Румянцевъ нашъ отецъ,
Мы оплетемъ ему вѣнецъ,
Изъ своихъ, братцы, сердець...
А Потемкина прославимъ.
Вождемъ будетъ ему Марсъ,
Подъяремникомъ—Пегасъ!»

Очень одушевленно для солдатъ!»—восклицаетъ по поводу этихъ виршей Кирѣевскій.

XI.

Искусственная солдатская пѣсня, какъ и военно-лубочная картинка, настолько грубо фальсифицируетъ чувства и настроенія народа и, въ частности, солдатъ по отношенію къ войнѣ, что это бросается въ глаза всякому, кто хоть мало-мальски знакомъ съ народомъ. Но особенно рѣзко выступаетъ на видъ вся тенденціозная фальшь этихъ пѣсенъ и картинокъ, если сопоставить съ ними произведенія истиннаго народнаго творчества—рекрутскія, солдатскія и историческія пѣсни, въ которыхъ такъ ярко и опредѣленно выступаетъ реальное отношеніе народа къ солдатчинѣ и войнѣ.

Русскій солдатъ прежде всего поразительно скромнѣе по отношенію къ себѣ и къ своей роли въ войнѣ. Онъ отличается, по выраженію Л. Н. Толстого, «молчаливымъ безсознательнымъ величіемъ и твердостью духа, стыдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ»¹⁾. Онъ не только не способенъ бахвалиться своею храбростью, безстрашіемъ и побѣдами, но и вообще не любитъ говорить про свои подвиги. И если въ солдатской пѣснѣ иногда и прорывается выраженіе: «споемъ пѣсню про себя», то за нимъ тотчасъ же слѣдуетъ характерная оговорка:

«Мы не сами про себя.²⁾
Про лютого короля».

Или:

Мы не для ради себя
Для Прусскаго короля.

1) „Севастоп. рассказы“.

2) „Не за тѣмъ, чтобы объ себѣ толковать или жаловаться“—поясняетъ Кирѣевскій.

Или, еще по одной версии:

«Мы не сами про себя—мы про Волгушку»¹⁾.

Напрасно было бы искать въ настоящихъ солдатскихъ пѣсняхъ восторженныхъ описаній блестящихъ парадовъ, героическихъ битвъ, грома побѣдъ. Русская народная музыка не вдохновляется войной. Солдатскія пѣсни проникнуты безысходной грустью и горькой жалобой. Солдаты, какъ и крестьянинъ, видятъ въ войнѣ только ея ужасы, кровь и стоны, горе и лишения. Если народная музыка иногда останавливается на изображеніи войны, то картина всегда получается одинаково ужасная. Солдаты

«Которые на горѣ —
По колѣни стоять въ рудѣ (крови),
Которы подъ горой —
Тѣхъ засыпало землей»

Какъ только «затремитъ пальба ружейная», какъ уже

«Что не камушки съ крутыхъ горъ покаталися,
Покаталися съ плечъ головушки солдатскія;
Что не алое сукно въ полѣ заалѣлось,
Заалѣлась тутъ кровь солдатская»²⁾.

И всюду, гдѣ только происходили битвы, тамъ картина оказывалась одна и та же. У «пресловутаго Яикушки» «круты бережки и низки долушки»

«Костями бѣлыми, казачьими усѣяны,
Кровью алою молдецкою упитаны,
Горючими слезами матерей и женъ поливаны».

У «славнаго тихаго Дона»

«Не сохами-то славная земелюшка, наша распахана, не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными конятами,
А засѣяна славная земелюшка солдатскими головами...
Украшенъ-то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами...
Цвѣтенъ нашъ бѣтюшка, славный тихій Донъ сиротами,
Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими, матерними слезами».

На «чужой дальней сторонущѣ», куда гонять «невольничковъ» воевать, всегда

«Головами поле усѣяно,
А рудою поле вливано,
Тѣлесами поле вскрывано».

¹⁾ А. И. Соболевскій, тамъ же, № 10.

²⁾ Соболевскій, № 145.

Народная муза рѣдко останавливается на изображеніи битвъ. Она гораздо больше занимается описаніемъ повседневной казарменной и бивуачной жизни, изображеніемъ настроенія, мыслей и ощущеній солдата и его родныхъ. Она не находитъ достаточно сильныхъ словъ и красокъ для опредѣленія всей горечи и тяжести солдатской жизни:

«Какъ далече, далеченько, во чистомъ полѣ,
Еще того шодаль, во раздольицѣ,
Какъ не бѣлая березынька къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки раздуваются,
Не шелковая ковыль травынька разстилается.
Еще стелется-разстилается полынь горькая,
Охъ, и нѣтъ тебя горчѣе во чистомъ полѣ,
А еще того горчѣе служба царская».

Сравненіе «службы царской» съ «горькой полынью» повторяется въ десяткахъ пѣсней. Въ другихъ пѣсняхъ для службы царской подбираются не менѣе мрачные эпитеты: «грозная служба царская», «горь-несчастье», «кручинушка великая», «разнесчастное житье», «неволюшка-невзгодушка». Солдаты называются «невольничками». Идя на войну, они только и дѣлаютъ, что плачутъ:

«Рекрута катаются,
Слезамъ уливаются,
Платомъ утираются,
Въ солдаты наряжаются».

Выступая въ походъ,

«Идучи они, солдаты, сами плачутъ,
Въ слезахъ они дороженьки не видятъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвятъ».

Или:

«Не роса пала на травушку,
Что катились горючи слезы,
Горючи слезы солдатскія.
Идучи, братцы, въ землю Шведскую,
Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
Во слезахъ идутъ, возрыдаючи».

Особенно ярко высказалось душевное состояніе солдата въ слѣдующей пѣснѣ:

«Кто бы могъ достать среди моря желтаго песочку?
Кто бы стеръ съ моей острой сабли красную ржаву?
Вскрылъ бы мои молодецкія бѣлыя груди,
Посмотрѣлъ бы, посмотрѣлъ бы мое ретивое сердце,
Отчего-то оно во мнѣ все изныло».

Безъ поры безъ времячка молодца сокрушило?
Безъ огня-то оно, мое сердечушко, сгорѣло,
Безъ полымя-то оно, мое ретивое, согаѣло»¹⁾.

Самое тяжелое для солдата—это разлука съ родной стороной: съ родомъ-племенемъ, отцомъ-матерью молодой женой, малыми дѣтками, съ зазнобушкой.

Солдаты постоянно рвется душой «ко двору»,

«Къ отцу, къ матери, къ малымъ дѣтушкамъ,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ»²⁾.

Солдату «завидно», не то, что царь его на службу посылаетъ, а то, что

«Отецъ, мати стареньки остаются,
А некому будетъ поить ихъ кормити»,

что

«Молоды жены овдовѣли,
Малы дѣтушки осиротѣли». (148).

Солдату особенно жалко

«Малыхъ дѣтушекъ горемычныхъ,
Что остались они наги-босыя,
Насидятся теперь за столомъ голодныя,
Наглядятся они кусочка поданнаго». (234).

Поэтому солдату такъ страшна и ненавистна «чужа-дальняя сторона»..

«Чужа дальна сторона безъ вѣтру сушить,
Безъ вѣтра сушить и безъ мороза знобитъ».

Она

«Присушила черны-кудерцы ко буйной головѣ,
Высушила кровь-румянецъ съ моего бѣлаго лица» (218).

Не менѣе тяжела солдату и оторванность отъ обычнаго крестьянскаго труда. Крестьянской дѣвушкѣ обидно не то, что ея милого берутъ въ солдаты, а то, что его

«Всѣ сосѣди неработникомъ зовутъ» (25).

Солдаты, призывая отца и мать съ нимъ горе горевать, жалуется имъ на свою судьбу:

«Я не пхзарь полевой,
Не косецъ я луговой,
Не рачитель домовой,
Я—солдатикъ рядовой!» (78).

1) Соболевскій, № 193.

2) Тамъ же, 47.

Другой солдатъ плачетъ:

Цеперь мое не жище, ни бище,
Цеперь мое не гуляняйко,
А цеперь мѡе распращенейко
Братцы будутъ иши сѣно косиць,
А я буду въ калавуры ходзиць,
Братцы будутъ ици съ грабельками,
А я бду ходзиць съ шабельками.

Еще одинъ причитываетъ:

Лепши дома цѣнымъ бухаць,
Якъ ны войнѣ муштровъ слухаць.
Лепши дома грабельками,
Якъ на войнѣ шабельками.
Лепши дома хлѣбъ овсяны,
Якъ ны войнѣ пытливаны¹⁾.

Далѣе идутъ горькія жалобы на трудности, обиды и лишенія солдатскаго житья:

Солдатъ плачется:

... «Мнѣ науки не поняты,
Всѣ начальники бранять,
Офицеры бить хотять»²⁾.

Или:

«Намъ ученье—ничего,
Между прочимъ—тяжело...
Не довернешься—бьютъ,
Перевернешься—бьютъ». (257).

Или:

«Лучше было насъ на свѣтъ не родить,
Какъ намъ тяжко Государю служить.
Мыжъ яму што день пѣсенки пьемъ,
Мыжъ отъ ято по сто палушекъ беремъ»³⁾.

Одними побоями не исчерпываются трудности солдатскаго житья. Солдатская пѣсня продолжаетъ жаловаться:

«Что ни день, что ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
Темна ноченька приходитъ—
Намъ, солдатушкамъ, на караулъ быть;
Бѣлъ денечекъ наступаетъ—

1) Шейнъ. „Матеріалы“ Т. I., стр. 555, 463.

2) Соболевскій, тамъ же, № 29.

3) Шейнъ. Тамъ же, стр. 473.

Намъ, солдатушкамъ, во строю стоять,
Во строю стоять намъ, солдатушкамъ,
По ружью держать;
Пристоялись рѣзвы ноженьки ко сырой землѣ,
Придержались бѣлы рученьки къ строеву ружью,
Приглядѣлись наши глазыньки на чисты звѣзды».

Но горше всего жалуется солдатъ на голодъ:

«И стояли мы, солдатушки, трое сутокъ
Не пивалочи и не ѣдалочи».

И этотъ стонъ повторяется на разные лады въ десяткахъ другихъ пѣсенъ.

«Становились мы при мхахъ, при болотахъ,
Много голоду и холоду принимали».

Или:

«Какъ съ поломя очи наши стали красныя,
А на личикахъ служивые стали черныя,
Съ прикусочки уста наши прихвятилися,
Съ большихъ маршовъ рѣзвы ноженьки спотыкалися».

Солдатское житье «горе-горькое, кукушечье», потому что

«Припилася намъ болотная вода,
Прихлебалися намъ постны щи,
Намъ приѣлись оржаные сухари».

И солдатъ не останавливается даже передъ упрекомъ:

«Государь нашъ, православный царь,
Поморилъ же ты насъ голодомъ!»¹⁾

Что солдатъ придаетъ особое значеніе «продовольственному вопросу», констатируютъ также и наблюдатели солдатской жизни. По словамъ г. Немировича-Данченка, во время русско-турецкой войны солдаты особенно цѣнили Скобелева за его заботы о солдатскомъ продовольствіи. «Солдаты говорятъ: съ Скобелевымъ драться можно—всегда сытъ будешь»²⁾. По словамъ другого наблюдателя, солдаты рассказывали. «Въ третьей кожѣ пришли подъ Плевну-то. Одна кожа сойдетъ, другая нарастетъ... Опять насчетъ харчу и аммуниціи—до страсти какъ плохо было, особливо обувь: въ однѣхъ онучахъ на приступъ ходили».

1) Соболевскій, № 215.

2) Годъ войны т. I 276.

Въ общемъ, отношеніе солдата къ войнѣ и походной жизни вполне опредѣляется слѣдующими словами великаго знатока народной жизни, Гл. Успенскаго:

«Громадная масса русскихъ воиновъ, которые, исходивъ тысячи верстъ, перемучившись всѣми муками, совершивъ необычайные подвиги, возвращаются смиренно по домамъ, не находятъ иного разговора, какъ о харчахъ, объ одеждѣ, о томъ, гдѣ что дешево изъ продукта»¹⁾.

ХП.

Въ душѣ русскаго человѣка несомнѣнно живетъ «чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго—любовь къ родинѣ»²⁾. Самымъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ на личности этого чувства можетъ служить вся тысячелѣтняя исторія русскаго народа. Несомнѣнно также и то, что человѣкъ изъ массы совершенно безсознательно идеализируетъ воинственный героизмъ, олицетворяя его въ богатыряхъ, витязяхъ, генералахъ, и, вообще, герояхъ. Но, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, его отношеніе къ кровавой борьбѣ между людьми и народами остается самымъ отрицательнымъ. Человѣкъ изъ народа, въ томъ числѣ солдатъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ понимаетъ войну, какъ защиту родины. Въ народныхъ легендахъ о войнѣ почти ничего не говорится о стремленіи непріятеля «завладѣть Россіей». Объясняется это отчасти глубокой вѣрой русскаго человѣка въ мощь Россіи и въ непобѣдимость «блага царя», и еще болѣе—тѣмъ, что, за исключеніемъ войны 12-го года, русскому солдату приходилось не столько защищать «родину», сколько вести наступательныя войны, если не на территоріи непріятеля, то вдали отъ центральной Россіи.

Народная масса, въ томъ числѣ и русскій солдатъ, видитъ въ войнѣ фатальное явленіе, predetermined свыше испытаніе. Человѣкъ изъ народа идетъ въ солдаты, а затѣмъ идетъ на войну только въ силу роковой необходимости. Давъ присягу служить не за страхъ, а за совесть, не жалѣя живота, онъ добросовѣстно выполняетъ свой долгъ, мужественно переноситъ всѣ труды и лишения и безъ колебанія идетъ на вѣрную смерть. Но «солдатчина» не становится для него ремесломъ, жизненнымъ дѣломъ. Война не вдохновляетъ русскаго солдата, не создаетъ у него ни особой кастовой психологій, ни кастовой морали, какъ у воиновъ

¹⁾ Соч. т. I. стр. 875.

²⁾ Выраженіе Л. Н. Толстого („Севастопольскіе рассказы“).

другихъ народовъ. Конечно, у солдата должны создаваться свои особенныя привязанности къ товарищамъ, къ полку—и это выражается иногда въ очень трогательной формѣ. В. И. Немировичъ-Данченко рассказываетъ такой эпизодъ изъ русско-турецкой войны. На носилкахъ лежитъ смертельно-раненый унтеръ-офицеръ, и по его лицу текутъ слезы.

— Не плачь... Будешь здоровъ!—утѣшаютъ его врачи.

— Да не о себѣ я...

— О чемъ же ты?

— Житомирскій полкъ нашъ кончается!

«Такъ это было сказано, что у всѣхъ кругомъ показались на глазахъ слезы. Видимо сжился онъ съ своимъ полкомъ, ему—отцомъ и матерью, братомъ и женой былъ онъ»¹⁾). Но тотъ же авторъ констатируетъ, что «нашъ солдатъ—прежде всего не шовинистъ». Свидѣтельствуютъ объ этомъ и Л. Н. Толстой, и Достоевскій, и Гл. Успенскій, и другіе. Солдатъ хорошо помнитъ, что не онъ войну началъ и не отъ него зависитъ окончаніе ея. Герой Гл. Успенскаго, Кудинычъ, на всѣ вопросы отвѣчаетъ: «Тамъ, братъ, не разсуждаютъ». И этимъ опредѣляется отношеніе нашего солдата къ войнѣ. Онъ знаетъ, что въ войнѣ его воля никакой роли не играетъ. И отдавая, не разсуждая, свою жизнь, онъ снимаетъ съ себя отвѣтственность за свои дѣйствія, не приписываетъ себѣ ни лавровъ побѣды, ни позора пораженія. Вся отвѣтственность передъ Богомъ, царемъ и родиной падаетъ на организаторовъ и руководителей войны—на генераловъ. И если, при побѣдѣ, генералы воспѣваются въ пѣсняхъ и окружаются ореоломъ славы, то при пораженіи они же обвиняются въ неумѣлости и измѣнѣ.

Въ соотвѣтствіи съ такимъ возрѣніемъ солдата на его роль въ войнѣ, сложились и отношенія его ко всѣмъ явленіямъ боевой жизни и дѣятельности. Въ противоположность европейскому солдату, который считаетъ крайнимъ позоромъ проявленіе боязни, русскій солдатъ, даже совершая чудеса храбрости, нисколько не стыдится «плакать и слезами уливаться» и съ поразительной простотой говорить о своей боязни смерти отъ шальной пули или штыка, о той инстинктивной боязни смерти, которая присуща всякому здоровому человѣку, но которую только по истинѣ храбрые люди способны преодолѣть.

Солдатику въ «Войнѣ и мирѣ», рассказываетъ послѣ битвы:

— «Какъ оно пролетитъ мимо меня, дяденька, ядро-то—я такъ и

1) «Годъ войны», I, 97.

обмеръ. Право, ей Богу, такъ испужался — бѣда!» — говорилъ этотъ солдатикъ, будто хвастаясь тѣмъ, что испугался.

Когда Пьеръ спокойно стоитъ на батарее, гдѣ падаетъ градъ снарядовъ, къ нему обращается «краснорожій, широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы:

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право!

— А ты развѣ боишься?—спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же?—отвѣтилъ солдатъ.—Вѣдь она не помилуешь. Она шмякнетъ, такъ кишки вонь. Нельзя не бояться!—сказалъ онъ смѣясь» ¹⁾.

Та же черта отмѣчена и въ «Набѣтѣ»: «Старый солдатъ съ угрюмымъ видомъ», жалѣя «хорошенькаго прапорщика», безразсудно кидавшагося въ огонь и убитаго наповаль, говоритъ:

«— Извѣстно жалко... Ничего не боится: какъ же этакъ можно!.. Глупъ еще, вотъ и поплатился.

— А ты развѣ боишься?

— А то нѣтъ?» ²⁾.

О той же Севастопольской кампаніи приводитъ П. И. Якушкинъ слѣдующій разговоръ съ солдатами:

«— А страшно было?

— Какъ не страшно!

— Какъ же вы впередъ все шли, а назадъ вернуться не хотѣли?

— Да вѣдь онъ пришелъ вѣру нашу рушить, порядки свои у насъ заводить. Тутъ некогда, другъ душевный, думать, что страшно, что не страшно!

«Это мужество,—замѣчаетъ Якушкинъ—поразительно: это не дикая дерзость, не безумная храбрость, нѣтъ! Здѣсь человекъ, сознавая всю опасность, признавалъ необходимость подвергать свою жизнь этой опасности, чтобы спасти свою вѣру и свои порядки.

— Страшно было!—говорилъ другой раненый ратникъ.

— Чего же страшно?

— Какъ не страшно?! Стоимъ мы этакъ кучкой... какъ хватить ядромъ — парню голову и отхватило!..

— А все стояли?

— Все стояли. Потому нельзя: онъ прорветъ» ³⁾.

1) Т. III, стр. 326.

2) „Набѣтъ“. Т. III, стр. 38.

3) Соч. стр. 166.

Во время русско-турецкой войны, послѣ одной битвы, въ которой побѣда осталась за русскими, раненый солдатикъ утверждалъ, что русскіе отступаютъ:

«— Да вѣдь ты же раненъ не во время отступленія, не бѣжали же вы?

— И побѣжали бы, да некуда. Сюда яръ, туда яръ, а сзади стѣна. Ну, прислонились и отбивались» ¹⁾.

Это говорилъ побѣдитель!

Набѣнецъ, отмѣчена эта черта и во время русско-японской войны. Корреспондентъ «Русскаго Инвалида», г. Красновъ, характеризуя солдатъ русскаго и японскаго, между прочимъ, писалъ: «Нашъ откровенно говорить: «боюсь: всякій живой смерти боится»—и рядомъ съ этимъ является по начальству и добавляетъ: «Дозвольте совершить подвигъ».—«Да вѣдь тебя убьютъ». «На все воля Божья, ваше благородіе!» Я замѣчалъ— добавляетъ г. Красновъ,—какъ подъ пулями бѣлѣли щеки и скулы у солдатъ, и они всетаки выносили до 80 процентовъ потерь» ²⁾.

Если же въ рѣдкихъ случаяхъ народное творчество отмѣчаетъ героизмъ русскаго солдата, то это облечено въ поразительно тонкую поэтическую форму. Черкесы надругались надъ тѣломъ убитаго русскаго солдата:

«Вскрывали ему, да добру молодцу, они грудь бѣлую;
Вынимали они изъ добраго молодца что сердце со печенью
На ножѣ оно, ретивое сердце, оно вострепенулося,
Надъ черкесами, надъ ретивыми оно усмѣхнулося» ³⁾.

Съ той же простотой, съ какою солдатъ говорить о своей боязни, говорить онъ и о пораженіяхъ. Онъ не видитъ для себя никакого позора въ пораженіи и рассказываетъ о немъ съ эпическимъ спокойствіемъ, часто даже преувеличивая его размѣры, а иногда (въ особенности раненые солдаты) принимая побѣду за пораженіе.

«Меня поражало,—пишетъ Якушкинъ,—благодаршеіе раненыхъ рассказчиковъ объ ихъ подвигахъ, равнодушіе или, лучше сказать, крайнее отсутствіе самохвальства въ рассказахъ людей, бывшихъ въ страшныхъ опасностяхъ». (Соч. 164).

Л. Н. Толстой неоднократно констатируетъ это равнодушіе и къ своимъ подвигамъ и къ своимъ пораженіямъ. Отмѣчаетъ онъ также «странность,

¹⁾ Годъ войны ч. I стр. 87.

²⁾ Приводится въ „С.-Пет. Вѣд.“ 1904 г. № 214.

³⁾ Соболевскій, Пѣсни“. Т. VI, № 310.

которую всякій может замѣтить: солдатъ, раненый въ дѣлѣ, всегда считаетъ его проиграннымъ и ужасно кровополитнымъ».

Послѣ взятія одной траншеи подь Севастополемъ, раненые солдаты утверждали, что «должно за ними траншея осталась—совсѣмъ одолѣли».

— «Подступило ихъ, ваше благородіе, сила,—говорилъ солдатъ.—Лѣзутъ на валъ, да и шабашъ. Одолѣли совсѣмъ, ваше благородіе!

— Какъ одолѣли?.. Да вѣдь вы отбили же?

— Гдѣ тутъ отбить, когда его вся сила подошла! Перебиты всѣхъ нашихъ и синкурсу не подають.

— Ну, какъ вамъ не стыдно! Отдали траншею? Это ужасно!—сказалъ Голлицынъ, огорченный этимъ равнодушіемъ.

— Что же, когда ихъ сила,—проворчалъ солдатикъ».

Это же самое отмѣчаетъ и Немировичъ-Данченко: «Нужно отмѣтить,—пишетъ онъ,—удивительную чуткость солдата на тревожные слухи... Главными распространителями такихъ тревожныхъ извѣстій являются, разумѣется, раненые: имъ, большею частью, кажется все потеряннымъ... Отчасти чуткость солдата къ тревожнымъ и печальнымъ вѣстямъ объясняется характеристическою особенностью нашего христіолюбиваго воинства. Нашъ солдатъ,—прежде всего не шовинистъ. Онъ не вѣритъ въ слабость непріятеля и не самообольщается собственной своей силой. Онъ чрезвычайно скромнъ»¹⁾. «Никогда не нужно вѣрить,—продолжаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—раненому, возвращающемуся съ бою. То же, что мнѣ встрѣтилось на Шипкѣ, и здѣсь одинаково случилось въ глаза. Спрашиваютъ у раненаго, когда мы уже заняли траншею и выбили турокъ:

— Ну, что, какъ дѣла?

— Ой, плохо... Турокъ одолѣлъ совсѣмъ. У него сила несмѣтная»²⁾.

Указаннымъ отношеніемъ солдата къ войнѣ и къ своей роли въ ней опредѣляется въ значительной степени и его отношеніе къ непріятелю. Русскій человекъ не питаетъ ненависти къ народамъ, съ которыми ему приходится воевать. Болѣе того: солдатъ въ разгарѣ войны совершенно не охваченъ яростной злобой къ непріятелю. Не поддаваясь военному азарту и не считая войну своимъ личнымъ дѣломъ, онъ не вноситъ въ свои отношенія къ врагу элемента личныхъ чувствъ. Высшая роковая сила, оторвавшая солдата отъ плуга и пославшая его на смерть, властно требуетъ, чтобы онъ дрался съ врагомъ и истреблялъ его. И онъ это дѣлаетъ, но безъ злобы, безъ азарта, безъ ярости, хотя и безъ пощады. Результатомъ без-

¹⁾ «Годъ войны», I, 264.

²⁾ Тамъ же, стр. 314.

личнаго и безответственнаго отношенія къ войнѣ является забвеніе человѣческой личности и въ непріятелѣ, который обращается въ объектъ работы: это трава, которую надо скосить, дрова, которыя надо наколоть. Брагъ, — французъ, турокъ или японецъ, — это не человѣкъ, а мясо, говядина.

— Страсть, что у меня мяса сожрала эта пушченка, — гладить казакъ мѣдное дуло орудія».

«Артиллеристы тѣ иначе турокъ и не называютъ, какъ говядиной. Характерный цинизмъ выраженій.

— Попалъ прямо въ говядину.

— Страсть сколько наша четырехфунтовка этой говядины сожрала» ¹⁾.

А. Н. Энгельгардтъ приводитъ письмо солдата къ матери съ театра войны. Солдатъ, между прочимъ, пишетъ: «Такая была драка, нашего брата много легло; ну, турокъ наколотили, все равно, какъ въ лѣсу валяжнику навалили» ²⁾.

Въ этомъ же тонѣ говорили наши солдаты и о японцахъ. Послѣ одной битвы солдатъ говорилъ корреспонденту: «Немного рано мы отступили, ужъ очень густыми колоннами шель онъ, — класть его удобно, въ кучу, значить, бѣшь» ³⁾.

Припомнимъ еще изъ «Войны и мира», рассказъ Тихона, какъ онъ «ходилъ за французами», чтобы добыть «языка», какъ онъ захваченнаго француза свелъ въ лѣсъ и убилъ только потому, что онъ «неаккуратный былъ», не отвѣчалъ эстетическому вкусу солдата, — и пошелъ искать другого, поаккуратнѣе.

Но все это только въ разгарѣ войны, когда истребленіе врага является долгомъ присяги, «обязательной работой». Какъ только военные дѣйствія прекратились, хотя бы временно, отношенія русскаго солдата къ непріятелю становятся участливыми и сердечными. Припомнимъ десятки сценъ у Л. Н. Толстого, какъ во время перемирія наши солдаты съ французами мирно сходились и дѣлились послѣднимъ. «Русскіе съ оставшимся турецкимъ населеніемъ обращаются очень хорошо — пишетъ г. Немировичъ-Данченко: — покровительствуютъ, защищаютъ его интересы.... Правда, остервенѣвъ при видѣ турецкихъ жестокостей и звѣрствъ, русскій солдатъ не

¹⁾ Т. же, Т. II, 201.

²⁾ «Изъ деревни».

³⁾ Н. Гаринъ, «Между Харбинимъ и Ляояномъ» («СПб. Вѣд.» 1904 г. № 177).

любить брать «турку» въ плѣнъ, самъ не просить пощады и не даетъ ея, но в нѣ битвы онъ чѣмъ можетъ, тѣмъ и дѣлится съ недавнимъ врагомъ». Солдаты кормили и защищали отъ обиды турецкихъ женщинъ, подбирали и помѣщали въ безопасныя мѣста брошенныхъ турками дѣтей. «Командиръ казачьяго полка встрѣчаетъ «Гаврилыча» (мѣстное прозваніе донцовъ), бережно что-то прячущато въ бурку... Остановилъ казака.

— Что у тебя?

Казакъ мгновенно смущается.

— Покажи сейчасъ.

Несмотря Гаврилычъ отворачиваетъ полу бурки и на свѣтъ Божій является чуть не грудное дитя... Казакъ не знаетъ, куда ему дѣваться отъ сраму: пожалуй, еще прозовутъ бабой.

— Куда же ты его дѣнешь?

— Жаль молоденьчика, ваше высокородіе... Куда-нибудь въ деревню приспособлю!» («Годъ войны», I, 30).

Еще ярче изобразилъ эту черту русскаго характера Гл. Ив. Успенскій въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, гдѣ онъ сравниваетъ «самодовольнаго побѣдителя» нѣмца (послѣ франко-прусской войны) съ русскимъ солдатомъ. «И въ темнотѣ вагона—пишетъ онъ—припоминается нашъ солдатикъ Кудыничъ, который, прослуживъ двадцать пять лѣтъ Богу и государю, теперь доживаетъ вѣкъ въ караулкѣ на огородѣ, пугая воровъ... Онъ тоже весь израненъ, избитъ, много дрался и имѣлъ враговъ изъ разныхъ націй, а поговорите-ка съ нимъ, врагъ ли онъ имъ.

— А поляки? Какъ?

— Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый...

— Добрый?

— Поляки народъ, надо сказать, народъ добрый, хорошій... Она, полька, ни за что тебя, напрімѣръ, не допуститъ въ сапогахъ... напрімѣръ, заснутъ ежели....

— Не допустить!

— Ни Боже мой! Ходи чисто, благородно!

— А черкесы! Ты дрался съ черкесами?

— Эво! Мы черкеса перебили смѣты нѣтъ! Довольно намъ черкесъ извѣстенъ; лучше этого народа, надо такъ сказать, прямо, не сыщешь.

Всѣ его враги—добрые люди, неизвѣстно зачѣмъ бунтуютъ.... Всѣхъ онъ усмирить, и вотъ теперь сидитъ въ караулкѣ, тачаетъ что-то, разго-

вариваетъ съ собаченкой и, вспоминая прошлое, говоритъ: «Охъ, грѣхи-грѣхи тяжкіе!» 1).

Особенно характерна въ этомъ отношеніи слѣдующая народная пѣсня о «французѣ»:

«Разбисчастненькой, безталаннинькой
Французъ зародился,
Онъ сы вечера спать ложился,
Долго почивать,
Ничивомъ ли то я французикъ ли
Ничиго не знаю,
Што побили иво, иво армию
Донскіе казаки.
Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армию,
Есть еще жалчѣя,
Што вотъ сняли мому, мому родному
Да родному братцу,
Што вотъ сняли ему, сняли йму головку,
Да головку,
Што мене-ль то, мене все французика
Въ полонъ мене взяли,
Посадили мене все французика
Въ темнаю темницу.
Што вотъ тошно ли мнѣ все французика
Въ темници сидѣти,
Еслибъ зналъ, то бы зналъ, я, французикъ ли,
Я-бъ того ни дѣлалъ» 2).

Трудно, кажется, указать во всемірной литературѣ еще одну народную пѣсню, въ которой высказывалось бы столько прощенья врагу, столько проникновенія въ его душу, столько сердечнаго участія къ его страданіямъ!

1) „Большая совѣсть“. Соч. Т. I, стр. 709

2) Якушкинъ, Сочиненія, стр. 315.

2010515779